

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

*80-годдзю
вызвалення Беларусі
п р ы с в я ч а е ц ц я*

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 5 красавіка 2024 г.

Выпуск 23

Мінск МДЛУ
2024

УДК 94(476+430).6
ББК 63.3(4 Бей) + 63.3(4 Гем)
Б43

Рэкамендаваны Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 4(74) ад 25.10.2024 г.

Рэдакцыйная калегія: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), У. В. Здановіч, У. К. Коршук, А. М. Кушнярэвіч, А. М. Літвін

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, прафесар *А. П. Жытко* (БДПУ імя М. Танка); кандыдат педагагічных навук, дацэнт *М. А. Краснова* (Інстытут гісторыі НАН Беларусі)

Канферэнцыя праводзіцца ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма 1.5 «Гісторыя». Заданне 2.5. «Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў і першае пасляваеннае дзесяцігоддзе: гістарыяграфія і крыніцы» (навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар А. М. Літвін); 2.7. «Палітыка, практыка і наступствы нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. (на матэрыялах нямецкіх трафейных дакументаў НАРБ)» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт С. Я. Новікаў)

Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднага навуковага канф., Мінск, 5 крас. 2024 г. Вып. 23 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2024. – 269 с.

ISBN 978-985-28-0287-1

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

УДК 94(476+430).6
ББК 63.3(4 Бей) + 63.3(4 Гем)

ISBN 978-985-28-0287-1

© УА «Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт», 2024

5 апреля в Минском государственном лингвистическом университете в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» прошла Международная научная конференция «Беларусь и Германия: история и современность».

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА
НАТАЛЬИ ЕВГЕНЬЕВНЫ ЛАПТЕВОЙ
НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 5 АПРЕЛЯ 2024 г.

Уважаемые участники и гости конференции, позвольте поприветствовать вас в Минском государственном лингвистическом университете. Особые слова благодарности сегодня хочется сказать Сергею Евгеньевичу Новикову как вдохновителю этого научного события в жизни нашего университета. Вопросы истории – это вопросы, которые не оставляют нашего внимания и способствуют дальнейшему научному поиску.

В этом году исполняется 80 лет со дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Иногда кажется, что спустя 80 лет после завершения войны мы знаем о ней все, но, всякий раз обращаясь к этому вопросу, мы понимаем, что в истории войны есть много страниц, которые должны быть перечитаны, а некоторые из них должны быть написаны вновь.

Я рада тому, что наш лингвистический университет, в центре внимания которого обычно находятся образовательные вопросы, связанные с лингвистическими науками, демонстрирует свою настойчивую приверженность к изучению вопросов истории.

Я уверена, что сегодняшняя конференция обязательно будет успешной и позволит определить новые пути поиска, а также вдохновиться на написание новых страниц истории, которая связана с Великой Отечественной войной.

Успехов!

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКУ ВЯЛКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

У. В. Здановіч

ЧАСОПІСНЫЯ РЭЦЭНЗІІ НА НАВУКОВЫЯ ПРАЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПЕРЫЯДУ ВЯЛКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ ЯК ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАЯ КРЫНІЦА

Гэты артыкул прысвечаны аналізу адной з важнейшых формаў сучаснай навуковай экспертызы – часопісным рэцэнзіям на кнігі, якія ўваходзяць у асобную групу гістарыяграфічных крыніц і валодаюць пэўнай спецыфікай у параўнанні з іншымі формамі экспертызы. Так, рэцэнэнтаванне манаграфій мае постпублікацыйны характар і рэалізуецца ў форме публічнага выказвання. У сувязі з тым, што яно непасрэдна не звязана з працэдурамі прысваення навуковых ступеняў, таму менш фармалізавана. Рэцэнзіі адлюстроўваюць працэс фармавання новых даследчых падыходаў па дадзенай праблематыцы і дазваляюць выявіць дыскусійныя пытанні. Нарэшце, рэцэнзія часта становіцца адпраўной кропкай навуковай дыскусіі – у першую чаргу тады, калі аўтары прадстаўляюць водгукі ў адказ на крытычныя рэцэнзіі альбо пры арганізацыі спецыяльнага публічнага абмеркавання значных кніг.

Неабходна адзначыць, што паняцце “гістарыяграфічная крыніца” не мае адназначнай трактоўкі яе зместу. На думку А. І. Зевелева, “...гістарыяграфічнымі крыніцамі з’яўляюцца тыя гістарычныя крыніцы, якія вызначаюцца прадметам гістарыяграфіі і нясуць інфармацыю пра працэсы, што працякаюць у гістарычнай навуцы і ва ўмовах яе функцыянавання. Яны выкарыстоўваюцца побач з гістарыяграфічным фактам для ўстанаўлення заканамернасцей узнікнення і развіцця гістарыяграфіі” [1]. Падтрымаў А. І. Зевелеў і тых даследчыкаў, якія лічылі, што гістарыяграфічны факт па сваёй функцыянальнай нагрузцы шырэй, чым гістарыяграфічная крыніца.

Таксама А. І. Зевелеў прывёў класіфікацыю, якая ўтрымлівала наступныя віды гістарыяграфічных крыніц: 1) работы гісторыкаў (кнігі і артыкулы); 2) дысертацыйныя даследаванні; 3) тэксты лекцыйных курсаў, частка якіх паслужыла асновай гістарыяграфічных даследаванняў; 4) чарнавікі неапублікаваных рукапісаў, карэктуры; 5) дзённікі, мемуары, аўтабіяграфіі, анкеты; 6) лісты; 7) вучэбныя праграмы і справаздачы па прачытаных курсах гістарыяграфіі; 8) матэрыялы перыядычнага і непэрыядычнага друку (рэфератыўныя агляды, рэцэнзіі, бібліяграфічныя агляды, матэрыялы дыскусій); 9) матэрыялы работы канферэнцый, сімпозіумаў і іншых форумаў па праблемах развіцця гістарычнай навуцы, а таксама метадалогіі гістарыяграфіі; 10) масавыя крыніцы [2].

Як вынікае з дадзенай класіфікацыі, рэцэнзіі з’яўляюцца складовай часткай такой гістарыяграфічнай крыніцы, як “матэрыялы перыядычнага і непэрыядычнага друку”, куды ўваходзяць рэфератыўныя агляды, рэцэнзіі,

бібліяграфічныя агляды, матэрыялы дыскусій. У другой палове XX ст. значэнне рэцэнзій для навуковай камунікацыі – прадмет вострых рознагалоссяў. У той час, як адны эксперты лічаць, што рэцэнзія ў якасці інструмента экспертызы становіцца ўсё менш адэкватная патрабаванням сучаснай навукі, для іншых яна застаецца адной з найважнейшых формаў навуковай (сама)крытыкі.

Якое месца займае рэцэнзаваанне займае ў Беларусі? Аўтар не ставіў перад сабой задачу прааналізаваць усе рэцэнзіі, якія былі апублікаваны ў незалежнай Беларусі, але на канкрэтных рэцэнзіях паказаць становішча ў гэтым кірунку, выдзеліць асаблівасці дадзенага віда гістарыяграфічных крыніц. У дадзеным даследаванні для паспяховага вырашэння пастаўленых задач была выкарыстана відавая класіфікацыя рэцэнзій: на калектыўныя выданні, на манаграфіі асобных аўтараў, на зборнікі дакументаў, рэцэнзіі на замежныя выданні. Акрамя таго ўлічваліся колькасць рэцэнзій на тое ці іншае выданне, мова рэцэнзій, наяўнасць рэцэнзій на манаграфію не толькі ў Беларусі, але і за мяжой.

У 2011 г. у сувязі з 70-годдзем пачатку Вялікай Айчыннай вайны сумеснымі намаганнямі гісторыкаў Расіі, Беларусі і Украіны пачалася рэалізацыя праекта “Краіна ў агні”, вынікам якога з’явілася фундаментальнае трохтомнае выданне “Страна в огне” (тэматычныя нарысы і зборнікі дакументаў). Праца над праектам мае свае асаблівасці. Першы том “1941 год: Страна в огне” быў выдадзены ў 2011 г. Другі “Страна в огне: Коренной перелом. 1942–1943” і трэці “Страна в огне: в 3 т. Освобождение. 1944–1945” тамы ўбачылі свет толькі ў 2017 г. Такая затрымка ў значнай ступені выклікана сітуацыяй ва Украіне. Падзеі, якія адбыліся там, не толькі затрымалі выхад выдання, але і паўплывалі на склад аўтарскага калектыву, а таксама на структуру чарговага двухтомніка. Распачатую трохбаковую працу расійскіх, беларускіх і ўкраінскіх навукоўцаў працягнулі гісторыкі дзвюх дзяржаў – Расіі і Беларусі.

Трохтомнік выклікаў цікавасць навукоўцаў. На яго было падрыхтавана тры рэцэнзіі, у тым ліку і ў замежных выданнях. Першая рэцэнзія, напісаная С. Я. Новікавым у 2018 г. на першы том выдання, была змешчана ва ўкраінскім зборніку артыкулаў “Сторінки воєнної історії України” [3].

У адрозненне ад С. Я. Новікава, У. В. Здановіч выступіў рэцэнзентам усяго трохтомніка. У першай рэцэнзіі, змешчанай у расійскім часопісе “Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований”, прааналізаваны падыходы расійскіх, беларускіх і ўкраінскіх аўтараў да разглядаемых падзей, якія знайшлі адлюстраванне ў адпаведных раздзелах манаграфіі [4].

У другой рэцэнзіі, падрыхтаванай для акадэмічнага выдання “Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”, вышэйадзначаны рэцэнзент у сціслай форме аналізуе часткі “Расія”, “Украіна”, засяродзіўшы асноўную ўвагу на нарысах, аўтарамі якіх з’яўляюцца супрацоўнікі Акадэміі навук Беларусі [5].

Важнай з’явай у беларускай гістарычнай навуцы стала падрыхтаваная вядомымі айчыннымі даследчыкамі калектыўная манаграфія «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне», у якой упершыню абагульнены ўклад беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі ў разгром нацысцкай Германіі. Кніга напісана на падставе шырокага корпуса крыніц: апублікаваных матэрыялаў, у тым ліку гістарычнай літаратуры на замежных мовах, матэрыялаў друку, сведчанняў удзельнікаў і відавочцаў тых падзей. Асаблівую важкасць даследаванню надаюць архіўныя дакументы, значная колькасць якіх уводзіцца аўтарамі ў навуковы ўжытак упершыню. Грунтоўны аналіз манаграфіі ажыццёўлены У. В. Здановічам у артыкуле “Ратны, працоўны, духоўны подзвіг беларускага народа ў гады Вялікай айчыннай вайны: новыя здабыткі айчыннай гістарыяграфіі” [6].

Са змяненнем грамадска-палітычнай сітуацыі пасля распаду СССР з’явіліся новыя магчымасці для вывучэння акупацыйнага рэжыму і такой яго састаўной часткі, як выкарыстанне савецкіх грамадзянаў на прымусовых работах, у першую чаргу ў Трэцім рэйху. Падметам навуковага даследавання ў айчыннай гістарыяграфіі стала палітыка прымусовай працы, што ажыццяўлялася германскімі акупацыйнымі ўладамі на тэрыторыі Беларусі. Асобнае месца ў шэрагу выдадзенай літаратуры займаюць падрыхтаваныя сумеснымі намаганнямі айчынных і нямецкіх навукоўцаў зборнік артыкулаў “Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)” і манаграфія “Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.”

Дадзеныя працы сталі падметам рэцэнзій У. В. Здановіча, змешчанай у “Беларускім гістарычным часопісе” [7].

Беларускімі гісторыкамі падрыхтаваны рэцэнзій і на манаграфіі асобных аўтараў. У перыяд акупацыі Беларусі частка насельніцтва прымусова ці добраахвотна пайшла на супрацоўніцтва з захопнікамі. Значны ўклад у распрацоўку праблемы калабарацыі ўнёс беларускі гісторык А. А. Каваленя, асноўным аб’ектам даследаванняў якога стала жыццё моладзі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Як сведчаць архіўныя і апублікаваныя крыніцы, пераважная большасць юнакоў і дзяўчат Беларусі прынялі актыўны ўдзел у партызанскай і падпольнай барацьбе супраць захопнікаў. У параўнанні з гэтым колькасць прадстаўнікоў моладзі Беларусі, якая з розных прычын пайшла на супрацоўніцтва з ворагам і свядома выехала на працу ў Германію, была нязначнай. Вытокі, заснаванне, палітычная сутнасць і структура, колькасны склад, дзейнасць прагерманскіх саюзаў моладзі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. раскрыты ў манаграфіі А. А. Кавалені “Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць”, якая ўбачыла свет у 1999 г. У 2001 г. у часопісе “Вестник МГЛУ” была змешчана рэцэнзія С. Я. Новікава на дадзенае выданне [8].

Напярэдадні 70-годдзя Вялікай Перамогі ўбачыла свет манаграфія С. Я. Новікава “Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў”. Кніга, метадалагічнай асновай якой стала гістарыягра-

фічная і крыніцазнаўчая кампаратывістыка – паказ баявых дзеянняў на падставе параўнальна-гістарычнага аналізу гістарыяграфічных і гістарычных крыніц, у першую чаргу дакументальных, савецкага і нямецкага паходжання, уносіць істотны ўклад у вывучэнне гісторыі абарончых баёў і праведзеных контрудараў Чырвонай Арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. Манаграфія выклікала вялікую цікавасць навуковай грамадскасці. Пацвярджэннем таму з’яўляюцца тры рэцэнзіі, падрыхтаваныя У. К. Коршукам [9], У. В. Здановічам [10] і сумесна С. П. Кубекам і А. Г. Цымбалам [11].

У 2019 г. убачыла свет кніга пра Гомельскую турму «“Хто можа перадайце родным...”»: Таямніцы турэмных камер акупаванага Гомеля (1941–1943)», падрыхтаваная вядомым не толькі ў Беларусі, але і за яе межамі гісторыкам Вялікай Айчыннай вайны А. М. Літвіным. Гэта выданне з’яўляецца значным укладам у вывучэнне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, дазваляе на прыкладах канкрэтных людзей убачыць як гераічныя і трагічныя, так і цёмныя бакі ў іх паводзінах, усвядоміць суровую ваенную штодзённасць. Даследаванне не толькі па-новаму ставіць пытанні і праблемы гісторыі турэмных вязняў, але і служыць своеасаблівым дапаможнікам па арганізацыі працэсу пошуку звестак аб людзях, якія пакінулі свае надпісы на сценах турмаў. Менавіта такая ацэнка ўтрымліваецца ў падрыхтаванай У. В. Здановічам рэцэнзіі [12].

Важнае месца сярод крыніц займаюць апублікаваныя дакументы і матэрыялы, якія дазваляюць не толькі паказаць крыніцавую базу даследавання праблемы, але і вызначыць канцэпцыі публікатараў, накіраванасць і ўзровень даследавання тэмы ў розныя перыяды. 4 мая 2017 г. у Брэсцкай абласной бібліятэцы імя А. С. Пушкіна адбылася прэзентацыя зборніка дакументаў “Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы”, падрыхтаванага аўтарскім калектывам у складзе дацэнта кафедры ўсеагульнай гісторыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Пушкіна Я. С. Разенблата і супрацоўнікаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці А. Г. Карапузавай і Г. Д. Калуставай. “Дадзенае выданне, – падкрэслівае ў рэцэнзіі У. В. Здановіч, – з’яўляецца значным укладам у вывучэнне маладаследаванага аспекту гісторыі Вялікай Айчыннай вайны – гісторыі паўсядзённасці жыхароў беларускіх гарадоў, рабочых прамысловых прадпрыемстваў, служачых, а таксама жанчын, ваеннапалонных, вязняў гэта, дзяцей на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг.” [13, с. 41].

У 2016 г. сумеснымі намаганнямі беларускіх гісторыкаў Я. С. Разенблата, І. Э. Яленскай, А. І. Пашковіч, С. У. Струнца і дактаранта Лейпцыгскага ўніверсітэта К. Ганцэра (кіраўнік аўтарскага калектыву) падрыхтаваны зборнік “Брест. Лето 1941 года. Документы. Материалы. Фотографии”, у якім на падставе сведчанняў савецкага (абаронцаў Брэсцкай крэпасці, членаў іх сямей, жыхароў Брэста, эвакуяваных партыйных работнікаў, вышэйшага савецкага ваеннага кіраўніцтва) і нямецкага (ваеннаслужачыя вермахта, паліцэйскія) бакоў паказана сітуацыя, якая склалася ў Брэсце і крэпасці ў першыя тыдні вайны. У 2017 г. з дапаўненнямі

і выпраўленнямі зборнік быў перавыдадзены. Ён не застаўся незаўважаным навуковай супольнасцю Беларусі. Вядомы спецыяліст па нямецкіх дакументах С. Я. Новікаў падрыхтаваў тры рэцэнзіі на першае і другое выданне зборніка [14; 15; 16].

Неабходна адзначыць, што адным з першых спробу дакументальнага асвятлення абароны Брэсцкай крэпасці распачаў расійскі даследчык Р. Аліеў. У 2010 г. ім апублікаваны ў зборніку «Брэсцкая крэпасць. Успаміны і дакументы» 146 малавядомых нямецкіх дакументаў і ўспамінаў непасрэдных абаронцаў крэпасці [17]. Падбор дакументаў, іх археаграфічная апрацоўка выклікалі неадназначную адзнаку даследчыкаў. Так, беларускі гісторык С. Я. Новікаў, нягледзячы на асобныя нязначныя заўвагі, звязаныя ў асноўным са зробленымі да дакументаў каментарамі, даведкамі, у цэлым станоўча ацэньваючы выданне, адзначае, што “аналіз новай камбінаванай працы дае падставы для высокай ацэнкі зробленага калектыўнымі намаганнямі зборніка дакументаў і ўспамінаў... уведзеныя ў навуковы абарот новыя матэрыялы кардынальна мяняюць асобныя палажэнні, устаноўленыя ў беларускай гістарыяграфіі аб абароне Брэсцкай крэпасці” [18, с. 33].

У той жа час нямецкі даследчык К. Ганцэр у артыкуле “Спекуляцыі замест сур’ёзнага даследавання”, апублікаваным у часопісе “Архе”, піша: “Крыніцы выбраны па прынцыпе выпадковасці (тое, што напісана ад рукі Р. Аліеў не публікуе). Яны былі транскрыбаваны непрафесійна (відавочна часткова з дапамогай праграмы для распазнання тэксту), таму ў іх ёсць памылкі... Крытыка крыніц адсутнічае амаль цалкам, як і ўказанні крыніц у каментары. Праца такога роду, без публікацыі паказчыка асоб і населеных пунктаў сведчыць аб выключным непрафесіяналізме” [19, с. 172].

У 1990-я – пачатку 2000-х гг. перастала быць галоўным тэматычным блокам гісторыя партызанскага руху. Тым не менш дакументальнае асвятленне праблемы не спынілася. Сумеснымі намаганнямі супрацоўнікаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі быў падрыхтаваны зборнік «Партызаны в операции “Багратион”», які стаў працягам публікацыі дакументаў, прысвечаных партызанскаму руху ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, распачатай яшчэ ў 1960-я гг. У выданні прадстаўлены 200 малавядомых дакументаў і матэрыялаў, з якіх толькі 5 былі раней надрукаваны. Станоўчыя моманты і недахопы зборніка знайшлі адлюстраванне ў рэцэнзіі С. Я. Новікава [20].

Асобным відам рэцэнзій з’яўляюцца рэцэнзіі на замежныя выданні. У сувязі з тым, што большая частка беларускіх гісторыкаў Вялікай Айчыннай вайны не валодае нямецкай мовай, рэцэнзіі на творы нямецкіх аўтараў па сутнасці становяцца адзіным сродкам знаёмства навукоўцаў (і не толькі) з дасягненнямі і недахопамі германскай гістарыяграфіі. Несумненна пальма першынства ў гэтым кірунку належыць С. Я. Новікаву, які падрыхтаваў больш за 30 рэцэнзій на замежныя выданні. Для прыкладу возьмем рэцэнзію на працы нямецкіх аўтараў гісторыка А. Ангрыка і журналіста Е. Хофмана,

прысвечаныя дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр”, пачынаючы з лета 1943 г. «Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр”». Адзначым, што ў айчыннай гістарыяграфіі адсутнічае спецыяльная праца аб дзейнасці дадзенага нацысцкага фарміравання, нягледзячы на тое, што зондэркаманда пакінула свой злачынны след не толькі ў раёне Трасцянца, але і ў Гомелі, Рагачове, Барысаве, Бабруйску, Магілёве, Оршы, Полацку, Віцебску, Крупках, Лепелі, Вілейцы, Гродне, Бярозе, Баранавічах, Іванаве, Кобрыне, Маладзечне, Міры, Пінску, Слоніме, Слуцку, Броннай гары.

У прыватнасці, у даследаванні А. Ангрыка цікаvasць уяўляюць звесткі пра “каманду смяротнікаў” – рабочую каманду для выканання работ па адкрыцці пахаванняў, далейшай эксгумацыі і спальванні трупаў. Пасля заканчэння ўсіх работ рабочыя каманды падлягалі знішчэнню. Адзіным, каму ўдалося выратавацца і ўспаміны якога былі зафіксаваны, быў жыхар в. Прысна Магілёўскага раёна С. І. Пілуноў. Пражывалі рабочыя ў спецыяльна пабудаваных зямлянках, уваход куды быў “такім вузкім, каб праціснуцца мог адзін чалавек, што перасцерагала ад масавых уцёкаў. Начаваць вязні маглі толькі лежачы на баку адзін каля аднаго. У выпадку халоднага надвор’я прадугледжвалася ўстаноўка печы для ацяплення” [21, с. 9].

Для захавання інфармацыі аб дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр” выкарыстоўвалася шыфраваная перадача даных у імперскае ведамства бяспекі ў Берліне – “зводкі пра надвор’е”, “вырубка лесу” і іншае. Пад «звесткамі “аб вышыні аблокаў” мелася на ўвазе колькасць спаленых трупаў, а пад “ападкамі” – колькасць задзейнічаных у работах каманды мясцовых вязняў, якія падлягалі ліквідацыі» [21, с. 6, 7].

Аўтару падрыхтаванай на падставе дакументаў пасляваенных судовых працэсаў і паліцэйскіх допытаў былых супрацоўнікаў “зондэркаманды 1005-Цэнтр” кнігі Е. Хофману «ўдалося паказаць малавядомыя старонкі гісторыі паўсядзённасці на тэрыторыі працоўнага лагера, які быў размешчаны побач з вёскай Малы Трасцянец, пры гэтым назваць імёны тых, хто знаходзіўся ў “камандзе смяротнікаў”, каму пашчасціла застацца ў жывых і стаць сведкам жажлівых старонак гісторыі лагера смерці пад Мінскам... Апошнім сюжэтам, якім Е. Хофман завяршае разгляд дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр” на тэрыторыі Беларусі, з’яўляецца ліквідацыя слядоў нацысцкіх злачынстваў у Слоніме і яго ваколіцах» [21, с. 10, 12].

Праведзены аналіз сведчанняў, што ў беларускай гістарыяграфіі маюцца пэўныя здабыткі ў гэтым кірунку. У прадстаўленых рэцэнзіях даецца аналітычны агляд навуковай працы, вызначаецца, наколькі манаграфія прадстаўляе новыя ідэі і падыходы да вывучаемай тэмы, адзначаецца ўнёсак аўтара ў развіццё навуковых ведаў па тэме даследавання. Разам з тым, у адрозненне ад 1960-х–1970-х гг., калі рэцэнзіі вылучаліся разнастайнасцю стылю і індывідуальнасцю выкладання, асабліва калі яны супадалі з навуковымі інтарэсамі аўтара рэцэнзаванага выдання, на дадзеным этапе рэцэнзаваўне знаходзіцца

ў стане крызісу жанру. Нават у найбольш буйных гістарычных часопісах раздзел рэцэнзій невялікі. У гэтай сувязі значная частка навуковых прац, якія выходзяць як у нашай краіне, так і за мяжой, у тым ліку ў краінах СНД, наогул не рэцэнзуюцца, і многія наватарскія і дыскусійныя даследаванні часта застаюцца незаўважанымі. На жаль, рэцэнзіі не сталі адпраўной кропкай навуковай дыскусіі ў сувязі з тым, што аўтары практычна не прадстаўляюць водгукі ў адказ на крытычныя рэцэнзіі.

ЛІТАРАТУРА

1. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – С. 119.

2. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – С. 127–131.

3. Новиков, С. Е. Боевые действия Красной армии летом 1941 года в отражении национальных историографий и новейших источников/ С. Е. Новиков //Сторінки воєнної історії України : зб. наук. ст. / відп. ред. О. Є. Лисенко. – К. : Ін. історії України НАН України, 2018. – Вип. 20. – 294 с. – С. 121–153.

4. Зданович, В. Страна в огне. 1941–1945: достижения современной историографии / В. Зданович // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 3. – С. 164–187.

5. Здановіч, У. В. Вялікая Айчынная вайна ў святле новых гістарычных крыніц / У. В. Здановіч // Весн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2019. – № 2. – С. 242–250.

6. Здановіч, У. В. Ратны, працоўны, духоўны подзвіг беларускага народа ў гады Вялікай айчыннай вайны: новыя здабыткі айчыннай гістарыяграфіі / У. В. Здановіч // Изв. Нац. акад. наук Беларусі. – 2016. – № 2. – С.111–115.

7. Здановіч, У. В. Прымусявая праца насельніцтва Беларусі ў 1941–1945 гг.: новыя здабыткі айчыннай гістарыяграфіі / У. В. Здановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 6. – С. 28–33.

8. Новікаў, С. Я. // У пошуку гістарычнай ісціны: новы навуковы погляд на моладзь гадоў вайны / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История, Философия, Социология, Экономика, Культурология. – 2001. – № 2. – С. 180–184. – Рэц. на кн.: Каваленя А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с

9. Коршук, У. К. Вялікая Айчынная вайна : погляд з розных бакоў / У. К. Коршук // Беларуская думка. – 2014. – № 10. – С. 94–96.

10. *Здановіч, У. В.* Баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. у святле новых дакументальных крыніц / У. В. Здановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 12. – С. 23–27.

11. *Кубека, С. П.* Новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў у Беларусі летам 1941 года / С. П. Кубека, А. Г. Цымбал // Вестн. МГЛУ. Сер. 2, История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – 2014. – № 13. – С. 121–129.

12. *Зданович, В. В.* [Рецензия] / В. В. Зданович // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 11. – С. 35–38. – Рец. на книгу : А. М. Литвин. «Кто может передайте родным...»: тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943).

13. *Здановіч, У. В.* Брэст у перыяд нацысцкай акупацыі (1941–1944 гг.) у святле новых дакументаў / У. В. Здановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – № 9. – 2017. – С. 36–41.

14. *Новікаў, С. Я.* Новыя факты і ацэнкі па гісторыі Брэста і Брэсцкай крэпасці летам 1941 года / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 5. – С. 38–47. – Рэц. на кн.: Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.

15. *Новікаў, С. Я.* Гісторыя баёў у Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. у сучасным нямецкім навуковым наратыве / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – 2022. – № 3. – С. 170–172. – Рэц. на кн.: Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – 2-е изд, испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 728 с.

16. *Новікаў, С. Я.* Барацьба за Брэсцкую крэпасць 1941. Падзея – Наратыў – Месца памяці / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычных часопіс. – 2023. – № 5. – С. 11–16. – Рэц. на кн.: Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – 2-е изд. испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 728 с.

17. *Аліеў, Р.* Брэсцкая крэпасць. Успаміны і дакументы / Р. Аліеў. – М. : Веча, 2010. – 488 с.

18. *Новікаў, С. Я.* Брэсцкая крэпасць у дакументах і ўспамінах / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 6. – С. 27 – 33.

19. *Ганцэр, К.* Спекуляцыі замест сур’ёнага даследавання / К. Ганцэр // Архе, – 2011. – № 11. – С. 162–172.

20. *Новікаў, С. Я.* // Беларускія партызаны ў аперацыі “Баграціён” / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 8. – С. 4–12. – Рэц. на кн.: Партизаны в операции «Багратион»: документы и материалы / сост.: Н. А. Денисова [и др.] ; ред. кол. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : Нац. библиотека Беларуси, 2014. – 412 с.

21. *Новікаў, С. Я.* Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр” / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс – 2019. – № 5. – С. 3–13.

Д. Г. Киенко

ШТУРМОВИКИ В АВИАПРОПАГАНДЕ ВЫБОРОВ В НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) мне удалось обнаружить ранее неизвестные документы о привлечении войсковой авиации Белорусского особого военного округа (БОВО) к политической пропаганде. В фонде 4п (бывший партархив Белоруссии) имеется дело №14699, полностью посвященное участию эскадрильи 8-й штурмовой авиабазы в выборах осенью 1939 г. Особенностью является и то, что ни 8-я штурмовая авиабаза (в виде реорганизованного штурмового полка), ни 3-я эскадрилья, участвовавшая в пропаганде, нигде не прослеживаются. Вскоре после окончания мероприятий, связанных с включением Западной Белоруссии в состав СССР, авиабаза и входившие в ее состав авиаэскадрильи были переформированы и вошли в состав других подразделений ВВС. Находившиеся в составе «агитационной эскадрильи» летчики, принявшие участие в «окучивании» населения, впоследствии частично прослеживаются как участники войны, в основной своей массе они погибли.

В период с 6 октября по 3 ноября 1939 г. из состава 5-го штурмового авиаполка (ШАП) 8-й штурмовой авиабазы 10-й армии была выделена 3-я эскадрилья, которая в документах того периода была названа «эскадрилья особого назначения», на период нижеописанных событий находившаяся в распоряжении члена Военного совета Белорусского фронта секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко.

Красная армия завершила поход в Польшу, в польском городе Коцке, под Люблином, с немцами все еще сражались последние не сдавшиеся польские солдаты, а в Западной Белоруссии уже начали готовиться к выборам в Народное собрание.

Задачей эскадрильи было обеспечить агитационную работу накануне проведения выборов в Народное собрание Западной Белоруссии, назначенных на 22 октября 1939 г., которое в дальнейшем должно было легитимизировать вхождение Западной Белоруссии в состав БССР.

За указанный период самолетами эскадрильи было произведено 67 вылетов, что составило 210 часов налета. В различные города и районные центры были доставлены 10 представителей ЦК КПБ; 15 вылетов было совершено для доставки отпечатанных агитационных листовок из Минска в Белосток, а 16 – для разбрасывания эти самых листовок в районных центрах с целью агитации населения. Появление самолета, пролетавшего на низкой высоте над небольшими городами, было событием. Если же он что-то сбрасывал, то естественным желанием населения было посмотреть; таким образом, в 47 населенных пунктах Западной Белоруссии были сброшены 530 пачек, содержащих 1 060 000 листовок.

Период выполнения задания оказался весьма сложным по погодным условиям – октябрь в Беларуси характерен туманами и изменчивой погодой, часто туманы сменяются дождями и первыми снегопадами. Одной из особенностей, усложнявшей работу летчиков, была та, что они выполняли задачи без штурманов, в малоизвестных им районах, в том числе и близ границы.

Первой задачей, которую поставили эскадрилье, было срочно перевезти командующего 10-й армией и его начальника штаба из Белостока в Минск, а затем в Могилев.

17 октября было приказано срочно доставить представителя ЦК в Брест, при этом место посадки и размеры площадки были неизвестны ни летчикам, ни штабу ВВС, просто пришел приказ «сверху»: «вылетайте». Плохие метеоусловия и близость границы на Буге усложняли задачу, но ее выполнил замполит эскадрильи лейтенант Ярчук.

20 октября 6 самолетов в 16.00 получили задачу срочно вылететь в Минск, чтобы доставить листовки в Белосток, которые должны были быть разбросаны 21 и 22 октября в различных городах Белостокской области.

В 16.40 взяли курс на Минск, но уже в районе Новогрудка встретили сплошной туман, который достигал земли. О плохой погоде на маршруте было известно еще перед взлетом, поэтому (при отсутствии на самолетах радиостанции) согласно плану полета летчики увеличили высоту, интервал и дистанцию и пошли вперед. Посадку в Минске все произвели уже при включенном ночном старте, когда взлетную полосу подсвечивали прожектором. Листовки были загружены в самолеты и на следующий день доставлены в Белосток. Эти же шесть самолетов утром 22 октября приступили к их разбрасыванию над населенными пунктами.

21 октября был получен приказ: разбросать листовки в пунктах у северо-западной границы в городах Августов, Граево, Щучин, Кольно, «не допустив пересечения границы и попадания листовок за границу». Для выполнения этой задачи вылетели два экипажа. В первом самолете находились комиссар эскадрильи и ст. адъютант эскадрильи Соболев, во втором – лейтенант Скуратович и наблюдатель лейтенант Пудов. Самолеты летели на высоте 50 м при видимости 1 км.

10 октября летчик лейтенант Гальченко К. Ф. с летнабом лейтенантом Лукашовым А. П. получили задание в штабе ВВС 10-й армии доставить пакеты из Белостока в Могилёв. На следующий день из-за плохих метеоусловий перелет не был разрешен, полетели через день. 12 октября получили задачу перелететь из Могилёва в Гомель для доставки пакетов и 13-го вернулись обратно в Могилёв. 14 октября вылет обратно в Белосток не был разрешен из-за метеоусловий в районе Белостока. В этот же день они полетели в Уллу с пакетами, прогноз погоды дали на полет удовлетворительный, но он не оправдался, вторую половину маршрута пришлось лететь на бреющем в снегопаде, но на незнакомый аэродром вышли точно. 15 октября от зам. командующего ВВС БелФронта полковника Харитоновы поступил приказ на перелет Орша–Могилёв с пакетами. При полете опять не оправдался прогноз

погоды, за 50 км до Могилёва попали в туман, а перед самым городом – в сплошной туман, посадка была невозможной и экипаж вернулся в Оршу, которая тоже оказалась закрыта туманом без возможности посадки. Экипаж решил идти на высоте 1000 м на Смоленск; пробив облака и спустившись до 100 м у Смоленска, увидели, что и там туман. Взяли курс на Оршу и пошли на бреющем. За 10 км от Орши, убедившись, что туман не рассеялся и посадка на аэродром опасна, выбрали площадку и произвели на нее посадку почти в темноте. Организовали охрану и сообщили в Оршу. Утром 16 октября расчистили площадку для взлета и, взлетев, направились в Белосток. За период выполнения задания экипаж имел налет 13 ч., из них 2 ч 40 мин в сплошных облаках и тумане. По мнению командования эскадрильи, решения экипажей были правильными.

Выполнение заданий было связано с хорошей работой техсостава.

Заместитель командующего ВВС 10-й армии майор Воронов и военком ВВС 10-й армии полковой комиссар Михайленко 17 ноября 1939 г. ходатайствовали перед секретарем ЦК КПБ и членом Военного совета Белорусского фронта Пономаренко о поощрении 14 человек летного и технического состава ценными подарками и наградами, при этом они предлагали наградить Чубченкова и Ярчука орденами «Знак Почета», а Гальченко орденом Красной Звезды. Однако летному составу были вручены только ценные подарки, а техникам медали «За трудовое отличие».

После окончания работы над публикацией меня заинтересовала дальнейшая судьба летчиков.

Итак, как же сложилась судьба Кирилла Чубченкова, уроженца д. Хоронев Пропойского района Могилёвской области? После освобождения Беларуси в связи с присвоением почетных наименований воинским частям славный и древний белорусский город Пропойск, которому прежнее название никогда не мешало, как неблагозвучное в почетном наименовании полков, был переименован в Славгород. Почетное наименование «Пропойский» полк по очевидным причинам для Красной армии «не звучало».

Летом 1941 г. К. Чубченков стал замкомандира 61-го ШАП, затем был командиром 235-го ШАП. В декабре 1941 г. за бои под Москвой он был награжден орденом Красной Звезды, в 1942 г. – орденом Красного Знамени.

Рос он и в должностях, став командиром 206-й штурмовой авиадивизии (ШАД), а 13 апреля 1944 г. пропал без вести.

В результате проведенного автором исторического исследования удалось выяснить, что в тот день, 13 апреля, в 9.50 утра от командующего 8-й Воздушной армией (ВА) штабом 206-й ШАД была получена телеграмма следующего содержания: «Командир части. Главная оборона в Крыму прорвана, противник в панике бежит, преследуемый нашими танками и летчиками. Поздравляю Вас, мои боевые друзья, с боевым успехом. Благодарю за отличную службу Советской Родине. Преследуйте врага везде и уничтожайте. Призываю Вас к новым успехам. – Хрюкин.»

Началось преследование отходивших войск противника, но в период с 12 по 16 апреля части 8-й ВА боевых действий не вели, а занимались поиском новых мест базирования и ремонтом.

Штаб дивизии получил информацию от начальника аэродромного отдела 8-й ВА полковника Шевченко о возможных аэродромных площадках для будущего базирования частей дивизии в районе совхоза «Симферопольский». В тот же день с целью рекогносцировки площадки для будущего размещения штаба 206-й штурмовой дивизии и ее полков на двух самолетах У-2 к намеченным местам базирования вылетел командир 206-й ШАД полковник Чубченков вместе со старшим штурманом дивизии майором Абрамовым и летчиком из штаба дивизии вместе с представителем 8-й ВА капитаном Кулагиным.

Оба самолета сели на площадке в 2 км северо-западнее села Джумá-Иля́к (село находилось в степной части Крыма, примерно в 3,5 км к юго-западу от села Дальнее, в настоящее время Джумá-Иля́к не существует. – Д.К.) Убедившись, что площадка непригодна, все четверо направились к самолетам. При подходе к стоявшим рядом У-2 летчики были обстреляны пушечно-пулеметным огнем неизвестно откуда появившегося танка противника. Так и не успев сесть в самолеты, они разбежались в разные стороны. Полковник Чубченков и капитан Кулагин были взяты в плен, а майор Абрамов и летчик, фамилия которого пока автором не установлена, успели скрыться, затем, вернувшись в штаб дивизии, сообщили о случившемся [1].

Список военнослужащих эскадрильи

Чубченков Кирилл Моисеевич – командир эскадрильи, капитан

Ярчук Гавриил Ильич – комиссар лейтенант 1908 г.р., зам. командира 29 отд. корп. авиац. эскадр. Пропал без вести в июне 1941 г.

Соболев Михаил Константинович – штурман эскадрильи, капитан.

Цомаев Каспулат Заурбекович – командир звена, ст. лейтенант, 1 мая 1914 г.р., место рождения: Северо-Осетинская АССР, Алагирский район, г. Алагир – в РККА с 1932 года. Место службы: 313 шап 291 шад ДонФр.

Костенко Филипп Алексеевич – штурман звена, лейтенант, 1913 г.р. место рождения: Краснодарский край, Белоглинский район, с. Белая Глина, заместитель начштаба по оперативной и разведчасти 169 иап 3 ВА КалФ, полк был преобразован в 66 ГИАП, в звании майора с августа 1943 г. начштаба 66 гиап 4 гв. Иад 1 гв. иак 1 ВА.

Карабутов Георгий Семенович – 1911 г.р., ком. звена. ст. лейтенант, в декабре 1941 г. комэска 54 бап, там же стал майором и в составе 54 бап 301 бад 3 бак 16 ВА 1 БелФ освобождал Беларусь. Закончил войну в звании майора на должности комэска, в июле 1944 г. бомбил цели у Гродно.

Субботин Алексей Павлович – штурман звена, ст. лейтенант.

Козадоров Николай Акиндинович (Акиндинович) – мл. летчик, лейтенант.

Марчуков Федор Гаврилович – 1907 г.р., летчик-наблюдатель. Ст. лейтенант в сентябре 1944 г. был помощником начштаба 14 ГИАД 5 ВА 2 Украинский фронт.

Липовой Алексей Тимофеевич – мл. летчик, лейтенант, позже стал ст.политруком 121 СБАП, пропал без вести не позднее мая 1942 г.

Рыбаков Степан Федорович – летчик наблюдатель, лейтенант.

Столбук Петр Тихонович – мл. летчик, лейтенант.

Скуратович Иосиф Филицианович (Фелицианович) – младший летчик, лейтенант.

Гальченко Константин Федорович – младший летчик, лейтенант.

Лукашев Александр Петрович – летчик-наблюдатель, лейтенант.

Пудов Павел Иванович летчик – наблюдатель, лейтенант.

Сапунов Михаил Алексеевич – инженер эскадрильи, военный инженер 3 ранга.

Гуревич Леонид Михайлович – авиатехник звена, воентехник 1 ранга.

Васякин Николай Карпович – авиатехник звена, воентехник 1 ранга.

Соломка Андрей Андреевич – авиатехник, воентехник 2 ранга.

Таранов Леонид Павлович – младший авиатехник.

Матвеев Николай Ильич – авиатехник звена, воентехник 1 ранга.

Анисимов Иван Михайлович – младший авиатехник, младший воентехник;

Батов Иван Елисеевич – авиатехник, младший воентехник.

Трофимов Александр Федорович – инспектор вооружения эскадрильи, воентехник 3 ранга.

Хорольский Иван Иванович – техник вооружения, воентехник 2 ранга.

Касаткин Герман Иванович – техник вооружения воентехник 2 ранга.

Рогавцев Максим Никонорович – техник по приборам, воентехник 2 ранга.

Чербатов Авраам Ровинович (Рувимович) – техник по электрооборудованию, воентехник 2 ранга.

Клековкин Николай Александрович – авиамеханик, младший командир.

Рума Николай Алексеевич – авиамоторист, младший командир.

Харламов Александр Иванович – авиамеханик, младший командир.

Зубков Степан Константинович – мастер по вооружению, младший командир.

Ляднович Антон Иванович – авиамоторист, младший командир.

Саликов Василий Степанович – мастер по вооружению, младший командир.

Герасименко Иван Емельянович – мастер по вооружению, младший командир.

Левин Иван Иванович – авиамоторист, младший командир.

Пуловских Михаил Иванович – мастер по вооружению, младший командир [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦАМО. – Ф. 20202. Оп.1. Д.27.

2. НАРБ – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14699.

**ВОЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ
В СОСТАВЕ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ОРГАНОВ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1944 г.**

Историографический обзор. В белорусской историографии такой важный аспект, как участие иностранных формирований на стороне Германии на завершающем этапе войны, в том числе в операции «Багратион», не нашел должного отражения. Лишь небольшие фрагменты о деятельности венгерских частей на территории Пинской и Брестской областей представлены в документальных свидетельствах политики геноцида, проводимой германскими органами. Такой же эпизодичной показана завершающая стадия участия в составе германских сил батальонов 638-го полка на линии обороны по реке Бобр и подступах к Минску [1]. В большей степени нашли отражение примеры карательной деятельности латышских, литовских и эстонских полицейских формирований в публикациях П. Станкераса, В. Н. Бенды, А. М. Литвина [2].

Изменение состояния иностранных формирований. К концу 1943 г. военные формирования из Италии, Словакии, Румынии, Испании, которые в противостоянии с партизанскими соединениями не смогли проявить своей эффективности, были передислоцированы за пределы Беларуси. Также итальянские армейские формирования, после выхода из войны, были оперативно разоружены или расформированы германскими службами. Часть из них в качестве военнопленных были направлены в лагеря (шталаги). В районах Гомеля и Могилева оставались лишь небольшие подразделения 8-й армии. Значительная часть, или 9899 человек, занятых на 777 различных участках, находилась в зоне контроля группы армий «Центр» [3]. В итоге, на начало 1944 г. количество охранных полицейских гарнизонов с их участием сократилось. Они продолжали лишь действовать в Болоновке Быховского района, Тетерино Круглянской зоны, Лиде Барановичской области. Большинство пребывали без оружия и были заняты на хозяйственных работах. Даже остатки 20-й армии фронтовой полосы уже не представляли прежней опасности. После отказа от боевых действий их разместили в отдельных лагерях для принудительного содержания: в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Вилейке, Глубоком, Гродно, Лиде, Лунинце, Минске, Молодечно, Парфьяново, Толочине и других населенных пунктах [4].

Венгерские формирования и их деятельность. В период наступления Красной армии в тылу группы армий «Центр» были оборудованы мощные тыловые оборонительные укрепления, а такие города, как Витебск, Могилев, Бобруйск, Минск и другие, были объявлены «городами-крепостями» [5]. Для усиления линии фронта в южную часть Беларуси в оперативном порядке на три месяца была отозвана с фронта VIII венгерская армия. Среди задач: остановка наступления Красной армии, обеспечение безопасности движения на

железной дороге и шоссе Брест–Минск как головной магистрали центрального направления. Таким образом, 48-я венгерская дивизия дислоцировалась в опорных пунктах на линии до 100 км в Бобруйском, Глусском (500 чел.), Любанском (500 чел.), Слуцком (120 чел.) и Стародорожском (900 чел.) районах, а также населенных пунктах – ст. Татарка (200 чел.), Дороганово (100 чел.), Плещеницы (80 чел.) и др. По мере передвижения новыми местами их дислокации стали: Кобрин (3 тыс. чел.), Пинск (2,5 тыс.), Пружаны, д. Осовцы; на железной дороге Брест–Пинск и ее участке Кобрин–Дрогичин: ст. Девятка (40 чел.), д. Девятка (50 чел.), полустанок Камень Королевский (45 чел.), д. Липово (35 чел.), ст. Городец (60 чел.), 2-й переезд ст. Городец (40 чел.), полустанок Антополь (25 чел.), полустанок Вулька (40 чел.), д. Толкачево (25 чел.), д. Пигановичи (45 чел.) и др. Крупные гарнизоны в Дрогичине – 400 чел., д. Руцке (до 300 чел.), Перковичи (600 чел.), ст. Снитово (до 200 солдат), по одной роте в Замшанах, Мядниках, Великорите, Страдичах Малоритского района. К началу марта 12-я и 23-я венгерские пехотные дивизии передислоцированы в Пинск [6]. В апреле 1944 г. некоторая часть из них привлечена к участию в блокаде партизан в Дрогичинском, Антопольском, Кобринском, Березовском и других районах. Для удержания позиций в мае–июле 1944 г. 9-я венгерская дивизия усилила местные опорные пункты и гарнизоны: Лахва (до 1 тыс. чел.), д. Запруды, Плоск, Лука, Горск Кобринского района (до 4 тыс.), а также д. Олышанка Логишинского района с прибытием туда эскадрона 3-й венгерской кавалерийской бригады [7].

Еще одной значимой структурой с февраля 1944 г. (район Лунинца–Микошевичей) стала 102-я венгерская ПД, которая с 8-й венгерской стрелковой дивизией и немецкими подразделениями образовали 15-тысячную группировку. Ей предстояло в секторе Кобрин – Янов обеспечивать охрану рубежей Днепро-Бугского канала. В сложных условиях их потери от действий партизан на территории Дрогичинского, Ивановского и Пинского районов составили до 600 человек (02.1944). Для обеспечения безопасности 5-й венгерской дивизии в составе 8-го корпуса пришлось организовать блокаду более 10 тыс. партизан в районе озер Черное и Споровское в Брестской области (3.04). Часть из около 1 тыс. немецких и венгерских солдат в д. Ботово понесла потери, которые составили четвертую часть от общей численности (18.06). Для более безопасного передвижения по маршруту отступления Туров–Семигостици–Олышаны–Давид-Городок–Столин ими были организованы многочисленные блок-посты по 15–20 человек (06.1944) [8]. При этом вермахт, совместно с венгерской армией и частями, подчиненными высшему начальнику СС и полиции «Россия-Центр» и командующему вермахтом в Беларуси, осуществил 16 карательных операций. Каждая из них охватывала территорию одного или нескольких районов в Брестской и Пинской областях (2 – феврале, 5 – в марте, 3 – в апреле, 5 – в мае, 1 – в июне). Наиболее масштабные из них – «Хортобадь» (5–8 мая), «Мишкольц» (9–12 мая) и «Брюлл» (18–20 мая) – были проведены силами 2-го венгерского ар-

мейского корпуса. В итогах значатся сожженные деревни Гичицы и Власовцы [9]. Кроме боевых действий венгерские подразделения принимали участие в военно-экономических мероприятиях. Так, в районе Любани для восстановления железной дороги находился один, а в июне — два батальона. Совместно с 707-м строительным батальоном они участвовали в строительстве оборонных сооружений в районе д. Уречье—Старушки, заготовке хлеба в Старобинском, Любанском и Стародорожском районах [10].

Французские формирования. На протяжении 1944 г. в зоне 286-й охранной дивизии продолжал свою деятельность в составе трех батальонов 638-й французский полк. Они обеспечивали охрану железнодорожных и шоссейных путей силами опорных пунктов Борисовской зоны в составе 600 человек (штаб 3-го батальона и гарнизон в д. Михейково). Их несколько усиливали около 200 франкоговорящих бельгийцев (д. Стаховщина Быховского района) [11]. В Могилевской зоне (Круглянский, Бельничский, Могилевский, Кличевский районы) французские 1-й и 2-й батальоны были передислоцированы на замену германским формированиям. На завершающем этапе 638-й полк (ген.-п-к Пюо) в составе 1-го (ком. Бриду), 2-го (ком. Трамар), 3-го (к-н Бертэ) батальонов и полковой роты (ком. Гиро) сконцентрировал свои основные силы в Минской зоне. Они прочесывали Сантовский и Оладинский леса (04.1944), укрепляли оборонную линию по реке Бобр, участвовали в блокаде партизан в районе озера Палик (8—23.06), операции «Солнцестояние» в составе боевой группы «Ост» (13.06), обеспечивали охрану магистральной и железной дороги Москва—Минск. На завершающем этапе своего существования остатки полка были направлены в Минск для реформирования (29.06) [12].

В итогах 1944 г. — участие в 22 боях против партизан при потерях: 228 убитых, раненых 14, пленных 13 человек (около д. Самры — до 50 чел.), 8.03; д. Новое Полесье—Славное — 100 чел., 13.06) [13].

Литовские, латышские и эстонские формирования. На начало 1944 г. в системе управления Высшего начальника СС и полиции России «Центр» и Беларуси действовал ряд литовских полицейских батальонов: 3-й (Будслав, 317 чел.), 12-й (Новинки, 252 чел.), 15-й (Минск, 409 чел.), 254-й (Шарковщина, 137 чел.), 255-й (Слуцк, 291 чел.). Местами их дислокации являлись гарнизоны вблизи Литвы: Сморгонь (70 полицейских), д. Велута (Лунинецкий р-н), Парафьяново (452 чел., на 02.1944), в Шацке и Минске (12-й, 713 чел.), Новогрудке (15-й), Старобине (255-й, 235 чел.), Шарковщине (254-й, 50—120 чел.), Василевичах около Постава (200 чел.). Постоянную прописку получили гарнизоны на части территории Беларуси, переданной для управления в состав Генерального округа Литва. Другая часть, как на территории Генерального округа Вайсрутениен (Белоруссия), так и в тылу группы армий «Центр», активно действовала в составе антипартизанских карательных групп.

Например, из Минской в Вилейскую область были передислоцированы подразделения из гарнизонов Видзы, Тверичи, Васевичи [14]. Их опорные пункты располагались на расстоянии до 50—100 км. Так, одна рота 15-го

батальона дислоцировалась в районе Койданова, другая – д. Моторово (в 30 км от Минска), а третья – в гарнизоне Старобин (05.1944). Для борьбы с партизанами, охраны мостов и других объектов, транспортировки сельскохозяйственных грузов район Старобина был усилен составом 255-го батальона. По маршруту отступления Минск–Лида–Варена–Алитус–Мариямполе им на протяжении 10–12 дней приходилось вместе с украинскими и белорусскими полицейскими конвоировать смертным маршем колонны советских военнопленных. Часть из них к июлю 1944 г. отбыли на территории Польши [15].

Латышские батальоны, представляя наибольшее количество полицейских батальонов на оккупированной территории Беларуси, приобрели особое значение при проведении карательных акций, в частности, массовом сожжении деревень. Отмечена деятельность 283-го батальона в районе Рудни–Юхновичи–Освея (акции «Генрих», «Праздник весны»), дислокация латышских полицейских в гарнизонах Вилейской и Минской областей: Залесье, Переки, Войтово, Заболотье, Мосар, Двинск, станция Бигосово [16]. С приближением линии фронта их подразделения в большей своей части концентрируются вблизи границ Латвии. Так, 3-й полк в составе 317-го, 318-го и 321-го батальонов общей численностью до 600 человек был сконцентрирован в д. Якубово (Вит. обл.) 1-й латышский полк в составе 4 батальонов (по 600–700 чел.), а также 15-я латышская дивизия, 2-й и 3-й полицейские полки, 5-й пограничный полк, 271-й батальон зафиксированы в Двинске и Браславском районе [17].

Смешанный тип формирований. К началу 1944 г. на оккупированной территории Беларуси остались лишь небольшие подразделения словацких и чешских подразделений. Они находились в д. Юровичи (Калинков. р-н), Слуцке, Смолевичах, Минске. Небольшие группы чехов находились в Малоритском районе (02.1944), в Дричинском гарнизоне, ТБЗ, Комсаде, Хуторе (02.1944), в районе Будслава (05.1944). В Свислочи Осиповичского района располагалась саперная часть Тодта, куда входили представители других национальных групп Югославии (05.1944) [18].

Среди голландских формирований в марте 10-й корпус был сменен 20-м (ком. арбайтслайтер Галл), прибывшим из Нидерландов в составе 5 подразделений (№ 201, 202, 203, 204, 205). Однако при приближении частей Красной армии они были спешно отправлены назад. В ряде населенных пунктов при дефиците живой силы германские органы укрепляли гарнизоны представителями разных национальностей. Например, 800 человек гарнизона в Заславле составили французы, австрийцы, голландцы, бельгийцы. В совхозе Логоза (Логойский р-н), д. Снежки (Бельский р-н) значились голландцы; гарнизоне Блонь (Пуховичский р-н) – бельгийцы и румыны, а в Логойске – норвежцы, д. Клещели (Каменецкий район) – греки, итальянцы и норвежцы. Небольшие группы, как например, группа болгар использовалась в воинских частях Мозырского района. В д. Деревцы (Осиповичский район) и г. Калинковичи действовал рабочий строительный батальон в составе поляков [19]. Как австрийские подразделения определены солдаты в гарнизонах Бобруйска,

населенных пунктах Заполье (70 чел.), Березовка (30 чел.), Любичи, Червяков, Лютино Кличевского района Могилевской области; Обчуг и ряда населенных пунктов Минского района Минской области; разъезда Дричин, Козловичи Глубокского района Вилейской области. Значимую часть составили австрийские летчики в Боровухе-І Полоцкого района Витебской области. Также были замечены австрийские части во время отступления по маршруту Рогачев–Бобруйск–Минск. Латышско-литовский состав находился в гарнизонах Парафьяново (300), Дисна и Миоры (500 солдат). Небольшие группы эстонских подразделений находились в Могилеве. Большая их часть из 2-тысячного состава зафиксирована в гарнизоне Друи [20].

Таким образом, в 1944 г. наиболее массовыми в структуре иностранных формирований являлись венгерские формирования. Их оперативное передвижение, а в период операции «Багратион» отступление сопровождалось значимыми потерями от партизанских ударов Пинского и Брестского соединений. В данный период, к концу июля, был практически уничтожен 638-й французский полк. Что касается остатков разрозненных и ослабленных подразделений из числа словаков, чехов, итальянских частей, то они, утратив свою военную значимость, не в состоянии были действовать самостоятельно. Латвийские, литовские, а также эстонские, как иностранные полицейские формирования в составе вермахта, продолжали активно участвовать под руководством германских органов в карательных акциях против населения и партизан. Вместе с остатками группы армий «Центр» в июне–июле 1944 г. они будут передислоцированы на запад [5, с. 432–469].

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область : сб. арх. док. и материалов / сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; Минск. – НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. – 484 с.
2. *Літвін, А.* Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А. Літвін. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2000. – 288 с.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. ЕХ. 404. Л. 4.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 25. Л. 174.
5. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. коллектива). – Минск : БЕЛТА. – С. 432–469.
6. *Цветков, В. А.* Своими глазами : записки разведчика. / В. А. Цветков. – Минск : Беларусь, 1972. – С. 194–195.
7. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 29. ЕХ. 46. Л. 61, 96.
8. *Лемешонок, В. И.* Идеино-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / В. И. Лемешонок. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 97.

9. Хатынские Деревья жизни: док. и материалы. – Минск : НАРБ, 2015. – С. 107.

10. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 29. ЕХ. 46. Л. 91.

11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. ЕХ. 25. Л. 168, 172.

12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 25. Л. 611, 633, 765.

13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. ЕХ. 133. Л. 241.

14. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 930. Л. 99.

15. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 29. ЕХ. 46. Л. 30, 63.

16. НАРБ. – Ф. 3895. Оп. 1. ЕХ. 2. Л. 186.

17. НАРБ. – Ф. 1402. Оп. 1. ЕХ. 175. Л. 51.

18. НАРБ. – Ф. 1402. Оп. 1. ЕХ. 13. Л. 123.

19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 26. Л. 118.

20. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 29. ЕХ. 46. Л. 73.

А. М. Литвин

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ПАРТИЗАН И НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД «ОПЕРАТИВНОЙ ПАУЗЫ» НА БЕЛОРУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ (апрель–23 июня 1944 г.)

В отечественной историографии отмечается, что все запланированные Ставкой ВГК задачи войскам на зимне-весеннюю кампанию 1943–1944 г. на главных стратегических направлениях были выполнены.

На **юго-западном направлении** войсками 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов в ходе **Днепровско-Карпатской стратегической военной операции** (24 декабря 1943–17 апреля 1944 г.), были разгромлены основные силы групп армий «Юг» и «А» и освобождена территория Правобережной Украины. 26 марта 1944 г. советские войска вышли на юго-западную границу СССР и продолжили боевые действия на территории Румынии.

На **западном направлении** в ходе наступления войск 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов в направлении на Ровно и Луцк были освобождены ряд районов УССР и БССР и осуществлен охват с юга оборонявшейся группы армий «Центр», создавались условия для полного освобождения территории Беларуси [1, с. 251].

Отметим, что в 1942 и 1943 гг. в связи с весенней распутицей наступательные кампании на советско-германском фронте не проводились. Особенностью 1944 г. было то, что эта традиция с явным успехом была нарушена.

Однако с середины апреля 1944 г. Ставкой ВГК войскам 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов было приказано закрепиться на достигнутых рубежах и перейти к обороне и готовиться к будущим наступательным действиям [2, с. 137].

Таким образом, на западном стратегическом направлении на неопределенное время наступила **«оперативная пауза»** – период вынужденной передышки в наступательных операциях на фронтах Белорусского направления, в котором противоборствующие стороны стремились выполнить свои стратегические и оперативные задачи.

Для **советской стороны** это был период разработки и подготовки Белорусской стратегической наступательной операции, получившей кодовое название «Багратион». Одной из важнейших задач было сохранить в тайне ее разработку и подготовку, а также путем дезинформации ввести противника в заблуждение относительно ее и других стратегических кампаний на летне-осенний период 1944 г.

Как мы отмечали выше, «оперативная пауза», «вынужденная передышка», наступила на западном направлении во второй половине апреля, а первые распоряжения по разработке операции «Багратион» поступили уже в марте 1944 г.

Германское командование, оценивая стратегическую обстановку на советско-германском фронте, предполагало, что главные события летом 1944 г. произойдут на южном участке советско-германского фронта, где советские войска будут стремиться овладеть румынскими нефтяными источниками, а также осуществить глубокий прорыв на Балканы. При этом допускалась также возможность наступления советских войск в Прибалтике и в Беларуси, по примеру осени 1943—начала 1944 г., но она, по расчетам Берлина, не могла предполагать решительных стратегических целей. Поэтому, учитывая стратегическое значение «белорусского балкона», силу и опыт частей и соединений группы армий «Центр» в ведении наступательных и оборонительных операций, а также благоприятные для организации прочной обороны условия местности, в Берлине был сделан выбор на создание здесь прочной, глубококошелоной обороны для использования «балкона» в будущем для контрударов на Москву. Главный упор был сделан на активизацию строительства по всей линии, особенно на главном направлении, оборонительных рубежей. Для этого гитлеровцы широко использовали принудительный труд местного населения. Следующей задачей, которую постарались решить германское военное командование, была нейтрализация и уничтожение основных партизанских районов, разгром партизанских формирований, захват и вывоз в Германию трудоспособного населения, экономических и сырьевых ресурсов, осуществление геноцида белорусского населения. Реализации этих планов благоприятствовал ряд факторов. Территория БССР, находящаяся под оккупацией, сократилась к этому времени на 20 процентов, что привело к значительному увеличению плотности вражеских охранных и фронтовых войск. Здесь сконцентрировались силы группы армий «Центр» в составе одной танковой и трех полевых армий – 63 дивизии и две бригады, а на ее флангах дивизии, входившие в состав армейских групп «Север» и «Юг». Численность войск составляла 1 млн 200 тыс. человек из общего количества 4, 3 млн человек на восточном фронте [3, с. 312].

Общая обстановка для партизан, подпольщиков и населения Беларуси в 1944 г. значительно изменилась в худшую сторону: им приходилось действовать и выживать в более неблагоприятных условиях, чем в 1943 г. На территорию Беларуси в связи с отступлением войск группы армий «Центр» переместились также спецслужбы и полицейские части, в которых было

много лиц, сотрудничавших с оккупантами, из освобожденных областей РСФСР и БССР. Так, в Минск переместились сотрудники Смоленского СД, которые вскоре приобрели печальную известность. Под видом беженцев и бежавших военнопленных они втирались в доверие к местным жителям и подпольщикам с целью «установления связей с партизанами». Такая же картина была и в других городах. В результате по всей стране прокатилась волна арестов подпольщиков и лиц, связанных с партизанами.

Карательные операции. Главным и наиболее эффективным способом борьбы с партизанами и осуществления планов геноцида белорусского населения гитлеровское руководство считало карательные акции («акции уничтожения», «специальные акции»). Поэтому они проводились постоянно, начиная с первых дней войны. Их целью было вытеснение партизан с контролируемых ими территорий, обеспечение работы транспортных коммуникаций, создание благоприятных условий для маневрирования войсками и военными грузами. Отличительной особенностью карательных операций, проводившихся против партизан и населения Беларуси в первой половине 1944 г., было широкое участие в них, наряду со специально созданными для этой цели полицейскими и охранными силами, регулярных фронтовых соединений и частей вермахта, а также авиации, артиллерии и танков. Подсчитано, что с учетом специальных формирований общее количество сил, принимавших участие в антипартизанских акциях, в пересчете на дивизию достигло 18-ти, в числе которых было 7–8 охранных. В январе 1944 г. в боевых действиях против партизан Беларуси принимали участие 30 тыс., в феврале – до 40 тыс., марте – до 60 тыс., **апреле – до 80 тыс.**, в мае – до 100 тыс., июне – до 60 тыс. солдат и офицеров противника [5, с. 102; 6, д. 127, л. 23; 7, с. 220]. Охрану коммуникаций и других важных объектов обеспечивали **7 охранных дивизий (281-я – район Полоцка, 201-я – район Лепеля, 286-я – район Толочина, 221-я – район Вилейки, 707-я охранный дивизия особого назначения – район Шацка и Кировска, 203-я охранный дивизия – район Барановичей, 391-я – район Глубокого) и 391-я учебно-полевая дивизия – район Столбцов** [5, с. 103; 8, с. 150].

В период с января по 23 июня 1944 г. на территории Беларуси было проведено около 30 различных карательных операций против партизан и населения. Самыми крупными из них были операция «Праздник весны», против партизан Полоцко-Лепельской партизанской зоны (апрель–май) и операция «Баклан», проведенная в мае–июне против партизан Борисовско-Бегомльской и Сенненско-Оршанской партизанских зон.

С февраля до конца апреля 1944 г. осуществлялась карательная экспедиция против партизан Полесской и южных районов Минской области. Фронтовым подразделениям удалось в ходе упорных боев оттеснить партизан от линии фронта и в районе Альбинска и Зыслова замкнуть кольцо окружения вокруг части бригад Полесского и Минского партизанских соединений. В ночь на 12 апреля 1944 г. из окружения вышла 123-я Октябрьская бригада имени 25-летия Октября (командир Герой Советского Союза Ф. И. Павлов-

ский) и 130-я Петриковская партизанская бригада (командир М. А. Волков). В оперативной сводке БШПД от 19 апреля сообщалось, что «вышедшие из окружения бригады ведут успешную разведку, стараясь установить связь со штабом соединения и остальными бригадами и отрядами, оставшимися в окружении, с целью оказания им помощи» [5, с. 127].

С первых дней апреля 1944 г. противник силами 5-й венгерской дивизии и нескольких отрядов СС и полиции при поддержке танков, артиллерии и авиации начал операцию с целью ликвидации 11-тысячной группировки партизан Брестского партизанского соединения, дислоцировавшейся в районе озер Черное и Споровское. С 3 по 11 апреля партизанские бригады им. Ф. Э. Дзержинского (командир В. М. Монахов), «Советская Белоруссия» (командир Н. В. Бобков), 345-й отдельный отряд (командир С. А. Яроцкий) вели бои в окружении против превосходящих сил противника возле д. Здитово Березовского района, недалеко от которой базировались штаб Брестского партизанского соединения и Брестский подпольный обком КП(б)Б и под защитой партизан находилось 10 тысяч мирных жителей [9, с. 220–221]. Три дня противник атаковал позиции бригады им. Ф. Э. Дзержинского и 345-го отряда, но, потеряв на этом участке 57 солдат и офицеров, каратели отступили и бросили основные силы против бригады Н. В. Бобкова, которая занимала оборону вдоль р. Дорогобуж и прикрывала основные партизанские базы. На протяжении нескольких дней каратели безуспешно атаковали, бомбили и обстреливали с орудий партизанские укрепления. Только после того, как у партизан оказались на исходе боеприпасы, ночью 11 апреля по приказу командования они перешли на 2-ю линию обороны между д. Здитово и д. Спорово. Взвод партизан отряда им. А. В. Суворова, прикрывавший отход партизан, 6 часов удерживал переправу. Четырнадцать суток партизаны вели изнурительные бои, защищая зону. Врагу, имевшему численное превосходство в живой силе и особенно в оружии и боеприпасах, ценою больших потерь удалось вытеснить партизан и занять Здитово и Спорово. Однако атаковать 2-ю линию обороны партизан они не осмелились. Прекратив наступление, каратели сожгли занятые ими населенные пункты, жестоко расправились с захваченным мирным населением и отошли на прежние позиции [10, л. 227; 11, с. 260].

В это же время, по сведениям немецкого историка Х. Герлаха, в период с 7 по 17 апреля 1944 г. в районе Бобруйска была проведена карательная операция против партизан и населения под условным названием «Глухарь», в результате которой было убито около 1 тысячи и взято 290 пленных, 2428 человек угнано на принудительные работы в Германию [12, S. 903–904].

Самая крупномасштабная военная экспедиция за годы войны против белорусских партизан под кодовым названием «**Frühlingsfest**» («**Праздник весны**») проводилась в период с 11 апреля по 12 мая 1944 г. в Полоцко-Лепельской партизанской зоне, располагавшейся на освобожденных партизанами в тылу захватчиков территории всего Ушачского и части территорий Полоцкого, Глубокского, Лепельского, Бешенковичского, Докшицкого и Шуми-

линского районов Витебской области. Начиная с октября 1943 г. в зоне стали концентрироваться партизанские бригады и отряды в связи с планируемой советским военным руководством десантной операцией. С этой целью в зону была направлена оперативная группа ЦК КП(б)Б во главе с Героем Советского Союза В. Е. Лобанком с задачей проведения подготовительных мероприятий для высадки десанта. В зону забрасывалось оружие, боеприпасы, строились оборонительные рубежи. Однако по ряду причин операция не состоялась.

Руководство группы армий «Центр», особенно командование 3-й танковой армии, осознавало угрозу, которую представляла зона. Поэтому и была разработана такая масштабная операция с целью обезопасить единственный путь подвоза живой силы и техники для 3-й танковой армии – дорогу Витебск–Лепель–Парафьяново. Гитлеровцы понимали, что крупные партизанские силы и удерживаемая ими территория в непосредственной фронтовой полосе могут быть использованы как удобный плацдарм в случае наступления советских войск.

По свидетельству бывшего начальника штаба 3-й танковой армии Отто Хейдкемпера, на первом этапе ее проведения 11–17 апреля главной задачей было отбросить партизан в западную часть зоны; а затем в ходе операции не вводимые до особого распоряжения войска, в том числе группа фон Готтберга, должны были завершить их окружение. Руководили операцией командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Ганс Рейнгардт и генеральный комиссар «Белорутении» группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Курт фон Готтберг [13, с. 240; 14].

В ней принимали участие фронтовые части, охранные, эсэсовские и полицейские формирования. Общая численность привлекавшихся в ходе операции оккупационных подразделений составила **до 60 тысяч человек, в том числе войсковых частей вермахта до 20 тысяч человек.** В качестве основного технического обеспечения привлеченные силы имели 137 танков, 235 орудий, около 70 самолетов, 2 бронепоезда, 137 танков, 235 орудий, 70 самолетов. Им противостояли **16 партизанских бригад общей численностью 17 185 человек,** имевшие на вооружении 9 344 винтовки, 1 544 автомата, 624 ручных и 97 станковых пулеметов, 151 противотанковое ружье, 143 миномета, 21 орудие. **Общая протяженность партизанских оборонительных линий составляла 230 км.** К началу сражения они имели **глубину до 15–20 км.** Узлы сопротивления были оборудованы так, что могли отражать нападение противника с любого направления. При этом умело использовались естественные препятствия: реки, болота, система озер и лесные массивы [14, с. 67–68].

16 партизанских бригад удерживали территорию площадью 3 245 км² (1200 населенных пунктов, более 80 тыс. чел.), это больше территории унитарного государства Люксембург.

На первом этапе 56-й и 252-й пехотным дивизиям, 161-му пехотному полку с приданными им танками и артиллерией ставилась задача вытеснить партизан из лесных массивов и овладеть левобережьем Западной Двины. На

втором и третьем этапах планировалось разбить партизан на открытой местности и с поддержкой бронепоездов уничтожить при попытке прорваться за железную дорогу. Четвертый этап по времени совпадал с тремя предыдущими. В процессе его осуществления происходило ограбление, истребление и угон в Германию мирного населения. Операцию планировалось закончить до полной распутицы в течение восьми–десяти дней [5, С. 133].

Операция началась 11 апреля частями 56-й пехотной дивизии на участке обороны бригады имени В. И. Ленина (командир Н. А. Сакмаркин). Жаркие бои развернулись на участках всех отрядов бригады, а также бригады «За Советскую Белорусию», где пришлось отражать натиск полка пехоты и десяти танков при сильном артиллерийско-минометном огне противника. Партизаны отрядов имени С. Г. Лазо и имени Н. А. Щорса неоднократно контратаковали и сходились врукопашную. Со стороны Полоцка партизан атаковали части 252-й пехотной дивизии. В последующие дни активизировались боевые действия на всех направлениях по окружению Полоцко-Лепельской партизанской зоны. Героическим действиям партизан, стойкости и жертвенности мирного населения зоны посвящено много страниц в книгах и статьях руководителя Оперативной группы ЦК КП(б)Б Героя Советского Союза В. Е. Лобанка, а также в книгах П. К. Пономаренко, П. З. Калинина и А. И. Брюханова. За ходом боев в Полоцко-Лепельской партизанской зоне внимательно следили БШПД, командование Красной армии. Защитники зоны имели устойчивую радио- и авиасвязь с Большой землей. В период с 11 апреля по 1 мая 1944 г. им было доставлено около 58 тонн боевых грузов, советская авиация по просьбе партизан бомбила расположения наступающих групп противника. И это хорошо видно по немецким документам.

По завершении операции «Frühlingsfest» штаб боевой группы фон Готтберга составил отчет, в котором по дням показаны ее ход, состав и деятельность подчиненных групп, трудности и неудачи, а также приведены многочисленные примеры стойкого сопротивления со стороны партизан, факты оказания партизанам помощи советской авиации. В состав боевой группы фон Готтберга входили айнзатц (оперативные) группы **Крегана, Каминского, Анхальта, Редантца** и боевая группа **Еккельна** (см. приложение).

В качестве примера приведем отдельные выдержки из документа

17.04.1944 г. «Основная часть сил боевой группы Екельна до 17.04. находилась в линии заграждения. Одновременно боевая группа Еккельна приняла на себя общее блокирование по ходу ж/д линии вместе с подчиненными силами армейской группировки “Север”.

Боевые командные пункты боевых групп:

Группы Каминского – Липняки.

Группы Анхальта – Докшицы,

Группы Редантца – Крулевщина.

Группы Екельна – Ветрино.

В ночь на 17.04.1944 г. авиация противника нанесла мощный воздушный удар по населенному пункту и району Лепель. Одновременно с началом операции заметно возросло воздушное снабжение противника Ушачского района».

19.04.1944 г. «На рассвете группа Каминского заняла населенный пункт Ветче и расположенные севернее его высоты. В связи с подброской противником крупных резервов завязались тяжелые бои с переменным успехом, в ходе которых населенный пункт неоднократно переходил из рук в руки. Наконец, **в связи с сильным давлением противника Ветче пришлось сдать**¹. В то время как группа Каминского своим правым флангом, отражая сильные контрудары противника, удерживала линию Постейка – южная окраина Ветче, левый фланг занимал позицию в районе Делевки, так как здесь ведущие на северо-запад дороги были сильно заминированы и глубоко завалены деревьями. Имели место подрывы на минах...

Группа Реданца после преодоления сопротивления противника в районе Борисово–Лады достигла общей линии Борисово–Лады–Отливики–Девидки–Колано–Борово. Уже к этому дню было уничтожено 13 бандитских лагерей и 21 бункер.

20.04.1944 г. В ночь на 20.04.44 удалось благодаря ложному направлению посадить вражеский планер с 17 центнерами взрывчатки в районе Черница II. Налёты авиации противника с целью снабжения банд в Ушачском районе за одну ночь достигли цифры 180.

В связи с продолжительными дождями местность постепенно стала непроезжей и тяжелое оружие на переднюю линию можно было доставлять только на транспортёрах для личного состава. Для грузовых автомашин не оказалось ни одной проезжей дороги, ни одной для транспорта на гусеничном ходу. Только сельскохозяйственные тракторы могли быть использованы. Личный состав уже три дня отчасти жил на сухом пайке, а частично вообще оставался без продовольствия. Несмотря на все трудности командир боевой группы решил продолжить наступление, чтобы не дать времени противнику укрепиться на занимаемых им оборонительных рубежах».

27.04.1944 г. «Рано на рассвете 27.4. противник нанес контрудар в районе дер. Юзофатово, который был отражен. В ночь на 27.4. авиация противника предприняла мощные воздушные нападения и в течение дня штурмовики противника неоднократно атаковали наши наступающие группы. Возникший уже несколько дней тому назад в районе групп Каминского и Анхальта кризис, связанный с сильным сопротивлением противника, нельзя было недооценивать».

28.04.1944 г. «В ночь на 28.4. вновь зарегистрированы многочисленные прилеты авиации противника с целью снабжения в Ушачский район, и одновременно советская авиация наносила тяжелые бомбовые удары по позициям группы Анхальта, а также по населенным пунктам Тартак, Рудня и Логи.

Группа Крегана на рассвете, сломив сильное сопротивление противника, захватила переправу в Замошье, заняла западную часть населенного пункта и создала здесь плацдарм, который в течение дня смогла расширить. В ходе дальнейшего продвижения на запад была взята дер. Церковище и располо-

¹ Здесь и далее выделено нами. – А. Л.

женная юго-западнее от деревни высота 183,4. Наступающим войскам противник оказывал сильное сопротивление, упорно защищая каждый метр земли, и медленно отступая на вновь оборудованные позиции».

30.04.1944 г. «В то время как IX армейский корпус в течение 29.4., только отчасти подавляя упорное сопротивление противника, достиг линии северо-западной конечности озера Черствятское–Болотники–Вашково, одновременно удалось продвинуть правый фланг боевой группы фон Готтберга в общую линию Вашково–Свон–Замошье и здесь вытеснить противника через Ушачи на северо-запад. Группе Каминского удалось при поддержке ВВС расширить плацдарм Тартаки и в ходе наступления занять населенные пункты Путшище–Заозерье...

Мощные удары авиации противника по району перед группами Анхальта и Каминского, который представлял для противника серьезную опасность флангового удара из района Замошье и Тартак, кажется вынудили его отступить на север, в центр зоны, чтобы избежать охвата и прежде всего, чтобы ещё больше сосредоточить свои силы сопротивления на узком пространстве/территории/. Одновременно/ то же время/ предполагалось, что противник распознал/разгадал/ нарастающий наступательный порыв наших войск с юго-запада и юга и одновременно слабые места нашего “котла”» [16].

В журнале боевых действий 3-й танковой армии в записи от 10 мая 1944 г. приводятся сведения о трех недельных трудных боях армейских и полицейских частей и говорится о разгроме многочисленных и хорошо организованных «банд», также констатируется, что «во время ночных массированных попыток прорыва лишь части банд удалось прорвать кольцо окружения. Их окружили ещё раз и уничтожили основную их часть. Преследование остатков всё ещё продолжается». В отчете подчеркивается роль Люфтваффе, совершившей «более 1500 самолето-вылетов со сбросом более 500 тонн авиабомб и обстрелом с воздуха, что сыграло существенную роль в уничтожении и разгроме врага, что завоеванный успех имеет решающее значение для общей обстановки на стыке Группы армий “Центр” и Группы армий “Север”».

Весьма показательна запись: «Важность, с которой советское руководство относилось к этому партизанскому центру, показывают факты постоянных интенсивных действий авиации с целью снабжения партизан и подавления наших атакующих частей, а также отвлекающих атак на ближайшем участке фронта. В период 17 апреля – 10 мая 1944 года враг [имеются в виду белорусские партизаны] потерял: 5955 убитых, 6145 пленных, 346 перебежчиков. В эти цифры не входит множество задержанных гражданских лиц. Захвачено или уничтожено множество стрелкового оружия, большое количество боеприпасов, одна рация и один самолёт. Уничтожено: 102 лагерей-стоянок, 182 бункера, 52 огневых точки...» [17].

По данным БШПД, гитлеровцы потеряли в этой операции до 20 тыс. солдат и офицеров, 50 танков, 116 автомобилей и семь бронемашин, 22 орудия и два самолета. Партизаны, значительно обескровив противника, также понесли огромные потери. В ходе борьбы с партизанами оккупанты уни-

чтожили (7 011 человек), захватили 6 928 пленных, а также 11 233 человек в качестве рабочей силы были угнаны на принудительные работы в Германию [12, S. 903–904; 5, с. 141].

«Мне хорошо помнится, – вспоминал бывший командующий 1-м Прибалтийским фронтом Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, – что в ту тяжелую пору Военный совет и штаб нашего фронта принимал все возможные меры, чтобы облегчить положение партизан в районе Ушачей. Наша помощь выражалась главным образом в том, что мы доставляли самолетами некоторые виды вооружения, боеприпасов, взрывчатку, средства радиосвязи, медикаменты и эвакуировали через линию фронта раненых и тяжелооболых партизан... наша штурмовая авиация и ночные бомбардировщики наносили удары с воздуха по скоплениям фашистских войск» [18, с. 111].

В боях в апреле–мае 1944 года со стороны советских партизан погибли комбриги Герои Советского Союза Данукалов А. Ф. и Романов П. М., комбриги Короленко Д. Т., Гиль-Родионов В. В., комиссары бригад Жижов Н. Г., Корневский И. Ф., Свирид В. С., член оперативной группы БШПД капитан И. И. Зиненко, многие командиры отрядов, рот, взводов, рядовые партизаны, а также кинооператор Маша Сухова.

Главным итогом боевых действий партизанских формирований Полоцко-Лепельской зоны в апреле–мае 1944 г. было то, что гитлеровцам, несмотря на подавляющий перевес в силах и средствах, не удалось полностью достичь поставленных целей. Благодаря мужеству и самоотверженности, умело организованной обороне, помощи советского тыла, партизаны сумели выйти из «мешка» в Ушачах и сохранить свою боеспособность. С началом наступления Красной армии летом 1944 г. они оказывали войскам неоценимую помощь в наиболее ответственные моменты операции.

Приложение

Силы боевой группы фон Готтберга в операции “Фрюлингфест” (“Праздник весны”)

Айнзатц /оперативная/ группа Крегана

**Командир: командир 64-го охранного полка полковник /оберст/
Креган**

Состав

722-й охранный батальон

839-й охранный батальон

330-й ландверный батальон

350-я танковая охранная рота /от группы армий “Центр”/

2 роты 784-го инженерно-строительного батальона

1 батарея 845-го дивизиона тяжелых орудий/15 см СФ/

1 батарея 245-й бригады штурмовых орудий

565-й саперный/инженерный/ батальон/без I роты/придан 27.4.44

Айнзатц /оперативная/ группа, Каминского

Командир: командир бригады Каминский

Состав

I полк

5-й гвардейский батальон

I батарея калибра 12,2

2 батареи калибра 7,62 / длинноствольные/

I рота противотанковых орудий /8 4,5/

рота 743-го саперного батальона на конной тяге

I рота 784-го саперного батальона

I батарея 845-го тяжелого артдивизиона – доставлена 25.04.1944

подразделение ОТ “Верра” от высшего начальника инженерных войск
особого назначения.

Айнзатц /оперативная/ группа Анхальта

**Командир: командир 2-го полицейского полка СС /оберштурмбан-
фюрер СС/ Анхальт**

Состав

2-й полицейский полк СС

24-й полицейский полк СС

Зондер/особый/ батальон СС Дирлевангера

62-й полицейский батальон

I и 3 батареи I-го орудийного дивизиона

I батарея особого батальона СС Дирлевангера

Штаб и I рота 743-го саперного батальона на конной тяге/подчинена ТН-
технической помощи/

1 зенитная команда / 3 3,7 и 3 2 см/

1 ТН рота/чрезвычайной технической помощи/

1/2 роты служебных собак

Айнзатц /оперативная/ группа Редантца

**Командир: командир 26-го полицейского полка СС /майор охранной
полиции Вайсиг/**

Состав

26-й полицейский полк СС

57-й полицейский батальон усиленного батальона СД

3-й батальон 3I-го полицейского полка

I рота жандармерии команды жандармерии особого назначения

I батарея 57-го полицейского батальона

I батарея 26-го полицейского полка СС

3-я батарея/221 /СД/от командующего охранными войсками и командую-
щего вермахтом в Белоруссии

I зенитная команда /3 3,7 и 3 2 см/

12-я полицейская танковая рота

1/2 роты служебных собак

II батальон 36-го полицейского полка

20 чел. ТН-роты чрезвычайной технической помощи как специальная миноискательная команда

Боевая группа Екельна

Командир: оберфюрер СС Панцингер

Состав

5-й латышский пограничный полк СС (111/16)

2-й латышский полицейский полк

3-й латышский полицейский полк

Части 286-й охранной дивизии

730-й инженерный батальон/без одной роты/ = 3 роты

731-й инженерно-строительный батальон /без одной роты/ = 2 роты

Резерв боевой группы

17 и 18-й взводы /мотор/ жандармерии

Зенитный дивизион. I команда штаба рейхсфюрера СС/без используемых частей

Силы ВВС/командующий авиацией/

I звено 87-го авиаотряда пикирующих бомбардировщиков

I звено 86-го авиаотряда пикирующих бомбардировщиков

I звено Арадо

3 звена 7-го авиаотряда особого назначения /“Шторх”/

1-я летно-оперативная группа [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год.
2. История второй мировой войны, 1939–1945 : в 12 т. – М., 1977. – Т. 8: Крушение оборонительной стратегии фашистского блока.
3. *Рокоссовский, К. К.* Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М., 1997.
4. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1961.
5. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985. – Т. 3.
6. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 127.
7. *Липило, П. П.* КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П. П. Липило. – Минск : Госиздат БССР, 1959.
8. *Пономаренко, П. К.* Рельсовая война / П. К. Пономаренко // Неман. – 1974. – № 5.
9. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Минск : Гал. рэд. БелСЭ, 1990. – 680 с.

10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 306.
11. Партизанское движение : По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2001.
12. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. / Ch. Gerlach. – Hamburg, 1999.
13. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944. – Минск : Беларусь, 1984.
14. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944). – Мінск : Бел НДЦДААС, 1995.
15. *Лобанок, В. Е.* Партизаны принимают бой / В. Е. Лобанок. – Минск, 1976.
16. Микрофильм / пер. Г. Белькевича // НАРБ. – Арх. № 147. Т.-311. Ролик 218. Кадры 000845-000859.
17. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата доступа: 01.04.2024).
18. *Баграмян, И. Х.* Воины-прибалтийцы в сражениях за Белоруссию / И. Х. Баграмян // Освобождение Белоруссии 1944 под ред. чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонова – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Наука, 1974.

Ю. И. Литвиновская, И. А. Литвиновский

**ПЕРЕПИСКА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
У. ЧЕРЧИЛЛЯ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
И. СТАЛИНЫМ В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Нападение гитлеровской Германии на СССР и как результат вступление Советского Союза во Вторую мировую войну имело решающее значение для изменения характера всей войны. Она становится справедливой, освободительной для всех стран, независимо от особенностей их общественно-политического строя, которые вступили в борьбу с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Учитывая авторитет и роль СССР в мировом коммунистическом движении, нападение Германии на Советский Союз способствовало развертыванию сопротивления на европейском континенте, активизации борьбы против сторонников гитлеризма в других регионах мира, укреплению международных позиций СССР. Достаточно сказать, что уже на первом этапе Великой Отечественной войны, с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г., войну нацистской Германии объявили 16 государств, а 10 стран порвали с ней дипломатические отношения [1, с. 60].

Особенно важное значение имело укрепление политических, экономических связей, тесное военное взаимодействие между ведущими членами складывающейся антигитлеровской коалиции – СССР, Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Правительство Великобритании с первых дней войны заявило о своей заинтересованности в тесном сотрудниче-

стве с СССР и готовности к нему. Позиции Советского Союза и Соединенного Королевства нашли свое отражение сначала в подписанном 12 июля 1941 г. англо-советском Соглашении о совместных действиях в войне против Германии, а затем в союзном договоре на время войны и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны от 26 мая 1942 г. [2, с. 131, 270].

Между руководителями СССР и Великобритании И. Сталиным и У. Черчиллем с 8 июля 1941 г. был налажен регулярный обмен посланиями, в которых обсуждались наиболее важные вопросы, возникавшие в ходе войны. Можно с уверенностью сказать, что наиболее актуальными и приоритетными, и это нашло отражение в переписке, были вопросы военных поставок в СССР и впервые поднятый И. Сталиным в послании У. Черчиллю от 18 июля 1941 г. вопрос об открытии второго фронта на Западе Европы, в Северной Франции и на Севере, в Арктике [3, с. 19].

Но если проблемы поставок, хотя и через преодоление массы препятствий, все же как-то решались, то с открытием второго фронта было намного сложнее. Вопрос упирался в стратегию ведения войны. Для руководства Великобритании первостепенная задача состояла в сохранении и укреплении позиций Британской империи, а потому и свои основные военные усилия Лондон прилагал на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, чтобы воспрепятствовать проникновению и закреплению на этих территориях немецких и итальянских конкурентов. Вопрос же о втором фронте в Европе не являлся для них столь важным, как для СССР, что советское руководство систематически подчеркивало. Отвечая, например, 3 октября 1942 г. на вопрос корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс в Москве г. Кэссиди, какое место в советской оценке текущего положения занимает проблема второго фронта, И. Сталин ответил: «Очень важное, – можно сказать, – первостепенное место» [3, с. 69].

Не менее значимой оставалась и материально-техническая поддержка Советского Союза. Конвой PQ-17 в июле 1942 г. вызвал серьезную обеспокоенность в соответствующих морских ведомствах наших союзников. Особенно опасными были летние дневные переходы, когда в высоких широтах солнце почти не заходит и ночь превращается всего лишь в короткие сумерки. В той ситуации президент США Ф. Рузвельт высказал предложение, чтобы очередной конвой PQ-19 был отправлен небольшими группами с интервалом в один-два дня [4, с. 44]. Руководство военно-морскими силами Великобритании эту идею рассматривало и раньше, но не поддержало ее. В новых условиях адмиралтейство склонилось к тому, чтобы разрешить отдельным судам отправляться в подобное плавание, но на их собственный страх и риск. Рузвельт согласился на этот вариант [4, с. 44–45].

Однако, несмотря на крупные потери, 27 июля У. Черчилль распорядился подготовить к отправке в сентябре новый конвой. Он отправился в путь 2 сентября. 53 транспортных судна охраняли 77 боевых кораблей. Но в результате удара немецких торпедоносцев конвой потерял 13 транспортов, на борту которых находилось 38 самолетов, 126 танков и 85 грузовых автомобилей [4, с. 44].

Большие потери следующего после PQ-17 конвоя вызвал серьезную обеспокоенность в Лондоне. Вопрос обсуждался на самом высоком правительственном уровне. И 21 сентября премьер-министр и комитет начальников штабов приняли решение приостановить отправку конвоев до января 1943 года. На это решение повлияла также и принятая по предложению генерала Д. Эйзенхауэра, командующего союзными войсками в Северной Африке, дата проведения операции «Факел».

Для подготовки этой операции требовалось использование максимально большого количества боевых и транспортных судов. По расчетам специалистов, отправка в СССР в это время хотя бы одного конвоя повлекла бы за собой отсрочку начала операции «Факел» самое малое на три недели. За это время могла испортиться погода либо произойти утечка информации о готовящейся операции. Британский комитет начальников штабов на этот риск идти не захотел, и военный кабинет У. Черчилля, как было сказано выше, решил приостановить отправку военных грузов в СССР. У. Черчилль писал Ф. Рузвельту по этому поводу: «В целом, меня тревожит положение в России, и я не знаю, как мы можем не отправить в Россию конвоев до 1943 года ... и отказываться от вторжения в Европу весной, летом и даже осенью, не ущемляя своей совести и собственных интересов» [4, с. 44].

Рузвельт не поддержал предложения Черчилля о десантировании союзников в Европу в 1943 году. Одновременно он высказал пожелание, чтобы следующий конвой PQ-19 был отправлен небольшими группами, с интервалом один-два дня между ними. В результате за последние три месяца 1942 г. 13 транспортов отправились самостоятельно к берегам Советского Союза, из которых до места назначения добрались только 5 [4, с. 44].

Победы, достигнутые Красной армией в Сталинградском сражении, а также англо-американскими войсками в Северной Африке, способствовали активизации и межсоюзнических отношений. 20 декабря 1942 г. новый конвой союзных транспортов в составе 30 кораблей покинул Исландию и без потерь прибыл в советские порты несмотря на попытку крупных сил немецкого флота уничтожить его в канун Нового года [4, с. 45].

В наиболее трудный период Великой Отечественной войны, в 1941–1942 гг., а конвои в СССР начали отправляться после 1 октября 1941 г., как свидетельствует в своих мемуарах У. Черчилль, было отправлено 283 транспорта – 124 английских и 159 американских. Из них к месту назначения в Мурманск и Архангельск благополучно прибыло 219 кораблей – 77 процентов их общего числа. Несмотря на значительные потери, постоянную нехватку транспортных средств и военных кораблей, а здесь уместно сказать, что флот обеспечивал успешность военных действий англо-американских войск на всех направлениях их борьбы в годы Второй мировой войны, не говоря уже о том, что от флота зависело все жизнеобеспечение Британских островов, союзники считали необходимым оказывать материальную поддержку СССР. Специфика же арктических конвоев состояла в том, что для их сопровождения требовалось военных кораблей в два раза больше, чем транспортных.

Негативно на поставках в Советский Союз сказалась усилившаяся с марта 1943 г. напряженность в битве за Атлантику. Она привела к острой нехватке эскортных судов. В переписке с Рузвельтом Черчилль сообщал: «Напряжение для британского флота становится невыносимым». Было принято совместное решение о приостановке отправки конвоев до осени. 30 марта Черчилль сообщил об этом Сталину [3, с. 132–133].

После стабилизации ситуации на океанских просторах, с 1943 г., как отмечал советский посол в Лондоне И. Майский, проведение северных конвоев стало постепенно облегчаться, а в 1944 г. перестало быть серьезной проблемой [5, с. 645]. К тому же в декабре 1943 г. англичане добились крупного успеха в сопровождении транспортных судов. 27 декабря У. Черчилль сообщил Сталину: «Арктические конвои в Россию принесли нам удачу. Вчера враг пытался преградить путь при помощи линкора «Шарнгорст». Главнокомандующий адмирал Фрэнсис с герцогом Йоркским (линкором водоизмещением 35 000 тонн) отрезал «Шарнгорсту» путь к отступлению и после боя потопил его» [3, с. 215].

Широкий круг вопросов, касающихся хода Второй мировой войны, ситуации на отдельных ее направлениях, руководители США и Великобритании обсудили на встрече в Касабланке (Северная Африка), которая проходила в период с 14 по 24 января 1943 г. Рузвельт и Черчилль встретились в регионе, где в тот момент осуществлялась под руководством генерала Д. Эйзенхауэра начавшаяся 8 ноября 1942 г. операция «Факел», одна из крупнейших операций англо-американских войск в годы войны.

Вторжение союзников в Северную Африку являлось серьезным успехом стран антигитлеровской коалиции. Разгром немецких и итальянских войск способствовал укреплению позиций союзников в районе Средиземноморья. Что же касается вопроса о встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля, то он возник еще в начале 1942 г. Инициатива исходила из Вашингтона. Суть предложения Ф. Рузвельта заключалась в том, чтобы лидеры трех держав – СССР, США и Великобритании – встретились для обсуждения важнейших вопросов войны и послевоенного мироустройства. У. Черчилль идею поддержал. Сталин отказался, ссылаясь на напряженную ситуацию на фронте. Такой же отказ последовал и на повторное предложение Рузвельта перенести встречу на 1 марта 1943 г.

Характеризуя позицию Сталина в отношении встречи, следует отметить, что отказ советского руководителя со ссылкой на напряженную ситуацию на фронте был абсолютно правомерным, но в то же время нельзя не подчеркнуть, что само предложение встречи в Касабланке было нереалистичным. Учитывая логистические возможности Советского Союза того времени, условия войны, добраться до этого города на западе Африки было невозможно без огромного риска. И неслучайно в этой ситуации И. Сталин вместо личной встречи предложил переписку [5, с. 669–670].

В итоге в Касабланке встретились Ф. Рузвельт и У. Черчилль. На обстановку в которой проходило это мероприятие, сильнейшее воздействие оказали итоги зимних сражений Красной армии и, в частности, победа в Сталинградской битве, которая близилась к завершению. Успехи Красной армии не могли не вызвать у участников встречи в Касабланке уверенности в неизбежности разгрома Германии. Эти мысли нашли свое отражение и в одной из записок Черчилля: «Важные события последнего времени изменили и продолжают изменять те предпосылки, из которых исходили стратегии по обе стороны Атлантики, – писал он 3 декабря 1942 г. – Русские не были разбиты или ослаблены на протяжении кампании 1942 г. Напротив, разбит был Гитлер, а германская армия понесла тяжелые потери...» [5, с. 670].

Ситуацию, которая сложилась на полях боевых действий в Европе, собравшиеся в Касабланке лидеры США и Великобритании расценили как благоприятную для того, чтобы сосредоточить свои главные военные усилия не на Западе Европы, где они оказали бы максимальную помощь Советскому Союзу, а в районе Средиземного моря, которому они отдавали предпочтение в своих военно-политических устремлениях, что и нашло свое отражение в решениях, принятых в Касабланке.

В апреле 1943 г. серьезную озабоченность руководителей союзных держав вызвал польский вопрос. Он был поднят в послании Сталина У. Черчиллю от 21 апреля. Глава советского правительства был возмущен тем, что располагавшееся в Лондоне польское эмигрантское правительство, возглавляемое генералом Сикорским, подхватило распространявшееся гитлеровской пропагандой утверждение об ответственности Советского Союза за убитых в районе Смоленска офицеров польской армии. Несмотря на позицию У. Черчилля не торопиться с окончательными выводами, проявить сдержанность и «оставить мысль о каком-либо перерыве отношений», И. Сталин оставался непреклонным. «Советское правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством», – ответил он британскому премьер-министру [3, с. 146, 148].

Одним из наиболее жгучих вопросов межсоюзнических отношений в годы Великой Отечественной войны был вопрос о втором фронте – масштабном вторжении английских и американских войск в Западную Европу путем их десантирования в Северной Франции. Первоначально операция планировалась на 1942 год, затем ее хотели провести в 1943 году. 4 июня 1943 г. Сталин получил послание президента США Ф. Рузвельта. Его доставил американский посол в Москве адмирал Стэнли. В нем было сказано, что в мае 1943 г. на совместной встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля ими было принято решение отложить открытие второго фронта в Западной Европе до весны 1944 г. [3, с. 158–159]. Небезынтересно отметить, что, как писал в своих мемуарах У. Черчилль, он еще вскоре после нападения Японии на Соединенные Штаты, а точнее 18 декабря 1941 г., в особом меморандуме, излагая свой план ведения войны и участия в ней Великобритании и США, рассматривал возможность союзников нанесения ударов по врагу в Северной Франции не раньше лета 1943 г. [5, с. 615–616].

Понимая, что майское решение союзников вызвало в Москве крайнее раздражение, У. Черчилль попытался его несколько смягчить своим посланием от 19 июня. «Я полностью понимаю Ваше разочарование, – писал он, – но я уверен, что мы предпринимаем действия, которые являются не только правильными, но и единственно физически возможными в данных обстоятельствах». Он заверял Сталина, что десантирование англо-американских войск через пролив в более ранние сроки без должного накопления сил и средств вылилось бы в губительное наступление [3, с. 160].

Подвергая сомнению аргументы Черчилля, Сталин в ответном послании от 24 июня резонно замечает: «Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину» [3, с. 167].

22 августа 1943 г. в послании, адресованном Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, И. Сталин, пожалуй, впервые за годы войны весьма остро поставил вопрос о принципах согласования и принятия решений союзниками. В данном случае вопрос касался выработки условий капитуляции Италии, но советский руководитель имел в виду практику общения между лидерами государств антигитлеровской коалиции в целом, по всем вопросам, ибо все они затрагивали интересы Советского Союза, а стало быть следовало учитывать точку зрения Москвы. «Я считаю, – писал Сталин, – что назрело время для того, чтобы создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран – США, Великобритании и СССР – для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии. До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдателя. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно. Я предлагаю эту комиссию создать и определить ее местопребывание на первое время в Сицилии» [3, с. 169].

Оценивая сказанное в послании, следует иметь в виду ту военно-политическую обстановку на советско-германском фронте, в условиях которой появился этот документ. Завершалось Курское сражение, положившее крах надеждам Гитлера на изменение характера войны. Фронт неумолимо двигался на Запад. Финиш этого движения был всем понятен, неизбежен и являлся только лишь вопросом времени. Летние победы Красной армии закрепили результаты коренного перелома в войне, сделали его необратимым.

Вместе с тем англо-американские войска в мае 1943 г. завершили разгром итало-германских армий в Тунисе. Закончились военные действия в Северной Африке. Возникли благоприятные условия для развития военных действий на Юге Европы. 8 сентября 1943 г. было объявлено о капитуляции Италии. 13 октября она объявила войну Германии. Начался процесс распада фашистского блока [6, с. 344–345].

Назрела необходимость личной встречи руководителей союзных держав. Этот вопрос обсуждался в их переписке с июля 1943 г. Американский президент в качестве места встречи предложил Фербенкс, город на Аляске, вблизи границ СССР и США; Черчилль – Скапа-Флоу, главную военноморскую базу Великобритании. И. Сталина эти предложения не устраивали в силу отдаленности от советско-германского фронта и, как результат, отсутствия его возможности постоянно держать руку на пульсе событий. К тому же появилась необходимость тесной увязки встречи лидеров коалиции с конференцией министров иностранных дел, которая бы предшествовала встрече глав правительств и подготовила для нее свои заключения по выносимым на обсуждение вопросам. В послании У. Черчиллю от 8 сентября Сталин предложил Москву для встречи глав внешнеполитических ведомств, а Иран – для руководителей государств [3, с. 189].

Весьма логичной и значимой накануне таких важных для хода и исхода Великой Отечественной войны событий, как конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и встреча руководителей союзных держав, была инициатива У. Черчилля, суть которой была изложена в послании И. Сталину от 13 октября 1943 г. Это было предложение обнаружения за подписями Рузвельта, Сталина и Черчилля специальной декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. В предложенном У. Черчиллем тексте документа было сказано, что по окончании военных действий все немецкие военнослужащие, принимавшие участие в зверствах, убийствах и казнях, будут преданы суду тех стран и народов, где они совершили свои злодеяния [3, с. 207–209].

Обмен посланиями между Председателем Совета Министров СССР И. Сталиным и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем в период коренного перелома в Великой Отечественной войне способствовал согласованию позиций по проблемным вопросам, объединению усилий ведущих государств антигитлеровской коалиции и координации их действий в борьбе против агрессии гитлеровской Германии и ее сателлитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – М. : Политиздат, 1946. – Т. 1. – 803 с.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
4. *Говард, М.* Большая стратегия / М. Говард. – М. : Воениздат, 1980. – 464 с.
5. *Майский, И. М.* Воспоминания советского дипломата (1925–1945 гг.) / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 711 с.
6. Вторая Мировая война. Краткая история. – М.: Наука, 1984. – 591 с.

ВЫЗВАЛЕННЕ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1943–1944 ГГ.
У НАЙНОЎШЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ

Памяць аб вызваленні беларускай тэрыторыі ад германскіх захопнікаў, 80-годдзе якога наша краіна адзначае ў гэтым годзе, шмат у чым вызначае фармат сучаснага гістарычнага дыскурсу пра баявыя дзеянні Чырвонай арміі цягам восені 1943–лета 1944 г. Чарговы юбілей, да моманту святкавання якога выраслі цэлыя тры пасляваенныя пакаленні беларусаў, з’яўляецца тым важным рубяжом, што вымагае ад нашчадкаў гістарычнай Перамогі адэкватнай даследчыцкай рэфлексіі, адпавядаючай не толькі патрабаванням цяперашняй гістарычнай навукі, але і сучаснаму перадавому ўзроўню вывучэння Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

У такім кантэксце аўтар прапануе некаторыя вынікі кампаратыўнага аналізу чатырох нацыянальных гістарыяграфій – беларускай, расійскай, польскай і нямецкай. У фокусе нашага даследавання знаходзяцца баявыя дзеянні Чырвонай арміі і Германскага вермахта на заключным этапе вызвалення Беларусі ў 1943–1944 гг. Апроч таго, актуальнасць такому даследчаму кірунку надаюць наступныя падыходы. Па-першае, той факт, што супастаўленне розных вынікаў з’яўляецца адной з найбольш прадуктыўных умоў усебаковага вывучэння гісторыі баявых дзеянняў часцей Чырвонай арміі і Германскага вермахта, а таксама перспектыўнай формай набліжэння айчынных даследаванняў да дасягненняў сусветнай гістарычнай навукі. Па-другое, у самой кампаратывістыцы ў апошні час набірае моц тэндэнцыя да сінтэзу даных, атрыманых прадстаўнікамі розных гістарыяграфічных школ ці нацыянальных гістарыяграфій (выдатным прыкладам тут з’яўляецца цяперашняе супрацоўніцтва беларускіх гісторыкаў з іх расійскімі і нямецкімі калегамі). Па-трэцяе, вырашальным фактарам для пашырэння сферы выкарыстання кампаратыўных ведаў стала меўшая месца часовае знікненне жалезнай заслоны, у выніку чаго з’явіліся больш спрыяльныя магчымасці для правядзення грунтоўных гістарычных даследаванняў на базе шырокага выкарыстання дакументальных крыніц процілеглых бакоў.

І ў рэшце рэшт становіцца больш відавочным, што факт знаходжання любой з нацыянальных гістарыяграфій у фармальных рамках папярэдніх тэарэтычных канцэпцый, традыцыйных напрацовак і метадычных падыходаў пакідае яе далёка ад перадавых гістарычных ведаў. Таму на парадку дня беларускай ваенна-гістарычнай навукі стаіць важная задача па правядзенні параўнаўчага аналізу тэарэтычных падыходаў, замацаваных у навуковых канцэпцыях па гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг., вызначэнні метадалагічнага ўзроўню галоўных базавых палажэнняў, а таксама выяўленні ступені доказнасці фактычнай аргументацыі ў сучасных гістарычных даследаваннях.

Аналіз навуковых даследаванняў згаданай вышэй праблематыкі ў чатырох нацыянальных гістарыяграфіях паказаў, што беларускія і расійскія гісторыкі не толькі выкарыстоўваюць адзіную дакументальную базу, але і зыходзяць з агульнай базавай парадыгмы з яе фундаментальнымі навуковымі ўстаноўкамі, уяўленнямі і тэрмінамі, а таксама з устойлівымі даследчыцкімі ацэнкамі ў дачыненні да прычын, ходу і вынікаў баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі цягам яе вызвалення, пачынаючы з восені 1943 і да канца лета 1944 года.

Увогуле сучаснай чытацкай аўдыторыі падавалася, што гісторыя баявых дзеянняў у ходзе Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі 1944 г., як і іншых наступальных аперацый у ходзе бітвы за Беларусь і яе поўнае вызваленне, павінна быць даўно добра даследаванай тэмай. Аднак гэта не так. Аматыры ваеннай гісторыі па цяперашні час на кніжных паліцах не могуць знайсці даследаванні, у якіх даваліся б адказы на вострыя пытанні аб Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

Б е л а р у с ь. Зыходным момантам для разгляду баявых дзеянняў Чырвонай арміі па вызваленні тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг. возьмем факталагічны нарытыў з энцыклапедыі «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945» [1], падрыхтаванай у апошнія гады савецкай перабудовы. Яго аналіз дазваляе адразу ж убачыць, што ў баявых падзеях восені і зімы 1943/1944 гадоў і лета 1944 г. поўна не адлюстроўваюцца фактычныя дзеянні Чырвонай арміі на першым этапе вызвалення беларускай тэрыторыі. Чытач там не знойдзе вычарпальную факталагічную інфармацыю пра няўдалыя спробы войскаў Заходняга фронту вызваліць паўночна-ўсходнія раёны Беларусі ўжо восенню 1943 – у пачатку 1944 г. У тэкставых матэрыялах аб «Беларускай аперацыі 1944» [1, с. 71–74] і «Віцебска-аршанскай аперацыі 1944» [1, с. 126–127] галоўны акцэнт аўтарамі зроблены толькі на асвятленне ходу, выніках і значэнні Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі «Баграціён», якой завяршалася, а не пачыналася поўнае вызваленне тэрыторыі Беларусі.

У той жа час зварот да савецкай энцыклапедыі «Великая Отечественная война, 1941–1945» [2] паказвае, што ў артыкуле «Заходні фронт» ідзе размова аб тым, што ў канцы 1943 – пачатку 1944 г. войскі Заходняга фронту наступалі на віцебскім і аршанскім напрамках і выйшлі ва ўсходнія раёны Беларусі [2, с. 278]. З кароткага аналізу факталагічнага нарытыву энцыклапедычных матэрыялаў вынікае, што чытач на той час быў пазбаўлены магчымасці скласці поўную карціну гісторыі баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1943 – пачатку 1944 г.

Не змянілі яе і прафесійныя намаганні І. В. Цімаховіча [3] і У. І. Лемяшонка [4], хто ў першай палове 1990-х гадоў актыўна працаваў над ліквідацыяй “белых плям”, якія заставаліся ў гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ўвогуле і ў адлюстраванні гістарычных падзей па вызваленні Беларусі ў прыватнасці. У першай працы, якая выйшла да 50-годдзя вызвалення Беларусі, практычна ўпершыню чытачу даводзіліся лічбы цяжкіх страт у жы-

вой сіле і баявой тэхніцы, панесеных войскамі Заходняга фронту ў час правядзення імі наступальных аперацый у перыяд з 12 кастрычніка 1943 г. да 1 красавіка 1944 г. На думку даследчыка, няўдачы наступлення Заходняга фронту можна патлумачыць шматлікімі прычынамі аб’ектыўнага і суб’ектыўнага парадку [3, с. 128], без дакументальнага пацверджання на матэрыялы Доклада камісіі Дзяржаўнага камітэта абароны (ДзКА) ад 11 красавіка 1944 г. Важным нам бачыцца тэза даследчыка аб тым, што на той час не ўсе падзеі атрымалі належнае асвятленне, шматлікія ваенныя дзеянні, якія праходзілі на беларускай зямлі, заставаліся ў цяні [3, с. 5]. Не вырашылі гэтай задачы і новыя падыходы другога беларускага даследчыка пры асвятленні гісторыі вызвалення Беларусі без грыфа “сакрэтна” [4]. Важнай адметнасцю яго працы было выкарыстанне не толькі малавядомых дакументаў з ЦАМА, але і ўвядзенне ў шырокі зварот нямецкіх трафейных дакументаў, перакладзеных ім на беларускую мову. На наш погляд, аўтару ўдалося прадставіць аб’ектыўную карціну вызвалення Беларусі Чырвонай арміяй, прычым абапіраючыся на архіўныя дакументы, значная частка якіх раней не друкавалася.

Зусім невыпадкова, што ў апошнія гады гісторыкі суверэннай Беларусі зрабілі важныя крокі для таго, каб на новым тэарэтычным узроўні і факталагічнай базе расставіць адпаведныя навуковыя акцэнтны ў дачыненні да баявых дзеянняў Чырвонай арміі па вызваленні Беларусі ў 1943–1944 гг. Разгледзім гэты тэзіс у найноўшых акадэмічных выданнях: «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [5], «Освобождение Беларуси 1943–1944» [6] і «Страна в огне. Освобождение. 1944–1945. Очерки» [7]. З іх вынікае цяперашні гістарыяграфічны наратыў, які ўтрымлівае даволі падрабязную характарыстыку баявых дзеянняў Чырвонай арміі ў ходзе вызвалення Беларусі. Так, у дачыненні да падзей лета 1944 г. прафесійныя даследчыкі выкарыстоўваюць такія тэрміны: «Беларуская наступальная аперацыя 1944 г. “Баграціён”»; «Беларуская стратэгічная наступальная аперацыя»; «Аперацыя “Баграціён”»; «Беларуская стратэгічная наступальная аперацыя “Баграціён”». У той жа час у адносінах да малавядомых 11 наступальных аперацый, праведзеных Заходнім фронтам у канцы 1943 – пачатку 1944 г. на віцебскім (тры), багушэўскім (дзве) і аршанскім (шэсць) напрамках, даследчыкі ўжываюць іх канкрэтныя назвы.

Канцэптуальна гэтыя падзеі звязаны наступным чынам: калі ў першым выданні выкарыстана такая дэфініцыя, як «основные действия на белорусском направлении вынуждали противника держать тут мощную группировку, не дав тем самым перебросить части своих войск на юг» [5, с. 432], дык трэцяя праца практычна вяртае чытача да класічнага тэзіса савецкай гістарыяграфіі: «советские войска держали в постоянном напряжении противостоящие 3-ю танковую и 4-ю армии вермахта, сковывали их войска и нанесли им значительный урон» [7, с. 414]. Заўважым, што апошні тэзіс адразу ж выклікае пытанні па той простае прычыне, што паводле дырэктыў Стаўкі Вярхоўнага Галоўнакамандавання, аддадзеных 12, 18 лістапада і 23 снежня 1943 г., а таксама 18 студзеня 1944 г. камандуючым войскамі 1-га Прыбал-

тыйскага і Заходняга франтоў, ставілася адзіная задача «О разгроме витебской группировки противника» [8; 9; 10; 11]. Паводле зместу дырэктывы размова ідзе выключна аб наступленні і поўным разгроме праціўніка (!), але не аб тым, каб у ходзе наступлення стрымаць, запыніць ці скаваць яго рух на ўсход. Чаму тут беларускія і расійскія гісторыкі не даюць рэальнага тлумачэння гістарычных фактаў і вядомых дакументаў? Чаму не працягваецца практыка, уведзеная яшчэ ў пачатку 1990-х гадоў расійскім даследчыкам М. А. Гарэевым у дачыненні да тых падзей?

Як вядома, у першай палове 1990-х гадоў былі ўдзельнікі наступальных аперацый на віцебскім напрамку М. А. Гарэў паспрабаваў не толькі паказаць ход няўдалых наступальных аперацый, але і знайсці адказы на складаныя пытанні аб прычынах стратэгічных, арганізацыйных і аператыўна-тактычных няўдач, выкарыстоўваючы для гэтага фактычна ўпершыню ўведзены ў навуковы зварот не апублікаваны ў савецкі час Даклад камісіі ДзКА ад 11 красавіка 1944 г. Адзначым, што менавіта ў такім ключы працавалі беларускія гісторыкі, аўтары спецыяльнага выдання «Освобождение Беларуси. 1943–1944», якое выйшла да 60-годдзя вызвалення беларускай зямлі ад германскіх захопнікаў. Дзякуючы звароту да малавядомага дакумента, беларускія аўтары намалявалі карціну баявых дзеянняў і выявілі фактычныя прычыны няўдач, раскрылі пры гэтым рэальныя вынікі, маштабы страт і пралікаў.

Атрымліваецца, што па цяперашні час у беларускай гістарыяграфіі яшчэ не праведзена спецыяльнае даследаванне, у аснове якога ляжалі б новыя гістарычныя веды, атрыманыя на падставе аналізу, супастаўлення і навуковай верыфікацыі ўсяго наяўнага комплексу айчынных і замежных дакументаў, а таксама найноўшай айчыннай і замежнай гістарыяграфіі ў дачыненні да баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта ўвосень 1943–летам 1944 года. Хоць на справе назапашаны значны эмпірычны матэрыял, які пакуль застаецца без глыбокага тэарэтычнага аналізу. Таму чытач да гэтага часу не мае грунтоўнага даследавання аб пачатку вызвалення тэрыторыі Віцебшчыны яшчэ ў лютым 1942 г. Навукова маладаследаваным застаецца і другі этап вызвалення, які пачаўся ўвосень 1943 г. Як і заключны этап вызвалення ў ходзе правядзення Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі “Баграціён” чакае свайго прафесійнага даследчыка беларускага паходжання.

Р а с і я. Кажучы пра расійскую гістарыяграфію, прысвечаную гісторыі вызвалення Беларусі ў 1943–1944 гг., спынімся толькі на найноўшых выданнях. Першае з іх, 4-томная праца «Великая Отечественная война. 1941–1945» [12], было падрыхтавана пры супрацоўніцтве Расійскай акадэміі навук і Міністэрства абароны РФ і выдадзена ў канцы 1990-х гадоў у жанры ваенна-гістарычных нарысаў. Трэцяя кніга прысвечаная заключнаму перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Заўважым, што раздзел пад назвай «Няўдачы на заходнім напрамку» падрыхтаваў М. А. Гарэў, які паспрабаваў адыйсці ад некаторых палажэнняў на той час ужо вядомага Доклада камісіі ДзКА ад

11 красавіка 1944 г., значна глыбей аналізуючы рэальныя прычыны няўдач Чырвонай арміі на заходнім напрамку. Важна, што пры гэтым аўтар звярнуўся да дысэртацыйнага даследавання В. І. Фесенкі «Причины неудач наступательных операций Западного фронта в Белоруссии осенью 1943 – зимой 1944 г.: выводы и уроки» на атрыманне ступені кандыдата гістарычных навук, абароненага ў Інстытуце ваеннай гісторыі МАРФ у Маскве ў 1992 г. Прадстаўляючы ў трэцім томе аперацыю «Баграціён», расійскія даследчыкі адзначаюць, што яна па праву можа лічыцца адной з самых бліскучых не толькі Вялікай Айчыннай, але і Другой сусветнай вайны: «Операция “Багратион”» явилась первой стратегической наступательной операцией Красной Армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начали военные действия вооруженные силы США и Англии» [12, с. 76].

Аналіз матэрыялаў, якія ўвайшлі ў 4-ы том «Освобождение территории СССР. 1944 год» новага 12-томнага фундаментальнага выдання «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [13] дае магчымасць убачыць асноўныя падыходы, ацэнкі і вынікі ў дачыненні да баявых дзеянняў ва ўсходняй Беларусі і пры яе вызваленні ў ходзе «Беларускай наступальнай аперацыі» ці «аперацыі “Баграціён”» [13, с. 347]. Аўтары таксама прыходзяць да высновы, што «операция “Багратион”» явилась первой стратегической наступательной операцией Красной Армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начали военные действия вооруженные силы США и Англии» [14, с. 52]. У той жа час, характарызуючы баявыя дзеянні на цэнтральным участку савецка-германскага фронту, даследчыкі адзначаюць, што на тэрыторыі Беларусі гэтаму рубяжу на той момант была адведзена «ўскосная роля» [13, с. 102]. У працы сцвярджаецца, што ў ходзе наступальных аперацый савецкія войскі панеслі істотныя страты ў асабовым складзе і ваеннай тэхніцы, выкарысталі вялікую колькасць боепрыпасаў. Пры гэтым расійскія аўтары цалкам паўтараюць тэзіс савецкага часу аб тым, што няўдалыя дзеянні Заходняга фронту на цэнтральным участку савецка-германскага фронту «сковали группу армий “Центр”, не позволив ей оказать помощь терпевшим катастрофическое поражение группам армий “Юг” и “А”» [13, с. 117]. Звернем увагу чытача на тое, што падобны тэзіс быў уведзены яшчэ ў 1970-я гады ў 12-томніку «История Второй мировой войны. 1939–1945». Так, у восьмым томе пры разглядзе «военных [баявых. – С. Н.] действий на западном направлении» сцвярджалася, што «активными действиями в течение всей зимы и первых весенних месяцев 1-й Прибалтийский, Западный и 1-й Белорусский фронты сковывали основные силы мощной по своему составу группы армий “Центр”, не позволяя немецко-фашистскому командованию за счет ее сил оказывать помощь группам армий “Юг”, “А” и “Север”, терпевшим в то время тяжелейшие поражения» [14, с. 137].

Адзначым, што агульнай прыкметай для згаданых беларускіх і расійскіх выданняў з’яўляецца фактычная адсутнасць спасылак на дакументы супрацьлеглага боку пры аналізе гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі. У названых працах даследчыкі

практычна не выкарыстоўваюць спецыяльныя нямецкія даследаванні, у такой форме абыходзячы маўчаннем найноўшыя замежныя распрацоўкі аб баявых дзеяннях Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі. Да ўсяго, гісторыкі не ўвялі ў навуковы зварот трафейныя нямецкія дакументы, якія захоўваюцца ў фондах РДзВА ў Маскве і ЦАМА РФ у Падольску. Не з’яўляецца выключэннем і 4-ы том найноўшага 12-томнага выдання, дзе пры разглядзе баявых дзеянняў ва ўсходняй Беларусі ў канцы 1943 – пачатку 1944 г. аўтары прывялі 251 спасылку, але толькі ў 12 з іх ёсць згадка на 8-ы том «Германскі рэйх і Другая сусветная вайна», які носіць назву «Усходні фронт 1943/44» [15]. Ці можа такое кропкавае выкарыстанне спрыяць усёабдымнаму даследаванню двухбаковых баявых дзеянняў, асабліва высвятленню дакладных прычын няўдач Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг.?

У такой сітуацыі ў чытача складваецца ўражанне, што ў тэксце награвашчаны вялікі масіў эмпірычных матэрыялаў, датычных тых гістарычных падзей. Фактычна ў падобным ключы беларускія і расійскія аўтары пішуць агульную карціну баявых дзеянняў Чырвонай арміі, дзе дэманструюць толькі адзін – савецкі бок, які даволі часта выступаў супраць «безыменнага праціўніка»: без прывядзення канкрэтных звестак пра агульны колькасны і штатны састаў германскіх палявых і паветраных часцей вермахта, без вызначэння дакладнай лакалізацыі войск праціўніка на мясцовасці, не раскрываючы структуры яго баявых падраздзяленняў, маштабў выкарыстання тэхнікі і ўзбраенняў, і ў выніку не параўноўваючы панесеныя з абодвух бакоў страты, агульную колькасць зніклых без вестак, патрапіўшых у палон і г.д. Гэта значыць, чытача пераконваюць, што без фактычнай ацэнкі сіл праціўніка аддаваліся загады аб правядзенні наступальных аперацый па вызваленні Беларусі ў 1943–1944 гг. А на справе гэты было далёка не так.

Важным фактам у гэтым пераліку можна назваць працу А. В. Ісаева «Операция «Багратион». «Сталинский блицкриг» в Белоруссии», якая выйшла да 75-годдзя правядзення аперацыі [16]. Дадзенае даследаванне неабходна разглядаць у кантэксце аўтарскай канцэпцыі, паводле якога прадугледжваецца напісанне дзвюх самастойных прац, аб’яднаных адзінай ідэяй паказу геніяльнай аперацыі па вызваленні Беларусі летам 1944 г. У фокусе першай часткі даследавання апынуліся галоўным чынам падзеі, якія адбываліся на Заходнім фронце ў перыяд з кастрычніка 1943 г. і да яго расфарміравання, калі па тэрыторыі Беларусі пралягаў пазіцыйны фронт: ён прывёў да правалу 11 наступальных аперацый Чырвонай арміі. Гэтай ваеннай паразе ў працы надаецца тэрмін «рускі Вердэн» [16, с. 49], што выклікае пэўныя пытанні на падставе адной з галоўных прычын – геаграфічнай лакалізацыі баявых падзей Чырвонай арміі выключна на тэрыторыі Беларусі. Важна звярнуць увагу на падыход расійскага даследчыка, які падзяляе Беларускаю стратэгічную наступальную аперацыю на два этапы, разглядаючы баявыя дзеянні Чырвонай арміі і Германскага вермахта цягам часу толькі ад 23 чэрвеня па 4 ліпеня 1944 г., то бок да даты вызвалення беларускай сталіцы – Мінска. У выніку

расійскі аўтар заключае, што ў ходзе правядзення двух франтавых удараў, у цэнтры якіх ляжаў Бабруйск, адбылася катастрофа нямецкіх сіл і быў прадвызначаны ўвесь ход летняй кампаніі 1944 г., у тым ліку вызвалення тэрыторыі Беларусі.

У другой працы “Операция «Багратион». Взлом «белорусского балкона»” [17] расійскі даследчык з выкарыстаннем дакументальных крыніц рознага паходжання раскрывае далейшы ход адной з “теніяльных савецкіх аперацый” – аперацыі “Баграціён”. Як заключае аўтар, гэта аперацыя стала пэўнай расплатай за гітлераўскі бліцкрыг. Роўна праз тры гады Чырвоная армія цалкам разлічылася за катастрофічны пачатак вайны, разграміўшы групу армій “Цэнтр” на тэрыторыі Беларусі [17, с. 5]. Ад сябе дададзім, наколькі карэктным з’яўляецца ўжыванне расійскім даследчыкам тэрміна “бліцкрыг”, што гістарычна было звязана з агрэсіяй супраць савецкай краіны, яе захопам і разгромам, а не вызваленнем.

У год 75-й гадавіны аперацыі ў Маскве выйшлі даследаванні не толькі знакамітага ў Расіі і за яе межамі аўтара шэрагу кніг па Вялікай Айчыннай вайне А. В. Ісаева, але і малавядомага на той час у айчыннай гістарычнай навуцы расійскага даследчыка М. У. Сініцына [18]. Апошні ўпершыню падрабязна і аб’ектыўна раскажаў аб планаванні, падрыхтоўцы і правядзенні ў канцы чэрвеня 1944 г. Бабруйскай наступальнай аперацыі 1-га Беларускага фронту. Пры гэтым у якасці крыніц аўтар выкарыстаў дакументы ЦАМА і нямецкія архіўныя матэрыялы для паказу адной з вузлавых падзей у ходзе самай яркай аперацыі савецкіх войскаў у гады Вялікай Айчыннай вайны – Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі “Баграціён”. Адразу неабходна звярнуць увагу на смеласць аўтарскага падыходу ў дачыненні да падрыхтоўкі больш чым 400-старонкавага навукова-гістарычнага выдання аб адным з важных эпізодаў ваеннай гісторыі Беларусі. Другім значным момантам для нас з’яўляецца той факт, што паводле дакументальных звестак гістарычны перыяд правядзення Бабруйскай наступальнай аперацыі меў больш шырокія часавыя рамкі ў параўнанні з тым, што было замацавана з савецкіх часоў у беларускай гістарыяграфіі, і скончыўся не 29 чэрвеня, а 1 ліпеня 1944 г. [18, с. 303]. У гэтай сувязі ўзнікаюць важныя пытанні, датычныя таксама іншых бакоў правядзення Бабруйскай наступальнай аперацыі, асабліва ў аспекце забеспячэння “поўнага” разгрому нямецкіх войскаў у Бабруйскім “катле”, баявых дзеянняў дакладных вайсковых падраздзяленняў Чырвонай арміі на лініі наступлення і г.д.

П о л ь ш ч а. Пра поўнамаштабнае навуковае даследаванне тэмы вызвалення Беларусі ў сучаснай польскай гістарыяграфіі мы пакуль не ведаем. Аднак добра вядома праца польскага даследчыка Роберта Урублеўскага «Бабруйскі кацёл 1944 года» [19], якая па сваёй значнасці не саступае нават некаторым афіцыйным выданням у айчыннай гістарыяграфіі, таму што раскрывае асаблівае баявых падзей на адным з ключавых пунктаў нямецкай абароны, пераўтворанай у раёне Бабруйска ў сапраўдную непрыступную крэпасць. У склад бабруйскай нямецкай групойкі ўваходзіла 10 дывізій, у тым

ліку вядомая аўстрыйская 45-я пяхотная дывізія, якая ў 1941 г. штурмавала Брэсцкую крэпасць, а таксама 20-я танкавая дывізія, што разам з іншымі падраздзяленнямі налічвала больш за 250 танкаў, штурмавых гармат і знішчальнікаў танкаў. Бабруйскі ўдар, як паказвае польскі даследчык, стаў адной з ключавых падзей летняй аперацыі «Баграціён» 1944 г. Да таго ж, разгляд баявых дзеянняў абодвух бакоў прыводзіць аўтара да важнай высновы, што без адначасовага абвалу нямецкай абароны ў раёне Бабруйска і Віцебска наступленне на Мінск з акружэннем 4-й нямецкай палявой арміі і агульным крушэннем усяго фронту групы армій «Цэнтр» было б немагчымым [19, с. 5].

У гэтым плане хацелася б агучыць выказванне вядомага расійскага даследчыка, бліскачага знаўцы баявых дзеянняў як Чырвонай арміі, так і Германскага вермахта на ўсходнім фронце, у тым ліку гісторыі Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі 1944 г., А. В. Ісаева. У кароткай прадмове да рускага выдання кнігі Р. Урублеўскага расійскі ваенны даследчык заключае: «Ситуация по изучению войны качественно изменилась сравнительно недавно, в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Тем не менее с момента этого качественного перелома прошло уже около четверти века. Поэтому сегодня, когда от событий войны нас отделяет уже более семи десятилетий, писать ее историю по старинке, перефразируя известное высказывание, это даже не ошибка, это преступление. Хорошим тоном и даже строго обязательным для исследователей войны является привлечение документальных данных обеих сторон» [19, с. 9]. І апошняе для ўсіх нас павінна стаць не прапісной гіпотэзай, а практычнай аксіёмай.

Таму з вялікім задавальненнем адзначым, што якраз такім правілам кіруецца польскі даследчык Р. Урублеўскі, які шмат гадоў займаецца вывучэннем баявых дзеянняў на савецка-германскім фронце пераважна на завяршальным этапе вайны. Яго практыка грунтуецца на аналізе дакументаў абодвух бакоў, як нямецкіх, так і савецкіх, на падставе чаго ён праводзіць і сваё новае гістарычнае даследаванне аб баявых дзеяннях вермахта і Чырвонай арміі ў раёне Бабруйска. Як адзначана ў даследаванні, на момант правядзення летняй аперацыі на тэрыторыі Беларусі сам горад Бабруйск быў пераўтвораны ў крэпасць з дасканалай сістэмай абароны – на ўсходнім беразе Бярэзіны былі створаны тры калыцы абароны, а на заходнім – пяць. Абарону на Бабруйскім напрамку займалі два корпусы 9-й арміі, у склад якіх уваходзілі 6-я, 35-я, 36-я, 45-я, 129-я, 134-я, 296-я і 383-я пяхотныя дывізіі, у рэзерве знаходзіліся 707-я пяхотная і 20-я танкавая дывізіі. Непасрэдную падтрымку ажыццяўлялі семдзесят тры штурмавыя гарматы і пяцьдзесят восем знішчальнікаў танкаў. Апроч таго, у рэзерве знаходзіліся дзевяноста тры танкі і дваццаць восем знішчальнікаў танкаў. Аднак па выніку праведзенага аналізу аўтар заключае, што гэтыя сілы былі зусім не гатовыя адбіць удар, нанесены Чырвонай арміяй [19, с. 14, 15].

Заўважым, што ў аснову яго даследавання пакладзены дакументы Ліквідацыйнага штаба вермахта, створанага для збору інфармацыі аб цалкам знішчаных злучэннях, што падлягалі расфарміраванню. Гэтыя архіўныя матэрыя-

лы (баявыя зводкі і рапарты, складзеныя ацалелымі афіцэрамі, а таксама паказанні салдат, якія вырваліся з акружэння пад Бабруйскам) упершыню ўведзены ў навуковы зварот і праліваюць святло на шматлікія дэталі Бабруйскага «катла» і крах групы армій «Цэнтр», што стала страшнай катастрофай Германскага вермахта. Узнікае пытанне, чаму беларуская гістарыяграфія да гэтага часу не надала належнай увагі гэтаму даследаванню, падобнаму ў падыходах да найноўшых прац расійскіх гісторыкаў А. В. Ісаева і М. У. Сініцына.

Германія. Навуковае даследаванне гэтай тэмы нямецкімі гісторыкамі ў апошні час вялося ў рамках завяршэння праекта Ваенна-гістарычнага ўпраўлення па вывучэнні гісторыі Германскага рэйха і Другой сусветнай вайны. У выніку быў падрыхтаваны асобны том, фактычна амаль цалкам прысвечаны гістарычным падзеям на Усходнім фронце ў 1943–1944 гг., у тым ліку баявым дзеянням Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ў ходзе яе поўнага вызвалення. Заўважым, што на гэты момант нямецкая праца добра вядома шырокаму беларускаму чытачу [20]. У адрозненне ад прадстаўнікоў беларускай і расійскай нацыянальных школ нямецкія даследчыкі шырока выкарыстоўваюць дакументальныя крыніцы з архіваў Расіі для абгрунтавання вывучэння тых падзей, што мелі месца на беларускай тэрыторыі на завяршальным этапе вайны. На наш погляд, на цяперашні час для нямецкіх гісторыкаў аксіёмай з’яўляецца той тэзіс, што нельга правесці якаснае даследаванне баявых дзеянняў паміж войскамі Чырвонай арміі і Германскага вермахта на савецка-германскім фронце, аб’ектыўна рэканструюваць гісторыю тых падзей без абавязковага ўліку дакументальных крыніц і гістарыяграфічных фактаў супрацьлеглых бакоў.

Так, нямецкі даследчык доктар К.-Г. Фрызер, які працаваў з масівам самых розных дакументаў, у тым ліку з РДзВА і ЦАМА, даволі падрабязна раскрывае характар тых гістарычных падзей у згаданай вышэй працы «Усходні фронт 1943/44» [15]. У дачыненні да баявых дзеянняў летам 1944 г. ён адзначае, што яны ствараюць асобную главу, якая наўрад ці была ў ранейшай ваеннай гісторыі, асабліва з улікам свайго драматызму і маштабных страт. У той жа час нямецкі аўтар лічыць, што для савецкіх гісторыкаў баявыя дзеянні Чырвонай арміі ў 1943 г. даволі доўгі час знаходзіліся пад забаронай, таму набылі характар «забытай вайны» [14, S. 277]. У даследаванні канстатуецца факт таго, што германскія войскі групы армій «Цэнтр» летам 1943 г. былі ўжо не ў стане стрымліваць узростаючы націск Чырвонай арміі, паколькі на той час кожнай з 4 германскіх армій, якія знаходзілася на беларускай тэрыторыі, супрацьстаяў цэлы фронт ці спецыяльная армейская групоўка. Да таго ж, у тыле германскіх войскаў дзейнічалі больш за 100 тысяч савецкіх партызан. На думку Фрызера, тэарэтычна ў распараджэнні камандавання для абароны амаль 700-кіламетравага рубяжа на ўсходзе знаходзіліся 42 пяхотныя, 4 палявыя, 2 танкавыя грэнадзёрскія і 6 танкавых дывізій. Фактычна на справе неабходна казаць пра значна меншыя сілы [15, S. 302].

Дзе́ннікі баявых дзеянняў розных злучэнняў групы армій «Цэнтр», выкарыстаныя для аналізу тых баявых падзей на паўночным участку Цэнтральнага фронту восенню 1943 г., даюць уяўленне пра сапраўдныя маштабы кровапраліцця, якое адбылося на беларускай тэрыторыі на лініі абароны 3-й германскай танкавай арміі. Паводле загаду Гітлера, гэта армія павінна была трымаць «крэпасць Віцебск», так званыя «вароты да Прыбалтыкі». У ходзе зімніх баёў, якія закончыліся ў сярэдзіне студзеня 1944 г., абодва бакі панеслі значныя страты. Пры гэтым з нямецкага боку яны складалі 19 150 забітых, параненых і прапаўшых без вестак, а з савецкага, паводле афіцыйных звестак, 6 наступаючых савецкіх армій страцілі 135 012 чалавек і больш за 1 200 танкаў [15, S. 317].

Галоўным аб'ектам на цэнтральным участку з'яўлялася шаша Масква – Мінск, уздоўж якой вялі наступленне 7 савецкіх армій. Ім супрацьстаяла толькі адна 4-я германская армія, у складзе якой на 1 лістапада 1943 г. было 193 510 чалавек, пры гэтым ніводнай танкавай дывізіі. За паўгода на гэтым напрамку войскі савецкага Заходняга фронту (дзейнічаў па 24 красавіка 1944 г.) правялі 8 наступальных аперацый: 5 на паўночным флангу паблізу Оршы, 2 – на паўднёвым, і толькі адна вялікая наступальная аперацыя была ажыццёўлена ўздоўж самой шашы. З дакументаў вынікае, што ніводная з 11 наступальных аперацый, праведзеных Чырвонай арміяй супраць германскіх 4-й палявой і часткова 3-й танкавай армій, не была паспяховай. Як паказвае нямецкі гісторык, савецкія войскі страцілі 530 537 чалавек параненымі і забітымі, страты ж нямецкага боку з 12 кастрычніка 1943 г. да канца сакавіка 1944 г. склалі 10 566 забітых і прапаўшых без вестак і 24 490 параненых [15, S. 324].

Кажучы пра крах групы армій «Цэнтр» летам 1944 г., Фрызер аналізуе вынікі баявых падзей у ходзе паспяхова праведзенай наступальнай аперацыі «Баграціён», якая прывяла да катастрофы гэтай групы. Паводле дакументальных крыніц, наступаючым савецкім войскам супрацьстаялі сілы 2-й, 4-й і 9-й палявых і 3-й танкавай армій агульнай колькасцю 486 493 салдаты, а таксама 3 236 гармат, 118 танкаў і 452 САУ, 602 самалёты [15, S. 532]. Тады як у айчыннай літаратуры выкарыстоўваюцца такія звесткі: «В общей сложности на белорусском направлении действовали 63 дивизии. В них насчитывалось 1,2 млн человек, 900 танков и штурмовых орудий, 9 500 полевых орудий и минометов. С воздуха германские войска поддерживала авиация 6 и частично 1 и 4-го воздушных флотов в количестве 1 350 боевых самолетов» [14, с. 55]. Нямецкі гісторык адзначае, што з пачаткам першай фазы аперацыі «Баграціён» савецкі бок пераўзыходзіў праціўніка ў жывой сіле ў 3,7 раза, артылерыі – 9,4, колькасці танкаў – 23, самаходных устаноў – 3,6 і самалётаў – 10,5 раза. Да таго, групе армій «Цэнтр» давялося весці вайну фактычна на два франты: у якасці «другога фронту» выступалі амаль 150 тысяч партызан, якія дзейнічалі ў тыле нямецкіх армій [15, S. 534].

У дачыненні да канчатковых страт, панесеных з савецкага боку ў ходзе аперацыі «Баграціён», нямецкі ваенны гісторык адзначае, што ў жывой сіле яны складалі 770 888 чалавек (з якіх 180 040 – забітыя і прапаўшыя без вестак, 590 848 – параненыя). Апрача таго, савецкі бок страціў 2 957 танкаў і САУ, 2 447 адзінак артылерыі і 822 самалёты [15, S. 593].

Катастрофу групы армій «Цэнтр» наглядна характарызуюць статыстычныя даныя аб стратах, панесеных з абодвух бакоў падчас правядзення летняй аперацыі ў Беларусі. Паводле нямецкіх звестак, агульныя страты з нямецкага боку склалі 399 102 чалавекі, у тым ліку: 26 397 – забітыя, 262 929 – прапаўшыя без вестак і 109 776 – параненыя. Гэта пераўзыходзіць маштабы нямецкай катастрофы ў бітве пад Вердэнам у 1916 г., калі германскі рэйхсвер страціў 330 тыс. чалавек (разам з параненымі), і значна пераўзыходзіць страты 6-й германскай арміі пад Сталінградам (60 тысяч забітымі і 110 тысяч палоннымі) [15, S. 594]. Фрызер заключае, што аперацыя «Баграціён» застаецца самай бліскучай аперацыяй, праведзенай Чырвонай арміяй на працягу ўсёй Вялікай Айчыннай вайны [15, S. 600].

Такім чынам, нават кароткі аналіз фундаментальных даследаванняў, праведзеных у апошнія гады прадстаўнікамі розных нацыянальных гістарыяграфій – вядучымі гісторыкамі Беларусі, Расіі, Польшчы і Германіі, прыводзіць не толькі да важных высноў, але і ставіць на парадак дня цэлы комплекс даследчыцкіх праблем.

1. Факталагічныя: па-першае, у беларускай гістарыяграфіі на гэты час нам не вядома ні адна работа, якая была праведзена на аснове метаду кампаратыўнага аналізу баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 г.; па-другое, пакуль што адсутнічаюць даследаванні, якія на базе арыгінальных крыніц савецкага і нямецкага паходжання спрабавалі б рэканструяваць тыя гістарычныя падзеі такімі, якімі яны былі ў сапраўднасці; па-трэцяе, нявырашанасць згаданых праблем звязана з захаваннем устойлівай практыкі выкарыстання айчыннымі гісторыкамі хоць і больш пашыранай базы новых дакументальных крыніц, аднак без абавязковага звароту да звестак з арыгінальных нямецкіх дакументаў і найноўшых замежных даследаванняў;

2. Метадалагічныя: па-першае, патрабуе асобнай увагі праблема навуковых дэфініцый па ваеннай гісторыі. Нам пакуль не вядома праца, якая была б напісана ў рэчышчы найноўшых дасягненняў не толькі айчыннай, але і сусветнай гістарычнай навукі накшталт новага даследавання нямецкага гісторыка К. Герлаха [21]; па-другое, беларускія даследчыкі стаяць перад неабходнасцю пачаць распрацоўку тэорыі і метадалогіі, праблем крыніцазнаўства для вывучэння двухбаковых баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг.; па-трэцяе, адной з умоў далейшай распрацоўкі ваеннай праблематыкі для прафесійных гісторыкаў можа стаць новае прачытанне гісторыі двухбаковых баявых дзеянняў, асновай чаго павінны быць сучасныя метадалагічныя падыходы і новы метадычны інструментарый, сярод якіх адным з правяраных шляхоў прырашчэння навуковых ведаў нам бачыцца кампаратыўны падыход.

3. Практычныя: па-першае, непрафесійны чытач ці просты аматар гісторыі без выкарыстання найноўшых падыходаў так і не здолеў да канца зразумець сутнасць малавядомых падзей з гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г.; па-другое, неабходна публікаваць малавядомыя і новыя дакументы ў суправаджэнні грунтоўных навуковых каментароў, без якіх нельга рухацца наперад ва ўсебаковым вывучэнні малавядомых старонак ваеннай гісторыі; па-трэцяе, неабходна весці адкрытую дыскусію з удзелам прафесійных даследчыкаў, у тым ліку замежных, па важнейшых праблемах ваеннай гісторыі Беларусі на этапе яе канчатковага вызвалення ў 1943–1944 гг.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945 : энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 : энцикл. / гл. ред. М. М. Козлов; редкол.: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. глав. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 832 с.
3. *Тимохович, И. В.* Битва за Белоруссию: 1941–1944 / И. В. Тимохович. – Минск : Беларус, 1994. – 254 с.
4. *Лемяшонак, У. І.* Вызваленне без грыфа “сакрэтна” / У. І. Лемяшонак. – Мінск : Полымя, 1996. – 151 с.
5. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авторского коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
6. Освобождение Беларуси 1943–1944 / В. В. Абатуров (рук. авторского коллектива) ; редкол.: И. И. Басик (сопредседатель), А. А. Коваленя (сопредседатель) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 943 с.
7. Страна в огне : в 3 т. / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков; ред. сост. Д. В. Суржик. – М. : ТД «Абрис», 2018. – Т. 3: Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. – Кн. 1: Очерки. – 717 с.
8. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30243 командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 12 нояб. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 57.
9. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30247 командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 18 нояб. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 58.
10. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30268 командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 23 дек. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 58.

11. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 220011 командующим войсками 1-го Прибалтийского и Западного фронтов, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 18 янв. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 59.
12. Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки : в 4 кн. – М. : Наука, 1999. – Кн. 3: Освобождение. – 510 с.
13. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т.– М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год. – 864 с.
14. История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 12 т. / гл. редкол.: Д. Ф. Устинов (председатель), П. А. Жилин (зам. председателя) [и др.]. – М. : Воениздат, 1977. – Т. 8: Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. – 534 с.
15. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg : In 10 B-de. / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. – 1319 S.
16. Исаев, А. В. Операция «Багратион». «Сталинский блицкриг» в Белоруссии / А. В. Исаев. – М. : Эксмо, 2014. – 448 с.
17. Исаев, А. В. Операция «Багратион». Взлом «белорусского балкона» / А. В. Исаев. – М. : Яуза, 2019. – 448 с.
18. Сеницын, М. В. Операция «Багратион». «Оба удара главные...». К 75-летию операции / М. В. Сеницын. – М. : Агентство Алгоритм, 2019. – 416 с.
19. Врублевский, Р. Бобруйский «котел» 1944 года / Р. Врублевский. – М. : Яуза-каталог, 2016. – 320 с.
20. Новікаў, С. Я. Савецка-германскі фронт у 1943–1944 гг.: погляд нямецкіх гісторыкаў / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 12. – С. 67–75. – Рэц. на кн.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: In 10 B-de. / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten – 1319 S.
21. Gerlach, Ch. Der Mord an den europäischen Juden. Ursachen, Ereignisse, Dimensionen / Ch. Gerlach. – München : Verlag C.H. Beck, 2017. – 576 S.

А. Я. Паўлава

ТЭМА ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ТВОРЧАСЦІ ЗАСЛУЖАНАГА АРХІТЭКТАРА БССР В. М. ВОЛЧАКА

Заслужаны архітэктар БССР В. М. Волчак з'яўляецца аўтарам і сааўтарам некалькіх помнікаў і мемарыяльных комплексаў, прысвечаных падзеям Вялікай Айчыннай вайны, на тэрыторыі Беларусі. Між тым знакамiты

архітэктар-мастак, які так яскрава адлюстравалі падзеі ваеннага ліхалецця, нарадзіўся далёка ад беларускай зямлі, у Краснаярскім краі. У Беларусь Віктар Мацвеевіч прыехаў пасля вайны, у 1953 г.

Аднак некаторыя сувязі В. М. Волчака з беларускімі архітэктарамі, якія маглі пасадзейнічаць яго пераезду ў Мінск, мы можам знайсці ў пачатковым перыядзе яго творчасці. У 1929 г. Віктар Волчак быў накіраваны на вучобу ў Маскву ў Вышэйшы мастацка-тэхнічны інстытут (ВМАТЭІН). Пасля рэарганізацыі гэтай ВНУ частку студэнтаў перавялі ў Ленінградскі інстытут жывапісу, скульптуры і архітэктуры (В. М. Волчак у сваіх успамінах называў Ленінградскую акадэмію мастацтваў). Аднакурснікам В. Волчака быў Г. Заборскі. Кіраўніком дыпломнага праекта стаў прафесар Іосіф Лангбард.

Летам 1941 г. архітэктар знаходзіўся ў Ташкенце, дзе працаваў пасля заканчэння ВНУ. Архітэктар-мастак у гэты перыяд змагаўся супраць ворага даступным яму спосабам – сілай плакатнага мастацтва. Так, вядомы ягоны плакат “Вучыся абараняць Радзіму!”. У БДАМЛІМ захоўваецца тыражны плакат В. М. Волчака “Фашызм – гэта гвалт, голад, смерць” (1941).

Аднак, як і большасць насельніцтва СССР, В. Волчак жадаў абараняць краіну са зброяй у руках. У жніўні 1941 г. ён быў мабілізаваны. Пасля заканчэння шасцімесячных курсаў Ваенна-інжынернай акадэміі імя У. Куйбышава і Болшаўскага ваенна-інжынернага вучылішча ў званні старшага лейтэнанта Віктар Волчак быў накіраваны ў дзеючую армію намеснікам камандзіра асобнага сапёрнага батальёна ў дывізію, якая абараняла Сталінград. Сярэдняя працягласць жыцця байца на гэтым участку фронту была тры дні. На момант прыбыцця В. Волчака на месца службы камбат загінуў, і неабстрэленаму намесніку прыйшлося прымаць камандаванне на сябе [1, арк.7–10]. Як прыгадваў сам архітэктар пасля вайны, ён правёў тры гады ў дзеючых войсках: франтавымі дарогамі прайшоў ад Сталінграда праз Курскую дугу да вызвалення Чэхаславакіі. Восенню 1943 г. у перыяд падрыхтоўкі і фарсіравання Дзясны і Дняпра пад інтэнсіўным агнём праціўніка ён забяспечваў ажыццяўленне перапраў з дапамогай падручных сродкаў і падсобных матэрыялаў. Ідучы ў авангардзе баявых парадкаў, ажыццяўляў фатаграфаванне і замалёўкі адбітых у праціўніка збудаванняў і перашкод, вывучаў спосабы іх пераадолення савецкімі войскамі. Вызваляў поўдзень Беларусі, Украіну, Польшчу, Усходнюю Германію і Чэхаславакію.

Падчас баёў у 1944 г. В. Волчак атрымаў раненне і трапіў у рэзерв. Заўважыўшы ў шпіталі, што афіцэр-сапёр (на той момант начальнік штаба сапёрнага батальёна 10-й стралковай дывізіі) шмат малюе, прадстаўнікі палітаддзела 60-й арміі 1-га Украінскага фронту забралі сапёра з мастацкай акадэмічнай адукацыяй у рэдакцыю газеты “Армейская праўда”. Акрамя карэспандэнцкай работы В. Волчаку даручылі пісаць гісторыю баявога шляху 60-й арміі і вывучэння вопыту вайны [1, арк.10–11].

Вайну Віктар Мацвеевіч скончыў у званні капітана ў Празе. За ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне В. М. Волчак быў узнагароджаны медалямі “За баявыя заслугі”, “За адвагу” і Ордэнам Вялікай Айчыннай вайны II ступені.

У красавіку 1953 года па запрашэнні А. В. Караля Віктар Мацвеевіч пераехаў працаваць у Мінск галоўным архітэктарам праектаў Інстытута “Белдзяржпраект”.

Асабісты архіўны збор В. М. Волчака захоўваецца ў БДАНТД, куды яго перадаў сын архітэктара. Матэрыялы фонду архітэктара-мастака, якія маюць дачыненне да падзей ваеннай пары, можна падзяліць на некалькі груп.

Асобная група – гэта матэрыялы, якія былі створаны падчас ваенных падзей. У асабістым архіўным зборы архітэктара захаваліся альбом франтавых малюнкаў (28 аркушаў) [2] і падборка франтавых заматак (29 аркушаў) [3]. Часам В. Волчаку прыходзілася вырабляць друкарскае абсталяванне з падручных матэрыялаў (напрыклад, гравюры ствараліся на аснове садранага з падлогі ў пустой кватэры лінолеума). Адна з такіх гравюр захавалася ў зборы архітэктара ў БДАНТД [3, арк. 1].

У прадмове да франтавых малюнкаў Віктар Мацвеевіч адзначаў: “Калі маляваў, то не думаў, што малюнкi захавуюцца, і я змагу на іх зноў паглядзець праз многія гады і нават паказаць унукам. Будучы [на вайне] сапёрам, а не мастаком-прафесіяналам, я звяртаўся да малюнкаў як сродку адцягнуцца ад турбот франтавога жыцця. Многія ветэраны, якія вярнуліся да мірнага жыцця, прывезлі ў сваіх целах жалезныя напамінкі пра ваеннае ліхалецце – асколкі і кулі. Мне пашанцавала. Акрамя шрамаў ад лёгкага ранення і кантузіі жалезных напамінкаў ва мне няма. Затое ёсць малюнкi, якія не менш за асколкі выклікаюць з памяці ўспаміны. Для мяне гэтыя малюнкi – ажыўшыя баявыя сябры пасля баёў і ў шпіталі. Я іх не толькі бачу, я прыгадваю іх характары, хваляванні і аповеды. Зараз гэта не проста малюнкi, а ўжо дакументы, блізкія да пасведчання ўдзельніка вайны. Няма сэнсу шукаць ў іх дасканаласць выяўленчага мастацтва, яны дарагія нам як старонкі франтавых дзённікаў” [2, арк. 1].

У альбоме прадстаўлены графіка на тэмы хуткага наступлення Чырвонай арміі і разгрому гітлераўскіх войскаў у “катлах”, партрэты-замалёўкі салдат і афіцэраў, а таксама супрацоўнікаў шпіталя. У падборцы прысутнічаюць карыкатуры на салдат вермахта, малюнкi ўсеянай забітымі мірнымі жыхарамі пасля адыходу нацыстаў выпаленай і разрабаванай роднай зямлі.

Сярод гэтых матэрыялаў ёсць і чатыры эсэ-замалёўкі, напісаныя для газеты “Армейская праўда”. Так, галоўным героем эсэ “Пужаная варона і куста пужаецца” стаў сяржант па прозвішчы Жэрдэ, якому салдацкая кемлівасць дапамагла пры мінімуме выкарыстаных патронаў захапіць у палон трох гітлераўскіх афіцэраў. Артыкул “Гадзіннік” распавядае аб тым, як франтавая традыцыя “махнём не гледзячы” ледзь не прывяла байца Назурлана Нусхора да трагедыі: напярэдадні сустрэчы з В. Волчакам у штабе стралковага корпуса баец абмяняў свой паламаны гадзіннік на сутачны ўзрыўны механізм у шпіёна-дыверсанта. Сапёр В. Волчак на адно імгненне ўбачыў у кішэні гімнасцёркі байца вялікі гадзіннік і зразумеў, якая небяспека пагражае ўсім, хто знаходзіўся ў памяшканні штаба. В. Волчак імгненна прафесійна выхапіў гэты “гадзіннік” і выкінуў яго ў акно. Галоўныя персанажы артыкула “Фон

Дытрэх” – два палонныя нямецкія салдаты фольксштурма – пажылы майстар па настройцы друкавальных машынак і “апрацаваны” гебельсаўскай прапагандай сын аднаго з высокіх чыноў гітлераўскай арміі. І паводзіны ў іх розныя: прадстаўнік мірнай прафесіі на допыце адразу прапанаваў адрамантаваць друкавальную машынку, а падлетак дэманстраваў адданасць рэйху.

Але больш за ўсё ўражвае эсэ “Музыка бывае рознай” – пра дачку расійскага памешчыка Венцэносцава, якая пасля эміграцыі бацькоў на Захад у віхуры рэвалюцыйных падзей аказалася ў польскім горадзе Ланцут і сустрэлася з суайчыннікамі зімой 1945 г. Яе муж, ураджэнец Польшчы, загінуў у Асвенцыме. Байцы інжынернай разведкі спыніліся ў яе доме пасля рэйду ў тыл праціўніка і актыўна абмяркоўвалі з ім звязаныя падзеі з выкарыстаннем сапраўднай рускай гаворкі – мата. Камандзір байцоў насцярожана паставіўся да гаспадыні, што так прыслухоўвалася да размовы. У працэсе гутаркі высветлілася, што ягоная сястра была служкай дачкі ў Венцэносцава, бацька працаваў кучарам гаспадара, а самаму афіцэру ў юнацтве падабалася Лідзія Венцэносцава. Так і высветлілася, што гаспадыня Лідзія Пятроўна не шпіёнка. Знаёмы з дзяцінства рускі мат у той сітуацыі прагучаў для яе амаль як прыгожая музыка [3, арк. 5–29].

У час руху ў складзе 60-й арміі 1-га Украінскага фронту па вызваленых населеных пунктах В. Волчак назіраў “створаную вайной рэчаіснасць”: замест вуліц – суцэльныя калідоры руін, у дробных населеных пунктах – толькі рэшткі комінаў. Па словах архітэктара, адзіныя пачуцці, якія гэтыя відовішчы выклікалі ў салдат, – гнеў. Іншых слоў у роднай мове падабраць было немагчыма [1, арк. 3].

Пазней ён успамінаў: “Прафесія архітэктара з’яўляецца творчай і ствараючай. Яна стварае асяроддзе для паўсядзённага жыцця, працы і адпачынку чалавека. І гэтая прафесія знаходзіцца ў яўным супярэчанні з непазбежнай з’явай разбуральнай прыроды вайны. Для мяне як архітэктара было асабліва балюча бачыць разбуральную моц вайны”. Архітэктар успамінаў, што гэта раніла “прама ў сэрца”, бо вермахт не шкадаваў ні помнікі культуры, ні простыя хаты [1, арк. 38, 42]. Віктар Мацвеевіч прыгадваў словы свайго калегі ленінградскага архітэктара Л. Л. Шрэтэра: “Сэрца абліваецца крывёй даваць каманду «Агонь па Пецяргофу!». Толькі вайна магла зрабіць такое жахлівае выпрабаванне для архітэктара”.

Некаторыя гарады, на здзіўленне В. Волчака, засталіся амаль не пашкоджанымі. Франтавіку ўбачыць нармальныя вуліцы, плошчы і паркі ў 1944 г. было ўсё роўна, што прачнуцца ад жахлівага сну. Першым такім горадам быў Львоў, затым – Жэшуй, Тарнуў, Кракаў. Як прадстаўнік самай мірнай прафесіі архітэктара наш герой мог бы падумаць, што гэтыя гарады захавала для чалавецтва звышнатуральная сіла. Але як афіцэр-сапёр ён добра ведаў, што гэтая сіла – Чырвоная армія [1, арк. 1–7].

З матэрыялаў ваеннага часу ў фондзе В. М. Волчака захаваліся таксама шэсць франтавых лістоў да жонкі, франтавыя фотаздымкі архітэктара-мастака і яго аднапалчан за 1943–1945 гады.

У складзе фонду знаходзіцца некалькі варыянтаў нарыса “Эпізод з жыцця” пра сустрэчу з сябрам па вучобе Г. Заборскім у пачатку 1943 г. на канцэрце Ленінградскага сімфанічнага аркестра ў Чалябінску. Г. Заборскі далечваўся ў шпіталі пасля сур’ёзнага ранення і ўжо тады праектаваў помнік Перамогі ў Мінску, а В. Волчак прыбыў у горад са сваёй воінскай часткай на перафарміраванне пасля баёў пад Сталінградам. Віктара Мацвеевіча вельмі ўразіла асэнсаванне таго факта, што Г. Заборскаму аказалася дастаткова пачуць пра разгром Паўлюса пад Сталінградам, каб пачаць праектаваць помнік Перамогі ў Мінску. З гэтай нагоды В. М. Волчак здолеў дастаць для сябра пяць лістоў паперы [1, арк. 17–18; 4, арк. 1–5].

Аднойчы падчас інтэрв’ю на пытанне аб удзеле ў мемарыялізацыі падзей Вялікай Айчыннай вайны заслужаны архітэктар БССР сказаў: “для мяне няма абстрактнага вобраза загінуўшага «невядомага салдата». Яго вобраз у маёй свядомасці зліўся ў абагульнены вобраз маіх загінуўшых сяброў і салдат, забітых падчас бамбёжак, артылерыйскіх налётаў на нашы пазіцыі, танкавых атак праціўніка. Памяць пра іх – гэта не загойная рана на маім сэрцы. Я архітэктар. І каму, як не мне, у першую чаргу актыўна ўдзельнічаць у мемарыялізацыі памяці пра загінуўшых” [1, арк. 32].

Адным з першых праектаў архітэктара В. Волчака па ўшанаванні гераізму ў баях за вызваленне Беларусі стала стварэнне музея-помніка ў населеным пункце Леніна Магілёўскай вобласці (1953). У БДАНТД захаваліся альбом з эскізамі праекта, альбом з фотаздымкамі пабудаванага помніка-музея, а таксама цэлы шэраг друкаваных крыніц – публікацыі агульнасаюзнай газеты “Известия” і айчыннай “Советская Белоруссия” (амаль на ўвесь нумар) аб адкрыцці помніка, буклет “Битва под Ленино” і выданне “Ленино – мемориал советско-польского боевого содружества” выдавецтва “Беларусь” на беларускай, польскай і рускай мовах [5; 6].

Паводле індыўідуальных праектаў В. Волчака былі збудаваныя мемарыялы на месцы лагера савецкіх ваеннапалонных у Масюкоўшчыне (шталаг 352), помнікі воінам Чырвонай арміі ва Уруччы, на бульвары імя Талбухіна ў Мінску, помнік на брацкіх магілах загінуўшым партызанам і савецкім воінам у г.п. Івянец Валожынскага раёна, мемарыяльныя знакі на месцах баёў і пахаванняў савецкіх патрыётаў і інш. [1 арк. 34–36].

У архіўных матэрыялах захаваліся некалькі фотаздымкаў за 1955–1958 гг. праекта помніка юнаму герою-партызану Марату Казею і дакументы да помніка, створанага В. Волчакам разам са скульптарам С.Селіханавым [7, арк. 1–6; 8, арк. 1–6]. У іншую справу аб’ядналі артыкулы газет “Чырвоная змена” і “Знамя юности” аб адкрыцці помніка ў 1959 г. [9, арк. 3–4]. Захавалася і перапіска архітэктара з расійскімі школьнікамі, піянерская дружина якіх насіла імя Марата Казея [10, арк. 5–6]. Сярод матэрыялаў асабістага збора – варыянты помніка партызану К. Заслонаву ў Оршы [11], праект помніка

ў гонар вызвалення г. Магілёва [12], перапіска аб будаўніцтве помніка загінуўшым воінам Савецкай арміі ў г.п. Івянец, створанага разам са скульптарам Я. Печкіным [13].

Акрамя таго, у прыгаданым асабістым фондзе знаходзяцца дакументы перыяду канца 1950-х гадоў аб праектаванні філіяла Музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў вёсцы Малы Трасцянец. Планавым заданнем прадугледжваліся 2 залы. Згодна з тэматычным планам у першай зале неабходна было абазначыць 2 тэмы – звярнынае аблічча фашызму і гераічную барацьбу савецкага народа супраць захопнікаў. Другая зала па гэтым дакуменце распавядала б непасрэдна пра канцэнтрацыйны лагер у Трасцянцы. На абеліску, які быў запраектаваны, меркавалася размясціць вершаваныя радкі: “Мы – тысячы ахвяр, што ў полымя кастроў фашысты кінулі на трасцянецкім полі, звяртаемся да вас, сясцёр сваіх, братоў, змагайцеся за мір і беражыце волю!” [14, арк. 3–7; 15, арк. 1–9].

У рукапісах артыкулаў і творчых справаздач В. М. Волчака можна знайсці інфармацыю пра падрыхтоўку і стварэнне па праектах архітэктара мемарыяла на магілах ахвяр лагера ў Масюкоўшчыне і Уруччы [16, арк. 17–18], таксама змешчана планавае заданне на стварэнне мемарыяла.

Пэўны час М. В. Волчак працаваў дацэнтам кафедры малюнка Беларускага політэхнічнага інстытута. У матэрыялах асабістага збора ўтрымліваюцца крыніцы аб дзейнасці ў 1957 г. дацэнта В. М. Волчака па вывучэнні і абследаванні помнікаў воінам Савецкай арміі і партызанам [17, арк. 4–6]. Захаваўся ліст часова выконваючага абавязкі магілёўскага аблваенкама падпалкоўніка Літвінава бабруйскаму гарадскому і горацкаму раённаму ваенкамам аб неабходнасці садзейнічаць дацэнту В. М. Волчаку ў працы па вывучэнні і даследаванні помнікаў [18, арк. 4, 9]. Шматгадовая праца па мемарыялізацыі падзей Вялікай Айчыннай вайны, па вывучэнні і абследаванні помнікаў у розных рэгіёнах БССР знайшлі адлюстраванне ў творчай справаздачы архітэктара аб дзейнасці па ўшанаванні памяці пра Вялікую Айчынную вайну [16, арк. 1–20], артыкуле “Подзвіг народа бессмяротны” [19, арк. 5–12] і дакладзе “Ніхто не забыты, нішто не забыта”, падрыхтаваным В. М. Волчакам да 30-годдзя Перамогі [20, арк. 1–44].

У 1965 г. Полацкі гарадскі савет дэпутатаў звярнуўся ў БПІ з просьбай аб праектаванні помніка ў гонар вызвалення горада ад фашысцкіх захопнікаў. Праект студэнтаў пад кіраўніцтвам В. М. Волчака стаў пераможцам сярод конкурсных работ, аб чым Віктар Мацвеевіч напісаў у артыкуле “Памяці герояў” для газеты “Савецкі інжынер” у красавіку 1966 г. [21, арк. 1].

З 1954 г. Віктар Волчак пачаў працаваць над тэмай ушанавання гераізму абаронцаў Брэсцкай крэпасці. У 1955 г. ён наведаў крэпасць падчас знаходжання там пісьменніка С. Смірнова і застаўшыхся ў жывых абаронцаў знакамітай фартэцыі – П. Гаўрылава, Р. Абакумавай, П. Клыпы. А. Махнача і іншых [22, арк. 1–6]. Менавіта ў аўтографе гэтых успамінаў В. Волчак апісвае нечаканую сустрэчу П. Гаўрылава з сяброўкай сваёй першай жонкі. Жанчына паведаміла Герою Савецкага Саюза маёру П. Гаўрылаву, што яго

першая жонка перажыла вайну і знаходзіцца ў доме інвалідаў недалёка ад Брэста. Сустрэча з абаронцамі і іх аповед пакінулі ў архітэктара настолькі глыбокі след, што праца над помнікам героям Брэста стала для В. М. Волчака адказам на неабходнасць выказаць свае пачуцці мовай мастацтва. Гэтай тэме архітэктар прысвяціў 18 гадоў творчай дзейнасці. Віктар Мацвеевіч прыняў удзел ва ўсіх шасці конкурсах. У адным з першых конкурсаў ён адзіны з удзельнікаў не ўлічыў абавязковае патрабаванне ўзвесці манумент на цэнтральнай плошчы г. Брэста і прапанаваў яго паставіць манумент на крапасным вале. І з цягам часу менавіта ідэя размясціць помнік у самой крэпасці была прынята за аснову [16, арк. 12; 23, арк. 1–3.].

Віктар Волчак быў уключаны ў фінальны аўтарскі калектыў па праектаванні мемарыяльнага камплексу і на пэўны час стаў галоўным архітэктарам праекта «Брэцкая крэпасць-герой», а затым ажыццяўляў аўтарскі нагляд за будаўніцтвам мемарыяла, адкрытага 25.9.1971 г.

Адметнай рысай асабістых архіўных фондаў з’яўляецца тое, што такія зборы ўтрымліваюць шырокі відавы і тэматычны спектр дакументаў і творчых матэрыялаў. Аб працы архітэктара В. Волчака па стварэнні мемарыяльнага комплексу “Брэцкая крэпасць-герой” у ягоным асабістым зборы ўтрымліваецца шмат крыніц, у тым ліку стэнаграма абмеркавання конкурсных праектаў Камісіяй ЦК КП(б)Б. Даследчыкі могуць азнаёміцца з тлумачальнай запіскай да праектнага задання аб стварэнні гарадка-музея і парка ў Брэцкай крэпасці. У фондзе ёсць дакументы, датычныя Музея абароны Брэцкай крэпасці. Свае ўспаміны аб працы над тэмай В. Волчак абагульніў у артыкулах “Два праекты помніка героям абароны Брэцкай крэпасці” і “18 гадоў працы над адной тэмай”. Гісторыкам і спецыялістам у галіне архітэктуры будзе цікава і карысна азнаёміцца са зробленым В. М. Волчакам аналізам асабістых конкурсных праектаў і агульнай характарыстыкай праектаў удзельнікаў рэспубліканскіх і агульнасаюзнага конкурсаў. У асобных папках сабраны фотаздымкі крэпасці да пачатку і на розных этапах стварэння мемарыяльнага комплексу, а таксама з цырымоніі адкрыцця мемарыяла. Акрамя таго, у фондзе знаходзяцца сабраныя архітэктарам матэрыялы СМІ аб гераічным подзвігу абаронцаў і стварэнні мемарыяла ў крэпасці.

Завяршаючы агляд дакументаў і матэрыялаў аб увасабленні ваеннай тэмы ў творчасці архітэктара-франтавіка В. М. Волчака, прыгадаем ягоныя словы з успамінаў: “Калі назаўсёды замаўчаць галасы ветэранаў вайны і ў тым ліку мой, за нас аб вялікім подзвігу народа будучы распаўядаць будучым пакаленням помнікі. Значыць, будзе працягваць гучаць і мой голас” [1, арк. 33].

ЛІТАРАТУРА

1. Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі (БДАНТД). – Ф. 81. (В.М.Волчек). Воп. 1. Спр. 21.
2. БДАНТД. – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 26.

3. БДАНТД. – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 1.
4. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 28.
5. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 101.
6. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 14.
7. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 10.
8. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 47.
9. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 100.
10. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 52.
11. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 9.
12. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 2. Спр. 12.
13. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 51.
14. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 50.
15. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 52.
16. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 17.
17. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 12.
18. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 49.
19. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 8.
20. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 16.
21. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 11.
22. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 24.
23. БДАНТД – Ф. 81. Воп. 1. Спр. 22.

А. В. Кузнецова-Тимонова

СЕЛЬСКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, ПОСТРАДАВШИЕ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 гг. (на примере Могилёвской области)

Уничтожение населенных пунктов можно, к сожалению, назвать неизбежным спутником военных противостояний. Об этом очень сложно рассуждать беспристрастно. Однако одно дело – разрушение населенных пунктов вследствие боевых действий. Совсем иное – сознательное уничтожение с целью ускорения гибели местного населения либо вместе с жителями – то есть целенаправленное спланированное убийство.

Исследование этого аспекта политики геноцида населения БССР со стороны нацистских оккупантов в период Великой Отечественной войны на примере Могилёвской области позволяет выявить определенные закономерности и опровергнуть отдельные попытки фальсификаций. Особенность этого региона – прохождение по его территории (в современной конфигурации) линии фронта на протяжении сентября 1943 – июня 1944 гг. В этот период полностью либо частично были освобождены следующие районы: Мстиславльский, Кричевский, Климовичский, Костюковичский, Краснопольский, Пропойский, Чериковский [1], Дрибинский.

Согласно информации и запискам о восстановительных работах в первых освобожденных районах на октябрь 1943 г. сведения были следующие: в Кричевском районе (освобожден полностью) на 23.11.1943 восстановлено 72 колхоза [2, л. 40]; в Чериковском районе (освобожден полностью) – 88 колхозов [2, л. 43]; в Чаусском районе (перерезан линией фронта, бои на р. Проня) освобождено 28 деревень, «из них полностью сожжено 14, сохранилось 4, 10 сожжены частично» [2, л. 47]; в Горецком районе (перерезан линией фронта) было освобождено 2 сельсовета полностью и 4 частично, многие деревни «находились на линии фронта в зоне артобстрела, население частично выехало в сторону Смоленской области, частично угнано немцами» [2, л. 52]; в Пропойском районе (перерезан линией фронта) все освобожденные деревни (27) располагались на передовой линии обороны, жители прятались в лесах); Мстиславльский район (освобожден полностью) признан «оставшимся в целости процентов на 70» [2, л. 72], вплоть до того, что в отдельных школах с 20 октября 1943 г. собирались возобновить занятия; в Дрибинском районе (перерезан линией фронта) большая часть территории находилась под обстрелом, гражданское население было эвакуировано; в Краснопольском районе (освобожден полностью) в прифронтовой полосе не могли собраться люди, «в более 20 населенных пунктах ... избы частично или полностью сгорели, приходится селить по несколько семей» [2, л. 82]; Климовичский и Костюковичский районы (освобождены полностью) считались самыми благополучными.

Продвижение линии фронта на запад медленно продолжалось до марта 1944 г.: в этот промежуток времени были освобождены Кричевский, Чериковский, Хотимский, часть Быховского и Шкловского районов. Все остальные оставались оккупированными до конца июня 1944 г.

С целью сохранения жизни населения целые колхозы приходилось переселять в более безопасные районы: таким образом, на этих землях посевные весенние работы не проводились. Осенью 1943 года отселения и возвращения по мере освобождения территории происходили каждый раз перед началом наступления Красной армии. Так, в ноябре 1943 г. отселялось население из 13 деревень Пропойского (ныне Славгородского) района на территорию соседнего Чериковского. До 10 февраля 1944 года приказано было переселить из 10-километровой прифронтовой зоны на территории Могилевской области более 30 тысяч человек из 200 населенных пунктов (затрагивалось около 50 колхозов) [3, с. 218].

На территории 13 районов (Белыничский, Бобруйский, Быховский, Глусский, Горецкий, Дрибинский, Кировский, Кличевский, Круглянский, Кричевский, Осиповичский, Чаусский, Шкловский) в период нацистской оккупации были проведены карательные операции [4, с. 273–274]. Для отдельных из них – Кировского, Кличевского, Осиповичского, Быховского – такие нападения, формально (и цинично) именуемые антипартизанскими акциями, стали фатальными и унесли жизни огромного количества мирных граждан.

Анализ количественных показателей уничтоженных населенных пунктов и погибших мирных жителей позволяет определить наиболее пострадавшие районы области – как по количеству полученных в годы нацистской оккупации разрушений, так и числу понесенных демографических потерь, а также выявить среди них условно «**разбитые**» (пострадавшие во время наступления Красной армии осенью 1943 по июнь 1944 г. либо в период боев партизанских формирований с оккупантами с минимальными людскими потерями) и «**убитые**» (уничтоженные в результате карательных операций с максимальными людскими потерями). Эти показатели достаточно красноречиво доказывают, что близость к линии фронта была для населения области едва ли не безопаснее, чем нахождение в немецком тылу. А большое количество уничтоженных и пострадавших населенных пунктов далеко не всегда означало большие демографические потери.

Согласно сведениям, собранным в процессе уточнения числа пострадавших в период оккупации Беларуси сельских населенных пунктов, на территории Могилёвской области в ходе карательных операций были уничтожены следующие населенные пункты (соответственно современному административному делению) (подсчитано нами. – А. К.–Т.):

Белыничский район. Из 62 пострадавших н/п – уничтожено 12, 1 из них – полностью с жителями (восстановлен):

Июль 1942, № 11: Ермоловичи.

Декабрь 1942, «Солнцестояние»: Бреньков, Каменка, Кармановка, Стефаново (уничтожена вместе с жителями, 96 человек), Снытки (всего – 5).

Август 1943, «Иванов»: Николаевка, Павлинка (всего – 2).

Октябрь 1943, «Охота на зайцев», «Охота на уток»: не выявлено.

Ноябрь 1943, «Охота Хубертуса»: Заболотье (2 с одинаковым названием), Изобище, Клины, Красное Болотце (всего – 5).

Бобруйский район. Из 50 пострадавших н/п – 3:

Апрель 1942, «Бамберг» – не выявлено.

Август 1942, № 6 (10), № 7 (11): Макаровка (все постройки уничтожены, погибло 8 человек из 217), Околица (все постройки уничтожены, погибло 6 человек из 111), Спорное (постройки уничтожены, погибших нет).

Быховский район. Из 149 пострадавших н/п – 10, 9 из них с частью жителей, 1 – полностью вместе с жителями (не восстановлен), убито 2575 человек из 5991 довоенного населения н/п:

Июнь – июль 1942, № 3–4 «Хруц»: Ветренка (погибло 287 человек из 953), Городец (493 из 1060), Давыдовичи (163 из 435), Добужа (117 из 613), Золотое Дно (1 погибший), Красница (май; 696 из 796), Ляженка (15 из 127), Смолица (140 из 987), Студенка (442 из 790), Красный Пахарь (222 из 230, не восстановлена).

Май 1943, «Хруц»: не выявлено.

Глусский район. Из 38 пострадавших н/п – 1 с частью жителей:

Апрель 1942, «Бамберг»: не выявлено.

Август 1942, № 6 (10): Катка (26 человек из 542).

Горецкий район. Из 106 пострадавших н/п – не выявлено.

Дрибинский район. Из 72 пострадавших н/п – не выявлено.

Кировский район. Из 73 пострадавших н/п – 32, 6 из которых не восстановлены (4 уничтожены вместе с жителями), погибло 3 367 человек из 11 414 довоенного населения этих н/п:

Июнь – июль 1942, № 3–4 «Хрущ»: Борки (486 из 495), Виленка (10 из 126), Гривова Слобода (17 из 435, в «Осенней охоте» тоже пострадала), Дзержинский (223 из 225), Долгое Поле (135 из 135, не восстановлен), Забуднянские Хутора (9 из 180, в октябре 1943 тоже пострадала), Закриничье (137 из 140, не восстановлена), Збышин (уничтожено 1076 человек из ближайших деревень, до войны проживало 535), Кобылянка (2 из 265, осенью 1943 тоже пострадала), Козуличи (318 из 1470), Костричи (51 из 793), Костричская Слободка (137 из 755), Немки (36 из 670), Новое Залитвинье (6 из 160), Новый Городок (27 из 180), Пацева Слобода (77 из 1352), Перуново (погибших из 133 нет), Пильшичи (4 из 163), Подлужье (7 из 135), Хватовка (285 из 285, не восстановлена), Хоново (17 из 745, не восстановлен), Пролетарский (226 из 227, не восстановлен), Рудня (4 из 35), Селиба (2, 13 из 117), Скачек (погибло 17 человек),

Май 1943, «Хрущ»: не выявлено.

Октябрь 1943, «Осенняя охота»: Добрица (4 из 265), Новый Юзин (7 из 193), Охотичи (10 из 210), Чигиринка (14 из 587), Шалаевка (8 из 368), Старое Залитвинье (4 из 35).

Кличевский район. Из 80 пострадавших н/п – 13 (2 не восстановлены); погибло 349 человек из 2017 довоенного населения этих н/п:

Июнь – июль 1942, № 3–4 «Хрущ»: Бобовка (1 из 113), Вязень (80 из 96, не восстановлена),

Июль–август 1942, «Орел»: Дубно (120 из 293), Жердище (25 из 135), Межное (8 из 154), Ореховка (9 из 365), Осиновка (14 из 129), Подстружье (9 из 122), Хрелево (5 из 91), Роги (12 из 201), Селец (60 из 64, не восстановлена), Рубеж (5 из 45).

Май 1943, «Хрущ»: не выявлено.

Август 1943, «Иванов»: Ожево (1 из 209).

Круглянский район. Из 68 пострадавших н/п – 7, погибло 172 человека из 1087 довоенного населения этих н/п:

Октябрь 1942, «Карлсбад»: Гоевка (68 из 184), Козел (35 из 79), Полежаевка (5 из 39), Санники (6 из 168), Старое Полесье (52 из 333).

Октябрь 1943, «Охота на зайцев», «Охота на уток»: Задний Бор (0 из 116),

Ноябрь 1943, «Охота Хубертуса»: Санники (6 из 168).

Кричевский район. Из 92 пострадавших н/п – 1 (погибших жителей не выявлено):

Июнь 1943, «Поездка на Троицу»: не выявлено.

Июль 1943, «Буревестник»: Сосновский Хутор.

Осиповичский район. Из 87 пострадавших н/п – 24 (2 не восстановлены), погибло 2408 человек из 4995 довоенного населения н/п:

Июнь 1942, № 5: не выявлено.

Сентябрь 1942, «Лютцов»: не выявлено.

Январь 1943, «Франц»: Александровка (погибших среди 44 нет), Большая Горожа (219 из 380), Бортное (98 погибших, 86 – довоенное, не восстановлено), Брицаловичи (676 из 753), Буда (42 из 48), Вербилово (52 из 90), Веселово (60 из 72, не восстановлена), Гомоновка (19 из 338), Каменичи (25 из 605), Лобковица (6 из 76), Лочин (736; 436 довоенных), Май (51 из 57), Маковье (229 из 248), Максимовка (7 из 146), Малая Горожа (3 из 310), Межное (86 из 250), Целянская Буда (12 из 115), Черет (0 из 41), Поплавы (17 из 208), Рожище (50 из 130), Старое Село (17 из 265).

Июнь 1944, «Пион»: Красник (0 из 126), Прудиче (3 из 113), Столяры (0 из 58).

Чаусский район: из 165 пострадавших н/п – не выявлено.

Шкловский район: из 57 пострадавших н/п – не выявлено.

Уже по этим показателям выделяются именно «убитые» районы, где в ходе карательных операций целенаправленно уничтожались не столько населенные пункты, сколько мирное население: **Кировский, Осиповичский. Быховский** район находится на стыке показателей: с одной стороны, в ходе карательных операций была затронута минимальная часть из всех пострадавших деревень, а с другой – именно в них были максимальные человеческие жертвы.

Анализируя потери, понесенные мирным населением первых освобожденных районов в период боев на их территории (**сентябрь 1943 г.**), видим следующую картину. В Климовичском районе из общего числа 119 пострадавших деревень именно в этот период были полностью либо частично уничтожены 41 (**34 %**), самые крупные людские потери зафиксированы в д. Милославици (116 погибших из 533 довоенных жителей) [4, с. 348], в остальных – от 0 до 61 человека. В Костюковичском – из 66 деревень в этот период пострадало 17 (26 %), людские потери единичны. В Краснопольском районе большинство было уничтожено в августе 1943 г., еще до наступления Красной армии, однако тоже при минимальных людских потерях: в основном население было угнано немцами на запад. В Кричевском – из 92 деревень в сентябре 1943 г. пострадала 51 (**более 55 %**), людские потери были минимальны практически везде, кроме д. Молятичи, где погибло 210 человек из 502 довоенных жителей; также территорию этого района частично затронули карательные операции лета 1943 г. «Поездка на Троицу» и «Карлсбад», однако фактов уничтожения конкретных населенных пунктов именно в период проведения этих операций не установлено. В Мстиславльском – из 84 населенных пунктов именно в сентябре 1943 г. пострадал 41 (**49 %**), людские потери исчислялись единицами. В Хотимском – из 35 тогда было уничтожено 11 (**31 %**) при единичных людских потерях. В Чериковском – из 84 населенных пунктов в сентябре – октябре 1943 г. полностью либо частично уничтожен 51 (**61 %**) при также единичных людских потерях.

Анализ этих показателей дает нам следующий вывод: нахождение на линии фронта приводило к разрушению населенных пунктов, ухудшению условий жизни населения, однако было фактически более безопасным для людей, нежели нахождение в более глубоком немецком тылу. Даже в разбитых более чем на треть (и даже более чем на половину) районах погибших в эти периоды было гораздо меньше, чем в тех местах, где население целенаправленно убивали оккупанты и их пособники.

Пиком уничтожения оккупантами населенных пунктов практически по всем районам Могилёвской области стала осень 1943 – весна 1944 г. – первый этап освобождения Беларуси и наступления Красной армии (подсчитано нами. – *А. К.-Т.*):

Белыничский (освобожден в июне 1944 г.) – 30 (всего – 62) – 48 %;

Бобруйский (освобожден в июне 1944 г.) – 10 (всего – 50) – 20 %;

Быховский (линия фронта на территории с сентября 1943 г., полностью освобожден в июне 1944 г.) – 48 (всего – 149) – 32 %;

Глусский (освобожден в июне 1944 г.) – 8 (всего – 38) – 21 %;

Горецкий (линия фронта на территории с октября 1943 г., полностью освобожден в июне 1944 г.) – 50 (всего – 106) – 47 %;

Дрибинский (линия фронта на территории с октября 1943 г., полностью освобожден в июне 1944 г.) – 33 (всего – 72) – 46 %;

Кировский (освобожден в июне 1944 г.) – 16 (всего – 73) – 18 %;

Кличевский (освобожден в июне 1944 г.) – 40 (всего – 80) – 50 %;

Круглянский (освобожден в июне 1944 г.) – 11 (всего – 68) – 16 %;

Могилевский (освобожден в июне 1944 г.) – 38 (всего – 113) – 34 %;

Осиповичский (освобожден в июне 1944 г.) – 13 (всего – 87) – 15 %;

Славгородский (линия фронта с ноября 1943 г., освобожден полностью в июне 1944 г.) – 21 (всего 55) – 38 %;

Чаусский (линия фронта с ноября 1943 г., освобожден полностью в июне 1944 г.) – 72 (всего – 165) – 44 %;

Шкловский (линия фронта с ноября 1943 г., освобожден полностью в июне 1944 г.) – 9 (всего – 57) – 16 %.

Эти показатели нельзя считать абсолютными, поскольку даты нападения на многие населенные пункты остаются не установленными. Однако даже такая не очень точная картина является достаточно наглядной в отношении районов, которые мы условно называем «разбитыми»: в период нахождения на линии фронта Быховский и Славгородский (Пропойский) районы были разбиты на треть, Чаусский, Дрибинский и Горецкий – почти наполовину. При этом остававшиеся полностью оккупированными Белыничский и Кличевский районы также именно осенью 1943 – весной 1944 г. были «зачищены» наполовину, Могилёвский – более чем на треть. Население оккупанты активно вывозили в западные области БССР – что совсем не означало отсутствия потерь.

Перейдем непосредственно к анализу демографических потерь среди сельских жителей Могилевской области в период нацистской оккупации. Сопоставляя сведения о датах разрушения деревень и числе убитых жителей, мы можем увидеть, что далеко не всегда серьезные разрушения означают такие же крупные потери среди населения (таблица).

Потери среди населения сельских населенных пунктов
Могилевской области в годы нацистской оккупации (1941–1944 гг.)

Название района (дата окончательного освобождения)	Число пострадавших населенных пунктов	Общее число погибших жителей	Число погибших осенью 1943 – весной 1944 гг.	Число погибших в результате карательных операций
Белыничский (июнь 1944 г.)	62	803	186	179
Бобруйский (июнь 1944 г.)	50	348	170	14
Быховский (часть – осенью 1943 – весной 1944 гг., райцентр и остальная территория – июнь 1944 г.)	149	4909	1497	2575
Глуцкий (июнь 1944 г.)	38	902	134	26
Горецкий (часть – октябрь-ноябрь 1943 г., райцентр и остальная территория – июнь 1944 г.)	106	1261	554 (из них 186 – м. Ленино)	Не установлено
Дрибинский (часть – осенью 1943 г., райцентр и основная часть – июнь 1944 г.)	72	1190	1096	Не установлено
Кировский (июнь 1944 г.)	73	3395	270	3367
Климовичский (сентябрь 1943 г.)	119	717	356	Не установлено
Кличевский (июнь 1944 г.)	80	1471	493	349

Костюковичский (сентябрь 1943 г.)	66	588	20	Не установлено
Кричевский (сентябрь 1943 г.)	92	707	371	Не установлено
Краснопольский (сентябрь 1943 г.)	35	63	Не установлено	Не установлено
Круглянский (июнь 1944 г.)	68	1061	572	172
Могилёвский (июнь 1944 г.)	113	2165	1383	Не установлено
Мстиславльский (сентябрь 1943 г.)	84	724	52	Не установлено
Осиповичский (июнь 1944 г.)	87	6097	1910	2408
Пропойский (Славгородский) (часть – ноябрь 1943 г., райцентр и остальная территория – июнь 1944 г.)	55	697	298	Не установлено
Хотимский (октябрь 1943 г.)	35	105	5	Не установлено
Чаусский (часть – ноябрь 1943 г, райцентр и остальная часть – июнь 1944 г.)	165	2786	351	Не установлено
Шкловский (часть – осень 1943 г., райцентр и основная часть – июнь 1944 г.)	57	483	62	Не установлено

Выделяются районы, в которых пострадало больше всего населенных пунктов: Быховский (149); Горецкий (106); Климовичский (119); Могилёвский (113); Чаусский (165).

Быховский, Горецкий, Чаусский в 1943–1944 гг. были перерезаны линией фронта, Климовичский – освобожден полностью в сентябре 1943 г., Могилёвский оставался оккупированным целиком до июня 1944 г. При этом в одном из самых разрушенных районов – Климовичском – отмечены достаточно низкие демографические потери (717 человек). Самым обезлюженным из них оказался Быховский район, где погибло 4909 человек. Большинство из

них было убито в ходе карательных операций – 2575 человек, также большие потери район понес в период нахождения на линии фронта. При меньшем количестве разрушенных населенных пунктов в Дрибинском районе максимальные людские потери составили человек (1096) в период прохождения по его территории линии фронта. В Могилёвском районе пик человеческих потерь пришелся также на осень 1943 – весну 1944 г.: в этот период здесь погибло 1383 человека из 2165 погибших жителей сельских населенных пунктов; район был полностью оккупирован в этот период.

Ярким примером «убитого» района оказывается Кировский: в 73 пострадавших деревнях погибло 3395 человек, большинство из которых было убито в ходе затронувших территорию района карательных операций. Самые серьезные демографические потери понес Осиповичский район: в 87 пострадавших населенных пунктах погибло более 6 тысяч человек, причем более трети из них были убиты также в ходе карательных операций. Серьезные потери понесли Кличевский и Круглянский районы: при соответственно 80 и 68 пострадавших населенных пунктах там погибло 1471 и 1061 человек.

Для Шкловского и Славгородского (Пропойского) районов продолжительное нахождение на линии фронта стало не настолько роковым, как для других: в разрушенных соответственно 57 и 55 деревнях в этот период погибло 62 (из 483) и 298 (из 697) человек.

Осеннее наступление Красной армии в 1943 г. помогло сберечь максимум гражданского населения первых освобожденных – восточных – районов Могилёвской области: даже в серьезно разрушенном Климовичском районе число погибших жителей и пострадавших населенных пунктов несоизмеримо меньшее, чем в отдельных районах, оставшихся оккупированными до конца июня 1944 г.

Прохождение линии фронта через территорию области в период позиционных боев осени 1943 – весны 1944 г. приносило большие разрушения. С немецкой стороны территория, близкая к линии фронта, активно зачищалась, разрушение населенных пунктов сопровождалось вывозом населения и его гибелью, что видно по числу погибших сельских жителей в Могилевском, Быховском, Горецком, Дрибинском районах (первый оставался полностью оккупированным, остальные – частично освобождены).

Крупнейшие людские потери среди сельского населения районы Могилёвской области понесли не во время боев, а именно в результате целенаправленных убийств в ходе карательных операций. Самыми демографически пострадавшими регионами стали Осиповичский и Кировский, подвергшиеся разрушительным карательным операциям, в особенности летом 1942 г. В Кировском районе большая часть погибшего населения – именно убитые в ходе таких операций (почти 100 %) при меньшем количестве разрушенных населенных пунктов. В Осиповичском районе, потерявшем наибольшее количество сельского населения (более 6 тыс. человек), в результате карательных операций погибло более 30 %, в результате зачистки территории с немецкой стороны осенью 1943 – весной 1944 г. – почти столько же. Быховский

район выделяется как огромным уровнем разрушений, так и демографическими потерями: из почти 5 тыс. погибших сельских жителей более 50 % убито в ходе карательных операций, около 30 % – в период прохождения через район линии фронта.

Подобный анализ может быть применен при исследовании других регионов Беларуси. Так мы получаем наглядную картину геноцида на примере уничтожения сельских населенных пунктов и убийства гражданского населения конкретных районов в зависимости от их расположения, принадлежности с точки зрения административного деления (и, соответственно, различий в оккупационной политике нацистов и их пособников).

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Могилёвской области (ГАМогО). – Ф. 339. Оп. 3. Д. 30.

2. ГАМогО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 4.

3. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Крестьянство первых освобожденных районов Могилёвщины (осень 1943 – весна 1944 гг.): подвиг повседневной жизни / А. В. Кузнецова-Тимонова // Операция «Багратион» – пролог Великой Победы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Бел.-Рос. ун-т ; редкол.: М. Е. Лустенков (гл.ред.) [и др.]. – Могилёв : Бел.-Рос. ун-т, 2019. – 220 с. – С. 217–219.

4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилёвская область : сб. арх. документов и материалов / сост. А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 520 с.

А. Г. Цымбал

НАПЯРЭДАДНІ ВЫЗВАЛЕННЯ. БЕЛАРУСЬ У НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫЙНАЙ ПАЛІТЫЦЫ Ў СВЯТЛЕ ДАКУМЕНТАЎ НАРБ

Трафейныя дакументы нямецкага паходжання, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ), маюць выключнае значэнне для аналізу палітыкі, практыкі і наступстваў нацысцкага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Палітыку акупантаў у дачыненні да выкарыстання эканомікі і працоўных рэсурсаў, перш за ўсё ва ўсходняй частцы Беларусі,

раскрывае фонд 412 НАРБ (Гаспадарчая інспекцыя групы армій “Цэнтр”, 208 адз. хр.). Інфармацыя крыніц уяўляе сабой дастаткова разрознены і фрагментаваны масіў, які патрабуе абагульнення, што паспрыяе ўвядзенню ў навуковы абарот вялікай колькасці новага фактычнага матэрыялу.

Трафейныя дакументальныя матэрыялы нямецкага паходжання даюць уяўленне аб многіх аспектах арганізацыі кіравання і выкарыстання эканомікі і чалавечых рэсурсаў Беларусі акупацыйнымі ўладамі, якія, сутыкнуўшыся з правалам “маланкавай вайны”, былі вымушаны перайсці да вырашэння праблем доўгатэрміновай вайны, што выклікала ўзмацненне эксплуатацыі эканомікі і насельніцтва. Перспектыва адступлення ў 1943 г. абвастрыла акупацыйную палітыку ў Беларусі.

Вайна, якая зацягнулася, прывяла да неабходнасці актыўнага задзейнічання мясцовага насельніцтва, забяспечваць яго лаяльнасць. Рабілася гэта рознымі метадамі: з аднаго боку, любое супраціўленне бязлітасна каралася; з іншага боку, патрэба ў працоўнай сіле мясцовага насельніцтва была велізарнай, таму неабходна было знайсці спосабы ўзаемадзеяння з ім.

Стаўленне акупацыйных уладаў да мясцовага насельніцтва мянялася ў ходзе вайны. Мясцовыя працоўныя разглядаліся як надзвычай важны рэсурс для забеспячэння Вермахта ўсім неабходным. У выніку акупацыйныя ўлады не толькі арганізавалі работы існуючых прадпрыемстваў, але і былі вымушаныя забяспечваць работнікаў, якія працавалі ў інтарэсах нямецкіх службаў, неабходнымі рэчамі і прадуктамі харчавання. Гэтай праблеме прысвечана адпаведная інструкцыя № 58 ад 3 верасня 1942 г. [1, арк. 24]. Трэба было захаваць працоўную сілу “рускага” насельніцтва, таму сельскагаспадарчыя службы павінны былі забяспечыць яго пэўнай сельскагаспадарчай прадукцыяй.

1 лютага 1943 г. быў прыняты ўказ аб аплаце працы мясцовых работнікаў і службоўцаў Усходняй апэратыўнай акругі і ў цэлым Рэйхскамісарыята Остланд. Указ распаўсюджваўся на ўсе працоўныя адносіны мясцовых работнікаў і ўсіх занятых на службе Вермахта, паліцыі ці іншых службах Нямеччыны, на гаспадарчых прадпрыемствах, у тым ліку ва ўсходніх кампаніях, а таксама ў канторах і на прадпрыемствах, у мясцовай адміністрацыі.

Аднак ён не распаўсюджваўся на раёны Рэйхскамісарыята, дзе вяліся баявыя дзеянні. Рабочы час складаў не менш за 54 гадзіны на тыдзень. Дзейнічала пагадзінная сістэма аплаты працы работнікаў адпаведна наступным групам зароботнай платы:

- а) майстар – 3,00 руб/гадзіна;
- б) кваліфікаваныя майстры, высокакваліфікаваныя спецыялісты па спецыяльнасці – 2,50;
- в) высакласныя кваліфікаваныя работнікі – 2,00.

За веданне нямецкай мовы маглі быць назначаны надбаўкі ў наступных памерах:

а) магчымыя зносіны на нямецкай мове – 10 %;

б) добрае валоданне нямецкай мовай у вуснай і пісьмовай форме, а таксама ў адносінах да тэхнічных выразаў – 25 %;

в) поўнае валоданне нямецкай мовай, вусна і пісьмова – 40 %.

Так, напрыклад, зыходзячы з ведамасцей выдачы заробтнай платы з 1.10.1943 па 31.10.1943, работнікі Батанічнага сада атрымалі да 150 руб. [2, арк. 99], Дзяржаўнай бібліятэкі – да 90 руб. [3, арк. 21], сельскагаспадарчай школы ў Мінску – да 150 [4, арк. 105], краязнаўчага музея у Мінску – да 110 [5, арк. 19].

Акупацыйныя ўлады разглядалі магчымасць даваць водпускі мясцовым рабочым і служачым. У дакуменце ад 1 лютага 1943 г. было прадстаўлена палажэнне аб водпуску для мясцовых рабочых. Агульныя правілы прадугледжвалі, што работнікі, якія рэгулярна дэманструюць здавальняючыя вынікі, павінны былі мець аплачаны водпуск кожны каляндарны год.

Харчаванне і забеспячэнне насельніцтва

У 1943 г. пытанне забеспячэння харчаваннем набыло асабліваю важнасць. Заробная плата працоўных тут не мела вялікага значэння з прычыны, як адзначаецца ў нямецкіх дакументах, непатрэбнасці грошай. Праца на акупацыйных прадпрыемствах выконвалася, па сутнасці, толькі тады, калі яны маглі пракарміць сваіх работнікаў.

Напрыклад, у Барысаве толькі працоўныя некалькіх прадпрыемстваў атрымлівалі дадатковыя прадукты харчавання, усе астатнія жыхары – усяго каля 60 тысяч чалавек – мелі мінімальныя харчовыя субсідыі, прычым рацыён гэтых 4 тысяч работнікаў таксама складаўся ўсяго з 350 г хлеба ў дзень. без якіх-небудзь іншых дабавак [6, арк. 1–3].

28 кастрычніка 1943 г. валаконная кампанія Остлада заявіла аб арганізацыі сілкавання. Прадуктовыя наборы былі падзелены на 5 груп у залежнасці ад складанасці працы. Аднясенне да 4-й і 5-й груп было магчымым толькі для працаўнікоў, якія выконваюць цяжкія і вельмі цяжкія работы. Так, напрыклад, тыднёвы рацыён харчавання 1 групы, у якую ўваходзілі дзеці да 14 гадоў, прадугледжваў атрыманне 553 г жыта, 88 г грэцкіх, прасяных і ячных круп, 1250 г бульбы. Максімальная 5-я група пры вельмі цяжкай працы атрымлівала жытняй мукі 1580 г, грэчкі, проса – 250 г, бульбы 4000 г, мяса – 100 г, малака абясцешчанага – 0,5 л, тлушчу – 60 г [7, арк. 100–101].

Вываз прадпрыемстваў, расчыстка лініі фронту і палітыка “выпаленай зямлі”.

Чаканне хуткага адступлення прымусіла акупантаў заняцца пераразмеркаваннем працоўнай сілы і вывазам прадпрыемстваў далей на Захад. 28 верасня 1943 г. з Гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” былі накіраваны звесткі аб спецыялістах і некваліфікаванай рабочай сіле для размяшчэння на прадпрыемствах Генеральнай акругі “Беларусь” [7, арк. 4–6].

Таксама на 15 кастрычніка 1943 г., паводле справаздачы кампаніі Остланда па вытворчасці валакна, для яе прадпрыемстваў у Генеральнай акрузе “Беларусь” патрабавалася працоўная сіла, якую планавалася вылучыць з прадпрыемстваў, што знаходзяцца ў працэсе расчысткі або дэмантажу [7, арк. 2–7]. Аналагічна планавалася вывезці работнікаў з прадпрыемстваў у Клінцах, дзе перад адступленнем зачышчалася тэрыторыя. Адзначалася, што на Клінцоўскім суконным камбінаце працуюць 200 мужчын і жанчын (гаворка ідзе таксама аб членах сем’яў, дамашнім абсталяванні і хатняй жывёле).

Яшчэ 17 лютага 1943 г. начальнік групы “Эканоміка” Галоўнага камандавання групы войскаў “Цэнтр” выдаў пастанову, якая вызначала падыходы да прадпрыемстваў, размешчаных паблізу лініі фронту. Каб ацаніць, ці варта захаваць або ўвесці ў эксплуатацыю тэкстыльныя фабрыкі ў іх цяперашніх ці меркаваных месцах, вырашальнымі былі наступныя аспекты:

1. Калі прадпрыемствы знаходзяцца толькі ў стадыі будаўніцтва, то месца пажадана першапачаткова выбіраць такім чынам, каб яно знаходзілася за межамі тэрыторыі, якая будзе выкарыстоўвацца для размяшчэння або забеспячэння арміі.

2. Прадпрыемствы, якія, як мяркуецца, у сілу блізкасці да фронту, запатрабуюць перамяшчэння, варта з самага пачатку перамясціць дастаткова далёка, каб будаўніцтва і функцыянаванне засталіся не закранутымі будучай апэратыўнай дзейнасцю.

9 верасня 1943 г. паведамлялася, што прыфрантавая паласа аж да лініі, што знаходзіцца ў 30 км на ўсход ад Оршы, Магілёва, Гомеля, будзе ачышчана ад усёй гаспадарчай маёмасці, якую планавалася вывезці на захад, у асноўным па трох напрамках: у Рэйх, Вільню і Мінск. Акупацыйныя ўлады адзначалі, што забеспячэнне Мінска харчаваннем і палівам у зімовы перыяд будзе ўскладнена [4, арк. 159–161].

Асобныя распараджэнні былі звязаны з вывазам запасаў прамысловай прадукцыі. 10 верасня 1943 г. Эканамічная інспекцыя “Цэнтр” прадпісала ў паскораным парадку загрузіць усе запасы льновалакна, канпель і лёну для адпраўкі ў Рэйх [8, арк. 167–168].

Значную ролю ў рабаванні і выкарыстанні эканамічных рэсурсаў акупаванай Беларусі адыграла кампанія “Остланд Фазер”, якая займалася канфіскацыяй і кіраваннем тэкстыльных прадпрыемстваў у акупаваных рэгіёнах ад Балтыкі да Крыма. Згодна з указам ад жніўня 1942 г., “тэкстыльныя прадукты” з Рыгі, Каўнаса, Вільнюса і Мінска павінны былі быць перададзены ў мясцовую штаб-кватэру “Остланд-Фазер”.

27 верасня 1943 г. Эканамічная інспекцыя “Цэнтр” выпусціла загад, у якім адзначалася, што атрыманыя да таго часу інструкцыі прадугледжвалі эвакуацыю раёна на ўсход ад лініі Віцебск–Орша–Магілёў–Гомель. Паколькі, як вядома, з-за непрадбачанага скарачэння тэрмінаў эвакуацыю не ўдалося

правесці паўсюдна ў жаданым аб'ёме, у якасці меры засцярогі было прадпісана эвакуіраваць і раёны на захад ад названай лініі для забеспячэння захавання адпаведных каштоўнасцяў [8, арк. 210–211].

Прадпрыемствы, якія было немагчыма дэмантаваць, было загадана ўзарваць. Адмысловае значэнне надавалася іх дакументацыі. Прадпісвалася забяспечыць захаванасць бухгалтарскіх дакументаў і карэспандэнцыі як вытворчай групы, так і прадпрыемстваў. Уся дакументацыя і поўны камплект справаздач (справаздачныя дакументы, журналы ўліку, карткі бягучага ўліку, дапаможныя кнігі і да т.п.) павінны быць старанна спакаваны, а менавіта так, каб захоўваўся парадак і можна было працаваць з матэрыялам адразу пасля распакавання рэчаў на новым месцы працы без страты часу [8, арк. 214–215].

Асобны масіў дакументаў прысвечаны перадачы Лакоцкай аўтаномнай акругі ў Лепель летам 1943 г.. Аднак спробы арганізаваць там вытворчасць для падтрымкі Вермахта не мелі асаблівага поспеху [8, арк. 143–146].

Супраціўленне акупантам

Актыўна праяўляла сябе антыгерманскае падполле. У дакументах утрымліваюцца матэрыялы так званай Добрушскай справы ад 9 чэрвеня 1943 г. Як паведамлялі нямецкія службы, у ходзе разведкі ўласнай агентурай у сакавіку–красавіку 1943 года ўстаноўлена, што дыверсійная група, група вярбоўкі і шэраг партызанскіх фарміраванняў дзейнічалі ў Добрушы.

Пасля завяршэння следчых дзеянняў з гэтай нагоды 4.9.1943 і 5.12.1943 былі затрыманы ў агульнай колькасці 37 чалавек, якія былі дастаўлены ў Гомельскую турму для допыту. У выніку допыту асоб было даказана, што падчас наступу Чырвонай арміі зімой 42/43 г., а таксама ў сувязі з ростам актыўнасці партызан, якія размяшчаліся ў навакольных Добрушскіх лясах, яны вырашылі, па даных нямецкіх службаў, развіваць дыверсійную дзейнасць на Добрушскай папяровай фабрыцы.

Дырэктар завода, яго гаспадарчы кіраўнік, кіроўца і жонка Мілеўскага прызналіся, што яны былі лідарамі гэтай групы. Акрамя шматлікіх дробных актаў сабатажу, такіх як пашкоджанне машын і ліній, якія прывялі да збояў у працы завода, ім удалося перш за ўсё прадухіліць паўторнае адкрыццё былога карданнага цэха пад выглядам таго, што яны не могуць закупаць адпаведныя рухавікі.

Высновы, зробленыя акупацыйнымі ўладамі ў выніку допытаў і следства, паказалі, наколькі мала поўнага палітычнага даверу можна аказваць тэхнічна бездакорным працаўнікам буйных прадпрыемстваў. Нават невялікая група змагла ўчыніць сур'ёзныя тэхнічныя парушэнні на прадпрыемстве.

Няўдачы на фронце, як, напрыклад, зімой 1942/43 г., і перш за ўсё актыўная дзейнасць партызан і іх бачныя поспехі здольныя аб'яднаць асобных мясцовых жыхароў у адзіныя баявыя групы. Як сцвярджалі нямецкія спецслужбы, “нават старэйшага ўзросту і эканамічна паспяховыя рускія звыкліся з ідэяй вяртання Чырвонай Арміі і Савецкай улады. Поўная адсутнасць эфек-

тыўных проціваг савецкай прапагандзе ў выглядзе прапаганды, якая інфармуе насельніцтва аб мэтах Германіі, або прадстаўленне значных эканамічных пераваг у параўнанні з савецкімі часамі, а таксама ў сілу ваенных абставін прывяла нават першапачаткова лаяльных рускіх да думкі забяспечыць сабе заслугі на выпадак вяртання Савецкай улады” [8, арк. 92–94].

Працоўныя рэсурсы акупаванай Беларусі

Акупацыйныя ўлады надавалі вялікае значэнне мясцовай эканоміцы і працоўным рэсурсам, перш за ўсё як крыніцы падтрымкі Вермахта і акупацыйных структур. Якія былі маштабы прыцягнення мясцовага насельніцтва да прац на карысць гітлераўскай Нямеччыны? Акупанты правялі перапіс працаздольнага насельніцтва з мэтай выкарыстання яго ў мясцовай вытворчасці. На падставе дакумента ад 27 красавіка 1943 г. агульная колькасць жыхароў раёна Гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” пасля падліку, праведзенага летам 1942 г., паводле ацэнак, складала каля 5,8 млн, з іх 24 % (1 392 000) мужчыны, 39 % (2 262 000) жанчыны, 37 % (2 146 000) дзеці [9, арк. 71].

З мясцовай працоўнай сілы на Дзяржаўнай чыгунцы працавалі каля 35 000, на Палявой чыгунцы – каля 21 400, на Службе абслугоўвання – каля 3000 чалавек, у Галоўным аператыўным атрадзе – 37 000, на чыгунцы існавала запатрабаванасць у працоўнай сіле ў колькасці 12 000 чалавек.

Колькасць людзей, занятых у рамесніцтве і свабодных прафесіях, складала каля 70 000 чалавек. Прыкладна 60–80 000 чалавек працавалі ў мясцовых органах улады. Колькасць грамадзянскай працоўнай сілы, занятай у войсках Вермахта (выключаючы добраахвотнікаў у форме), ацэньвалася ў 100–130 000 чалавек.

Агульная колькасць мясцовага насельніцтва, якое працавала ў інтарэсах Германіі па-за сельскай гаспадаркай, ацэньвалася ў 550–580 тыс. чалавек.

Дакладная колькасць занятых у сельскай гаспадарцы не ўказваецца. Па разліках шэфгрупы “Сельская гаспадарка”, на 1 ліпеня 1942 г. у раёне Гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” у сельскай гаспадарцы было занята 2,5 млн чалавек, з іх каля 38 % (980 000) мужчын і 62 % (1 550 000) жанчын [9, арк. 71].

Такім чынам, матэрыялы Гаспадарчай інспекцыі групы армій “Цэнтр” уяўляюць сабой фрагментаваны масіў інфармацыі, які дастаткова складана паддаецца абагульненню. Тым не менш увядзенне ў гістарычную навуку новага факталагічнага масіву ў выніку даследавання дазваляе пашырыць навуковыя ўяўленні аб палітыцы “выпаленай зямлі” пры адступленні Вермахта з тэрыторыі Беларусі, прасачыць эканамічную палітыку акупацыйных уладаў у прыфрантавой паласе, а таксама паставіць тэарэтычныя пытанні, якія тычацца метадалагічных падыходаў і навуковых схем аналізу перыяду акупцыі. Раней невядомыя дакументальныя крыніцы вызначаюць задачу дапаўнення канцэптуальных ацэнак выкарыстання працы мясцовага насельніцтва нямецкімі акупацыйнымі ўладамі новым падыходам, заснаваным на асаблівасцях паўсядзённых вытворчых адносін на акупаваных беларускіх

тэрыторыях. На аснове ўведзеных у навуковы абарот крыніц, а таксама сучасных метадалагічных падыходаў неабходна звярнуцца да аналізу стратэгіі выжывання насельніцтва ва ўмовах акупацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 412. Воп. 1. Д. 80.
2. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 1670.
3. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 1667.
4. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 1670.
5. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 1667.
6. НАРБ. – Ф. 412. Оп. 1. Д. 79.
7. НАРБ. – Ф. 412. Оп. 1. Д. 80.
8. НАРБ. – Ф. 412. Оп. 1. Д. 83.
9. НАРБ. – Ф. 412. Оп. 1. Д. 87.

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ЛЮДЗІ – ПАДЗЕІ – ФАКТЫ

Т. М. Агеенка

ДАКУМЕНТЫ БШПР ЯК БІЯГРАФІЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

Павелічэнне цікавасці да вывучэння гісторыі сям’і, канкрэтных асоб, што пражывалі на тэрыторыі Беларусі, прыводзіць да пашырэння кола крыніц, якія неабходны для пошуку інфармацыі. Калі раней дакументы партызанскіх і падпольных арганізацый выкарыстоўвалі для пацвярджэння факта ўдзелу ў руху супраціву, пошуку месцазнаходжання загінуўшых у межах сацыяльна-прававых запытаў, то апошнія дваццаць гадоў інтарэс да гэтых крыніц усё больш павялічваецца менавіта з боку грамадзян, якія шукаюць звесткі пра сваіх продкаў. Пры правядзенні пошуку інфармацыі цэнтральнае месца займаюць дакументы Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР), што захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Варта адзначыць, што пачынаючы з 2017 г. НАРБам сумесна з выдавецкім домам «Беларусь сёння» праводзіцца праца па алічбоўцы і прадстаўленні ў адкрытым доступе дакументаў асабовага складу на партызан і падпольшчыкаў з фонду БШПР (Ф. 1450). Гэта дазваляе ўсім жадаючым з любой кропкі свету і ў любы час знайсці звесткі аб продках – удзельніках партызанскага руху і падполля.

Улічваючы вялікі аб’ём фонду БШПР (11 152 адзінкі захоўвання, змешчаныя ў 23 вопісах), першапачаткова было прынята рашэнне пачаць алічбоўку ўзнагародных дакументаў (Ф. 1450. Воп. 15, 19), прадстаўленых загадамі і ўзнагароднымі лістамі на званне Героя Савецкага Саюза; ордэны: Леніна, Чырвонага Сцяга, Айчыннай вайны, Чырвонай Зоркі, Славы; медалі: «За адвагу», «За баявыя заслугі», «Партызану Айчыннай вайны» за верасень 1943 г. – снежань 1948 г. Узнагародныя лісты аформлены на тыпаграфскіх бланках ці чыстых аркушах, часта запоўненыя ад рукі, сустракаюцца як ў арыгіналах, так і копіях. Яны ўтрымліваюць наступныя звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку; званне; пасада; да якой узнагароды прадстаўлены; год нараджэння; нацыянальнасць; партыйнасць; удзел у грамадзянскай вайне, далейшых баявых дзеяннях па абароне СССР і айчыннай вайне; звесткі аб раненнях і кантузіях; час уступлення ў Чырвоную армію (РВК, якім прызваны) і партызанскі атрад; даныя аб узнагародах; адрас месца нараджэння і сям’і; кароткае апісанне баявога подзвігу ці заслуг.

Акрамя вышэй адзначаных дакументаў узнагароджаных, алічбаваны і прадстаўлены на сайце ўзнагародныя лісты, адхіленых ад узнагароджання, а таксама перапіска па гэтым пытанні. Апошнія ў некаторых выпадках праліваюць святло на падрабязнасці жыцця ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Напрыклад, чырвонаармеец М. І. Ішэнка ў жніўні 1946 г. пісаў: «Находясь в гостях 1 Московско-Минской дивизии я узнал, что вы мне должны выдать награду “Медаль партизана” я узнал ваш адрес и хочу точно узнать можно ли

ее получить. Как я вам уже писал. Сейчас еще хочу обрисовать картину моих действий в вашей бригаде. Перед прорывом под г. Орша за 20 дней нас командование послало на выполнение боевой задачи. Ночью сели в самолет и вылетели за гор. Минск и там мы были выброшены на парашютах, но на пути мы встретились с партизанами отряда “Большевик” но мы стали действовать совместно с ними в разведчиках после взятия г. Минска я обратно ушел в свою дивизию. Совместно с этим я был ранен но по прибытию в свою часть. Я лечился в своем самбате...» [1]. На дакуменце стаіць рэзалюцыя: «В нагр. и предст. не значится».

Замаўляючы ўзнагародныя дакументы ў архіве, даследчыкі адразу па загалоўках бачаць назву справы, дзе пазначана дата і нумар указа ці загад начальніка БШПР, у шэрагу выпадкаў прадстаўлены загады аб узнагароджанні. У той жа час інфармацыя аб гэтым часта адсутнічае ў матэрыялах, змешчаных на сайце (выключэнне складаюць дакументы, на якіх прастаўлены штамп (ці ёсць рукапісная памета) з указаннем чым і калі ўзнагароджаны чалавек). Працуючы з гэтай катэгорыяй дакументаў анлайн, важна памятаць, што нярэдка чалавека прадстаўлялі да адной узнагароды, а ўзнагароджвалі іншай. Так, напрыклад, М. М. Джагараў, камісар 1-й Мінскай партызанскай брыгады, у ліпені 1944 г. быў прадстаўлены да звання Героя Савецкага Саюза, і толькі ў снежні 1948 г. ён атрымаў ордэн Айчыннай вайны I ступені [2]. У яго электроннай картцы ў раздзеле «Узнагароды» ўказання на гэты ордэн няма, а толькі ў раздзеле «Прадстаўлены да ўзнагароды». Такім чынам, неабходна, на нашу думку, у адносінах да ўзнагародных дакументаў пазначэнне архіўных шыфраў.

Для распрацоўшчыкаў сайта «Партызаны Беларусі» важным з’яўляецца ўстанаўленне дакладнай колькасці ўдзельнікаў партызанскага руху і падполля на тэрыторыі Беларусі (аб чым сведчыць лічба на галоўнай старонцы сайта – 400 000). Разважаючы над пытаннем аб тым, наколькі гэта магчыма, трэба ўлічваць той факт, што ўзнагарод па лініі БШПР былі ўдастоены як непасрэдныя ўдзельнікі руху супраціву, члены спецгруп НКДБ–НКУС СССР і БССР, якія не падпарадкоўваліся БШПР, партызанскіх злучэнняў, што толькі праводзілі рэйды на тэрыторыі Беларусі і ўваходзілі ў іншыя партызанскія штабы, так і лётчыкі, механікі, супрацоўнікі БШПР, ЦК КП(б)Б, райкамаў і абкамаў КП(б)Б, фатографы, кінамеханікі і кінааператары, дыктары радыёвяшчання, чырвонаармейцы і інш. Многія з іх непасрэдна не прымалі ўдзел у партызанскім руху і падполлі і нават былі ў глыбокім тыле. Напрыклад, на сайце прысутнічае картка на Ф. В. Папова, дырэктара партархіва ЦК КП(б)Б. Ва ўзнагародным лісце на яго запісана: «В годы Великой Отечественной войны был постоянным уполномоченным ЦК КП(б) Белоруссии в Башкирской АССР по отбору кадров для спецшкол партизанского движения. Вместе с этим будучи заведующим Партархивом ЦК КП(б)Б, он проводил разработку документов и материалов подпольных партийных и комсомольских организаций, партизанских бригад и отрядов, получаемых с занятой немцами территории Белоруссии» [3]. Такім чынам, можна выка-

заць меркаванне, што атрымаць дакладную лічбу партызан і падпольшчыкаў не атрымаецца. У той жа час узнагародныя дакументы дапамагаюць паглядзець на партызанскі рух значна шырэй і ўбачыць, што эфектыўнасць яго барацьбы залежыла не толькі ад непасрэдных баявых дзеянняў у тыле ворага, але і ад зладжанай працы канкрэтных людзей у савецкім тыле па кіраванні, снабжэнні, абслугоўванні і інш. тых, хто змагаўся з нацызмам.

Сярод дакументаў БШПР, што размешчаны на сайце, вялікую частку займаюць асабовыя лісткі па ўліку партызанскіх кадраў на радавы і сяржанскі склад (Ф. 1450. Воп. 7). Яны аформлены часцей за ўсё на тыпаграфскіх бланках і запоўнены ад рукі. Утрымліваюць звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку; год і месца нараджэння; нацыянальнасць; сацыяльнае становішча; час уступлення ва У КП(б) ці УЛКСМ; адукацыя; якім РВК і калі прызваны ў Чырвоную армію, удзел на фронтах; адкуль, калі і з якой пасады прыбыў у партызанскі атрад; ці быў у палоне; у якіх партызанскіх атрадах (групах) знаходзіўся і раён іх дзейнасці; раненні і кантузіі; узнагароды; сямейнае становішча; баявая характарыстыка. Шукаючы даныя ў гэтых дакументах, варта ўлічваць, што яны маюцца не на ўсіх. Большасць датуецца 1944 г. (запаўняліся пасля злучэння партызанскіх фарміраванняў з часткамі Чырвонай арміі) і нават пазнейшымі гадамі. Такім чынам, на ўдзельнікаў партызанскіх фарміраванняў 1941–1942 гг., а таксама многіх загінуўшых у 1941–1943 гг., накіраваных ў савецкі тыл, асабовыя лісткі не афармляліся.

Яшчэ адной крыніцай напаўнення сайта з'яўляюцца асабовыя справы на камандны склад (Ф. 1450. Воп. 8), якія ўтрымліваюць дакументы за 1942–1967 гг., аформленыя як на бланках, так і ў адвольнай форме, запоўненыя ад рукі. Амаль на кожнага маецца асабовы лісток па ўліку партызанскіх кадраў, які змяшчае звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку; воінскае званне; год і месяц нараджэння, месца нараджэння; нацыянальнасць; сацыяльнае палажэнне; прафесія і паходжанне; занятак бацькоў; час уступлення ва У КП(б), звесткі аб выбыцці з У КП(б), знаходжанні ў іншых партыях; адукацыя; валоданне замежнымі мовамі; звесткі аб выездах за мяжу, наяўнасці там сваякоў; судзімасць; час уступлення ў Чырвоную армію; удзел у грамадзянскай і айчыннай вайне; знаходжанне на акупаванай тэрыторыі, у палоне; раненні, кантузіі; узнагароды; сямейнае становішча. Тут жа каротка прадстаўлены звесткі аб працы ў мінулым і аўтабіяграфія. Таксама ў справах могуць прысутнічаць даведкі, атэстацыйныя лісты, характарыстыкі, перапіска.

Размешчаны на сайце і асабовыя справы на радыстаў (Ф. 1450. Воп. 10), часта яны адпавядаюць дакументам на камандны склад: асабовыя лісткі з аўтабіяграфіямі, атэстацыйныя лісты і інш., у некаторых справах сустракаюцца фотаздымкі.

Інфармацыя на загінуўшых прадстаўлена копіямі паведамленняў аб гібелі партызан (Ф. 1450. Воп. 11), якія змяшчаюць звесткі: каму дасылаецца і на які адрас; прозвішча, імя, імя па бацьку загінуўшага, год нараджэння, пасада ў партызанскім атрадзе, апошняе месца працы і пасада, калі загінуў і дзе пахаваны.

Апошнім часам на сайт пачалі дадаваць матэрыялы грамадзян, прызнаных удзельнікамі партызанскага і падпольнага руху ў пасляваенны перыяд (Ф. 1450. Воп. 5, 6). Стандартны набор дакументаў уключае: асабовы лісток па ўліку партызанскіх кадраў, заяву (на тых, хто загінуў падчас вайны дакументы запаўнялі сваякі), даведкі, пацвярджэнні, выпіскі з пратаколаў. З гэтых матэрыялаў таксама можна пачарпнуць карысную інфармацыю. Напрыклад, у заяве аб прызнанні ўдзельніцай партызанскага руху К. Д. Тарасенка, якая загінула ў красавіку 1944 г., яе бацька, Д. А. Тарасенка пісаў: «24-го апреля 1944 года моя дочь Тарасенко Клавдия Дмитриевна убита немецкими войсками за связь с партизанами бригады “Дубова” каковую она действительно имела и выполняла непосредственно задания командования бригады. Штаб бригады в тот период времени был размещен в дер. Заборье лично в моей квартире т.е. у отца убитой моей дочери Тарасенко Дмитрия Афанасьевича...» [4].

Працуючы з матэрыяламі сайта, можна сутыкнуцца і з шэрагам праблем. Напрыклад, пры правядзенні пашыранага пошуку па катэгорыі «пасада ў атрадзе» для тых, у каго яна адсутнічае, прадстаўляецца як мінімум 1000 такіх картак. Прычым у большасці дакументаў, прымацаваных да такіх картак, пасада прысутнічае. Такім чынам, для таго, каб мець магчымасць праводзіць статыстычны аналіз па матэрыялах сайта, неабходна правесці зверку даных, вынесеных ў электронную картку, з тым, што ўказана ў лічбавым вобразе архіўнага дакумента. Акрамя таго, сустракаюцца выпадкі, калі на аднаго партызана створана некалькі картак, гэта таксама патрабуе адсочвання. Напрыклад, на Агеенка Мікалая з в. Забор’е іх дзве, нягледзячы на тое, што год нараджэння, месца нараджэння, партызанскі атрад і брыгада адна і тая ж, розніца толькі ў тым, што ва ўзнагародным лісце ён указаны як Мікалай В. [5], а ў асабовым лістку як Мікалай Васільевіч [6].

Вяртаючыся да пытання аб агульнай колькасці ўдзельнікаў руху супраціву, нагадаем, што вызначыць яе не атрымаецца, пакуль не будуць размешчаны асноўныя спісы на партызан (Ф. 1450. Воп. 5, 6). Бо, як ужо адзначалася вышэй, не на ўсіх былі заведзены асабовыя карткі і не ўсе былі ўзнагароджаны. Гэтыя ж спісы складаліся як на жывых, так і на загінуўшых на працягу 1942–1944 гг. некалькі разоў. Спісы ўтрымліваюць графы: прозвішча, імя, імя па бацьку; год і месца нараджэння; партыйнасць; адукацыя; звесткі аб уступленні ў Чырвоную армію, партызанскі атрад; узнагароды; воінскае званне; знаходжанне ў палоне; пасада ў атрадзе; адкуль прыбыў у партызаны; адрас сям’і; на загінуўшых – дата і месца гібелі, месца пахавання. Большасць спісаў уяўляе рукапісны тэкст, звесткі пра чалавека займаюць адзін радок.

На сайце «Партызаны Беларусі» недастаткова прадстаўлены звесткі аб удзельніках падпольных арганізацый, нават у полі «пасада ў атрадзе» адсутнічае катэгорыя «падпольшчык» ці «член падпольнай групы» (аднак прысутнічае «член падпольнага камітэта», «кіраўнік падпольнай групы»). Дакументы на членаў падпольных груп змешчаны ў шматлікіх фондах партыйных,

камсамольскіх органаў і партыйна-камсамольскіх груп, што дзейнічалі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Яны ўтрымліваюць спісы ўдзельнікаў, даведкі, характарыстыкі, асабовыя лісты, пратаколы і выпіскі з пратаколаў аб прызнанні людзей удзельнікамі падпольных груп і інш. за 1942–2001 гг.

Такім чынам, дакументы фонда БШПР утрымліваюць базавую інфармацыю як аб удзельніках руху супраціву на тэрыторыі Беларусі (звесткі пра чалавека, яго сям'ю, удзеле ў Вялікай Айчыннай вайне ў якасці чырвонаармейца і партызана / падпольшчыка і інш.), так і аб усіх, хто быў узнагароджаны па лініі БШПР і садзейнічаў хутчэйшаму вызваленню краіны ад нацысцкіх захопнікаў. У меншай ступені ў фондзе прадстаўлены звесткі аб удзельніках падпольных арганізацый. Большая частка асабовых дакументаў БШПР ужо размешчана на сайце «Партызаны Беларусі». Варта адзначыць, што нягледзячы на шэраг памылак і недакладнасцяў, якія прысутнічаюць у электронных картках, матэрыялы сайта значна палягчаюць пошук звестак персанальнага характару і спрыяюць папулярызацыі гісторыі партызанскай барацьбы на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

ЛІТАРАТУРА

1. Ішэнка Мікалай Іванавіч // Партызаны Беларусі. – URL: <https://partizany.by/partisans/106494/> (дата звароту: 01.04.2024).
2. Джагараў Міхаіл Міхайлавіч // Партызаны Беларусі. – URL: <https://partizany.by/partisans/24142/> (дата звароту: 01.04.2024).
3. Папоў Фёдар Восіпавіч // Партызаны Беларусі. – URL: <https://partizany.by/partisans/93539/> (дата звароту: 01.04.2024).
4. Тарасенка Клаўдзія Дзмітрыеўна // Партызаны Беларусі. – URL: <https://partizany.by/partisans/242346/> (дата звароту: 01.04.2024).
5. Агеенка Мікалай // Партызаны Беларусі. – URL: <https://partizany.by/partisans/102197/> (дата звароту: 01.04.2024).
6. Агеенка Мікалай Васільевіч // Партызаны Беларусі. – URL: <https://partizany.by/partisans/134777/> (дата звароту: 01.04.2024).

Н. В. Барабаш

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ НА ОТКРЫТОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В БОБРУЙСКЕ: АРЕСТ, СУД, ПРИГОВОР

В 1946–1947 гг. в Беларуси прошел ряд судебных процессов над немецко-фашистскими захватчиками, которые совершили злодеяния на оккупированной территории Беларуси и после войны предстали перед судом.

В ноябре 1942 г. советское государство установило принцип уголовной ответственности для немецко-фашистских захватчиков и их пособников за совершенные ими на территории СССР такие преступления, как пытки, истязания

зания, убийства мирных жителей, насильственный увоз в иноземное рабство, всеобщее ограбление городского и сельского населения и вывоз в Германию личного имущества советских граждан, разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза и расхищение художественных и исторических ценностей, разворовывание церковной утвари и религиозных культов. За указанные деяния ко всем преступникам применялись либо расстрел, либо лишение свободы в виде тюремного заключения [1, с. 124].

В дополнение к этому принципу 19 апреля 1943 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [1, с. 124].

Юридическая ответственность за преступления вытекала из Московской Декларации об ответственности немецких военных за совершаемые ими преступления, принятая 30 октября 1943 г. и подписанная руководителями трех союзных держав антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и СССР [1, с. 123]. В Декларации подчеркивалось, что те германские офицеры и солдаты, члены нацистской партии, которые ответственны за зверства, убийства и казни либо добровольно принимали в них участие, будут судимы и наказаны в соответствии с законами тех стран, где эти преступления были совершены. Принципы Декларации были развиты в Потсдамском соглашении держав-победительниц, а затем признаны ООН и подтверждены в качестве принципов международного права в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 октября 1946 г. [1, с. 124].

Первый судебный процесс над немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками был проведен военным трибуналом в Краснодаре [1, с. 126] в июле 1943 г. и проходил публично. Судебные процессы, в том числе и международный, проведенные военными трибуналами задолго до окончания войны, имели большое внутрисоюзное и международное значение. Это был прецедент судебного разбирательства по делам не только прислужников оккупантов – изменников Родины, но и самих немецких преступников, уличенных в совершении тяжких преступлений [1, с. 127].

Подобные процессы состоялись и на территории Беларуси. Первый прошел в Минске с 15 по 29 января 1946 г., затем последовали процессы в Бобруйске, Витебске и Гомеле. В Бобруйске дела привлекаемых к уголовной ответственности рассматривались военным трибуналом Белорусского военного округа на открытых судебных заседаниях в Доме офицеров в период с 28 октября по 4 ноября 1947 г. [1, с. 136]. Все они обвинялись по ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г.

Все организационно-подготовительные мероприятия, связанные с судебными процессами, возлагались на органы внутренних дел БССР. Для ведения следствия по делам обвиняемых и сбора доказательств их преступлений была создана оперативная группа в Бобруйске в количестве 73 человек во главе с заместителем начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-майором Прошиным и начальником УМВД Бобруйской области подполковником Прониным [1, с. 137].

Численность группы определялась на основе анализа предстоящего объема работ. Комплектовалась она из наиболее опытных оперативно-следственных работников аппарата МВД-МГБ БССР и управлений МВД-МГБ областей. В Бобруйскую оперативно-следственную группу входило 5 групп, которые работали по следующим направлениям: 1-я следственная группа состояла из 11 следователей и переводчиков, под руководством заместителя начальника Управления по борьбе с бандитизмом МВД БССР подполковника Жуковского занималась обвиняемыми и руководила сбором следственных материалов; 2-я следственная группа под руководством заместителя начальника Тюремного управления МВД БССР полковника Бабанова состояла из 8 следователей и 6 переводчиков; 3-я следственная группа под руководством заместителя начальника отдела УМГБ Бобруйской области полковника Митасова состояла из 7 следователей и такого же количества переводчиков; 4-я оперативно-чекистская группа по допросам свидетелей из числа военнопленных под руководством заместителя начальника Управления МВД майора Шило состояла из 10 следователей и 5 переводчиков; 5-я следственная группа по допросам свидетелей из числа советских граждан и сбору объективных доказательств по делам обвиняемых также под руководством заместителя начальника Управления майора Шило состояла из 28 оперативных работников и двух переводчиков. Таким образом, к подготовке судебного процесса в Бобруйске было привлечено 72 оперативных работника МВД, из которых 30 являлись работниками местного УМВД и 42 были прикомандированы из других управлений. Весь процесс обеспечивали 27 переводчиков, 12 машинисток и 7 работников комендантско-хозяйственного обслуживания [1, с. 138].

Поступавшая из различных источников информация оперативно использовалась как на предварительном следствии, так и в ходе судебных процессов. За время работы по бобруйскому процессу на основе бесед с представителями различных категорий военнопленных было составлено более 400 оперативных донесений, которые использовались не только для организации правильного ведения расследования, но и для устранения недостатков в режиме содержания обвиняемых [1, с. 138].

В результате следственных мероприятий по всем обвиняемым был собран достаточный материал для обвинения. Так, следственное дело на В. Окснера составляло 340 страниц, на Г. Траута – 233 листа, В. Янецке – 181 лист, Э. Венцеля – 174 листа, групповое дело на военнопленных Г. Франке, Г. Эмиш и других составляло два тома на 433 листах, второе групповое дело на военнопленных А. Грим, Гассельштайн и других – 33 листов [2, л. 14].

Все обвиняемые военнопленные были доставлены к месту суда и размещены в тюрьмах изолировано друг от друга. Для них устанавливался режим содержания, исключающий возможность самоубийств, побегов и других действий, которые могли бы повлиять на ход следствия и судебных процессов. Обвиняемые питались по нормам, установленным для военнопленных.

Военнопленные доставлялись в Бобруйск из разных регионов Советского Союза, главным образом из Беларуси и Российской Федерации. Так, 8 человек было этапировано в Бобруйск из Минска, тюрьмы №1, два человека – из тюрьмы г. Иваново, 13 человек – из тюрем г. Казани и Татарской АССР [2, л. 16]. Отметим, что военнопленных достаточно быстро этапировали в Бобруйск. Так, 28 сентября Министерство внутренних дел Татарской АССР сообщало начальнику МВД по Бобруйской области, что «В соответствии с распоряжением Министра внутренних дел СССР № 273 от 27 сентября 1947 г. в Ваше распоряжение 28 сентября с.г. на открытый судебный процесс направлены участники зверств» [2, л. 33]. 2–3 октября 1947 г. специальными вагонзаками под усиленной охраной все военнопленные были доставлены в Бобруйск.

В Бобруйске предстали перед судом офицеры и солдаты, которые принимали участие в карательных операциях против партизан и мирных жителей в Оршанском, Глубокском, Поставском, Кличевском, Кировском, Добрушском, Лепельском и других районах Беларуси. Среди обвиняемых были Окснер Вильгельм – генерал-лейтенант, бывший командир 31-й пехотной дивизии, Ганс Траут – генерал-лейтенант, бывший командир 78-й штурмовой дивизии, Александр Конради – генерал-майор, бывший командир 727-го полка, 707-й охранной дивизии и другие солдаты и офицеры вермахта [3, с. 5].

В качестве свидетелей выступали белорусские граждане, которые были очевидцами преступлений немецких солдат и офицеров против мирного населения, бывшие партизаны и подпольщики, как, например, командир 227-го партизанского отряда Игнат Зиновьевич Изох, священники – настоятель бобруйского Николаевского собора Ф. Дмитриук, Я. П. Немшевич, а также освобожденные из лагерей заключенные, солдаты Красной армии, освобождавшие Беларусь.

Материалы следствия показали, что обвиняемые являлись активными участниками злодеяний, совершенных фашистскими оккупантами на территории Беларуси. Так, обвиняемый В. Окснер в октябре–ноябре 1943 г., командуя 31-й пехотной дивизией, отдал приказ сжечь на пути отступления от г. Орши все населенные пункты. В результате выполнения этого приказа были сожжены деревни Чаплин, Холмич, Стародубка, Леваши, Адамовка, Унорица, Глыбово, Сталька и другие. Такие же преступные приказы В. Окснер отдавал и при дальнейшем отступлении. Он признал, что уничтожение населенных пунктов по пути отступления практиковалось им систематически. В апреле 1944 г., выполняя приказ своего командования, В. Окснер организовал в деревне Медведовка Чаусского района специальный лагерь, куда вместе с тифозными больными преднамеренно сгонялось жители окрестных деревень в целях их заражения и распространения эпидемии на освобожденной советскими войсками территории. Таким образом, тысячи мирных граждан были заражены тифом и погибли. За эти злодеяния В. Окс-

нер постановлением ЧГК по расследованию злодеяний немецких оккупантов на территории СССР от 29 апреля 1944 г. был занесен в списки военных преступников [1, с. 140].

В обвинительном заключении отмечалось, что А. Конради, будучи командиром 36-й пехотной дивизии, отдавал приказы своим подчиненным частям расправляться с мирными гражданами на оккупированной территории БССР. На основании его приказов в мае–июне 1944 г. были сожжены и разрушены в Бобруйской области городской поселок Паричи, а также поселок Октябрь и деревни Песчаная, Рудня, Скалки, Козловка, Липники, Верхолесье, Чернино, Гамза, Раковичи, Вежни, Васильевка, Михайловка, Дражня Паричского района. В июне 1944 г. в Паричах было сожжено и расстреляно 200 советских граждан, преимущественно стариков и детей. По данным ЧГК БССР немцами было расстреляно, повешено и сожжено в Паричском районе всего 3271 человек [3, с. 5].

Обвиняемый бывший подполковник Гросс в сентябре 1941 г. в Бобруйской области участвовал в карательных операциях против мирных граждан в районе деревни Любоничи, Свислочь Осиповичского района. По данным ЧГК БССР только по Осиповичскому району было расстреляно, повешено, замучено 6122 человека, угнано в Германию 4005 человек, сожжено и уничтожено 50 населенных пунктов [3, с. 5].

На основании изложенных фактов и показаний свидетелей подсудимые «В. Окснер, Г. Траут, А. Конради – обвинялись в том, что они, командуя соединениями немецкой армии на советской территории, являлись организаторами зверств, чинимых над советскими гражданами. При отступлении немецких войск отдавали своим частям приказы о создании мертвой зоны. Для исполнения этого уничтожались населенные пункты, грабилось имущество жителей, часть населения была угнана в немецкое рабство, а часть уничтожили.

Военнослужащие – Франк, Грим, Бург, Змиш, Гросс, Готшальд, Кюнгольд, Целлер обвинялись в том, что они, занимая командные должности в охранных войсках, систематически участвовали в карательных экспедициях против мирного населения, во время которых расстреливали, вешали, сжигали заживо советских людей, грабили их имущество, уничтожали населенные пункты, угоняли советских граждан на принудительный труд в Германию» [3, с. 5].

Государственный обвинитель, военный прокурор Бобруйского военного округа полковник юстиции Н. П. Завьялов на заседании 3 ноября 1947 г. подчеркнул, что вина всех подсудимых в предъявленных им преступлениях, предусмотренных ст.1 Указа Президиума ВС от 19 апреля 1943 г., доказана. Он отметил: «... Именем справедливости и человечности, именем славянских народов, которых хотели немецко-фашистские захватчики превратить в рабов, именем народов Советского Союза и многострадального мужественного белорусского народа, именем всех замученных, расстрелянных, распятых, повешенных и растерзанных гитлеровскими варварами людей, государствен-

ное обвинение требует применить 18 подсудимым установленную законом высшую меру наказания, лишив каждого из них свободы на 25 лет, а Бург, Эмих и Грим – на 20 лет» [4, с. 5].

4 ноября 1947 г. состоялось заключительное заседание суда, на котором было оглашено обвинительное заключение: «Военный трибунал Белорусского Военного округа признал всех подсудимых виновными в преступлениях, предусмотренных ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Руководствуясь ст.3 Уголовного кодекса, статьями 312 и 320 Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г., приговорил Окснер Вильгельма, Траут Ганса, Конради Александра, Тарбук Иогана, Франке Гайнца, Грим Альфреда, Бург Иозефа, Змиш Гарольда, Гросс Людвига, Дреггер Вилли, Готшалк Гельмута, Кюнгольд Карла, Целлер Роберта, Шмитц Михаэля, Шреттер Романа, Кюнциг Адама, Кашинского Альфонса, Краус Вильгельма, Юшкус Бруно, Кремер Герберта и Янецке Вильгельма к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет каждого» [5, с. 6].

Открытые судебные процессы, прошедшие в Беларуси в 1946–1947 гг., показали неотвратимость наказания за совершенные преступления. Они проходили в соответствии с внутренним и международным правом при соблюдении всех процессуальных норм и законов, предусмотренных законодательством. Вместе с тем отметим, что до настоящего времени в нашей стране отсутствуют обобщающие работы как по каждому процессу в отдельности, так и по всем в совокупности. Опубликован стенографический отчет только по Минскому процессу 1946 г., однако без глубокой археографической обработки документов, с отсутствием комментариев, географического и именного указателей и т.д. Не проанализированы судьбы военных преступников, которые были осуждены на различные сроки наказания и отбывали заключение не на территории Беларуси, а в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) Советского Союза. Нет ответа и на вопрос, отбыли ли они полностью сроки наказания, или были освобождены по амнистии в середине 1950-х г. и вернулись в себе на родину. Нет глубокого исследования, как и по какому принципу отбирались свидетели и как использовались их свидетельские показания в ходе судебных процессов. Эти и многие другие вопросы требуют глубокого и всестороннего изучения для того, чтобы история открытых судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками, проведенных в Беларуси, стала достоянием широкой общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шарков, А. В.* Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси 1944–1951 гг. / А. В. Шарков. – Минск : Тесей, 2003. – 164 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1369. Оп. 1. Д. 2996. Л. 14, 16, 33 Подлинник.

3. Судебный процесс в городе Бобруйске по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Обвинительное заключение // Советская Белоруссия. – 1947. – 28 окт. – С. 5.

4. Судебный процесс в городе Бобруйске по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Утреннее заседание // Советская Белоруссия. – 1947. – 3 ноября. – С. 5.

5. Приговор гитлеровским немецким преступникам // Советская Белоруссия. – 1947. – 4 дек. – С. 6.

А. Л. Барановский

ОГНЕННЫМИ ВЕРСТАМИ ВОЙНЫ...: СУДЬБЫ ОФИЦЕРОВ 16-Й МЕХАНИЗИРОВАННОЙ БРИГАДЫ БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

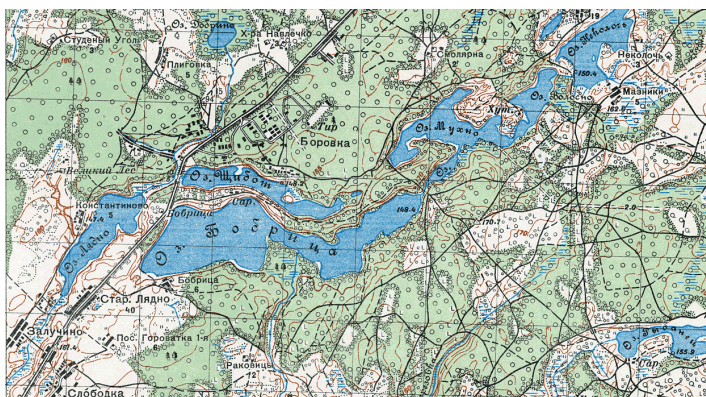
Данная работа посвящается забытым страницам истории одного из старейших и известнейших военных городков Беларуси. Это исследование – дань памяти, возвращение из забвения доброго имени военного ученого, теоретика и практика боевого применения танков, полковника С. Н. Аммосова, выполненное в преддверии 80-летия со дня его смерти, и реквием незаслуженно забытому воинскому соединению – 16-й механизированной бригаде Белорусского военного округа (далее БВО), в формировании и становлении которого он принимал активное участие вместе со своими подчиненными и был его первым командиром и военкомом.

Предыстория: рубеж 1920–1930-х гг. в СССР – начало нового этапа строительства мотомеханизированных войск, в это время было образовано Управление по механизации и моторизации Рабоче-крестьянской Красной армии (далее РККА), формировались крупные механизированные соединения. Взамен стоящих на вооружении трофейных танков времен Первой мировой войны были приняты новые танки собственного производства. Танковые войска претерпели в этот период свое второе рождение.

В 1932 г. в РККА формировались отдельные механизированные бригады. На территории БВО были созданы: 3-я (командир: комбриг П. П. Рулев; г. Старые Дороги Минской области), 4-я (командир: М. Л. Чернявский; д. Киселевичи Бобруйского района Могилёвской области), 5-я (командир: Я.-А. М. Тылтынь; г. Борисов Минской области) механизированные бригады. В 1935 г. в СССР начинается формирование большого количества новых мехбригад. Весной этого года в БВО формировались: 10-я (командир: полковник Н. Н. Андрушкевич-Шепель; г. Борисов Минской области), 16-я (командир: полковник С. Н. Аммосов; д. Боровка Лепельского района Витебской области), 18-я (командир: комбриг В. Г. Грачев; г. Полоцк Витебской области) и 21-я (командир: полковник С. Д. Бобков; г. Минск) механизированные бригады [15].

16-я мехбригада БВО была сформирована в мае–июне 1935 г. (предположительно, в соответствии с Директивой Штаба БВО № 009688 от 13.05.1935 г.), место дислокации: военный городок Боровка Лепельского района. Городок танкистов включал следующие объекты: комендатура, штаб, три 3-этажные кирпичные казармы, 2-этажная кирпичная столовая, танковые боксы и автомастерские, гаражи, склады, стрелковый тир, танкодром, электростанция, водонапорная башня, 3-этажный Дом Красной армии с кинозалом, библиотекой, учебными классами и комнатами отдыха, стадион-плац. Жилой городок для командного состава и их семей включал объекты: шесть 4-этажных кирпичных домов офицерского состава (ДОС), общежитие и столовая красных командиров, открытая танцплощадка с киноустановкой, магазин военторга, начальная школа, с 1937 г. неполная средняя школа, почтовое отделение, киоск канцтоваров.

Соседями танкистов были военнослужащие и вольнонаемный персонал войсковых частей центрального, окружного и местного подчинения РККА: УВСП–57 (Участок военно-строительных работ), 391-го артиллерийского склада боеприпасов БВО, 34-й местной стрелковой роты местных стрелковых войск, 360-го гаубичного артиллерийского полка Артиллерии Резерва Главного Командования (РГК) и Лепельского военного госпиталя № 437 на 200 коек (с мая 1946 г. Лепельский военный санаторий БВО). Городок имел выгодное логистическое местоположение (по легенде, его выбрал маршал К. Е. Ворошилов): находился в 12 км в северо-восточном направлении от районного центра Лепель на 165-м км республиканского шоссе Минск – Витебск и с 1939 г. имел железнодорожное сообщение со станциями Лепель и Орша Западной железной дороги [8; 9; 11; 12, с. 4].

Военный городок Боровка

Состав бригады с 1935 г.: управление бригады, в/ч 6495; 1-й отдельный танковый батальон Т-26, в/ч 6501; 2-й отдельный танковый батальон Т-26, в/ч 6503; 3-й отдельный танковый батальон Т-26, в/ч 6509; 16-й отдельный учебный танковый батальон, в/ч 6514; 16-й отдельный стрелковый батальон; 16-й отдельный разведывательный батальон, в/ч 6522; 16-я отдельная рота связи, в/ч 6525; 16-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон, в/ч 6534; 16-я отдельная автотранспортная рота, в/ч 6537; 16-й отдельный батальон боевого обеспечения, в/ч 6529; Особый отдел ГУГБ НКВД.

Состав бригады с 1937 г.: управление бригады; 103-й отдельный танковый батальон; 104-й отдельный танковый батальон; 107-й отдельный танковый батальон; 144-й отдельный учебный танковый батальон; 204-й огнеметный танковый батальон; 287-й ремонтно-восстановительный батальон; 341-й автотранспортный батальон; Особый отдел ГУГБ НКВД.

Наличие техники на 01.01.1936 г.: танки Т-26 2 башенные – 16 ед., танки Т-26 линейные – 67 ед., танки Т-26 химические (огнеметные) – 3 ед., танки Т-26 (оснащенные радиостанциями) – 66 ед., танки Т-37 линейные – 6 ед., танки Т-37 (оснащенные радиостанциями) – 7 ед., танки Т-27 – 4 ед., танки Т-27 химические (огнеметные) – 2 ед., всего танков – 171 ед.; бронеавтомобиль ФАИ, бронеавтомобили Д-8, Д-12 (конструктора Н. И. Дыренкова) – 18 ед., бронеавтомобиль БА-3 – 3 ед.

Наличие техники на 20.10.1940 г.: 1548 чел. личного состава; 1021 винтовка; 1 ручной, 20 станковых, 16 зенитных пулеметов, 215 танков Т-26, 4 танка Т-37, 5 танков БХМ (боевая химическая машина), всего 224 танка; 5 бронеавтомобилей, 22 легковые, 123 грузовые, 50 специальных автомашин; 62 радиостанции (включая 54 танковые 71–ТК); 8 мотоциклов, 9 тракторов, 2 тракторных прицепа, 21 кухня [6].

В ноябре 1935 г. из 4-й механизированной бригады (место дислокации: д. Киселевичи в 7 км от г. Бобруйска) в в/г Боровку в 16-ю механизированную бригаду для укомплектования были отправлены учебный батальон и рота связи.

В апреле–мае 1936 г. 16-я мехбригада проверялась комиссией НКО СССР.

В период 02.–04.10.1936 г. танкисты приняли участие в Полоцких больших тактических маневрах 4-го стрелкового корпуса БВО, прошедших в районе 10–25 км западнее г. Полоцка, включая Полоцкий Укрепленный район.

В связи со сложной международной обстановкой (события в Чехословакии) 23.09.1938 г. была передана директива Наркома обороны СССР Военному совету БОВО: «... 2. На лепельском направлении 24-ю кавалерийскую дивизию (без одного кавалерийского полка) с 16-й танковой бригадой сосредоточить в районе Заречицк, Новые Вольбаровичи, Добрунь, Небышина, Бегомль, Пустоселье. Один кавалерийский полк 24-й кавалерийской дивизии сосредоточить в Малых Кубличах. 79-й стрелковый полк с гаубичным полком 27-й стрелковой дивизии сосредоточить в районе Малая Черница, Отрубок, Березина. Командование лепельской группой возложить на командира 27-й стрелковой дивизии ...» [14]. Однако, как известно, в чехословацких событиях Красная армия участия не принимала.

Во 2-й половине 1938 г. перешла на новые штаты № 10/940 и № 10/980 танковых бригад Т-26 и переименована в 22-ю легкотанковую бригаду.

В сентябре–октябре 1939 г. бригада участвовала в Польском освободительном походе в Западную Белоруссию в составе 3-й армии комкора В. И. Кузнецова (Витебская армейская группа) Белорусского фронта, наступала в направлении г. Вильно (ныне Вильнюс) и Виленщины, имела на вооружении 219 танков Т-26 и 3 броневедомока.

«18 сентября вечером 6-я танковая бригада (командир: полковник Н. А. Болотников) вышла на южную окраину г. Вильно и с ходу начала его штурм. С рассветом 19 сентября бригада вела уличные бои. К 11.00 часам город был захвачен и удерживался до подхода 22-й и 25-й танковых бригад и 24-й кавалерийской дивизии. В числе защитников Вильно, кроме частей регулярной армии, также действовали отряды офицеров и студентов-добровольцев. <...> В ночь на 21 сентября части 22-й танковой бригады (командир: комбриг И. Г. Лазарев) были атакованы польским эскадроном, пытавшимся прорваться в Литву. После короткого боя группа капитана Симаченко захватила два 105-мм орудия, грузовик с амуницией и 14 коней» [18].

В январе 1940 г. в военных округах началось формирование «сводных» (создавались за счет выделения личного состава и техники из существующих соединений с последующим их возвратом) танковых полков для стрелковых и кавалерийских дивизий действующей армии в Финляндии. По штату военного времени № 010/1 танковый полк в составе двух батальонов (по 2 роты в каждом) должен был иметь 76 танков Т-26, 5 химических танков и 630 чел. личного состава. В БОВО за счет имевшихся танковых бригад округа были сформированы 3 танковых полка: 22-й (командир: майор М. И. Малышев), 23-й (командир: майор А. Ф. Панов), 25-й (командир: майор Г. С. Родин). Танковый полк М. И. Малышева предназначался для боевых действий в составе 9-й армии (командующий: комкор М. П. Духанов). 02.03.1940 г. полк прибыл на Карельский перешеек.

В начале марта 1940 г. 22-й и 62-й танковые полки переправились по льду на западный берег Выборгского залива, после чего действия соединений 28-го стрелкового корпуса стали развиваться более успешно [16].

07.02.1940 г. Военный совет БОВО получил директиву НКО СССР за № 0/2/103693, в соответствии с которой на территории округа проводились следующие мероприятия: <...> 22-я танковая бригада Т-26 переводилась на штаты легкой танковой бригады Т-26 РК, численностью 1610 чел. (штаты № 10/940 и № 10/980).

10.04.1940 г. военным советам округов были отправлены директивы НКО СССР о переводе на штаты мирного времени, а также о передислокации войск. Директивой Военному совету Закавказского ВО предписывалось <...> прибывающий из Ленинградского ВО 22-й танковый полк развернуть в 17-ю легкотанковую бригаду Т-26 РК (на территории Армении).

В 1940 г. 22-я танковая бригада в составе 11-й армии дислоцировалась в г. Ковно (ныне г. Каунас), Литва, Прибалтийский ВО.

В марте 1941 г. бригада была обращена на формирование 23-й танковой дивизии 12-го механизированного корпуса 8-й армии Прибалтийского ОВО по штатам, утвержденным Постановлением СНК СССР от 06.07.1940 г. № 1193–464 сс. Место дислокации: г. Либава (ныне г. Лиепая), Латвия. Управление на базе управления 22-й легкотанковой и 8-й мотострелковой бригад, с добавлением личного состава управления 4-й легкотанковой бригады. Танковые полки создавались из батальонов 22-й легкотанковой бригады. Мотострелковый полк – из пулеметных и стрелково-пулеметного батальонов 8-й мотострелковой бригады, артиллерийский полк на базе 572-го артиллерийского полка 8-й моторизованной пулеметно-артиллерийской бригады. Командир дивизии: полковник Тимофей Семенович Орленко (1901–1941).

На 22.06.1941 г. 23-я танковая дивизия дислоцировалась в районе Куртувены, северней Тельшай, Литва. С первых дней войны вступила в бой с немецко-фашистскими захватчиками. 16.08.1941 г. в результате кровопролитных боев и безвозвратных потерь в живой силе и технике соединение было расформировано [6; 13].

Полоковник С. Н. Аммосов.
Фотопортрет, 1935. Из книги
«Танкисты». М., 1935.

Аммосов Сергей Николаевич (07.09.1898, г. Москва – 28.01.1946, г. Магадан). Родился в семье юриста и служащей железной дороги, православного вероисповедания. Окончил Саратовскую полноправную гимназию А. М. Добровольского (1916), Михайловское артиллерийское училище (1917). Служил в Русской Императорской армии, младший офицер (1917–1918). В РККА с марта 1919 г. Участник Гражданской войны (1919–1922). Член ВКП(б) с июля 1920 г. Проходил службу в Ростове-на-Дону, Кирсанове, Саратове, Дорогобуже, Витебске. Преподаватель Одесской артиллерийской школы (1925–1927). Окончил Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе (1930), адъютант академии (1931–1933), заместитель руководителя кафедры мотомеханизированных войск.

Военный ученый-теоретик и практик, в 1920–1930 гг. занимался вопросами строительства и боевого применения механизированных соединений и бронетанковых войск, внес большой вклад в теорию применения танковых подразделений и их взаимодействия с другими родами войск, создание основ теории глубокой операции как современного способа боевых действий. В начале 1930-х гг. наряду с А. Е. Громыченко, П. Д. Гладковым, А. А. Игнатьевым, П. А. Ротмистровым, И. П. Суховым и другими специалистами принимал активное участие в обсуждении проблем развития теории применения автобронетанковой техники и противотанковой борьбы, выступал за техническое перевооружение танковых частей Красной армии на страницах всесоюзных журналов «Автобронетанковый журнал», «Военная мысль»,

«Военный вестник», «Война и революция», «Книга и оборона СССР», «Красноармеец и краснофлотец», «Механизация и моторизация РККА» и центральной газеты «Красная Звезда». Автор (печатался также в соавторстве с М. В. Жарниковым, В. В. Ивановым, А. Б. Слуцким) монографий, книг, учебников и учебных пособий, статей, рецензий.

Командир и военный комиссар 2-го отдельного танкового батальона им. М. И. Калинина (с марта 1933), начальник штаба (с июня 1934) 13-й механизированной бригады 5-го механизированного корпуса, подполковник, г. Наро-Фоминск, Московский ВО. Помощник начальника 3-го отделения 2-го отдела Штаба РККА (с марта 1935). Участник, член Президиума 1-го слета стахановцев-танкистов в г. Москве (02.05.1935).

Первый командир и комиссар 16-й механизированной (легкотанковой) бригады, в/г Боровка Лепельского округа, БВО, начальник местного военного гарнизона «Боровка», полковник (звание присвоено Приказом НКО СССР № 2484 от 26.11.1935) (10.06.1935–08.08.1937). Первостроитель военного городка. 13.06.1936 г. был избран членом Лепельского окружного комитета КП(б)Б. В этом же году был награжден золотыми часами за боевую подготовку бригады. Проживал в специально построенном для него отдельном одноэтажном деревянном доме-флигеле на северном берегу озера Щибот (ныне месторасположение универсама «Военсервис». – А. Б.).

08.08.1937 г. освобожден от должности, находился в распоряжении Управления по начальствующему и командному составу РККА при НКО СССР. 04.03.1938 г. уволен из армии по статье 44–в приказом № 0060. Арестован 10.03.1938 г. органами ГУГБ НКВД по подозрению в участии в военно-фашистском заговоре. Предъявлены обвинения в связях с предателями И. П. Уборевичем, Б. М. Фельдманом, М. Н. Тухачевским, антипартийном поведении. 26.06.1939 г. Военным трибуналом БОВО осужден на 10 лет лишения свободы, однако приговор был отменен за отсутствием состава преступления Военной коллегией. В 1940 г. Особым Совещанием при НКВД СССР «за участие в антисоветской организации» был осужден на 5 лет лагерей. Отбывал срок в Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерях в Магаданской обл., освобожден в марте 1943 г. В годы войны неоднократно обращался с просьбами об отправке на фронт, однако получал отказы. Работал заведующим техническим складом, слесарем автопарка, кладовщиком технического склада на автобазе в г. Магадане. Реабилитирован посмертно 27.03.1956 г. Был женат, супруга Бронислава Борисовна Аммосова, дочь Нора (1934 г. рожд.); семья проживала в Москве [1, л. 1–2 об., 14–15, 16–17; 2; 3; 5; 6; 7; 21; 23].

Обширная библиография работ С. Н. Аммосова, выявленная нами, включает 9 книг на русском и белорусском (3 перевода с русского 1932 и 1933 гг. Государственного военного издательства БССР) языках, вышедших в трех специализированных книжных сериях («Библиотека командира», «Библиотека красноармейца», «Библиотека “На страже СССР”») в пяти издательствах Москвы, Ленинграда и Минска в период 1928–1934 гг. общим тиражом

свыше 300 тыс. экз. При этом ряд книг выдержали несколько изданий: «Разведчик-артиллерист» (соавтор В. В. Иванов) (Москва, 1928, 1931) 2 издания; «Противоброневая борьба» (соавторы: М. В. Жарников, А. Б. Слуцкий) (Москва, Ленинград, Минск, 1931, 1932, 1933) 2 издания; «Тактика мотомехсоединений» (Москва, 1931, 1932) 2 издания; «Танки в бою» (Москва, Минск, 1931, 1932) 3 издания; «Взаимодействие танков с пехотой» (соавтор А. Б. Слуцкий) (Москва, Минск, 1929, 1931, 1932, 1933, 1934) 4 издания, это – *первый учебник по тактике танковых подразделений Красной армии*.

Он также автор более 50 научных статей на страницах восьми центральных журналов и газет. Выявлено также как минимум 18 рецензий в шести периодических изданиях и в одной книге более 10-ти авторов на труды ученого. Необходимо отметить, что в Беларуси работы полковника Сергея Аммосова можно найти только в фондах Национальной библиотеки Беларуси [10; 22].

Из выступления подполковника С. Н. Аммосова в г. Москве, 2 мая 1935 г.: *Приветствую первый слет стахановцев-танкистов от имени отличников нашей части. <...> По-новому организовав боевую подготовку, приблизив ее к естественным боевым условиям, мы стали получать и более эффективные результаты. <...> Тир и классы мы изгнали из казарм. <...> Мы решили стрелять только в естественных условиях, поэтому сделали тир открытыми. Наравне с открытыми тирами мы устроили навильоны, в которых создаем культурные классы стрельбы, классы оружия и учебные мастерские ...* [19].

Из воспоминаний сослуживца, белорусского журналиста и писателя Л. Я. Прокши: *...Командира бригады полковника Аммосова арестовали... Признаться, это нас всех удивило. Его считали хорошим командиром, любил порядок, дисциплину...* (пер. с бел. – А. Б.) [20].

Из воспоминаний уроженки д. Старое Лядно Лепельского района Витебской области, первостроителя и жительницы в/г Боровка У. Ф. Филиппевой (Докиш) (1919–2014): *...В августе 1937 года компетентные органы «забрали» комбрига полковника Аммосова, а в доме этом, отдельном, специально для него построенном, где он жил, тут же обосновался Особый отдел танкистов – вокруг быстро возвели забор из колючей проволоки в 3 м высотой, днем и ночью ходили часовые с оружием... Это место все местные жители в страхе обходили стороной... Обстановка была напряженной, тяжелой, боялись люди тогда доносов, ночных визитов «непрошенных гостей», арестов...* [24].

Командиры и красноармейцы 16-й механизированной бригады кроме напряженной боевой и политической учебы вместе с военными строителями и вольнонаемными принимали также непосредственное участие в возведении зданий и сооружений оборонного значения, строительстве путепроводов военного городка, объектов инфраструктуры бригады, жилого и казарменного строительства, обустройстве территории на протяжении 1935–1939 гг. Подавляющее большинство объектов воинского соединения использовалось

по своему практическому назначению после ухода бригады из городка осенью 1939 г. (в январе–феврале 1940 г. здесь было сформировано Лепельское пехотное училище, а с мая 1941 г. дислоцировалось Лепельское минометное училище), которые благополучно сохранились до наших дней и после предпринятых в середине 1990-х гг. мероприятий конверсии успешно используются поныне в качестве комплекса зданий Детского реабилитационно-оздоровительного центра «Жемчужина» республиканского значения.

Люди и танки полковника Аммосова прошли трудными дорогами Польского освободительного похода, советско-финляндской войны, внесли достойный вклад в Победу над врагом в Великой Отечественной войне, несколько офицеров приняли участие в 1945 г. в разгроме японской Квантунской армии на Дальнем Востоке. Светлая память погибшим и пропавшим без вести воинам!

Ниже представлены предварительные итоги архивно-поисковой работы по установлению судеб офицеров 16-й мехбригады БВО, участия командного состава, прежде всего, в Великой Отечественной войне. Во время работы над исследованием были восстановлены имена, собраны краткие и развернутые биографические сведения и почти полная иконография по более чем 60 офицерам бригады, из которых, кроме этого, пятеро – участники Гражданской войны (1918–1922); восемь были репрессированы в годы Большого террора (1937–1939), в т. ч. почти все – пятеро сотрудников первого состава Особого отдела ГУГБ НКВД бригады во главе с его начальником **Георгием Никифоровичем (Николаевичем) Корниловым** (1900–?), лейтенантом государственной безопасности. Сам он позже будет призван в РККА и направлен в контрразведку СМЕРШ, окончит войну в звании гвардии майора.

Самые известные сослуживцы полковника С. Н. Аммосова: гвардии подполковник **Андрей Филиппович Зинин** (1915–1983), гвардии полковники **Деонисий Сильвестрович Наруцкий** (1904–1960) и **Дмитрий Гаврилович Суховаров** (1904–1982) были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, **Иван Игнатьевич Якубовский** (1912–1976) – дважды Герой Советского Союза, Герой Чехословацкой Социалистической Республики, легендарный Маршал Советского Союза (по инициативе и с участием автора данного исследования 3 июля 2013 г. в пос. Боровка Лепельского района была торжественно установлена *мемориальная доска* на доме № 6, в котором он проживал с 1935 по 1939 г.).

Пять офицеров стали генералами: генерал-майор ГБ (после войны лишен звания) **Владимир Иванович Бударев** (1907–1959), помощник начальника Особого отдела ГУГБ НКВД бригады; генерал-майор танковых войск **Иван Прокофьевич Верков** (1900–1954), командир 16-го учебного танкового батальона, начальник штаба бригады; генерал-майор танковых войск **Михаил Иванович Малышев** (1901–1986), начальник оперативной части, заместитель начальника штаба бригады; дивизионный комиссар **Иван Иванович**

Овчинкин (?–?), начальник политотдела бригады; генерал-лейтенант танковых войск **Иван Гаврилович Лазарев** (1898–1979), начальник штаба – заместитель командира, командир 16-й мехбригады в 1937–1940 гг.

Офицеры-фронтовики: старший батальонный комиссар **Вениамин Михайлович Ветвинский** (1911–после 1985), парторг бригады; звание не установлено **Илья Замурдинович Головдин** (1908–?), командир танка; сержант государственной безопасности **Василий Артемьевич Добровольский** (1906–?), начальник Особого отдела ГУГБ НКВД бригады; воентехник 2-го ранга **Павел Семенович Иванов** (1904–?), воентехник бригады; звание не установлено **Александр Алексеевич Макаревич** (1909–?), 16-й учебный танковый батальон бригады, должность не установлена; лейтенант **Савелий Дмитриевич Рендоренко** (1909–1987), должность не установлена; воентехник 2-го ранга **Александр Михайлович Романов** (1904–?), воентехник бригады; звание не установлено **Петр Андреевич Семенов** (1902–после 1954), должность не установлена; капитан? **Алексей Дмитриевич Яблоков** (1909–?) должность не установлена.

Одиннадцать человек погибли на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) – полковой комиссар **Николай Павлович Ассоров** (1908–1942), военком бригады; звание не установлено **Иван Иванович Карев** (1905–1942), должность не установлена; батальонный комиссар **Залман-Нисон Рувимович Клейнман** (1900–1941), политработник бригады; подполковник **Николай Егорович Коптев** (1909–1945), начальник химической службы бригады; политрук **Степан Викторович Кравцов** (1904–1942), политрук танковой роты; полковник **Владимир Федорович Минаев** (1900–1942), последний командир 22-й танковой бригады в 1940–1941 гг.; майор **Михаил Николаевич Морозов** (1910–1942), помощник командира бригады по технической части; полковой комиссар **Владимир Богданович Петров** (1900–1941), военный комиссар бригады и УВСП–57; **Иван Иванович Савченко** (1907–1943), командир взвода бригады; подполковник **Иосиф Александрович Симаченко** (1903–1943), начальник автотранспортной службы бригады; майор **Ахат Биктимирович Хантимиров** (1903–1942), начальник оперативной части бригады.

Шестеро пропали без вести – полковой комиссар **Михаил Александрович Лобанов** (1902–1942), политработник бригады; майор **Николай Петрович Мозговой** (1902–1941), начальник разведки бригады; полковник **Семен Алексеевич Мухин** (1904–1941), начальник штаба бригады; батальонный комиссар **Павел Павлович Осетров** (1909–1941), инструктор политотдела бригады; старший батальонный комиссар **Яков Федорович Путилин** (1905–1941), военком танкового батальона бригады; старший политрук **Абрам Шаевич Куперберг** (1900–1941), командир роты стрелково-пулеметного батальона бригады.

Четыре офицера попали в немецкий плен и прошли через мытарства и ужасы фашистских концлагерей – капитан **Иван Александрович Киселев** (1905–?), начальник связи бригады; майор **Михаил Ильич Мамыкин** (1901–?),

командир автотранспортного батальона бригады; **Петр Иванович Маркелов** (1899–?), начальник штаба бригады; батальонный комиссар **Григорий Данилович Подвальный** (1905–1942?), военком отдельного танкового батальона бригады. Их дальнейшие послевоенные судьбы нам неизвестны.

Участники войны, которые получили воинское звание «полковник» – семь человек, в т. ч. **Семен Максимович Блынский** (1896–?) и **Василий Федорович Сырцов** (1908–?), заместители командира бригады по строевой части; **Федор Гаврилович Гаврилов** (1904–?), политработник 16-го учебного танкового батальона; **Константин Васильевич Куликов** (1907–после 1985), старший танковый техник 3-го отдельного танкового батальона бригады; **Георгий Иванович Мельничук** (1900–?), начальник артиллерии бригады.

Капитан **Захар Григорьевич Будаев** (1913–?), проходивший срочную службу в бригаде, во время и после войны – политработник, ответственный редактор газет, журналист; подполковник **Леонид Януарьевич Прокша** (1912–1994), также проходивший срочную службу в бригаде в довоенный период, стал известным белорусским советским журналистом, писателем, публицистом.

Двенадцать офицеров – кавалеры ордена Ленина, девять награждены полководческими орденами, в т.ч. гвардии майор **Тихон Дмитриевич Батурин** (1909–1948), танкист-химик бригады, гвардии полковник **Михаил Моисеевич Литвяк** (1909–после 1974), ответственный секретарь партбюро бригады, после войны ставший кандидатом исторических наук, один – орденом «Знак Почета», пятеро – орденами и медалями иностранных государств [4, л. 8, 9, 83, 84, 104, 105, 106, 108, 115, 118, 121, 137, 138, 145, 150, 151, 152, 173, 229, 236, 238; 12].

Герои Советского Союза гвардии подполковник А. Ф. Зинин и гвардии полковник Д. Г. Суховаров – участники исторического Парада Победы в г. Москве 24 июня 1945 г. Герой Советского Союза гвардии подполковник А. Ф. Зинин – Почетный гражданин города Новотроицка Оренбургской области (Россия), дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза И. И. Якубовский – Почетный гражданин городов Житомир (Украина), Калач (Россия), Ополе (Польша) [7; 9; 11; 12].

К сожалению, нам не удалось идентифицировать имена, отчества, звания и должности следующих офицеров 16-й мехбригады первого состава: **В. Ф. Аничкин, А. М. Балакин, Н. Н. Каширин, А. Н. Тарасов, Н. Н. Фокин** [17, л. 84–87], а также узнать о судьбе младшего лейтенанта государственной безопасности **Сергея Семеновича Сидоренко** (?–?), помощника начальника Особого отдела ГУГБ НКВД бригады.

Поисковая работа будет продолжена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аммосов, С. Н. Личное дело : подлинники, копии, записи о реабилитации (06.10.1923–21.06.1956) // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 37976. Оп. 1, т. 1 (1907–1990 гг.). Д. 100.

2. Аммосов Сергей Николаевич // Память народа 1941–1945 / М-во обороны Рос. Федерации. – URL: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=e57bd3670d661d05bde1b22f314829af (дата обращения: 10.05.2024).

3. Аммосов Сергей Николаевич // РГВА. – Ф. 37837. Оп. 18. Д. № 372, № 685.

4. Анкеты делегатов II Лепельской окружной партконференции от 16-й мехбригады БВО (20–25.05.1937 г.) // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10063п. Оп. 1. Д. 54.

5. [Архивно-следственное дело полковника Аммосова С. Н.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – П–68912 ; П–68937.

6. База данных военного историка и исследователя Евгения Федоровича Дрига (г. Москва).

7. *Барановский, А. Л.* Военный городок Боровка, БВО : офицерский корпус (маршалы, генералы и полковники), 1935–2015 гг. : свод персоналий : [рукопись] / А. Барановский // Личный архив А. Л. Барановского.

8. *Барановский, А. Л.* Железнодорожное строительство в военном городке Боровка Лепельского района : неизвестные страницы истории / А. Л. Барановский // Віцебскі край : матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 385-годдзю выхаду ў свет “Буквара” Спірыдона Собаля, 24 лістап. 2016 г., Віцебск. – Мінск, 2017. – Т. 2. – С. 23–28.

9. *Барановский, А. Л.* Из истории военных городков Беларуси. Боровка, БВО : [рукопись] / А. Барановский // Личный архив А. Л. Барановского.

10. *Барановский, А. Л.* Люди и танки полковника Аммосова : прикосновение к биографии / А. Л. Барановский // Віцебскі край : матэрыялы VI Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, 19 лістапада 2020 г., Віцебск. – Мінск, 2021. – Т. 6. – С. 129–135 : ил., фот.

11. *Барановский, А. Л.* Расчехленные знамена : краткая история воинских частей военного городка Боровка Лепельского района, БВО : [рукопись] / А. Барановский // Личный архив А. Л. Барановского.

12. *Барановский, А. Л.* Сильнее смерти только память... : ветераны военного городка Боровка, Белорусский военный округ : биографический справочник / А. Барановский. – Минск : Рубон, 2022. – 253 с., [13] л. портр.

13. *Дроговоз, И. Г.* Танковый меч страны Советов / И. Г. Дроговоз. – М. ; Минск, 2001. – С. 432, 456. – (Военно-историческая библиотека).

14. *Захаров, М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы / М. В. Захаров. – М., 1989. – С. 112. – (ВМ : Военные мемуары).

15. *Лукашевич, А. М.* Механизированные (автобронетанковые) войска Белорусского Военного Округа : создание, эволюция оргструктуры, состояние (1929–1938 гг.) / А. М. Лукашевич // Архіварыус. – 2015. – Вып. 13. – С. 144–156.

16. Накануне : Западный особый округ (конец 1939–1941 гг.) : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск, 2008. – С. 39–40.

17. Общерайонное партийное собрание «О результатах проверки партийных документов в Лепельской партийной организации» // ГАВО. – Ф.10063п. Оп. 1. Д. 13. Л. 84–87.

18. Освободительный поход Красной Армии в Польшу // Танковый фронт 1939–1945. – URL: http://www.tankfront.ru/polska/in-action/pohod_v_polsku_1939.html (дата обращения: 10.05.2024).

19. По-новому : речь т. Амосова // Танкисты / под ред. М. М. Ланда. – М., 1936. С. 157–158.

20. Прокша Л. Я. Ці варта было жаніцца : аповесць / Л. Прокша. – Мінск, 1968. – С. 246.

21. Аммосов, С. Н. // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.) : [Сборник / предисл. Маршала Советского Союза М. В. Захарова, с. 3–24]. – М., 1965. – С. 588.

22. Сводный электронный каталог библиотек Беларуси, Электронные каталоги Национальной библиотеки Беларуси (Минск), Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеки (Москва), Государственной публичной исторической библиотеки (Москва).

23. Суховаров, Д. Г. Через броды, в прорыв : записки, воспоминания, документы / Д. Г. Суховаров // Неман. – 1983. – № 3. – С. 141–148.

24. Филиппева, У. Ф. Из моих воспоминаний [записал А. Л. Барановский; пос. Боровка Лепельского района, 27.07.2010] / Ульяна Федоровна Филиппева (Докиш) // Личный архив А. Л. Барановского.

И. Е. Бурова

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ НА ВИТЕБЩИНЕ В ГОДЫ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.)

Тема церковной жизни во время германской оккупации в послевоенные годы являлась сложной и противоречивой. Спустя 80 лет после Великой Победы она требует нового осмысления и уточнения, проведения объективного научного исследования. Данная работа представляет собой попытку краткого обзора финансово-экономических аспектов церковной жизни на Витебщине в годы германской оккупации и истории деятельности церковного отдела при Витебской городской управе. В результате исследования подводятся некоторые итоги практической реализации работы отдела и финансовой политики германских оккупантов в отношении православной церкви.

Обозначенная нами тема актуальна и при этом мало исследована. Это обстоятельство связано с ограниченным количеством сохранившихся и доступных исследователям архивных источников. В доступе лишь отдельные документы (приказы, распоряжения) по работе церковного отдела при Витебской городской управе и материалы оккупационных периодических изданий, где встречаются статьи по практической реализации церковной политики в период немецкой оккупации Витебска.

Следует отметить, что вопрос финансовой политики германских оккупантов в отношении православной церкви и работа церковного отдела города Витебска практически оказались вне поля зрения исследователей. В фундаментальных работах по истории Православной церкви в годы Великой Отечественной войны этот вопрос рассматривается эпизодично [1; 12; 21; 25; 27; 32]. Некоторые авторы, в рамках различных направлений изучения религиозной политики немецких оккупационных властей, указывают на существование данного отдела и его деятельности по ряду вопросов [27].

Между тем, именно церковный отдел Витебской городской управы руководил жизнью православных общин города, играл большую роль в местных церковных делах, занимался практической реализацией религиозной политики, заранее спланированной германским руководством для захваченных территорий. Всестороннее исследование темы позволит ввести в научный оборот новые источники и сюжеты в историю Православной церкви в годы германской оккупации на Витебщине.

Витебск находился в прифронтовой полосе и оказался территориально в стратегически важной для гитлеровского командования зоне – области охраны тыла группы армий «Центр», которые под командованием фельдмаршала Ф. фон Бока рвались через Смоленск к Москве. Поэтому все административно-управленческие функции в г. Витебске возлагались на немецкое военное командование [11, с. 35–39]. По всем направлениям общественной жизни, в том числе церковном, эта зона функционировала исходя из потребностей немецкой армии [3; 29].

Основные направления финансовой политики в отношении религиозных общин на оккупированных территориях были разработаны до начала войны. В 1939 г. ведомство рейхслайтера Розенберга разработало «План национал-социалистической религиозной политики», где провозглашалось создание официальной, обязательной для всех граждан «государственной религии». Традиционные христианские конфессии предполагалось постепенно привести к полному исчезновению. Детально разработанный поэтапный план был рассчитан на 25 лет [32, с. 73]. В соответствии с личными указаниями А. Гитлера германские органы власти должны были лишь «терпеть» Русскую Православную Церковь и при этом содействовать ее максимальному дроблению на отдельные течения, во избежание возможной консолидации для борьбы против Рейха [2, с. 308]. Вопросы работы церкви перешли в область политики, где единолично давал указания рейхсминистр по занятым восточным областям [9, л. 29–30].

На захваченных белорусских землях германские власти не имели намерения создать благоприятные условия для деятельности православной церкви. Политика оккупационных властей сводилась к практической реализации взглядов на церковную политику лидеров третьего рейха. Методы вмешательства в церковную жизнь были различны – от рассылки циркуляров до физического устранения неудобных, личного вмешательства в церковную политику. Создавалась видимость участия церковных организаций в решении своей судьбы [27, с. 62].

Витебск был захвачен немецкими войсками 11 июля 1941 г. Нацисты рассчитывали активно использовать религию в своих целях. Ни о какой лояльности к русскому православию речи не шло. Немецкие власти участвовали в восстановлении церковной жизни лишь с целью приобретения поддержки местного населения [25, с. 11].

Ставились задачи пропагандистского использования православия как духовной силы, преследуемой советской властью и потенциально враждебной большевизму [32, с. 159]. Германскому командованию казалось, что духовенство активно пойдет на сотрудничество. Они были убеждены, что для них это возможность свести счеты с богоборческой (советской) властью. Как известно, эти расчеты не оправдались. Патриотические традиции православия оказались сильнее обид и предубеждений [Там же, с. 155–156].

Практической реализацией религиозной политики германских оккупационных властей на Витебщине занималась военная администрация и специалисты отделов Управ, которые организовывались на базе городских и районных управлений [23, л. 21–29]. 22 июля 1941 г. в Витебске была создана городская управа во главе с бургомистром Всеволодом Родько [21, с. 426]. Она состояла из отделов, которые обеспечивали реализацию оккупационной политики в городе.

В начале августа 1941 г. при отделе культуры Витебской городской управы был создан церковный подотдел (далее называем отдел, по его наименованию в архивных источниках) [16, л. 1–28]. Руководителем отдела был назначен Владимир Николаевич Еленевский. По образованию юрист, он был активным прихожанином в трудные для Церкви 1920–1930-е гг. Начало Великой Отечественной войны В. Н. Еленевский встретил в Витебске и стал одним из инициаторов возрождения церковной жизни в городе. В 2007 г. канонизирован Синодом Православной церкви как исповедник [26]. Но он смог возглавлять данную структуру только два месяца. С сентября 1941 г. до ноября 1943 г. главой церковного отдела являлся П. В. Пароменский [2, с. 309].

Следует отметить, что гитлеровцы не делали различий между светскими и духовными учреждениями. Например, за пользование помещением, которое занимал церковный отдел, германскими оккупационными властями была назначена арендная плата по 2 рубля за каждый квадратный метр в месяц. Площадь помещения равнялась 260, 85 кв. м., то есть всего 521 руб. 70 коп. в месяц. Деньги за аренду поступали в жилищный отдел Витебской городской управы [4, л. 314].

Согласно отчетам П. В. Пароменского, церковный отдел самостоятельно занимался восстановлением и открытием храмов, изданием богослужебной литературы, организацией обучения православных священников. Создавался и работал фонд помощи пострадавшим от военных действий, оказывалась материальная помощь сиротам, местному населению и многое другое [Там же].

Осенью 1943 г. церковное управление пожертвовало 10 тыс. рублей детским домам Витебска. Такая помощь стала возможной после выделения оккупационными властями церковному управлению 8 га земли для огородов и полеводства на правах аренды [30, с. 4].

В одном из отчетов церковного отдела отделу городского хозяйства Витебской области за 1942 г. было указано, что земля была выделена в недостаточном количестве и могла использоваться только согласно действующим распоряжениям германской оккупационной власти и под ее контролем. Кроме денежных средств, которые обязан был внести церковный отдел за пользование землей, он был обязан предоставить бесплатно в распоряжение бургомистра города определенное количество тонн овощей. В итоге аренда была оплачена, но использовать землю по назначению церковный отдел не мог, т. к. участок германская военная власть забрала для блиндажей и окопов, даже ходьба по участку была запрещена [20, л. 58–58 об.]. Благодаря этим огородам церковный отдел сумел обеспечить овощами местных церковнослужителей и нуждающихся малоимущих граждан, а также предоставил в распоряжение городской управы овощи и вырученные денежные средства [8, с. 2].

Так как финансовых обязательств у церковного отдела было много, уже в 1941 г. принимается решение об открытии четырех мастерских: свечной, столярной, слесарной, иконописной. Для нужд мастерских была организована покупка у местного населения воска, вошины, парафина и прочего [31, с. 4]. Свечная мастерская, кроме витебских приходов, снабжала свечами еще и целый ряд других церквей, слесарная изготавливала нательные крестики, столярная работала по оборудованию церквей. Художники иконописной мастерской написали иконостас для витебской Покровской церкви и ряда других храмов района и области.

Деятельность мастерских за 1942 г. позволила церковному отделу собрать денежные средства в размере 450 000 руб. Именно эта сумма, а также средства из фонда покойного регента Свято-Покровской церкви А. В. Пульхрова пошли на ремонт кафедрального собора в Витебске [4, л. 314]. Германские оккупационные власти не выделяли средства на эти цели, восстановлением и ремонтом православных храмов не занимались.

Единственной финансовой уступкой со стороны германских оккупационных властей было то, что церкви налоговому обложению не подлежали [24, с. 317]. При этом, если военное командование считало необходимым использовать храмы для размещения в них тюрем или лагерей для содержания военнопленных или для иных нужд, то это выполнялось [27, с. 75].

Духовные лица так же, как и миряне, платили подоходный налог. При этом учитывался их оклад и натуральные доходы, перерасчет которых осуществлялся по розничным ценам со скидкой в 10 % [28, с. 317–318].

Германские оккупационные власти рассчитывали на поддержку духовенства православной церкви, но это не оправдалось. Священники православной церкви поддерживали партизан и подпольщиков. Формы помощи были различными: снабжали продуктами, медикаментами, предоставляли место для отдыха, лечили раненых, находили документы, писали фиктивные справки, укрывали молодежь, участвовали в разведках и воевали с оружием в руках. Вступление представителей православного клира в ряды партизан не было массовым, но единичные случаи возникали [27, с. 62].

Любая связь с партизанами жестоко каралась оккупационной властью. Гитлеровцы не только давали разрешение на открытие православных церквей, но и безжалостно сжигали их, если была замечена связь с партизанами. Так, в Освейском районе Витебской области при проведении карательных акций было сожжено пять церквей [27, с. 74].

Священники православной церкви оказывали финансовую поддержку партизанам и Красной Армии. Так, священник церкви Толочинского района Витебской области Абрамов внес в фонд Красной Армии 10 000 руб., а в фонд помощи осиротевшим детям – 12 000 руб. Словенская церковь Толочинского района собрала 8 000 руб., Бешенковичская церковь внесла в различные фонды 17 тыс. руб. Остальные церкви Витебской области от 1 до 5 тыс. рублей [17, л. 3–11].

Белорусское православное духовенство приняло участие в сборе средств на построение танковой колонны Дмитрия Донского, бронепоезда «Советская Белоруссия», самолётов для Красной армии, а также собирало средства для помощи семьям фронтовиков, сиротам, раненым. Сбор средств велся в период оккупации через партизанское командование и подпольные организации и после отступления германских войск. Только за 1944 г. было собрано около 6 млн. рублей [10].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Церковный отдел был сформирован оккупационными властями для реализации запланированных Германией целей и задач религиозной политики, а не для возрождения православия на захваченных землях.

2. Деятельность церковного отдела при Витебской городской управе была достаточно активной. Отдел содействовал открытию православных храмов, реставрации и ремонту городских церквей.

Однако вся деятельность была под контролем оккупационных властей и должна была с ними согласовываться. Отдел вынужден был снабжать немецкую армию продукцией и перечислять денежные средства немецким оккупационным властям. Несмотря на вмешательство военной администрации, наблюдалось восстановление церковной жизни. Во многих храмах на территории современной Витебской епархии, открытой во время Великой Отечественной войны, богослужения не прекращаются и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни : в 3 ч.; сост. и изд. Архиепископ Афанасий Мартос. – Репринт Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви. – Минск, 1990. – 299 с.

2. Горидовец, В. Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации в 1941–1944 годах / В. Горидовец // Преображение. – 2009. – № 6. – С. 307–311.

3. Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях («Зелёная папка») // Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. – М. : Юридическая литература. – Т. 4. – 1990. – С. 388–390.

4. Доклад заведующему церковным отделом № 549 от 16.07.1942 г. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2073. Оп. 3. Д. 78. Л. 314.

5. Епархиальный съезд духовенства и мирян смоленской епархии // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 40. – 30 мая. – С. 2.

6. Жизнь Витебской церковной общины // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 2. – 7 января. – С. 2.

7. *Зинькевич, В.* «Несвядомая» история Белой Руси / В. Зинькевич – М. : Книжный мир, 2018. – 426 с.

8. Знаменательная годовщина. Двухлетие свободы Церкви Полоцко-Витебской епархии // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 83. – 28 октября. – С. 2.

9. Итоговый отчёт о деятельности военного управления в области оперативного тыла Востока (пер. с немецкого); пер. Г. Белькевича от 26 мая 1980 г. // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1602. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–61.

10. *Коржич, Н.* Вместе с народом Божиим. Церковное служение и патриотическая деятельность белорусского православного духовенства в 1941–1944 гг. / Н. Коржич – URL: <http://church.by/pub/vmeste-s-narodom-bozhiim-cerkovnoe-sluzhenie-i-patrioticheskaja-dejatelnost-belorusskogo-pravoslavnogo-duhovenstva-v-1941-1944-godah-2> (дата обращения: 04.04.2024).

11. *Космач, В. А.* Витебск в годы оккупации (1941–1944): страницы истории / В. А. Космач // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2005. – № 4. – С. 35–39.

12. *Кривонос, Ф. П.* Лекции по истории Православной Церкви Беларуси / Ф. П. Кривонос. – Минск : ВРАТА, 2012. – 240 с.

13. Объявление церковного отдела г. Витебска о съезде духовенства и мирян Полоцко-Витебской епархии // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 42. – 6 июня. – С. 2.

14. Объявление церковного отдела г. Витебска об организации пастырских курсов для подготовки кандидатов во священство // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 45. – 17 июня. – С. 4.

15. Объявление церковного отдела г. Витебска о покупке воска и парафина // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 14. – 25 февраля. – С. 4.

16. Отчёт Витебской городской управы о работе с 1 ноября по 1 декабря 1941 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. Оп. 1. Д. 500. Л. 1–28.

17. Отчёт о работе Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Витебской области БССР. За 1-й квартал 1946 г. // ГАВО. – Ф. 4131. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–11.

18. Отчёт о работе церковно-религиозной общины г. Богушевска за январь-февраль 1943 г. // ГАВО. – Ф. 1602. Оп. 1. Д. 87. Л. 91.

19. Отчёт о работе церковно-религиозной общины г. Богушевска за январь-февраль 1943 г. // ГАВО. – Ф. 1602. Оп. 1. Д. 87. Л. 91.

20. Отчёт церковного отдела отделу городского хозяйства Витебской городской управы, 1942 г. // ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 575. Л. 58–58 об.

21. Памяць : Гісторыка-дакументальная хроніка Віцебска : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – Кн. 1. – 648 с.

22. Первый съезд церковнослужителей Полоцко-Витебской епархии // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 48. – 27 июня. – С. 2.

23. Положение о городских управлениях районных городов от 30 декабря 1942 г. // ГАВО. – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 4. Л. 21–29.

24. Полотчина и Витебщина. Возрождению церковной жизни в Восточной Белоруссии в начальный период немецкой оккупации [сайт]. – URL: <https://spas-monastery.by/> (дата обращения: 04.04.2024).

25. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : док. и материалы / редкол.: М. В. Пишулёнок (гл. ред.) [и др.] ; сост. В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 365 с.

26. Протокол заседания Синода Белорусского Экзархата Московского Патриархата от 10 августа 2007. г. Гомель // Фонды Витебской Епархии.

27. *Силова, С. В.* Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003 г. – 105 с.

28. *Скрабіна, Л. С.* Падаткаабкладаныя на акупаванай тэрыторыі Гомельшчыны падчас Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944) / Л. С. Скрабіна // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Гомель : ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2012. – С. 317–318.

29. *Тепцов, Н. В.* «Зелёная папка» Геринга. Документальное свидетельство об экономической политике завоевателей России / Н. В. Тепцов. – М. : Проект «Лубянка», 2005. – 94 с.

30. Церковная хроника // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 79. – 14 октября. – С. 4.

31. Церковная хроника. Объявление церковного отдела о расписании богослужений первой недели Великого поста // Новый путь (Витебское издание). – 1943. – № 17. – 7 марта. – С. 4.

32. *Шкаровский, М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь / М. В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2002. – 528 с.

В. П. Гарматный

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ИМ. Г. ДИМИТРОВА НА БРЕСТЧИНЕ В 1942–1944 гг.

В годы Великой Отечественной войны в Беларуси, в том числе на Березовщине, развернулось широкое партизанское движение. Среди партизанских соединений, активно и успешно действовавших здесь, можно назвать

отряд им. Г. Димитрова, созданный в апреле 1942 г. в тогдашнем Коссовском районе на базе группы Д. С. Дмитриева и Н. И. Селюкова, в мае к отряду присоединилась группа Д. А. Москалева. До 19 июня 1943 г. отряд действовал самостоятельно, а затем стал частью бригады им. П. К. Пономаренко. На данный отряд были возложены функции хозяйственного обеспечения, а также охраны семейного лагеря. На момент соединения с частями Красной Армии в отряде насчитывалось 453 партизана [7, с. 124], по другим данным 361 (323 мужчины и 38 женщин с вооружением 1 ПТР, 1 миномет, 16 пулеметов, 25 автоматов и 260 винтовок, 67 револьверов и 82 гранаты) [5, л. 11]. Списки личного состава отряда опубликованы исследовательской группой «Рубон» [8]. В публицистической форме история отряда им. Димитрова нашла отражение в книге С. П. Рутича «Навеки юные» [9].

2 августа 1942 г. партизанский отряд им. Димитрова совместно с отрядами им. Ворошилова и им. Щорса разгромил гарнизон в Коссово численностью около 300 человек. В этом бою партизаны уничтожили более 80 немцев и полицейских, 11 взяли в плен, потеряв 7 погибших и около 30 раненых [1].

За один только сентябрь 1943 г. партизаны отряда им. Димитрова пустили под откос 8 эшелонов, 6 паровозов, при этом погибли 57 гитлеровцев, движение по железной дороге было задержано на 81 час, взорвано 6 автомашин, 398 метров рельсов, убито 5 и ранено 39 гитлеровцев, на mine подорван 1 танк [5, л. 1].

В архиве сохранился журнал учета боевых действий отряда за 1944 г., в котором подробно расписана деятельность отряда, прежде всего по совершению диверсий. В качестве наиболее характерной отметим следующую: «23/I. 44 г. на участке жд Бр. Гора-Нехачево заминировано жд полотно, взрыв произошел в 21.25. В результате чего разбит 1 паровоз и 6 вагонов с воен. имуществом, убито 25 ч., ранено 46 чел. нем. солд. и офиц., движение задержано на 14 ч.» [6, л. 3].

Среди наиболее героических примеров партизанской борьбы можно отметить помощника командира взвода М. П. Голдышева, который в течение 1942–1943 гг. пустил под откос 7 вражеских эшелонов, из них один в составе 20 вагонов с живой силой полностью сгорел. 13 марта 1943 г. Голдышев с боевым товарищем вступил в бой с 50 полицейскими и под угрозой плена застрелился. В связи с этим за исключительные боевые заслуги и мужество он был представлен к званию Героя Советского Союза [2, л. 117].

12 июля 1943 г. партизаны отряда им. Димитрова вступили из засады в бой с немецкими оккупантами и полицией, ехавшими на машине в направлении Косово. Бой продолжался 1,5 часа, в итоге разбита автомашина с прицепом, убито 13 человек, из них 3 немца. Взято в плен 7 человек, из них 1 немец. В качестве трофеев – 1 пулемет, 6 магазинов, 12 винтовок и много боеприпасов. У партизан 4 человека ранено. Как отмечалось в приказе по бригаде им. Пономаренко, «партизаны показали себя подлинными патриотами Советской Родины, борящихся за освобождение родной земли от фашистской нечисти в тылу врага, помогая тем самым нашей доблестной Красной Армии» [Там же, л. 21].

В начале декабря 1943 г. поступила информация, что все партизанские семьи, оставшиеся в деревнях, были переписаны, поэтому скорее всего оккупанты «в самый кратчайший срок хотят что-то предпринять». Кроме того, косовский бургомистр вынужден был признать, что полиция не в силах уничтожить партизан, вследствие чего вскоре придут войска и займут все деревни. Также в самом Косово было арестовано 4 полицейских, скорее всего за связь с партизанами [4, л. 57].

Особое значение имели налаживание системы разведки и проведение диверсионной работы, прежде всего широкой агентурной сети среди местного населения, и организации скрытого наблюдения за противником. В приказе по бригаде от 9 ноября 1943 г. отмечалось, что некоторые командиры не соблюдали в должной мере правил конспирации, поэтому следует «на диверсионные работы высылать по 4–5 групп, на определенное ограниченное время, чтобы, будучи на задании, люди не болтались без дела, а выполняли свои задания в положенное время и возвращались в лагерь» [2, л. 147].

17 декабря в приказе по бригаде отмечалось: ввиду того, что отряд Дмитрова обеспечивал рабочей силой хлебопекарню, мельницу и кожевенную мастерскую, работающие на обеспечение всей бригады, для ведения конного патрулирования и разведки ему выделялся только участок в районе д. Хрещеновцы, Белавичи, Квасовичи и Юрчики. Разведчики обязаны были спрашивать пароль у каждого проходящего, за исключением командного состава, уполномоченных ЦК, если их знали в лицо [Там же, л. 164].

Благодаря разведчикам партизаны получали ценнейшую информацию, прежде всего о планируемых облавах, перемещениях вражеских сил и об оккупационной политике в целом. В частности, например, в разведсводке от 17 апреля 1944 г. сообщалось, что «в г. Береза находится 1 бронепоезд (экипаж 40 немцев), курсирующий ст. Береза-Нехачево с задачей не допустить массированного перехода партизан через колею, по имеющимся сведениям, войска с Березы будут идти по Михалинскому тракту» [4, л. 1, 9].

19 апреля поступили сведения, что «по Березовскому району имеется следующее: в связи с приближением фронта усилилась слежка шпииков, особенно эвакуированных с востока, а вместе с тем усилился террор СД. Каждую неделю есть расстрелы, намеченный выезд полковника СС в Эстонию отменен в связи с приближением фронта.

Река Ясельда будет важным опорным пунктом обороны немцев, вместе с тем в южном направлении города в 1½–2 км по дороге Здитов-Угляны происходят спешные работы над сооружением укрепления, работает около 400 человек крестьян, связь с неработающими запрещена (ввиду того, что крестьяне спят, где работают), в связи с секретной постройкой для означенных рабочих строятся отдельные бараки в г. Березе.

В Березу ожидается прибытие какого-то штаба с генералом, 10.IV прибыло 8 человек офицеров данного штаба.

Началась неофициальная мобилизация молодежи в СС, уже мобилизовано из артелей и учреждений около 100 человек, которые находятся в казармах и частично обмундированы, часть обмундированных должна к 20.IV выехать в Варшаву.

В г. Береза жителям приказано построить бомбоубежище, есть слухи, что Береза будет эвакуирована в связи с театром военных действий» [4, л. 11].

9 мая появились «слухи о мобилизации до 60 лет возраста в ряды самооховы. Распоряжением полиции в домах в имеющих карточках солтус (староста) обязан сделать отметку имеются ли кто из данного дома в партизанах, независимо от родственных отношений, а вместе с тем членам семьи самооховы выданы удостоверения о службе в самоохове» [4, л. 17].

Кроме непосредственно боевой деятельности, в отряде им. Димитрова проводилась также и активная воспитательная работа с целью разъяснения местному населению временного характера гитлеровской оккупации и поддержания веры в неизбежное возвращение Советской власти. Например, в отчете за ноябрь 1943 г. отмечалось, что партийно-политическая и массовая работа в отряде проводилась в направлении выполнения приказов командования отряда и бригады всем личным составом. Особое место уделялось разъяснению и изучению доклада и приказа т. Сталина о 26-ой годовщине Октябрьской революции – по докладу было проведено 20 бесед, а по приказу – 15. В дополнение агитколлективом проведено на селах в районе деятельности на эти темы 35 бесед, а в начале ноября – еще 1 доклад и 4 беседы о 25-ой годовщине ВЛКСМ в тех местах, которые были не охвачены к 29 октября, Дню ВЛКСМ.

Партийно-комсомольская работа проводилась согласно специальному плану, перед проведением бесед агитколлектив лично тщательно инструктировался комиссаром и ответственным секретарем партбюро.

За ноябрь 1943 г. выпущено 3 номера стенгазеты «За Родину», а также в каждой роте по 3 боевых листка. Партийно-комсомольские силы в отряде Димитрова были распределены следующим образом: 1-я рота – членов и кандидатов ВКП(б) – 12, членов ВЛКСМ – 17; 2-я рота – 9 и 24, 3-я рота – 5 и 14; разведвзвод – 4 и 3; конный взвод – 2 и 6, штаб – 7 и 5 соответственно. Среди бойцов и командиров настроение и моральное состояние здоровое, проявлений антисоветских настроений не наблюдалось. В качестве некоторых недостатков отмечались отдельные случаи нарушения взаимоотношений с крестьянством (мародерство, ругань и т. д.), не все лучшие партизаны были приняты в партию, имели место случаи (внеплановой) беременности девушек в отряде, в семейной роте отсутствовала стенгазета, не было проведено ни одной показательной научной лекции, хотя силы на это имелись [3, л. 94, 98].

Положение девушек в этом плане в целом было очень сложным, в связи с чем командование бригады им. Пономаренко издало 14 декабря 1943 г. приказ, в котором строго предупреждало бойцов, что «женщина в отряде яв-

ляется не постельной принадлежностью, служащей для удовлетворения нужд мужчины, а является бойцом, ведущим борьбу или с оружием в руках или (которая) выполняет боевую задачу по обслуживанию пищей, стиркой белья, уходом за ранеными и т. д.». Отмечалось также наличие в отряде Димитрова 4 беременных, которые «жили не с одним бойцом, а пропускали по 2–3 человека». С целью сделать аборт, одна из них, украв винтовку, сапоги и другие вещи у своих подруг, тайком сбежала из отряда, но была затем задержана [2, л. 161].

В рамках празднования нового 1944 г. командиры и комиссары на свое усмотрение должны были издать специальный приказ с поощрением наиболее отличившихся и представлением их к правительственным наградам. 31 декабря в 20.00 командование приглашалось в штаб бригады для заслушивания итогового годового доклада комбрига Сенькина о деятельности бригады им. Пономаренко. После докладов в каждом отряде организовывался общий товарищеский ужин, после которого шли вечера массовой самодеятельности. При этом подчеркивалась необходимость одновременно усилить посты в карауле и патрули, а также подготовить подарки бойцам в санчасти [Там же, л. 168]. По случаю Дня Красной армии предварительно вечером проводилось торжественное собрание, а 23 февраля в 10.00 при общем построении командиры и комиссары зачитывали приказ по бригаде и приказ т. Сталина, полученный утром. После чего предусматривался общий завтрак с употреблением водки по 100–150 грамм на бойца [Там же, л. 226].

3 февраля 1944 г. сообщалось, что, несмотря на сдвиги в боевой и воспитательной работе, отмечался ряд нарушений воинской дисциплины, например, командир 1-го взвода 1-й роты Г. в пьяном состоянии в д. Милейки избил женщину, за что получил строгий выговор с последним предупреждением, боец 3-й роты М. в дер. Квасовичи 26 января напился, за что получил наказание в виде 3 суток ареста; 28 января боец кожевни М. в пьяном состоянии в д. Белавичи угрожал крестьянину за непослушание, в итоге арестован на 2 суток [Там же, л. 113].

В связи с усложняющейся обстановкой и вероятным вынужденным уходом из мест прежнего базирования, отряду Димитрова предписывалось не позднее 15 февраля 1944 г. «построить землянку не менее чем на 10 человек, чтобы в эту землянку положить больных, которые не в состоянии будут двигаться в случае отхода отряда. Землянку сделать в виде убежища под землей, дабы враг не мог обнаружить. Строительство землянки проводить исключительно секретно, тщательно подобранными людьми. Желательно было-бы только с боевого отряда. Семейные не должны знать об этой землянке, ибо они будут оставаться на месте. В землянке должны быть обустроены колодец и уборная. Сделать запас продуктов не менее 100 кг сухарей и определенное количество жиров. Оборудовать землянки полностью: койки-лавки, столики, посуда, и обеспечить светом: керосин или жир и 16 февраля 1944 г. сообщить (в итоге) в штаб бригады секретным пакетом» [Там же, л. 220].

На май–июнь 1944 г. в отряде им. Димитрова был принят следующий распорядок дня [3, л. 310]:

Содержание занятий	Время от	До
Подъем	7.00	
Физзарядка	7.05	7.25
Туалет и уборка палаток	8.10	8.40
Политинформация	8.45	9.25
Завтрак	9.30	10.00
Боевая подготовка и хозработы	10.00	14.00
Совещание с комсоставом	12.00	13.00
Обед	14.30	15.30
Чистка оружия и подготовка наряда	15.30	16.00
Отправка на задания и хозоперации	16.00	16.30
Смена наряда	16.00	
Партийно-массовая работа	17.00	18.30
Личное время бойца	19.00	20.00
Ужин	20.00	20.30
Отбой		22.00

Ежедневно командир отделения назначал дневального по палатке, отвечающего за чистоту, последнего освобождали от занятий. Раз в неделю предусматривался банный день. Бойцам, прибывающим с заданий, командиры рот разрешали проводить занятия, работы и отдых по-своему усмотрению, не освобождая однако от физзарядки.

В преддверии 1 мая 1944 г. между ротами, взводами и отделениями отряда им. Димитрова были объявлены соцсоревнования, по итогам которых отряд добился исключительно высоких показателей. В результате первое место по боевой и политической подготовке заняла 1-я рота (командир Бурак, политрук Коптев). За апрель 1944 г. рота пустила под откос 6 эшелонов, разбила 7 паровозов и 31 вагон, обстреляла из ПТР 1 эшелон, разобрала 70 кв. метров шоссе дорог, в целом движение по железной дороге было остановлено на 42 часа [3, л. 125].

14 мая также отмечались особые заслуги минера 1-й роты Петра Леонтьевича Ерчака, который за 3,5 месяца с начала года пустил под откос 6 вражеских эшелонов (из них 1 с вражеской живой силой). В ночь с 13 на 14 мая в 23.00 при постановке мины его с напарником обнаружил вражеский патруль, после чего начался обстрел, в ходе которого Ерчак получил 4 раны, однако не бросил мину и скрылся с ней в безопасное место, в связи с чем был представлен к ордену Боевого Красного Знамени [Там же, л. 127].

Однако также в мае 1944 г. произошел вопиющий случай, когда боец отряда Иван Л., пришедший в отряд после 1,5 месяцев службы в немецкой армии, дезертировал из отряда и в течение месяца вел разгульную жизнь на Лозовских хуторах, где часто контактировал с полицией, за что впоследствии согласно приказу от 10 июня был приговорен к расстрелу перед строем [2, л. 131].

Особое место занимала проблема продовольственного снабжения партизан. Так, 10 ноября 1943 г. в связи с наступлением зимы и возможностью блокирования в будущем леса противником отрядам им. Димитрова и им. Кирова предписывалось заготовить и передать в бригадную санчасть по 100 пудов жита, 5 – крупы, разного мяса – 40, 3 – соли, капусты 10 пудов и табака 10 кг [2, л. 148].

13 ноября вследствие того, что в районах базирования бригады партизанские отряды действовали уже 2 года и местное население достаточно обеднело продовольствием и обмундированием, а также учитывая, что местное население в большинстве своем доброжелательно относилось к партизанам и способствовало в разведке, проводниках и продовольствии, командование бригады им. Пономаренко приказывало с 14 ноября 1943 г. перевести партизан на ограниченный продовольственный паек:

а) хлеба выдавать в сутки по 650 гр. в сутки в расчете 200 грамм на завтрак, 250 на обед и 200 на ужин;

б) картофельного, буракового и капустного супов, хорошо заправленных мясом и жирами, давать в неограниченном количестве;

в) изготовление котлет, салтисонов, колбас и вообще мясных продуктов категорически запрещалось, за исключением Нового года, Дня Красной Армии, 1 мая и других праздничных дат [Там же, л. 55].

3 марта 1944 г. командование бригады Пономаренко отмечало существенные упущения в работе пищеблока: в частности, на кухнях крутились посторонние люди, а кухонные рабочие при приеме на работу не проходили медосмотр. Пробы с приготовляемой пищи снимались неаккуратно, не отмечались в тетрадях. Продукты часто не проверялись врачами, завтрак иногда приготовлялся вечером, а ужин – утром. Продукты находились на открытом месте без охраны, что давало возможность врагу отравить весь личный состав отряда. В связи с этим предписывалось ввести в отряде должность помощника командира по хозяйственной части, строго ограничить доступ людей на кухню; колодцы держать под постоянным наблюдением; запретить заранее готовить блюда; ввести тетрадь, где врач будет ежедневно отмечать качество пищи, поступающие от крестьян продукты должны подвергаться анализу и только после заключения о доброкачественности допускаться к потребителю [Там же, л. 236].

В связи с тем, что немцы начали конфисковать у крестьян скот, 25 марта вышел приказ бригады с предписанием отряду Димитрова создать скотные базы, вследствие чего наладить специальный обслуживающий персонал в составе 10 человек, а для заготовки фуража создать группу из 200 человек [Там же, л. 55].

В дальнейшем 16 мая 1944 г. вынужденно отмечалось, что:

1. Ввиду того, что районы действия наших отрядов беднеют и такой скот, как овцы, телята, свиньи и т.д. почти не встречаются – (необходимо) забирать коров сначала в отдаленных от леса деревнях, а позже и в прилегающих к лесу.

2. В семейных отрядах создать по 2–3 копилки, в которых постоянно коптить мясо из вновь приведенных коров.

3. Копченое мясо, при условии, когда пополнится НЗ у бойцов и командиров на 5 суток – прятать в отрядных складах.

4. В деревнях, еще не охваченных полностью партизанскими отрядами проводить работу по сбору ржи и других продуктов и пополнять свои запасы» [2, л. 302].

К сожалению, в июне 1944 г. отмечались случаи, когда некоторые семьи, находясь в партизанах, на протяжении 1,5 лет питались и одевались за счет своих же односельчан, в то время как свой урожай, домашние вещи и одежду прятали в специальных ямах. Зачастую во время хозяйственных операций партизаны гибли, в то время как у некоторых из их товарищей хлеб уже начинал гнить, поэтому специальным приказом предписывалось все продукты и одежду в кратчайшие сроки сдать на склад, в случае невыполнения предусматривались самые строгие меры, вплоть до расстрела [Там же, л. 132].

Таким образом, партизанский отряд им. Димитрова сумел в 1942–1944 гг. в сложнейших условиях гитлеровской оккупации наладить в лесах Брестчины достаточно терпимые бытовые условия и продовольственное снабжение, а также установил тесную связь с местным населением и проводил плановую полит-массовую и разведывательную работу, что давало возможность наносить по врагу ощутимые удары, своевременно уходить от вражеских облав и преследования, поддерживать среди местного населения веру в неизбежность Победы и вносить достойный вклад в ее приближение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братская могила советских воинов и партизан, г. Коссово, Ивацевичский район, Брестская область. – URL: <https://savehistory.by/karta/bratskaya-mogila-sovetskikh-voinov-i-partizan-kossovo/> (дата обращения: 25.01.2024).

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 204.

3. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 208.

4. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 215.

5. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 248.

6. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 258.

7. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск : Беларусь, 1983. – 763 с.

8. Списки партизанского отряда им. Димитрова бригады им. П. К. Пономаренко. – URL: <https://www.rubon-belarus.com/partizany/otr-dimitrova.html> (дата обращения: 25.01.2024).

9. *Рутич, С. П.* Навеки юные / С. П. Рутич. – Минск : Беларусь, 1980. – 254 с.

ВЛИЯНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ФАКТОРОВ
НА ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАНТАМИ
ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг.

Воспоминания очевидцев исторических событий, в частности германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг., – источник очень субъективный. Восприятие истории конкретным лицом нельзя в полной мере считать отражением реальной ситуации в рассматриваемую эпоху, поскольку на трактовку человеком событий спустя значительный временной промежуток влияют множество факторов, рассказ каждого человека уникален, часто может диссонировать с трактовкой другого информанта. Поэтому для создания максимально достоверной картины оккупационной повседневности на основе воспоминаний следует учитывать следующие факторы: информант мужчина или женщина; совершеннолетний на момент оккупации или трудоспособный (16 лет и старше) или нет; проживание информанта в западной или восточной части Беларуси; населенный пункт находился под продолжительным, устойчивым контролем оккупантов или в зоне контроля партизан.

Первая позиция сравнения – воспоминания мужчин или женщин. В мужских (крайне редких воспоминаниях в силу ряда факторов (меньшая продолжительность жизни, мобилизация многих мужчин на фронт после освобождения БССР и, соответственно, гибель многих на фронте) фигурируют контакты с оккупационными властями (немецкие чиновники, военнослужащие вермахта, сельские старосты, волостные бургомистры, полицейские) по вопросам сдачи натуральных налогов, исполнения обязательной трудовой повинности и любым иным вопросам. Также информанты-мужчины сообщают о сборе оружия, похоронах погибших красноармейцев в 1941 г., изготовлении самогона (последний факт женщины лишь констатируют, сообщая, что изготавливал муж или отец, но могли производить и сами). Характеристика личности старосты или полицейского равно вероятна во всех воспоминаниях, независимо от пола, тем более что некоторых коллаборационистов находили спустя многие годы после войны, и граждане знали о судебных процессах над ними, могли выступать в качестве свидетелей [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В воспоминаниях женщин официальные контакты с властями, как правило, не фигурируют, за исключением тех случаев, когда в семье отсутствовал мужчина-глава и женщине приходилось его заменять [2].

Независимо от пола одинаково подробно описывается оккупационный быт, если эта составляющая оккупации не оттеняется иными, более травматическими воспоминаниями, например, принудительными работами в Германии или нахождением в концентрационном лагере [7; 8; 9].

Вторая позиция сравнения – совершеннолетний / трудоспособный был информант на момент описываемых событий или нет. Чем позже относительно окончания Великой Отечественной войны записано интервью, тем реже

встречаются информанты, которым в годы оккупации было свыше 16-ти лет. Тем не менее трудоспособные граждане могут рассказать о выполняемых в пользу оккупантов работах (гужевая повинность, очистка дорог и др.), только если они проживали в контролируемых оккупантами населенных пунктах [3; 10]. Дети часто могли и не знать, какие работы выполняют трудоспособные члены семьи, поэтому довольно редко хотя бы упоминают о подобных работах, в отличие от описания оккупационного быта. Тотальный дефицит продуктов питания, экстремальная гастрономия, голод, отсутствие мыла, спичек, керосина, экстремальные практики выживания в условиях тотального дефицита, жизнь в лесных лагерях запомнились всем без исключения информантам [4; 11; 12].

Третья позиция сравнения – проживание информанта в западной или восточной части Беларуси. Нахождение западных районов в составе Польши до сентября 1939 г. имело следствием некоторые отличия в оккупационной повседневности. В частности, жители западных районов лучше были обеспечены промтоварами, запасы которых сохранялись некоторое время в условиях оккупации. Также в регионе в основном сохранилось подворное землепользование, поэтому граждане продолжали работать на своей земле или батрачили. Если земли не было, так же, как и до войны, лучше были обеспечены скотом [2; 3; 13]. Жители восточной части Беларуси рассказывают о разделе колхозной земли и инвентаря, хотя в отдельных случаях могла сохраняться довоенная система коллективного землепользования под контролем партизан. В восточной части также существовала практика закрепления одной коровы или лошади в пользование за несколькими хозяйствами одновременно по причине дефицита скота [6; 14; 11; 15]. Информанты из западных районов демонстрируют более настороженное отношение к партизанам, большинство из которых были уроженцы БССР до сентября 1939 г. или других регионов СССР. Но и жители восточных районов, давая в целом более позитивные оценки партизан, также четко разделяют партизан из числа местных жителей и партизан из других регионов СССР («калининцы», «смоленские»). Оценки последних гораздо более сдержанные, и эксцессы в отношениях с мирным населением информанты чаще связывают именно с ними [2; 3; 6; 14; 16; 17].

Четвертая позиция сравнения – информант проживал в населенном пункте, контролируемом оккупантами (в котором долгое время размещался гарнизон немцев или полицейских, где могла размещаться волостная управа) или же на территории, контролируемой партизанами. Воспоминаний жителей из первых населенных пунктов крайне мало, поскольку, с ростом масштабов народного сопротивления, многие деревни переходили под контроль партизан или же оказывались в так называемой «серой зоне», которую надежно не контролировала ни одна из противоборствующих сторон. Поэтому очень немногие информанты сообщают о возможности посещать рынки в городах, обращаться за помощью в медучреждения, обучаться в школе, если информант был ребенком (как правило, в 1941–1942 гг., не позднее).

Некоторые информанты сообщают об эвакуации немцами гражданского населения в западные районы. Отправка на принудительные работы в Германию в таких деревнях проходила посредством рассылок повесток через старост, в отличие от подконтрольных партизанам деревень, где граждан захватывали во время карательных операций против партизан [15; 18; 19; 20; 21; 22].

Информанты из перешедших под контроль партизан или находящихся на границе зон контроля партизан и оккупантов населенных пунктов повседневность описывают иначе: грабежи, а не упорядоченный сбор налогов немцами, голод, перманентный страх за свою жизнь. В таких воспоминаниях в обязательном порядке фигурируют партизаны, которые регулярно заходили в деревни за продуктами или даже продолжительное время размещались на постой. Поэтому многие информанты помнят имена рядовых партизан и командиров, названия различных отрядов и бригад. Практически все информанты из подобных деревень описывают карательные операции нацистов, борьбу за выживание в лесных лагерях, в которых находились много месяцев [4; 5; 6; 11; 17]. Впрочем рассказы о жизни в лесу характерны и для жителей деревень, которые, с расширением движения Сопротивления, выпадали из-под контроля оккупантов.

Таким образом, восприятие информантом оккупационной повседневности формировалось под влиянием ряда факторов, поэтому вполне естественна мозаичность восприятия одних и тех же событий разными людьми, акцентирующих внимание на наиболее значимых для них аспектах жизни в условиях оккупации. Ни одно из воспоминаний не следует рассматривать как абсолютно точное отражение оккупационной действительности, но в совокупности они дают достоверную картину, иллюстрируют многообразие людских судеб, специфику ситуации в различных микрорегионах, различные стратегии выживания в экстремальных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича, 1927 г. р.; записаны 4 июля 2009 г. в д. Островские Витебского района. Аудиозапись (54 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
2. Воспоминания Урбанович Елены Ивановны, 1920 г. р.; записаны 12 августа 2017 г. в г/п Лынтупы Поставского района. Аудиозапись (1 час 11 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
3. Воспоминания Федорович Виктории Людвиковны, 1932 г. р.; записаны 12 августа 2017 г. в д. Попелики Поставского района. Аудиозапись (52 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
4. Воспоминания Андрон Нины Захаровны, 1932 г. р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Русины Поставского района. Аудиозапись (20 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г. р.; записаны 23 февраля 2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

6. Воспоминания Миньковой Александры Филипповны, 1928 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Павлово Россонского района. Аудиозапись (26 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

7. Воспоминания Лукашевич Ядвиги Иосифовны, 1923 г. р.; записаны 7 октября 2017 г. в д. Переслега Поставского района. Аудиозапись (22 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

8. Воспоминания Рассказовой Любви Степановны, 1933 г. р.; записаны 9 июля 2010 г. в д. Бабча Лепельского района. Аудиозапись (48 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

9. Воспоминания Гиль Прасковьи Ильиничны, 1927 г. р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Теляки Поставского района. Аудиозапись (46 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

10. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г. р.; записаны 12 августа 2017 г. в д. Ковали Поставского района. Аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

11. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, 1927 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Шалашники Россонского района. Аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

12. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г. р.; записаны в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

13. Воспоминания Теляк Тамары Константиновны, 1924 г. р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Теляки Поставского района. Аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

14. Воспоминания Полевечко Марии Александровны, 1922 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Якубово Россонского района. Аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

15. Воспоминания Санковской Лидии Васильевны, 1927 г. р.; записаны 11 августа 2008 г. в г. Витебске. Аудиозапись (1 час 7 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

16. Воспоминания Сакович Леокадии Альбертовны, 1923 г. р.; записаны 7 октября 2017 г. в д. Сороки, Поставского района. Аудиозапись (14 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

17. Воспоминания Бондаревой Евгении Кондратьевны, 1922 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Великое Болото Россонского района. Аудиозапись (10 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

18. Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г. р.; записаны 18 апреля 2014 г. в д. Жигули Верхнедвинского района. Аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

19. Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г. р.; записаны 14 августа 2008 г. в д. Мазолово Витебского района. Аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

20. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, 1932 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Селявщина Россонского района. Аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

21. Воспоминания Павловой Нины Максимовны, 1924 г. р.; записаны 20 августа 2008 г. в г. Витебске. Аудиозапись (1 час 19 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

22. Воспоминания Стельмах Анны Иосифовны, 1932 г. р.; записаны 20 сентября 2011 г. в д. Стайск Лепельского района. Аудиозапись (29 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

А. А. Крыварот

ДЗЕЙНАСЦЬ ОРГАНАЎ КП(б)Б, ПАРТЫЗАНСКАГА КАМАНДАВАННЯ ПА СТРЫМЛІВАННІ СТВАРЭННЯ І ФУНКЦЫЯНАВАННЯ СТРУКТУР АРМІІ КРАЁВАЙ НА ТЭРЫТОРЫІ БАРАНАВІЦКАЙ І ВІЛЕЙСКАЙ АБЛАСЦЕЙ (1942–1943)

Падпольнымі структурамі КП(б)Б і камандаваннем партызанскіх фарміраванняў, пачынаючы з другой паловы 1942 г., пастаянна збіраліся звесткі аб настроях сярод насельніцтва, у тым ліку палякаў, дзейнасці польскіх падпольных антысавецкіх структур на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі. Гэтая інфармацыя па розных каналах перадавалася ў ЦК КП(б)Б, ЦШПР і БШПР.

У сваёй дакладной запісцы на імя П. К. Панамарэнкі ад 6 кастрычніка 1942 г. І. М. Цімчук, у той час камісар партызанскага атрада «Мсціўца» на Лагойшчыне, выказаў думку, што «на данный момент важную роль сыгралі бы спецыяльныя польскія групы, пераброшаныя ў заходнія областы». Далей ён адзначыў наяўнасць там моцнага польскага нацыянальнага руху і незадаволенасці немцамі, а таксама адсутнасць сярод мясцовага польскага насельніцтва баявых важакоў. Згадваючы пра погляды і дзейнасць «польскіх нацналістаў», Цімчук падкрэсліў, што яны вядуць толькі агітацыю, «это не наши друзья», якія не супраць, каб «мы освободили от немецкого ига», аднак яны за «помещичью Польшу». У дакладной запісцы прапанаваў, не чакаючы, разгортваць у заходніх абласцях бальшавіцкі рух па змесце і польскі па форме [1, л. 2аб].

Са зместу гутаркі ў савецкім тыле 27 кастрычніка 1942 г. з камандзірам атрада «Спартак» І. І. Пятровым, які прыбыў з Відзаўскага раёна Вілейскай вобласці, вынікала, што ў Аўгустоўскіх лясах знаходзіцца вялікая па колькасці група атрадаў польскай абароны, якія дзейнічаюць на тэрыторыі некаторых заходніх абласцей. У ліпені 1942 г. палякі адбівалі наступ немцаў і былі вымушаны адступіць, знішчыўшы пры гэтым шмат нападаўшых. І. І. Пятроў паведаміў аб кантактах кіраўніцтва атрада ў першай палове верасня 1942 г. з чатырма прадстаўнікамі, сярод якіх быў афіцэр, падраздзяленняў польскай абароны. Стала вядома, што палякі правялі некалькі аперацый супраць немцаў, у тым ліку ў Паставах. Галоўнай іх задачай было змаганне за незалежную Польшчу [2, л. 5аб–6].

Звесткі аб ваенна-палітычнай сітуацыі на акупаванай тэрыторыі заходніх абласцей дасылалі ў Цэнтр і шараговыя партызаны. У дакладной запісцы ў Мінскі абкам КП(б)Б ад 5 снежня 1942 г. байца брыгады «Дзядзькі Васі» Г. Д. Панамарова, які пэўны час знаходзіўся ў раёнах Баранавіцкай і Вілейскай абласцей, выказана яго бачанне настрояў насельніцтва польскай нацыянальнасці. Палякі чакаюць, што будзе «старая Польша», і за яе гатовы ў любы час паўстаць на барацьбу. Падкрэсліў, што ў палякаў ёсць падпольная арганізацыя, якая вядзе барацьбу супраць немцаў. У запісцы прыведзены асобныя вытрымкі з лістоўкі-зварота Віленскага цэнтра да польскага насельніцтва аб неабходнасці назапашваць сілы для ўдару, як толькі польскае войска ў Англіі і Савецкім Саюзе ўвойдуць на тэрыторыю Польшчы [1, л. 169].

Значнай інфармацыяй аб сітуацыі на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі валодаў І. Ф. Клімаў, які ў чэрвені–лістападзе 1942 г. быў сакратаром Мінскага, а са снежня 1942 г. да красавіка 1943 г. сакратаром Вілейскага абкамаў КП(б)Б. Напрыклад, непасрэдна яму была адрасавана запіска даваеннага старшыні Воранаўскага райпатрэбсаюза А. Д. Ловіна, накіраванага ў канцы 1942 г. у савецкі тыл з падраздзялення А. Д. Мядзведзева з месцам базіравання ў Докшыцкім раёне. Сувязны адзначыў, што польскае насельніцтва супраць немцаў, але чакае прыходу польскай арміі, заўсёды пыталася ў савецкіх партызан аб У. Сікорскім і польскай нацыянальнай арміі. У запісцы было падкрэслена, што палякі захоўваюць шмат зброі [1, л. 173].

Варта адзначыць, што летам – напачатку восені 1942 г. Мінскі абкам КП(б)Б знаходзіўся непадалёку ад Віцебскіх «варот» і І. Ф. Клімаў меў магчымасць непасрэдна гутарыць з партызанамі, якія ў якасці сувязных накіроўваліся ў савецкі тыл і валодалі каштоўнымі звесткамі адносна падзей на акупаванай тэрыторыі, у тым ліку ў заходніх абласцях.

Валоданне вялікім аб’ёмам інфармацыі аб сітуацыі ў тыле ворага дазволіла І. Ф. Клімаву 5 студзеня 1943 г. накіраваць данясенне першаму сакратару ЦК КП(б)Б П. К. Панамарэнку з высновамі наконт польскай праблемы. У дакуменце згадваецца аб існаванні ў некаторых мястэчках Свірскага, Пастаўскага, Браслаўскага раёнаў тайных польскіх арганізацый, а таксама Віленскага польскага падпольнага цэнтра, які знаходзіцца ў падпарадкаванні Лонданскага эмігранцкага ўрада. Месцам дыслакацыі польскіх падраздзяленняў абароны ўказваюцца Аўгустоўскія лясы, адкуль прыходзілі сувязныя ў партызанскія атрады Вілейскай вобласці пад камандаваннем Ф. Р. Маркава і І. І. Пятрова. Важнымі ў дакуменце з’яўляюцца наступныя звесткі. Па-першае, польскія падпольныя арганізацыі маюць разнастайную зброю, а ў іх склад уваходзяць афіцэры. Па-другое, у Вілейскай вобласці распаўсюджвалася пракламацыя Віленскага цэнтра з праграмай дзейнасці. Лістоўка заклікала палякаў назапашваць сілы і рыхтаваць удар, як толькі польскія войскі, якія знаходзяцца ў Лондане і Савецкім Саюзе, увойдуць на тэрыторыю Польшчы ці пачнуць наступ [1, л.146а–147].

Зыходзячы з дакладаў партыйных работнікаў, камандна-палітычнага складу з месцаў, П. К. Панамарэнка 20 студзеня 1943 г. накіраваў у ЦК УКП(б) дакладную запіску пад назвай «О поведении поляков и некоторых наших задачах», У дакуменце адзначалася, што неабходна ўлічваць заклікі польскага эмігранцкага ўрада і яго структур на месцах да палякаў аб неабходнасці ўстрымацца ад адкрытай узброенай барацьбы з немцамі да канчатковага этапу вайны, калі неабходна будзе падтрымаць дзейнасць саюзнікаў – Англіі і ЗША. Пры гэтым важна мець на ўвазе намаганні таго ж урада на тое, каб польскія сілы захоўваліся і арганізаваліся супраць Савецкага Саюза. У сувязі з такой пазіцыяй польскага эмігранцкага ўрада П. К. Панамарэнка прапанаваў зрабіць некаторыя захады «по разжигании партизанской войны на территории Польши», для чаго накіраваць туды 80–90 «подготовленных и обученных агентов» з ліку польскіх камуністаў [3, с. 38–39; 4, с. 249–250].

Важную ролю ва ўмацаванні партызанскага руху на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі і забеспячэнні перавагі савецкіх падпольных і партызанскіх структур над польскім падполлем адыгралі рашэнні V Пленума ЦК КП(б)Б (26–28 лютага 1943 г.). У пастанове пленума была падкрэслена важнасць «усиления работы в западных областях Беларуси в целях дальнейшего расширения партизанского движения и вовлечения в него широких масс трудящихся, а также в противовес ведущейся националистической обработке населения со стороны различных польских нелегальных организаций» [5, с. 50–52; 6, л. 136].

Варта адзначыць, што вышэйзгаданыя захады ЦК КП(б)Б і яго першага сакратара П. К. Панамарэнкі рабіліся ў рэчышчы паступовага пагаршэння адносін савецкага кіраўніцтва да польскага міграцыйнага ўрада ў Лондане. Першым знакавым штуршком да пагаршэння адносін паслужыў той факт, што армія У. Андэrsa, сфарміраваная на тэрыторыі Савецкага Саюза з польскіх ваеннапалонных, адмовілася змагацца сумесна з Чырвонай арміяй на савецка-германскім фронце, і да 1 верасня 1942 г. была поўнасю завершана эвакуацыя яе часцей на тэрыторыю Ірана. Па меркаванні беларускага гісторыка Г. Д. Кнацько, «эвакуация армии Андерса была поворотным пунктом в процессе формирования настроений польской эмиграции в СССР» [7, с. 6].

У пачатку 1943 г. адбылася гістарычная падзея на савецка-германскім фронце – у баях на Волзе была акружана, а затым разгромлена моцная групіроўка войск гітлераўскай Германіі і яе сатэлітаў. У сувязі са станоўчымі зменамі на фронце савецкім кіраўніцтвам быў узят курс на паступовае згортванне адносін з польскім урадам У. Сікорскага і стварэнне на тэрыторыі СССР «новых польскіх улад» з ліку польскіх камуністаў [4, с. 250].

Масква вітала гуртаванне прасавецкі настроеных палякаў вакол часопіса «Новые горизонты», які аднавіў сваю дзейнасць яшчэ з 5 ліпеня 1942 г. у Куйбышаве (супадае па часе, калі адбывалася перамяшчэнне арміі У. Андэrsa ў Іран). Быў падтрыманы зварот Ванды Васілеўскай у СНК СССР 4 студзеня 1943 г. ад імя рэдакцыі з праектам стварэння польскага дэмакра-

тычнага цэнтра. Вынікам такіх намаганняў В. Васілеўскай і яе паплечнікаў стала стварэнне Саюза польскіх патрыётаў (СПП) і выхад штотыднёвіка «Вольна Польша» («Свободная Польша»), які стаў тэарэтычным, палітычным і культурным органам СПП [7, с. 7].

Крытычныя наступствы для адносін савецкага кіраўніцтва і ўрада У. Сікорскага мела «Катынская справа», якая набыла шырокі рэзананс у красавіку 1943 г., калі эміграцыйны ўрад звярнуўся ў Міжнародны камітэтэт Чырвонага Крыжа з просьбай аб расследаванні гэтай сітуацыі. Цікава, што ў той самы дзень у названую арганізацыю з запытам звярнулася Германія. У сувязі з вышэйзгаданымі абставінамі 25 красавіка 1943 г. адбыўся разрыв савецка-польскіх дыпламатычных адносін [3, с. 40; 4, с. 250–251].

У плане выканання пастановы V Пленума ЦК КП(б)Б (26–28 лютага 1943 г.) да канца першага паўгоддзя 1943 г. былі заўважна ўмацаваны падпольныя партыйныя органы КП(б)Б і партызанскія фарміраванні на тэрыторыі заходніх абласцей, у тым ліку Баранавіцкай і Вілейскай, дзе была значнай канцэнтрацыя польскіх антысавецкіх падпольных структур і разгарнулася работа па стварэнні «лясных атрадаў» Арміі Краёвай (АК).

У перыяд з сакавіка па чэрвень 1943 г. на тэрыторыі Баранавіцкай вобласці колькасць атрадаў павялічылася з 31 да 48, былі створаны дзве новыя брыгады. У сакавіку 1943 г. распачаў сваю работу Баранавіцкі падпольны абкам КП(б)Б, а ў красавіку арганізавалася абласное партызанскае злучэнне [8, с. 58, 60; 9, с. 25–26]. На тэрыторыі Вілейскай вобласці колькасць атрадаў за гэты час павялічылася з 24 да 33, а брыгад – з 4 да 6. У канцы мая 1943 г. разгарнуў сваю работу Вілейскі падпольны абкам КП(б)Б, які ў ліпені – жніўні 1943 г. стварыў абласное партызанскае злучэнне [8, с. 122, 124; 9, с. 163–165].

Небяспека таго, што ініцыятыва ў барацьбе з нямецкімі акупантамі прайдзе адназначна да савецкіх партызан, а таксама ўключэнне ў іх структуры палякаў прывяло да таго, што ў першай палове 1943 г. Галоўнае камандаванне АК па ўзгадненні з Лонданскім эміграцыйным урадам стала арганізоўваць атрады з апорай на існуючую канспіратыўную сетку. За перыяд вясны – лета 1943 г. у Навагрудскай акрузе АК узніклі восем атрадаў, у тым ліку пад № 301, 311, 312, 314, 321 і 322. Найбольш вядомае з падраздзяленняў АК – атрад пад камандаваннем К. Мілашэўскага ў Стаўбцоўскім раёне Баранавіцкай вобласці [4, с. 216–217; 10, с. 41–42].

З наступленнем вясны 1943 г. таксама разгарнулі падрыхтоўку сваіх членаў для ўзброенай барацьбы структуры Віленскай акругі АК. Баявы збор першага атрада Маладзечанскага раёна адбыўся яшчэ ў пачатку лета 1943 г. у колькасным складзе 15 чалавек у лясным масіве каля населенага пункта Гарадок. У пачатку лета 1943 г. на тэрыторыі Вілейскай вобласці ў раёне возера Нарач дзейнічаў даволі буйны атрад на чале з А. Бужынскім («Кміціц») [4, с. 258; 11, с. 145].

Створаныя падраздзяленні «акаўцаў» сталі падпарадкоўвацца кіруючаму цэнтру ў Галоўным камандаванні АК. З мэтай кантролю над атрадамі Галоўнае камандаванне АК накіроўвала на месцы сваіх прадстаўнікоў (эмісараў) з Вільні і Варшавы, якія затым становіліся на чале «акаўскіх» баявых структур.

Актывізацыя дзейнасці Лонданскага эмігранцкага ўрада ў напрамку стварэння партызанскіх атрадаў АК, мабілізацыйныя мерапрыемствы польскага антысавецкага падполля на тэрыторыі заходніх абласцей, захады па забеспячэнні зброяй «лясных атрадаў», у тым ліку шляхам дастаўкі з Віленскага і Варшаўскага цэнтраў, не засталіся па-за ўвагай падпольных партыйных органаў і партызанскага камандавання. Акрамя таго, вясной – напачатку лета 1943 г. адбылося больш за 10 узброеных сутыкненняў паміж савецкімі партызанамі і падраздзяленнямі АК, у выніку якіх загінулі дзясяткі байцоў з абодвух бакоў. Безумоўна, першаснае значэнне меў палітычны аспект – Лонданскі эмігранцкі ўрад, польскае антысавецкае падполле на месцах, кіраўніцтва структур АК настойліва заяўлялі, што заходнія вобласці Беларусі – гэта тэрыторыя Польскай дзяржавы [12, с. 282; 13, с. 146–147].

З улікам ваенна-палітычнай сітуацыі, якая склалася ў першай палове 1943 г., ЦК КП(б)Б прыняў праграмныя дакументы па дзейнасці партыйных падпольных органаў КП(б)Б і партызанскага камандавання адносна польскага антысавецкага падполля, у тым ліку структур АК. Гэта пастанова ад 22 чэрвеня 1943 г. «О мерах по дальнейшему развертыванию партизанского движения в западных областях Белоруссии», а таксама закрыты ліст «О военно-политических задачах работы в западных областях БССР», падпісаны П. К. Панамарэнкам 2 жніўня 1943 г. Тэкст ліста змешчаны ў дырэк-тыве ЦК КП(б)Б №240 с ад 31 ліпеня 1943 г.) [14, л. 2–6].

У дакуменце змешчаны важнейшы палітычны тэзіс – заходнія вобласці Савецкай Беларусі з’яўляюцца неад’емнай часткай Беларускай савецкай сацыялістычнай дзяржавы (так у дакуменце), неад’емнай тэрыторыяй СССР і на такой аснове неабходна развіваць барацьбу [14, л. 3аб].

Далей у лісце адзначана, што польскі ўрад разглядае заходнія вобласці Савецкай Беларусі... як частку Польшы і ў адпаведнасці з гэтым будзе сваю міжнародную палітыку і адносіны да СССР. Для рэалізацыі такіх мэтаў спрабуе стварыць у рэгіёне шырокую сетку «националистических организаций, вооруженных отрядов, насаждает свою агентуру и подпольные центры, засылает эмиссаров», каб назапасіць сілы і ў зручны момант быць гатовымі ваенным шляхам ажыццявіць свае намеры [14, л. 4].

Пры аналізе стану польскага падполля ўказана, што створаны некаторыя рэзервы і падпольныя арганізацыі ў вёсках і гарадах, а ў некаторых месцах арганізаваны схаваныя групы самаабароны, свае атрады, а таксама ў некаторых месцах нават палкі [14, л. 4].

Адносна пазіцыі кіраўнікоў польскага падполля на месцах у дакуменце ўказана, што яны імкнуцца ўтрымаць народ ад актыўных выступленняў супраць немцаў. Падчас перамоваў з падпольнымі партыйнымі арганізацыямі і атрадамі іх прадстаўнікі выказваюць патрабаванні прызнаць незалежнасць сфарміраваных імі атрадаў АК, а раёны іх мяркуемых дзеянняў разглядаць як польскую тэрыторыю, на якой пры сумесных дзеяннях савецкія партызаны павінны падпарадкоўвацца польскаму партызанскаму штабу «Усход» [14, л. 4]. Напрыклад, такія патрабаванні выказваліся прадстаўнікамі штаба «Усход» у чэрвені 1943 г. пры перамовах з камандаваннем брыгады імя В. І. Леніна Баранавіцкай вобласці [15, л. 32, 33–40].

Сярод тактычных прыёмаў польскага падполля ў лісце названы разведка сіл савецкіх партызан, сеткі партыйных падпольных цэнтраў, партызанскіх атрадаў, кіруючых кадраў партызанскага руху. Заўважана, што польскае падполле імкнецца да часу пазбягаць адкрытых сутыкненняў з савецкімі партызанамі, назапашвае сілы для будучых адкрытых атак на партызан [14, л. 4].

У якасці арганізацыйных мер барацьбы з польскім антысавецкім падполлем было прапанавана ўжо створаныя польскія атрады настойліва выцясняць шляхам арганізацыі новых савецкіх падраздзяленняў, засылаць у польскія атрады сваю агентуру, выяўляць дзейсных прадстаўнікоў польскіх нацыяналістаў ці нямецкай разведкі, пры неабходнасці, зыходзячы з канкрэтнай сітуацыі, ствараць атрады, якія ў большасці сваёй будуць камплектавацца палякамі. Вельмі паказальным было патрабаванне наконт таго, што там, дзе ёсць уплыў савецкіх атрадаў і падпольных цэнтраў, дзейнасці польскіх антысавецкіх груп не дапускаць, кіраўнікоў «незаметным образом устраняць». Самі атрады і групы ці распускаць, а базы зброі забіраць, ці браць пры магчымасці пад свой надзейны ўплыў, скіроўваць на актыўную барацьбу з немцамі. Пры гэтым такія атрады павінны быць рэарганізаваны і перамяшчаны, пазбаўлены сваёй самастойнасці як баявой адзінкі, далучаны да савецкіх атрадаў. Абавязковая ўмова – чыстка ад варожых элементаў [14, л. 5аб–6].

У адпаведнасці з патрабаваннямі закрытага ліста ў Вілейскай вобласці з дазволу П. К. Панамарэнкі брыгада імя К. Я. Варашылава на чале з Ф. Р. Маркавым 26 жніўня 1943 г. каля возера Нарач правяла буйную аперацыю па раззбраенні брыгады падхарунжага А. Бужынскага («Кміціца»). У выніку 80 легіянераў разам з А. Бужынскім былі расстраляны. З ліку раззброеных «акаўцаў» быў створаны савецкі польскі атрад на чале з У. Мрачкоўскім колькасцю 120 чалавек. Спачатку падраздзяленне было ў брыгадзе імя Г. К. Жукава, а затым у брыгадзе імя К. Я. Варашылава. Аднак у вельмі хуткім часе атрад перастаў існаваць з-за дэзерцірства значнай часткі байцоў [1, л. 3, с. 66–72; 4, с. 256; 16, л. 141, 142].

Больш маштабнай аперацыяй супраць «акаўцаў» было раззбраенне савецкімі партызанамі атрада АК у Стаўбцоўскім раёне. Неабходна адзначыць, што на тэрыторыі Баранавіцкай вобласці ў перыяд з чэрвеня да снежня 1943 г. адбылася найбольшая колькасць узброеных канфліктаў паміж беларускімі партызанамі і баявымі групамі польскага антысавецкага падполля – 30 баёў і сутычак, падчас якіх былі ахвяры з абодвух бакоў.

Пэўны час атрад АК пад камандаваннем К. Мілашэўскага падтрымліваў кантакты з беларускімі партызанамі: узаемадзейнічаў пры нападзенні на гарнізон у Івянцы і падчас адбіцця гітлераўскай карнай аперацыі «Герман» (1.07–11.08.1943). Узаемаадносіны пачалі рэзка пагаршацца з кастрычніка 1943 г. у сувязі з прыбыццём у месца дыслакацыі атрада ваеннаслужачых былой польскай арміі з Віленскага і Варшаўскага цэнтраў. Усе яны прайшлі спецыяльную ваенную падрыхтоўку і мелі навыкі правядзення дыверсій. Першым прабраўся з Віленскага цэнтра паручнік А. Пільх з групай 14 чалавек. Адрозна па прыбыцці ён фактычна стаў камандаваць падраздзяленнем АК

Стаўбцоўскага раёна. Яшчэ адна група колькасцю 7 чалавек прыбыла з Варшавы. Атрад быў рэарганізаваны і загадам камандуючага Навагрудскай акругі АК стаў лічыцца 1-м батальёнам 76-га пяхотнага палка АК. Спачатку камандзірам батальёна стаў паручнік З. Кахутніцкі, а затым маёр В. Пелка, якія прыбылі з Варшавы. Астатнія ваеннаслужачыя, засланыя ў падраздзяленне, занялі камандныя і штабныя пасады, арганізавалі агітацыйную працу, пачалі падрыхтоўку да разгортвання яшчэ аднаго батальёна АК [3, с. 78–82; 4, с. 258; 17, л. 212–213, 241].

Пасля прыбыцця эмісараў з Варшавы паміж савецкімі партызанамі і «акаўцамі» на працягу кароткага часу адбылося некалькі ўзброеных сутычак. 5 лістапада 1943 г. у вёсцы Куль Івянецкага раёна быў забіты партызан брыгады імя М. В. Фрунзе Шчэрбін; 8 лістапада разведчыкі брыгады імя В. П. Чкалава Рагазінскі і Варапай былі закатаваныя каля в. Хотава Івянецкага раёна групай жандармаў на чале з начальнікам жандармерыі атрада Гасюком. 17 лістапада ў в. Дубнікі Стаўбцоўскага раёна групай Нуркевіча верскі знішчаны 10 партызан атрада № 106. Улічваючы такі ход падзей, Баранавіцкі падпольны абкам КП(б)Б і Івянецкі падпольны райкам КП(б)Б правялі спецыяльнае расследаванне, па выніках якога з дазволу начальніка ЦШПР было прынята рашэнне аб прымусовым расфарміраванні польскага батальёна [3, с. 84–85; 4, с. 259; 10, с. 147; 17, л. 209, 213–214, 218].

У выніку праведзенай аперацыі 1 снежня 1943 г. у раёне Прудзішча – Дрывезна брыгады імя І. В. Сталіна і М. В. Фрунзе акружылі лагер Стаўбцоўскага батальёна АК і раззброілі яго байцоў. Пасля раззбраення большасць радавых байцоў была накіравана ў беларускія партызанскія фарміраванні – атрады імя М. В. Фрунзе, А. В. Суворова, М. А. Шчорса, В. П. Чкалава, «Бальшавік». Афцэраў і кіраўнікаў батальёна АК арыштавалі, абвінавацілі ў справе АК і сурова пакаралі – адных расстралялі, а другіх пераправілі ў Маскву [3, с. 86–87; 4, с. 259; 10, с. 149; 11, с. 162; 17, л. 214].

У межах цяперашняй тэрыторыі Беларусі найбольш шматлікае польскае антысавецкае падполле, у тым ліку адзінкі АК, было ў Баранавіцкай і Вілейскай абласцях. Працэс стрымлівання арганізацыі і функцыянавання структур АК у названым рэгіёне ўключаў у сябе збор, аналіз, абагульненне і перадачу ў Цэнтр разнастайнай інфармацыі аб ваенна-палітычнай сітуацыі ў раёнах Заходняй Беларусі, прыняцце рашэнняў і іх рэалізацыю. На падставе гэтага ў другой палове 1943 г. былі раззброены і перасталі існаваць два буйныя падраздзяленні АК у Баранавіцкай і Вілейскай абласцях, чым, безумоўна, быў нанесены моцны ўдар па сетцы польскага антысавецкага падполля ў рэгіёне.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 1450. Воп. 4. Спр. 68.
2. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 76.

3. *Благов, С. В.* «Чужие среди своих». Польское население в советском партизанском движении на территории Белорусской ССР. 1941–1944 / С. В. Благов. – М. : Центрполиграф, 2024. – 223 с.
4. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1953) : монография / С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. – Гродно : ГГАУ, 2004. – 345 с.
5. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 2 / Л. В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. А. Филимонов [и др.]. – 1984. – 551 с.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 20, спр. 214.
7. *Кнацько, Г. Д.* Главное дело (вклад союза польских патриотов в СССР в создание демократической Польши) / Г. Д. Кнацько. – Минск, 1988. – 25 с.
8. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
9. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
10. *Барадзін, З.* Нёман – рака нязгоды / З. Барадзін. – СПб. : Невский Простор, 2018. – 333 с.
11. *Сямашка, Я. І.* Армія Краёва на Беларусі / Я. І. Сямашка. – Мінск : «Хата», 1994. – 270 с.
12. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Каваленя, А. М. Литвин [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
13. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 397.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 305.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 88.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 50.

С. В. Кулинок

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРБОВКИ АГЕНТУРЫ НЕМЕЦКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы оккупации немецкие спецслужбы развернули на территории БССР массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры как из гражданского населения, так и из числа военнопленных.

Одним из малоисследованных вопросов деятельности немецких секретных органов на оккупированной территории Беларуси является привлечение к шпионско-диверсионной работе различных национальных групп населения.

Первые национальные подразделения в системе абвера (немецкая военная разведка и контрразведка) появились еще до начала вторжения немцев в Советский Союз. Для действий против СССР из украинцев, обучавшихся в спецлагерях на территории Германии, был сформирован отряд «Соловей» («Нахтигаль»). В 1941 г. отделом «Абвера-2» Управления «Абвер-заграница» было сформировано специальное воинское подразделение – батальон «Бергман» (горец), предназначенное для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1 500 человек и был укомплектован лицами грузинской национальности, карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами, азербайджанцами и армянами [37, с. 27, 277–278].

При характеристике «национального фактора» вербовочной деятельности немецких спецслужб нам представляется важным отметить несколько аспектов. Во-первых, провести разделение на «активных» пособников (меньшинство) и тех, для кого сотрудничество с немецкими разведорганами было единственным способом выжить в условиях оккупации и войны (большинство).

Во-вторых, агентура из числа белорусов, поляков, евреев и фольксдойче активно вербовалась, в первую очередь, из местного гражданского населения, т. к. представители этих национальностей проживали на территории БССР в большом количестве. А вот агентура из представителей других национальностей и народностей (русских, украинцев, жителей Кавказа, Средней Азии и др.) вербовалась в основном из среды военнопленных многонациональной Красной армии, которые в большом количестве размещались в лагерях на территории Беларуси.

В-третьих, при анализе национального состава выпускаемой агентуры возникают определенные сложности. Это связано с тем, что во многих архивных документах не уточняется, какое количество агентов различных национальностей выпускается учебным центром. Например, в Минскую шпионскую школу службы безопасности и полиции СД «набираются лица разных национальностей» [20, л. 282; 22, л. 42], а в секретной школе в Слуцке среди 200 курсантов были «белорусы, русские, поляки, жители Слуцкого района и г. Слуцка. Возраст от 17 до 20 лет» [21, л. 12–13]. К сожалению, не представляется возможным определить, какое точное количество агентов польской, белорусской или русской национальности было в каждом конкретном выпуске. Это касается и половозрастных характеристик. Поэтому количественные данные, за редким исключением, будут носить условный и приблизительный характер с учетом анализа всего массива выявленных архивных документов и определенных тенденций.

Характеризуя национальную составляющую стационарного обучения, выделим три основные разновидности набора агентуры. Первый – учебный курс с преобладанием местного (белорусского) населения. Как правило,

такие наборы характерны для небольших школ и вечерних курсов в районных городах и сельских местностях. Это самая распространенная разновидность набора. Например, разоблаченный немецкий агент Константин К., прошедший обучение в спецшколе в Полоцке, рассказал, что перед слушателями ставились широкие задачи по разведке и разложению партизанских отрядов: подбор и вербовка агентуры из числа партизан, имеющих дисциплинарное взыскание, морально разложившихся, имевших судимость, исключенных из рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, распространение всякого рода провокационных слухов, сбор разведывательных данных, похищение документов секретного характера, диверсии на партизанских базах, отравление пищи и заражение бактериями скота. Вместе с Константином К. обучалось еще 50 агентов – все белорусы, большинство набрано из городов и деревень Витебской области [5, л. 275–281]. В начале января 1944 г. набор в шпионскую школу в Барановичах производился из жителей окрестных деревень [9, л. 82]. В марте 1944 г. в деревне Белый Переезд (современный Петриковский район) была открыта «школа гестапо которая готовит шпионов, разведчиков, диверсантов. Первый набор проведен из населения, прятавшегося от немцев в лесах и забранного ими из деревень: Большие и Малые Городятчи, Замостье, Забинья и Белый Переезд» [22, л. 86], то есть из местных жителей. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении Куренецкой школы, куда было набрано для обучения 180 человек местного белорусского населения [11, л. 31 об.].

Второй разновидностью набора является «интернациональный», когда на курсе обучаются и выпускаются агенты разных национальностей. Такая подготовка характерна для крупных школ (Бобруйская, Борисовская, Минская), или для учебных центров, которые вербовали агентов в лагерях военнопленных (Борисовская, Гомельская, Минская, Могилевская). Так, один из выпусков спецшколы в Борисове включал в себя 42 агента, из них: 12 украинцев, 11 русских, 3 немца-фольксдойче, 4 белоруса, по 2 латыша и поляка, 1 чуваш и житель Кавказа. Национальность 6 агентов не установлена [22, л. 208–208об.; 34, л. 261–262]. Из 25 агентов Лошницкой разведшколы, выпущенных в 1944 г., было 7 белорусов, по 2 украинца и узбека, по одному русскому и поляку (национальности остальных не установлены) [35, л. 298–301]. В мае 1944 г. из разведшколы в деревне Пигановичи в тыл Советского Союза было направлено 2 группы агентов (6 и 4 человека) следующих национальностей: 5 русских, 3 украинца, один армянин и мордвин [10, л. 37–38об.].

Набор третьего вида характеризуется доминированием курсантов небелорусской национальности (русские, украинцы и др.). Это наименее распространенный метод отбора и подготовки агентуры, который, тем не менее, использовался в разведывательных учебных центрах на территории БССР. Например, в Березинской разведшколе из набора в 23 курсанта русских агентов было 16, 2 – жители Кавказа, 1 – украинец [17, л. 49–51; 35, л. 222–225]. Из 28 шпионов, выпущенных Бобруйской спецшколой в апреле 1943 г., 20 агентов были украинцами, 7 – русскими и 1 – белорус [8, л. 27].

Для белорусского населения, особенно в сельских местностях, были организованы краткосрочные вечерние разведывательные курсы. Укажем, что белорусы проходили обучение практически во всех школах на оккупированной территории БССР. Установить точную цифру пока не представляется возможным. По оценкам автора, белорусы составляли около 65–70 % от общего количества подготовленных агентов.

Второй по количеству была русская агентура. Такой значительный объем подготовленных русских агентов объясняется следующими факторами: большим количеством населения, проживающего на территории БССР; деятельностью на территории Беларуси «Русской национальной народной армии» (центры формирования в Орше и м. Осинторф Витебской области) [27, л. 59–61] и «Русской освободительной армии» [1, с. 135–136] (из этих военных структур активно вербовалась шпионская и разведывательная агентура – *К. С.*); наличием большого количества русских военнопленных красноармейцев, которые составляли национальное большинство в РККА [18, л. 122]; вынужденной «миграцией» русского населения (коллаборантов, членов их семей и пособников) на территорию Беларуси вместе с отступающими частями немецкой армии.

Особый отдел соединения партизанских отрядов по Минской области в июне 1943 г. в одном из отчетов отмечал, что «для засылки шпионов вербуют людей, насильно эвакуированных из Смоленской, Витебской, Орловских и др. областей» [24, л. 30об.–31]. В конце ноября 1943 г. из Минска выпущена «группа 100 человек женщин, бывших беженок из Орловской области с целью шпионажа, под видом поиска своих семей. Задача таковых – вступление в партизанский отряд с целью шпионажа» [17, л. 42]. Кроме того, под натиском частей Красной Армии на территорию БССР передислоцировались и разведывательно-диверсионные школы из Смоленка, Брянска, Рославля, Орла и других населенных пунктов РСФСР [8, л. 24].

Русская агентура готовилась в школах в Барановичах, Березино, Бобруйске, Борисове, Бресте, Витебске, Глубоком, Гомеле, Лошнице, Лунинце, Минске, Могилёве, Орше, Осинторфе, Пигановичи, Слуцке, Стахово.

Агентура украинской национальности также активно вербовалась и использовалась на территории Беларуси. В одном из документов абвера, датированного 18.02.1942 г., указывалось: «при вербовке в первую очередь использовать лиц, владеющих русским языком, из кругов... украинских активистов, раскулаченных или ранее арестованных большевиками за политические преступления» [36, с. 33]. С осени 1942 г. в Вилейке стала действовать полицейская школа, в которой обучалось значительное количество украинцев. Ежемесячно выпускалось до 200 курсантов [28, л. 169–170 об]. В январе 1943 г. в партизанской бригаде «Дяди Васи» был разоблачен агент гестапо под кличкой «Радиус» – Василий М., 1904 г. р., украинец по национальности, направленный с разведывательным заданием [6, л. 13–17]. В штате абвегруппы-105, действовавшей в 1944 г. на территории Полесья, были 4 украинца, причем они вели свою работу, начиная с 1941 г. [13, л. 173].

В начале 1944 г. партизанами были получены данные о том, что на территории Гродненской области действуют две группы немецких разведчиков. Во главе первой стоял украинец Павел Д. (4 человека), а начальником второй был также украинец Николай Г. (8 человек). Агенты должны были собирать сведения о дислокации и вооружении партизанских отрядов [9, л. 105об.–106].

Кроме непосредственной подготовки агентов в школах и на курсах, украинская агентура активно вербовалась среди многочисленных «национальных» полицейских формирований [3, с. 95–101]. Осенью 1943 г. немецкими разведывательными органами из Минска в партизанские зоны была заброшена группа шпионов и солдат (7 человек) из одного украинского полицейского батальона с задачами шпионского характера [29, л. 9].

Немецкие агенты польской национальности начали активно засылаться на территорию Беларуси еще до начала Восточной кампании вермахта. Только за период с 1 августа по 1 октября 1940 г. органами госбезопасности БССР было разоблачено 33 агента, большинство из которых были поляками [4, л. 3–6]. Также можно выделить определенную закономерность по вербовке и использованию агентов этой национальности: основные центры подготовки и регион их деятельности локализуется территорией Западной Беларуси.

Агентура польской национальности обучалась в разведывательно-диверсионных центрах в Барановичах, Бресте, Ганцевичах, Минске, Новогрудке, Пинске. В конце марта 1943 г. в Первомайской партизанской бригаде был пойман и разоблачен агент Эдмунд Юльянович Ш., направленный из Новогрудка со шпионскими задачами в соединения «лесных солдат», причем до этого он уже 7 раз выполнял аналогичные задания [24, л. 138–139]. В июне 1943 г. в одной из спецшкол г. Минска состоялся выпуск «в количество до 300 человек, по национальности – евреи, цыгане, поляки – мужского и женского пола» [16, л. 119].

В июне 1944 г. помощник уполномоченного ЦК КП(б)Б и штаба партизанского движения по Барановичской области подполковник Донской сообщал в партизанские бригады области, что в «Пинске под видом ремесленных училищ № 311 и 314 работают разведывательные школы немцев... Левитовым подобрано 100 поляков для террористической и диверсионной работы в тылу Красной Армии» [19, л. 27–27об.]. Общая численность подготовленной польской агентуры приблизительно может составлять от 500 до 700 человек.

Малоизученным является вопрос привлечения к разведывательно-диверсионной работе агентов из лиц еврейской национальности. Лица еврейской национальности являлись наиболее уязвимой и бесправной частью населения периода оккупации. Целенаправленная политика нацистов по выявлению евреев, их локализация в гетто (на территории Беларуси действовало 168 гетто), ограбление и уничтожение в лагерях фактически привели к тому, что жизнь в условиях оккупации превратилась в ежедневную стратегию выживания. Это отлично понимали и сотрудники немецких спецслужб, ко-

торые использовали эти факторы при вербовке агентуры. В качестве условий сотрудничества предлагалось освобождение из гетто и сохранение жизни родным и близким. Например, при вербовке агентов Михаила Б.-П. и Фиры А. были поставлены условия: либо сотрудничество, либо немедленная отправка в концентрационный лагерь или расстрел [32, л. 30–39об.]. Для вербовки и принуждения к работе агента Хаима Л., который должен был внедриться в партизанский отряд Бельского, в заложники была взята его жена [38, с. 452–453].

Первые сведения о подготовке или разоблачении агентов-евреев, выявленные автором в архивных документах, относятся к лету-осени 1942 г. [26].

В январе 1943 г. чекистами партизанского отряда «Грозный» была разоблачена Роза Ефимовна Р. со своими сыновьями Леонидом и Владимиром. Они были направлены из Радошкович с разведывательным заданием [33, л. 233–234]. Впоследствии летом 1943 г. из Радошкович было направлено еще несколько агентов-евреев [23, л. 128]. Во второй половине 1943 г. партизанские соединения БССР получили установочные данные либо разоблачили агентов немецкой разведки М. Лазаря [12, л. 21], Ш. Еха [23, л. 146], Ф. Бориса [30, л. 147–147об.], Л. Богдана (он же Зелик Лейбусович А., прошедший подготовку в разведшколе в Варшаве и заброшенный для шпионской работы в белорусские леса – К. С.) [31, л. 202–205], группу из 8 агентов-евреев [14, л. 11.], Ш. Шифра [23, л. 30], Анну Моисеевну Ф. [7, л. 131–131об.], а также группу агентов Крупского гестапо во главе с резидентом В. Евелем [2, с. 284–285].

Если говорить о стационарном обучении агентуры, то данные материалов Национального архива Республики Беларусь позволяют говорить о четырех центрах подготовки: в Барановичах, Борисове, Минске, Пинске.

10 июня 1943 г. одной из Минских школ было выпущено «150 человек евреев всех возрастов» [15, л. 125], а в разведывательной сводке БШПД от 30 июня 1943 г. сообщалось, что 26 июня из «гестапо г. Минска было выпущено более 100 евреев мужчин и женщин, которые были посланы в партизанские отряды с целью отравления командного состава. В Хозенцинской пуще были задержаны 5 женщин евреек с ядом, которые отравили колодец» [20, л. 172].

В октябре 1943 г. особым отделом партизанской бригады им. Ленина было установлено, что из Пинска в партизанские отряды было направлено свыше 100 агентов, в том числе и еврейской национальности [25, л. 238 об.].

Также в архивных документах есть сведения о привлечении к агентурной работе прибалтов, жителей Северного Кавказа и Средней Азии.

Подводя итоги, отметим следующее: во-первых, к шпионской работе привлекались представители различных национальностей – русские, украинцы, евреи, поляки, прибалты, фольксдойче и др. Основной контингент шпионов (до 70 %) вербовался из гражданского белорусского населения и белорусских военнопленных. Во-вторых, установить точные количественные данные подготовленных агентов по каждой национальности, за редким исключением, по объективным причинам не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверев, Ю. В.* Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности «Русской освободительной армии» на территории Беларуси (1941–1944 гг.) / Ю. В. Зверев // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты. – Минск : Белдзяржуніверсітэт, 1998. – 209 с. – С. 135–136.

2. *Иоффе, Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э. Г. Иоффе – Минск : Харвест, 2007. – 384 с.

3. *Литвин, А. М.* Кровь и пепел. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси в 1941–1944 годах / А. М. Литвин // Беларус. думка. – 2009. – № 4. – С. 95–101.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16851.

5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 151.

6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.

7. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 28.

8. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.

9. НАРБ. – Ф. 1399. Оп. 1. Д. 10.

10. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 339.

11. НАРБ. – Ф. 1402. Оп. 2. Д. 72.

12. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 62.

13. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 71.

14. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 139.

15. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1180. Л. 125.

16. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1808.

17. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979.

18. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 357.

19. НАРБ. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 92.

20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.

21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.

22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.

23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.

24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.

25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 64.

26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1419.

27. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.

28. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11. Д. 32.

29. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 3.

30. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 8.

31. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 12.

32. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.
33. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 148.
34. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 22. Д. 113.
35. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 22. Д. 114.
36. *Смирнов, Н.* «СМЕРШ против абвера» / Н. Смирнов // Армия. – 2000. – № 2. – С. 31–33.
37. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. – Симферополь : Н. Орианда, 2011.
38. *Татаренко, А.* Недозволенная память : Западная Беларусь в документах и фактах / А. Татаренко. – СПб. : Архив АТ, 2006. – 808 с.

Ю. И. Литвиновская, И. А. Литвиновский

ПЕРЕПИСКА РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В начале 1944 г. в ходе Великой Отечественной войны начался третий завершающий ее период. Победы Красной Армии оказывали решающее воздействие на характер военно-политической обстановки на всех театрах военных действий. Советско-германский фронт оставался определяющим для хода всей Второй мировой войны. Единственный в Европе сухопутный фронт наших союзников находился на Апеннинском полуострове, в Италии. Англо-американские войска в начале 1944 года подошли к Риму на 120 километров. На Британских островах расширялись масштабы подготовки к предстоящему проведению операции «Оверлорд» по высадке англо-американских войск на северо-западе Франции. У. Черчилль об этом регулярно информировал И. Сталина. На данный момент это был самый важный вопрос в переписке руководителей союзных держав. Между тем в текучке военных будней систематически всплывали и другие вопросы, каждый из которых на определенном этапе войны имел существенное значение.

23 декабря 1943 г., например, поверенный в делах Великобритании в СССР Д. Бальфур обратился в Наркомат иностранных дел с письмом, в котором сообщал, что греческий премьер-министр Цудерос собирается обратиться по радио с воззванием к греческим партизанам, содержащим призыв прекратить гражданскую войну между собой и создать единство сил для борьбы против гитлеровцев. В этом воззвании он хотел бы сказать, что его призыв одобряют правительства Англии, Советского Союза и США. Сообщая о том, что английское правительство готово одобрить такое воззвание, Бальфур спрашивал, может ли Советское правительство уполномочить Цудероса сделать его и от имени правительства СССР. 3 января 1944 г. посол Советского Союза в Англии Ф. Т. Гусев, по поручению правительства, дал положительный ответ на предложение Великобритании. У. Черчилль в послании от 5 января 1944 г. выразил большую признательность И. Сталину за «помощь в отношении греков» [1, с. 217, 458–459].

С начала 1944 г. ситуация на Балканах привлекает все большее внимание Великобритании. С весны 1941 г. в Лондоне находилось эмигрантское югославское королевское правительство. Успехи руководимой И. Б. Тито Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) потребовали установления прямой связи с югославскими партизанами. С этой целью в районы, контролируемые НОАЮ, направляется англо-американская миссия, руководимая бригадиром Маклином [1, с. 219]. И. Сталин поддержал действия союзников по установлению связи с югославскими патриотами [Там же, с. 220].

Югославия была оккупирована Германией и Италией в апреле 1941 г. В скором времени в стране развернулось широкое повстанческое движение. В ходе борьбы на базе многочисленных партизанских отрядов была создана Народно-освободительная армия «Югославия». К началу 1944 г. она насчитывала до 300 тысяч закаленных в сражениях бойцов, которые контролировали более 50 % (130 тыс. кв. км.) родной земли с населением в около 5 млн человек [2, с. 434]. В Лондоне в эмиграции пребывали югославский король Петр II Карагеоргиевич и правительство во главе с И. Шубашичем. В самой Югославии еще в конце 1943 г. был создан Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) с функциями временного правительства. Председателем НКОЮ был назначен руководитель партизанского движения маршал И. Броз Тито. На освобожденных территориях формировались органы новой власти, федерации равноправных народов – антифашистские вече народного освобождения. Их решениями эмигрантское королевское правительство лишалось всяких прав, а королю Петру II запрещалось возвращение в страну до окончания войны [Там же, с. 435].

О том, насколько важное значение придавал У. Черчилль установлению контактов с правительством И. Б. Тито, свидетельствует уже тот факт, что в состав военной делегации Великобритании, направленной к югославским партизанам в январе 1944 г., входил и сын премьер-министра Рандольф Черчилль [1, с. 217].

Предметом особой озабоченности британского премьер-министра было состояние советско-польских отношений. И дело не только в том, что в Лондоне находилось эмигрантское правительство Польши. Нападение гитлеровской Германии на эту страну было формальным поводом вступления Великобритании во Вторую мировую войну. На различных фронтах, вместе с англичанами и под их общим руководством сажались многочисленные польские воинские формирования. Великобритания была очень заинтересована в том, какое место в послевоенном мире будет занимать Польша. В равной степени это относилось и к Советскому Союзу.

Советско-польские отношения резко осложнились, когда весной 1943 года немецкая пропаганда объявила о найденных в смоленских лесах захоронениях расстрелянных военнопленных польской армии. В преступлениях обвинялся Советский Союз. Сталина возмутило то, что «клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами, <...> была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной

печатью». При этом, как отмечалось в послании Сталина Черчиллю, польское руководство не сочло нужным даже обратиться к Советскому правительству с какими-либо вопросами по этому поводу или разъяснениями. Более того, польское руководство совместно с гитлеровцами начали расследования этого случая. «Для “расследования”, – писал Сталин Черчиллю 21 апреля 1943 г., – привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое “расследование”, к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей» [1, с. 145]. И. Сталин писал Черчиллю, что все эти обстоятельства вынуждают советскую сторону признать, что нынешнее правительство Польши скатилось на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратив тем самым на деле союзнические отношения с СССР. Исходя из этого Советское Правительство сочло необходимым прервать отношения с правительством генерала Сикорского [Там же, с. 146].

С выходом Красной Армии на Правобережную Украину в завершающий период Великой Отечественной войны польский вопрос не потерял своей актуальности в переписке глав правительств СССР и Великобритании, что подпитывалось разногласиями среди польских политических сил, обитающих в Лондоне, на которые Черчилль вынужден был реагировать. Дело в том, что значительное количество лондонских поляков были не в ладу с реальностью. Именно этим можно было объяснить их требования провести восточную границу Польши по линии разграничения согласно Рижскому мирному договору 1921 г. «Ознакомившись с подобным изложением ваших бесед с деятелями эмигрантского правительства, – писал Сталин У. Черчиллю 3 марта 1944 г. – я еще раз пришел к выводу, что такие люди не способны установить нормальные отношения с СССР. Достаточно указать на то, что они не только не хотят признать линию Керзона, но еще претендуют как на Львов, так и на Вильно» [Там же, с. 247].

Как видно из содержания переписки, У. Черчилль прилагал большие усилия чтобы, с одной стороны, сгладить неблагоприятное впечатление Сталина от позиции эмигрантского правительства Польши, а с другой стороны, объяснить польским министрам, что подходы Советского правительства к вопросам о границах Польши – это согласованная точка зрения союзников.

В переписке руководителей СССР и Великобритании, датированной июнем 1944 г., доминирующее место принадлежит военным событиям. 6 июня союзные войска высадились в Северо-Западной Франции. Операцию невиданных ранее масштабов с участием боевых подразделений, насчитывающих сотни тысяч военнослужащих и огромное количество военной техники, возглавил американский генерал Дуайт Эйзенхауэр. Высадка десанта была осуществлена на побережье залива Сены в проливе Ла-Манш, а не в проливе Па-де-Кале, как рассчитывало немецкое командование [2, с. 411, 412].

«Мы используем 5000 судов, и в нашем распоряжении имеется 11 000 полностью подготовленных самолетов», – писал Черчилль Сталину 5 июня 1944 г. [1, с. 266]. Оценивая значение этого события, И. Сталин отметил в беседе с корреспондентом газеты «Правда»: «Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

... История отметит это дело как достижение высшего порядка» [4, с. 621].

Параллельно с открытием Второго фронта, как и обещало Советское правительство, началось наступление Красной армии на различных участках советско-германского фронта. Наиболее мощный удар был нанесен на белорусском направлении 23 июня 1944 г. силами четырех фронтов, численность которых достигала 2,4 млн человек. 20 июля Красная армия форсировала Западный Буг и вступила на территорию Польши [2, с. 381, 383].

Именно в это время, вполне вероятно с подачи эмигрантского правительства, У. Черчилль в переписке со Сталиным активизирует обсуждение польского вопроса. Польских эмигрантов очень интересует, кто будет создавать органы власти в освобожденных районах Польши в условиях, когда Москва разорвала все отношения с польским правительством, находившимся в Лондоне еще в 1943 году. Точка зрения главы Советского правительства была изложена в послании от 23 июля, где он анализировал сложившуюся ситуацию. В этой обстановке, – писал Сталин, – перед нами встал практически вопрос об администрации на польской территории. Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки. Мы сочли поэтому нужным установить контакт с Польским Комитетом Национального Освобождения, который <...> намерен взяться за создание администрации на польской территории, и это будет, я надеюсь, осуществлено. В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию. Так называемые подпольные организации, руководимые Польским Правительством в Лондоне, оказались эфемерными, лишенными влияния. Польский Комитет я не могу считать правительством Польши, но, возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного польского правительства из демократических сил» [1, с. 287–288].

26 июля 1944 г. между Советским правительством и Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО) было подписано «Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши», в соответствии с которым Комитет полностью брал на себя руководство всеми делами гражданского управления на освобожденных территориях [3, с. 153–155]. На следующий день Советское правительство и ПКНО заключили соглашение о советско-польской границе, в основу которой была положена так называемая линия Керзона. Одновременно Советское правительство

признало, что граница между Польшей и Германией должна быть установлена «по линии западнее Свинемюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до устья реки Нейсе и отсюда по реке Нейсе до чехословацкой границы» и взяло обязательство поддерживать требование об установлении границы по указанной линии [3, с. 156–157].

В переписке руководителей СССР и Великобритании завершающего периода Великой Отечественной войны польский вопрос занимает ключевое место, естественно, после германского. Выход Красной армии летом 1944 г. к этническим границам Польши, разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с эмигрантским правительством только усиливали остроту полемики с англичанами. 31 декабря 1944 г. в Люблине было принято решение о преобразовании ПКНО во Временное Национальное Правительство Польской Республики. Советский Союз признал новое правительство Польши [1, с. 343–344, 464]. В ответ на просьбу Ф. Рузвельта отложить на месяц признание этого правительства, Сталин заявил, что никак не может этого сделать, так как «27 декабря Президиум Верховного Совета СССР на соответствующий запрос поляков уже сообщил, что он намерен признать Временное Правительство Польши, как только оно будет сформировано. Это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание» [Там же, с. 347].

Успешно развивающееся летнее наступление Красной армии, ее выход за пределы советских границ 1941 года, открытие Второго фронта в Западной Европе свидетельствовали о том, что на европейском континенте сложилась новая военно-политическая реальность. Обстановка требовала очередной встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции для обсуждения огромной массы накопившихся вопросов, которые физически нереально было решить путем взаимной переписки.

19 июля 1944 г. президент Ф. Рузвельт, с согласия У. Черчилля, обратился к И. Сталину с предложением о новой трехсторонней встрече в период между 10 и 15 сентября. «Север Шотландии, – писал президент, – был бы пунктом, расположенным наиболее близко к половине расстояния между мною и Вами. Вы могли бы прибыть либо на корабле, либо на самолете, а я мог бы отправиться на корабле» [5, с. 158].

«Я хорошо знаю Ваши трудности, – писал Черчилль Сталину 24 июля, – а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана» [1, с. 288].

Встреча лидеров союзных держав в шотландском Инвергордоне не состоялась. Как писал Сталин 26 июля: «в данное время, когда советские армии ведут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выезжать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время» [Там же, с. 291].

После прояснения позиции советского лидера в переговорах о месте и времени новой встречи наступила пауза, хотя вопрос с повестки дня не был снят. Выход из тупика наметился, когда ближайший советник Ф. Рузвельта Гарри Гопкинс в разговоре с советским послом в Вашингтоне А. А. Громыко высказал соображения допускавшие возможность прибытия Рузвельта для участия в очередной встрече союзников в район советского Причерноморья. Эту мысль подтвердил также американский посол в Москве А. Гарриман [6, с. 490].

Такой вариант вполне устраивал Сталина, о чем он немедленно сообщил Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения, – писал Сталин 19 ноября» [5, с. 174].

В ответном послании Сталину Рузвельт выражает удовлетворение итогами визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г., полагая, что достигнутые договоренности ускорят и облегчат предстоящую работу на трехсторонней встрече в ноябре.

Что же касается будущей поездки президента на трехстороннюю встречу в район Черного моря, то по этому вопросу в администрации Рузвельта твердого единства не было. Руководство военно-морского флота было решительно против появления президентского корабля в Эгейском море и Дарданеллах, т. к. это требовало бы очень сильного эскортного сопровождения, что отвлекало бы военные корабли от других направлений. В этой ситуации У. Черчилль в качестве альтернативного варианта предложил встретиться в Александрии или Иерусалиме, рассматривались Афины. В послании от 18 ноября, Рузвельт, в связи с избирательной кампанией в США, предложил дату встречи перенести на 29–30 января 1945 г. [Там же, с. 178].

Сталин против изменения времени встречи не возражал, но в качестве места встречи настаивал на одном из советских портовых городов [Там же, с. 172]. Один из наиболее доверенных сотрудников президента Г. Гопкинс вспоминал впоследствии: «... Все ближайшие советники президента были против его поездки в Россию; большинству не нравились русские или они, во всяком случае, не доверяли им. Они не могли понять, зачем президенту Соединенных Штатов разъезжать по всему свету, чтобы встретиться со Сталиным. ...Я был уверен, что президент в конечном счете отправится в Крым. И основная причина тут в том, что в этой части света он никогда не бывал, а его авантюрная душа всегда влекла его в необычные места» [6, с. 492].

В конечном итоге Рузвельт объявил о согласии с позицией Сталина. 27 декабря он поручил послу А. Гарриману сообщить главе Советского Правительства, что готов прибыть на встречу «большой тройки» в Ялте в феврале 1945 г. [Там же].

Одним из значимых вопросов в переписке Сталина и Черчилля после Крымской конференции был скорейший возврат союзных военнопленных, освобождаемых Красной Армией из немецких лагерей в ходе зимнего на-

ступления в 1945 г. 11 февраля 1945 г. в результате переговоров, имевших место в Ялте, между СССР и Англией, а также СССР и США были заключены аналогичные соглашения, в которых предусматривались мероприятия по защите, содержанию и репатриации союзных военнопленных и гражданских лиц – граждан СССР, США и Англии, освобожденных союзными вооруженными силами [1, с. 467]. «Я был бы весьма благодарен, если бы Вы лично рассмотрели этот вопрос», – пишет Черчилль Сталину 21 марта [1, с. 363]. Отвечая Черчиллю через 2 дня Сталин ставит его в известность, что все английские военнопленные уже «находятся на пути в Одессу для поездки на родину» [Там же, с. 363].

Весьма острым вопросом на протяжении всей войны в советско-английских отношениях, и это нашло свое отражение в переписке глав правительств, оставалось послевоенное будущее Польши. На Крымской конференции союзные державы достигнутые договоренности закрепили в соглашении «О Польше». Оно предусматривало создание в Москве специальной Комиссии, которую должны были составить нарком иностранных дел СССР и послы Великобритании и США. На нее возлагалось проведение консультаций с находящимся в Варшаве Временным польским правительством, созданном при поддержке СССР, по вопросу реорганизации этого правительства путем включения в него лидеров демократических сил как из самой Польши, так и из-за границы.

В расширенном виде позиция США и Великобритании была изложена в посланиях президента Ф. Рузвельта и премьер-министра У. Черчилля И. Сталину от 1 апреля 1945 г. и в совместном У. Черчилля и нового президента США Г. Трумена 18 апреля [Там же, с. 365–367; 384–386; 370–373; 384–386]. В этих документах изложены замечания союзников по поводу Московской комиссии. Они касались целого ряда деталей, которые, вполне естественно, не могли быть прописаны в документах Крымской конференции, как то: масштабы реорганизации польского правительства, количество и пропорции нового представительства в правительстве и т. д.

Учитывая все еще сохраняющиеся между союзниками расхождения по польскому вопросу, И. Сталин 24 апреля 1945 г. направляет У. Черчиллю довольно жесткое и к тому же весьма недвусмысленное по характеру послание, где отмечает: «Следует также учесть то обстоятельство, что Польша граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США. Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции. Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши» [1, с. 391].

Пространный ответ Черчилля был получен в Москве 28 апреля. Он также был довольно жестким по содержанию, как и послание Сталина, но с учетом всех дипломатических формальностей. Советский Союз обвинялся в отступлении от ялтинских договоренностей по польскому вопросу. После Крымской конференции, пишет Черчилль, «не произошло абсолютно никаких сдвигов в направлении формирования “нового” и “реорганизованного” польского правительства, напротив, в это же время Советское Правительство заключает договор сроком на двадцать лет с существующим Временным Правительством Берута, хотя это правительство по-прежнему не является ни новым, ни реорганизованным. Мы чувствуем, что именно нам диктовали условия и именно нас прижали к стене в деле, которое как мы искренне верили, было урегулировано в духе дружбы и товарищества в Крыму» [Там же, с. 402].

Завершая свое обширное послание, где премьер-министр дает характеристику разногласиям, которые начали возникать между союзниками на завершающем этапе войны, Черчилль заостряет внимание на следующих обстоятельствах: «Но прошу Вас, мой друг Сталин, не недооценивайте расхождений, намечающихся по вопросам, которые могут Вам показаться маловажными для нас, но которые символизируют мировоззрение демократических народов, говорящих на английском языке» [Там же, с. 407].

Ответное послание Сталина, направленное Черчиллю 4 мая, свидетельствовало о том, что по польскому вопросу между союзниками по-прежнему отсутствует взаимопонимание: «Должен сказать, – писал Сталин, – что я не могу согласиться с Вашими доводами, которые Вы приводите в обоснование своей позиции.

Как видно из Вашего послания, Вы не согласны считаться с Временным Польским Правительством как с основой будущего Правительства Национального Единства и не согласны отвести ему в этом Правительстве то место, которое оно должно занимать по праву. Должен откровенно сказать, что подобная позиция исключает возможность согласованного решения по польскому вопросу» [1, с. 410, 412].

Переписка руководителей СССР и Великобритании на завершающем этапе Великой Отечественной войны раскрывает характер отношений между странами, входившими в антигитлеровскую коалицию и являвшимися партнерами по антифашистской борьбе. Документы показывают насколько широкой была сфера сотрудничества СССР, США и Англии во время войны. Участники коалиции не только смогли выработать общую стратегию борьбы против агрессора, но и определить перспективы послевоенного мироустройства, которые многие десятилетия поддерживали международную стабильность и миропорядок.

Вместе с тем союзникам по антигитлеровской коалиции послевоенная реконструкция Европы виделась по-своему. Каждый из победителей выступал с точки зрения национальных интересов своей страны. Именно так можно охарактеризовать общую атмосферу политического климата победного года войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. – М. : Политиздат, 1996. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
2. Вторая мировая война. Краткая история. – М. : Наука, 1984. – 592 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (январь 1944 – декабрь 1945). – М. : Изд-во АН СССР, 1974. – Т. 8. – 682 с.
4. *Верт, А.* Россия в войне 1941–1945 / А. Верт – М. : Прогресс, 1967. – 774 с.
5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. – М. : Политиздат, 1976 – Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Труменом (Авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). – 327 с.
6. *Бережков, В. М.* Страницы дипломатической истории. – М. : Междунар. отношения, 1984. – 616 с.

Е. Н. Мох

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ СПЕЦГРУППЫ «СТОЙКИЕ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Органы государственной безопасности (ОГБ) внесли значительный вклад в организацию и развитие партизанского движения на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Качественно организованная разведка способствовала успеху боевых операций, успешному осуществлению диверсий, выявлению агентов противника. Сотрудниками органов государственной безопасности осуществлялись мероприятия, направленные на раскрытие шпионов и диверсантов противника, пресечение их попыток нанести вред партизанским формированиям. При этом большое внимание уделялось тщательной проверке людей, прибывающих в партизанскую зону, выявлению негативных процессов внутри партизанских формирований, сохранности сведений, разглашение которых могло привести к срыву операций или гибели партизан и т.д. [1].

Так, согласно исследованиям Э. Г. Иоффе, в 1942 г. на оккупированной территории БССР действовали 30 специальных групп и отрядов, в течение 1943 г. в тыл врага было дополнительно направлено 50 специальных чекистских подразделений, а с июля 1943 г. – по июль 1944 г. – более 60 (около 700 участников). Вместе с отрядами НКВД – НКГБ СССР в тылу врага на белорусской земле действовали спецотряды и спецгруппы Центральной оперативно-чекистской группы НКВД СССР по БССР, НКГБ БССР, ГРУ Генерального штаба Красной армии ЦШПД и БШПД. В 2016 г. Э. Г. Иоффе,

используя материалы Центрального архива КГБ Республики Беларусь, Национального архива Республики Беларусь (фонд 4. – оп 29; оп. 33 а. и другие фонды), а также Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, подготовил список 96 спецгрупп и спецотрядов, которые действовали на территории Беларуси. В нем отражена следующая информация: время действия, место дислокации, фамилия, имя, отчество руководителя (командира), название спецгруппы, спецотряда, количество человек [2].

За время своей работы Центральной и областными оперативно-чекистскими группами НКВД по БССР в тылу противника было создано 11 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 124 человека. Кроме того подготовлено и заброшено на оккупированную территорию 39 разведывательно-диверсионных групп (708 человек). Каждая из этих групп получала район действия, конкретное задание, соответственно экипировалась, вооружалась и обеспечивалась необходимыми материалами и средствами. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск» указывалось на значимую роль органов государственной безопасности в организации партизанских формирований, диверсионных и боевых отрядов.

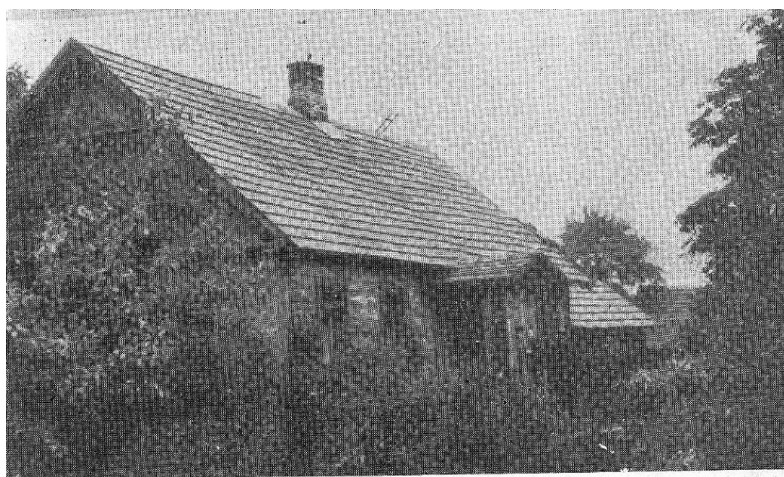
Перед отправкой на оккупированную гитлеровскими войсками территорию с личным составом спецгрупп проводились проверочные занятия на знание ими стрелкового и подрывного дела, а также тактики поведения в тылу противника. При этом внимание уделялось умению обращаться не только с советским, но и с немецким оружием и боеприпасами, особенностям минирования различных видов дорог (железной, мостовой, асфальтной и др.), способам маскировки заминированного участка, проведению диверсий при различных условиях различными способами. Отрабатывались тактические приемы движения на марше, разведки в пути, выбора места отдыха и его охраны; порядка перехода магистралей с массовым движением транспорта противника, перехода через зону, насыщенную гарнизонами противника; выбора места базирования в районе своих действий; выбора места расположения бойца-подрывника железнодорожного пути во время движения эшелона, удобного пути отхода в случае взрыва боеприпасов эшелона; расположения отряда и его маскировка, распределения функций между бойцами при засаде с целью обстрела и поджога бронебойно-зажигательными патронами движущегося состава; организации засады на автомагистралях с целью поимки «языка», разгрома колон с грузом и др.; организации круговой обороны и выхода из кольца в случае окружения группы [3].

В период Великой Отечественной войны, с октября 1943 года по июль 1944 года, на оккупированной территории Брестской и Гродненской областей действовала специальная разведывательно-диверсионная группа НКГБ «Стойкие».

Группа была заброшена в тыл противника с самолета на парашютах в ночь с 5 на 6 октября 1943 года в районе деревни Сварынь Кобринского района Брестской области. Оттуда необходимо было добраться до Волковыс-

ка. В пути принимали в свою группу людей, знавших местность и обстановку. Вышла из тыла 18 июля 1944 года в районе деревни Михалки Свислочского района Гродненской области в момент освобождения этой территории частями Красной армии. Первоначально группа состояла из 8 человек: командира группы (до февраля 1944 г. – Поворознюк И. Г., с февраля по июль 1944 г. – Груздев К. А.), пяти бойцов и радистки, на территории Волковысского и Свислочского районов она пополнилась бойцами за счет партизан, ранее действовавших в этих районах, и отрядов из местных жителей [4; 5].

В своей деятельности в тылу врага участники группы «Стойкие» имели постоянную поддержку и помощь местного населения. В ноябре–декабре 1943 года группа базировалась на хуторе Зигмунтова в семье Апанович В. Г., в деревне Дыхновичи – у Кот И. В., в деревне Коты – у Подлесского И. И., у жителя деревни Андреевичи Филоник Н. М., в деревне Гнезно – у Демидик С. Ф., в деревне Гриньки Свислочского района – у Клинецевич В. К. [6; 7].

Дом семьи Людмилы Константиновны Апанович на хуторе Зигмунтово.

По воспоминаниям командира партизанской разведывательно-диверсионной спецгруппы «Стойкие» Груздева К. А., «участники группы наладили разведку, изучили состояние вражеского гарнизона и пересыльного лагеря в Волковыске, систему охраны станции Волковыск-Центральный, получили информацию о гарнизонах в России и Свислочи. Проводили также диверсионную работу» [8].

В числе участников, принятых в группу, непосредственно в тылу противника были:

1. Поворознюк И. Г. – с октября 1943 г. по февраль 1944 г. – командир группы «Стойкие». Погиб в бою за Родину на территории Волковысского района 12 февраля 1944 г.;

2. Климович Г. А. – старшина группы «Стойкие». В тылу врага пустил под откос два воинских эшелона, участвовал во взрыве двух железнодорожных мостов, рельсового пути и в других боевых операциях, в бою с врагом был ранен;

3. Кузина В. И.;

4. Никаноров А. Н. – участвовал во взрыве двух железнодорожных и в поджоге двух шоссежных мостов, рельсового пути, в уничтожении линии связи и других боевых операциях;

5. Жаворонок И. Ф. – уроженец дер. Дыхновичи Волковысского района, партизан с 1942 года. Участвовал в пуске под откос трех поездов противника, во взрыве железнодорожных и шоссежных мостов, рельсового пути, уничтожении линии связи. В июле 1943 г. немецко-фашистские оккупанты расстреляли его жену Жаворонок Н. И. и четверых малолетних детей. Сын Владимир и дочь Нина спаслись от расстрела. Жаворонок И. Ф. погиб 12 февраля 1944 г.;

6. Липов С. П. – с 10 ноября 1943 г. участник группы «Стойкие». За время нахождения в тылу врага участвовал в пуске под откос трех железнодорожных эшелонов, в подрыве четырех мостов, рельсового пути;

7. Гончаренко И. П. – в группу «Стойкие» принят в ноябре 1943 г., участвовал в подрыве железнодорожного моста, уничтожении рельсового пути, линий связи;

8. Русак Н. Н. – в группу принят 6 ноября 1943 года;

9. Махонько П. А. – принят в группу с ноября 1943 г. В июле 1943 года полицией из м. Россь была расстреляна жена – Махонько К. Г. За время деятельности в тылу противника Махонько принимал участие в двух налетах на гарнизоны противника в Красном Селе (цементзавод), во взрыве железнодорожных и шоссежных мостов, в уничтожении линии связи. Погиб в бою 12 февраля 1944 г.;

10. Чернышев П. А. – с октября 1943 г. участник группы «Стойкие», руководил взрывом водокачки на ст. Свислочь, участвовал во взрыве двух железнодорожных мостов, в уничтожении рельсового пути. Погиб 29 апреля 1944 года;

11. Борисов Е. А. – 1912 года рождения, русский, связной спецгруппы НКГБ БССР с 15 октября 1943 года по январь 1944 года. Арестован карательными органами. Пропал без вести. По воспоминаниям Груздева К. А., «в 1940 г. Борисов прибыл в Красное Село для работы на цементном заводе в качестве начальника бюро нормирования труда и зарплаты. Когда немцы заняли завод, они приказали всем оставаться на своих местах, но бюро ликвидировали. Борисов нашел себе работу в России на овощесушильном заводе. До 1943 г. его дважды арестовывала жандармерия. Являлся членом Волковысского антифашистского комитета».

В декабре 1943 г. группой была установлена связь с руководителем подпольной комсомольской организации в деревне Карповцы Волковысского района. Встреча состоялась в доме жителя деревни Коты Подлесского И. И. В конце января 1944 произошел арест подпольщиков.

«В конце января 1944 года населению ряда деревень объявили, что 1 февраля в России будут продавать сахар, соль, керосин и некоторые предметы первой необходимости. Для этого надо явиться в здание гмины. Подпольщиков арестовали. Погрузили в машину и под конвоем отправили в Волковыскую тюрьму». Всех мужчин в жандармерию вызывали, и «Ефим собрался (Борисов, один из участников). Подходим к жандармерии, а там уже машина стоит» [9].

За период деятельности в тылу противника участники группы «Стойкие» совершали ряд диверсионных актов на коммуникациях и объектах оккупантов, в том числе на территории Волковысского и Свислочского районов: было пущено под откос два воинских эшелона противника, взорвано два железнодорожных моста на ст. Андреевичи, сожжено несколько мостов на трассе Волковыск–Белосток, сожжен крупный склад зерна, было повреждено свыше 8 км телефонно-телеграфной связи. В январе 1944 года руководство группы «Стойкие» установило связь с уполномоченным Гродненского обкома Стрижаком Т. Н., Волковыским и Свислочским райкомами КПБ, командованием партизанской бригады имени Чапаева.

Таким образом, органы государственной безопасности в период Великой Отечественной войны на оккупированной территории активно участвовали в борьбе с фашистским агрессором. Организация партизанского движения стала одним из основных направлений. Ими формировались рейдовые отряды, налаживалась связь с подпольными организациями и группами в глубине оккупированной территории, развертывалась агитационная работа в оккупированных районах.

Также чекистами был налажен сбор разведданных, добывались сведения о планах и намерениях противника, проводились подрывные работы, осуществлялись диверсии на стратегически важных объектах противника, которые способствовали срыву наступательных операций немецко-фашистских войск.

Деятельность контрразведки была направлена на предотвращение разведывательно-диверсионной работы противника, выявление и ликвидацию агентурных сетей, борьбу с националистическим подпольем и бандитизмом. Основной задачей разведки было добывание секретной информации о планах и намерениях противника, его вооруженных силах, экономике и политике. Органы государственной безопасности играли важную роль в координации усилий других партизанских отрядов, проведении совместных операций и рейдов, снабжении их вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Под руководством ЦК ВКП(б) и Наркомата госбезопасности СССР органы государственной безопасности проделали огромную работу по защите тыла Красной армии, обеспечению победы над немецко-фашистскими захватчиками. Опыт органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны послужил основой для развития деятельности спецслужб в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шиманская, Н. А.* Органы государственной безопасности в организации и развитии партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Шиманская ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2020 – 28 с.
2. *Иоффе, И. Г.* Они также были творцами Великой Победы / И. Г. Иоффе // *Гісторыя і грамадазнаўства*. – 2016. – № 9. – С. 24–30.
3. *Шиманская, Н. А.* Основные направления деятельности органов государственной безопасности на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) / Н. А. Шиманская // *Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2019 г.* / рэдкал.: А. А. Каваленя, С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2020. – Вып. 18. – С. 114–122.
4. Список некоторых участников десантной группы «Стойкие» // Учреждение культуры «Волковысский военно-исторический музей имени П. И. Багратиона». – Инв. № 3113/2.
5. Справка о деятельности группы «Стойкие» // Учреждение культуры «Волковысский военно-исторический музей имени П. И. Багратиона». – Инв. № 3113/1.
6. *Верхось, В. П.* В годы суровых испытаний: Документальная повесть / В. П. Верхось. – Гродно : Гродненская типография, 2003. – 180 с.
7. *Верхось, В. П.* В принёманских лесах. Воспоминания партизан и подпольщиков / В. П. Верхось. – Минск : Беларусь, 1975. – 317 с..
8. *Груздев К. А.* Солдаты партизанского фронта / К. А. Груздев. – Минск : Беларусь, 1969. – 270 с.
9. *Туревская, М. И.* Ворошилов меня поздравит... сюжет судьбы / М. И. Туревская // *Знамя*. – 2021. – № 1.

В. Н. Надтачаев

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ПОЛЕВЫХ И МЕСТНЫХ КОМЕНДАТУР НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, ВХОДИВШЕЙ В СОСТАВ 102-ГО ТЫЛОВОГО РАЙОНА ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» (1941–1944)

В системе органов военного управления, созданных оккупационными властями на захваченной территории Советского Союза, важное место занимали полевые и местные комендатуры (Feldkommandantur = Ф. К.; Ortskommandatur = О. К.) вермахта. При этом отметим как особенность, что указанные органы находились не только в зонах военного, но и гражданского управления. Мы имеем в виду 102-й тыловой район группы армий (ГА) «Центр», самостоятельный округ «Белосток», рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина», между которыми была разделена оккупированная территория республики. Первоначально планировалось по мере создания

органов гражданского управления передавать им все бразды правления от военных, однако победа советских войск в битве за Москву внесла свои коррективы. До полного освобождения нашей земли от врага военные комендатуры вермахта играли значимую роль в управлении оккупированной территории.

В качестве еще одной особенности можно назвать смену мест расположения. По мнению Д. А. Жукова, назвавшему такой подход принципом «жемчужной нити», подобное происходило при наступлении германских войск [1, с. 19]. На мой взгляд, такая метафора не является политкорректной, имея в виду, что такое же название носит современная китайская стратегия. Также заметим, что смена пунктов дислокации имела место не только при наступлении (отступлении), но и по другим причинам.

Наибольшая активность в плане движения комендатур характерна для восточного сектора 102-го тылового района, находившегося до сентября 1943 г. на оккупированной территории РСФСР. Значительная часть БССР с сентября 1941 г. по сентябрь 1943 г. также входила в состав тылового района ГА «Центр», за исключением г. Речица и г. Мозырь. (См. карту «Военно-административное деление оккупированной территории Белоруссии» [1, с. 192–193]).

Вопрос установления точного количества военных комендатур, мест их дислокации на территории тылового района имеет важное значение в силу их уникальности. В реалиях тех лет данные органы обеспечивали выполнение различных функций, осуществляя одновременно управленческую, контрразведывательную и карательную деятельность. Последнее направление сегодня изучается в рамках уголовного дела о геноциде белорусского народа.

Движущей силой, что очевидно, выступали конкретные лица. В первую очередь те, кто отдавали преступные приказы, т. е. начальники (коменданты) тех или иных органов. Установлено, что многие из них стали организаторами и главными руководителями казней, в том числе в Быхове (обер-лейтенант Манке), Ветринском районе (Гайгер), Гомеле (обер-лейтенант фон Майбаум), Глусске (Хофман), Дрибине и Рясно (Август Пройс), Зембине (Илек), Корме (майор Розмайзель, обер-лейтенант Ферман), Жлобине (майор Грубер), Лиозно (майор Кранц), Мстиславле (майор Крупп), Оболе (лейтенант Гензель), Пропойске (Дамюлер, Крем), Россонском районе (Ленц), Сенно (капитан Бирман), Смолевичах (Миллер), Мозыре, Хойниках, Ушачах и Чаусах (Варус), Черикове (Фишер), Чечерске (Боксберг), Шамово (капитан Шрадер), Шумилино (обер-лейтенант Мюллер) и на станции Салтановка (Ганс Козырь) [2, с. 25]. Во время акции в Лиозненском районе в уничтожении мирного населения отметились начальник местной комендатуры Гильденбрант и его подчиненные [3, с. 270]. Обратим внимание на отсутствие информации о номере комендатуры и времени проведения расстрелов.

Приведем другой пример, также позволяющий наглядно показать проблему. В г. п. Бешенковичи в феврале 1942 г. полевые жандармы, приданные О.К. 262, участвовали в расстреле евреев. Жандармы – исполнители преступ-

ного приказа, о чем в ходе допросов сообщил один из участников казни Э. Заро [3, с. 224–226]. Мной установлено, что в апреле 1942 г. комендантом О.К. 262 был майор Мейснер (Meissner) [4, р. 755].

Однако, не владея информацией о времени назначения указанного лица на должность коменданта, нельзя утверждать, что именно он отдал приказ о расстреле евреев в феврале 1942 г. Таким образом, для историка, как и для следователя, представляется важным собрать максимально полную информацию об обстоятельствах совершения преступлений.

Одним из первых сведения о дислокации полевых и местных комендатур на оккупированной территории Беларуси систематизировал О. В. Романько. Составленная исследователем таблица не является полной, но, несмотря на это, заслуживает положительной оценки. По его мнению, на территории восточной Беларуси в 1941–1944 гг. находились 11 полевых и 23 местные комендатуры. В целом же на территории республики, по подсчетам автора, данное соотношение составляло 18 к 48 [5, с. 70, 396–399].

По моему мнению, введение в научный оборот термина *восточная Беларусь* применительно к части оккупированной территории БССР некорректно. Для понимания организации общей системы оккупационных органов следует учитывать сложившееся к сентябрю 1941 г. административно-территориальное разделение республики.

Кроме того, автор оставил вне поля зрения исследования белорусских историков, основываясь исключительно на материалах германских архивов. В частности, в работе К. И. Козака содержатся данные о комендатурах, не указанных в таблице: Ф.К. 552, О.К. 254, 271 и 297 [6]. На ранее упоминавшейся нами карте «Военно-административное деление оккупированной территории Белоруссии» по состоянию на 1942 г. показаны места расположения 11 полевых комендатур в тыловом районе ГА «Центр»: г. Полоцк, Витебск, Лепель, Орша, Борисов, Могилёв, Чериков, Климовичи, Старые Дороги, Бобруйск, Гомель [1, с. 172–173, 192–193, карта]. Поскольку Романько не работал с этим источником, он не включил Чериков в свою таблицу.

Надо сказать, ранее мной высказывалось сомнение в том, что в 1942 г. в Черикове размещалась полевая комендатура [7]. Однако в ходе дальнейшей работы с архивами факт нахождения там Ф.К. 516 (на 01.08.1942) получил подтверждение [8, л. 2]. При подготовке статьи мной также были выявлены не указанные в таблице полевые комендатуры 244 и 683, местные комендатуры 254, 274, 304, 334, 353, 370, 726, 841, 844, 845, 932, находившиеся на территории Беларуси, входившей в состав 102-го тылового района в 1941–1944 гг. [9, Вл. 78; 10, р. 129, 165; 11, р. 206; 12, Вл. 63].

Помимо перечисленных органов в тыловом районе, в частности в зоне ответственности 221-й охранной дивизии в населенных пунктах Тереховка, Добруш, Костюковка, Ветка, Уваровичи, Буда-Кошелево, Чечерск и Светиловичи (по данным на 6.07.1942), размещались *Truppenortskommandatur* (войсковые местные комендатуры) [13, р. 870]. В отличие от полевых и местных комендатур они указаны без номеров. В свою очередь, К. И. Козак упоминает

местные комендатуры (также без номеров) в Тереховке, Добруше, Костюковичах, Ветке, Уваровичах, Буда-Кошелево, Чечерске и Светиловичах, подчиненные F.K.549 [6].

Уточним и дополним: в Костюковичах находилась О.К. I/685, из состава которой была выделена группа (ауссенштелле / филиал) для организации комендатуры в Хотимске (на карте обозначена как Ast. О.К. 685). Таким же образом F.K. 549 (Климовичи) организовала комендатуру в Ершичах на территории РСФСР (А.-st. F.K. 549), а О.К. 353 – в Краснополье (А.st. О.К. 353) [13, р. 870]. На картах 286 охранной дивизии филиалы местных комендатур обозначены как N.st. (nebenstelle). По состоянию на 01.03.1943 такие филиалы созданы О.К. I/851 (Лепель) в Чашниках, О.К. I/846 (Сенно) в Бешенковичах и О.К. II/650 (Толочин) в Круглом [12, Bl. 59].

Помимо упомянутых войсковых местных комендатур выявлены штадткомендатуры в районе дислокации 286-й ОД, которые на картах обозначены буквами St. kdtr внутри прямоугольного флажка. По состоянию на 29.01.1942 штадткомендатуры находились в населенных пунктах Быхов, Высокое, Погост, Коханово, Круглое, Словени, Холопеничи, Лошница, Шклов, Бельиничи, Червень, Журавичи, Славное, Пропойск, Дубровна, Дрибин, Чаусы, Рясна [9, р. 78].

Итого выявлено 5 филиалов местных комендатур, 8 войсковых местных (гарнизонных) и 18 штадткомендатур. Отсутствие номеров затрудняет процесс отслеживания их перемещения (или реорганизации). Например, в марте 1942 г. в Журавичах вместо штадткомендатуры появляется О.К. 552, а в марте 1943 г. в Холопеничах мы видим О.К. 532 [9, Bl. 212; 12, Bl. 63].

На момент написания статьи мной не выявлены документы, касающиеся дислокации комендатур в тыловом районе во второй половине 1943–1944 гг. Таким образом, представляется преждевременным утверждать, что вопрос установления их количества закрыт.

Вместе с тем, с учетом вновь выявленных данных, правомерно говорить о 21 полевой и 59 местных комендатурах (+5 филиалов), действовавших на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг. Комендатуры, не имеющие номеров, в это число не вошли. Напомним, что О. В. Романьков приводил цифры: 18 и 48 органов соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т. 1. – 591 с., ил. 54 л. ил., 5 карт.
2. Жуков, Д. А. Цербер армейского тыла. Генерал Макс фон Шенкендорф и журнал боевых действий его штаба / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун, С. В. Кулинок. – М. : Вече, 2022. – 480 с. – (Третий рейх. Суд истории).

3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с. : илл.

4. Национальное управление архивов и документации США (NARA). – T-315. R. 1583.

5. *Романько, О. В.* Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. / О. В. Романько. – М. : Центрполиграф, 2013. – 479 с. – (На линии фронта. Правда о войне).

6. *Козак, К. И.* Германская оккупационная администрация в Гомеле 1941 – 1943 гг.: типологизация, структура, формы / К.И. Козак // Страницы военной истории Гомельщины: материалы науч.-практ. конф. Гомель, 2008. – С. 143–160.

7. *Надтачаев, В. Н.* Карательные операции полевых комендатур в тыловом районе группы армий «Центр» (1941–1944): новые факты / В. Н. Надтачаев // Вестн. Полоц. гос. ун-та – 2024. – №3 (71). – С. 81–84.

8. Центральный архив МО РФ. – Ф. 500. Оп. 12477. Д. 997.

9. Федеральный архив Германии (BArch.) – RH 26-286/7.

10. NARA. – T-315. R. 1585.

11. NARA. – T-315. R. 2206.

12. BArch. – RH 26-286/9.

13. BArch. – RH 26-221/38.

С. А. Ситкевич, В. В. Кравчук

СОЖЖЕННЫЕ ДЕРЕВНИ НА ТЕРРИТОРИИ КАМЕНЕЦКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1944 гг.)

Более 140 крупных карательных операций провели гитлеровцы в Беларуси за годы оккупации (1941–1944 гг.). За этот период случились огромные потери: были сожжены более 9 200 сел и деревень, 5 295 из них фашисты уничтожили вместе со всем населением или частью населения [1]. В результате нацистской политики геноцида и «выжженной земли» в Беларуси погибли более 3 млн человек, их уничтожили за три года оккупации.

По инициативе Генеральной прокуратуры и на основании сведений, полученных в ходе расследования уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, Национальное кадастровое агентство подготовило и опубликовало карту с пространственным слоем, содержащую информацию о местоположении сожженных населенных пунктов. К слову, на данной карте практически нет «живого места». На второй карте отмечен пространственный слой, содер-

жащий информацию о местоположении лагерей смерти, действовавших в период немецкой оккупации. И это еще не конец страшной страницы истории – список уничтоженных нацистами сельских населенных пунктов продолжает дополняться.

В ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, прокуратурой Каменецкого района установлено, что во время реализации фашистами на территории района планов рейхсфюрера СС Г. Гимmlера по созданию так называемой «Пуши Гимmlера», массовому уничтожению подверглись более 40 населенных пунктов, расположенных в границах национального парка «Беловежская пуца». Часть из них была восстановлена в послевоенное время, а некоторые полностью уничтожены и не возродились [2]. За несколько дней последней декады августа 1941 г. было уничтожено 26 пуцанских и припуцанских населенных пунктов Каменецкого района. В ходе расследования уголовного дела установлено, что в планы немецко-фашистских захватчиков входило уничтожение всех деревень в Беловежской пуце и на ее окраинах.

Барак – один из населенных пунктов на территории Беловежской пуши, уничтоженных фашистами в августе 1941 года. В октябре 2022 года прокуратурой Каменецкого района в ходе осмотра местности с участием военных органов пограничной службы установлено точное местонахождение данного уничтоженного населенного пункта. На лесной поляне были обнаружены фрагменты кирпичей, характерные для построек довоенного времени, плодовые деревья и куст сирени, которые остались единственным напоминанием о том, что в этом месте до прихода фашистских оккупантов жили люди [2].

Еще одна деревня на краю Беловежской пуши также стала символом трагедии в Каменецком районе. Деревня Лески – болезненное воспоминание для его жителей. Находится она на границе Каменецкого и Пружанского районов, в 20-ти километрах от агрогородка Пелище. Карательный отряд фашистов нагрянул в деревню 4 мая 1943 года. За связь с партизанами все 54 усадьбы были сожжены, а жители – 216 человек, в том числе 89 детей, – расстреляны. Немецко-фашистские захватчики в этот день не пощадили ни детей, ни стариков, а все дома деревни были преданы огню [3].

Нина Новик, жительница Каменца, поделилась страшными воспоминаниями и рассказала, что среди погибших оказалась ее родная тетя с двумя маленькими дочерьми. Стоит обратить внимание на воспоминания Александры Карповны Цыбуля. Она не была жительницей деревни Лески, но среди погибших там оказались семь ее родственников по материнской линии. Женщина рассказала следующее: «3 мая 1943 года многие лесковчане сажали картофель в поле. Никто и не думал, что этот обычный день предпоследний в их жизни. Накануне кровавой операции в Каменецкую и Щерчевскую жандармерии вызвали солтысов всех деревень. Им была поставлена задача подготовить повозки, организовать мужчин с лопатами. О цели такой подго-

товки никто не знал. Жителям деревни приказали не выпускать животных, а самим сельчанам сидеть по домам. По улице проходили немцы с автоматами и вывозили награбленное добро селян. Чуть позже подъехал карательный батальон. Тут же был дан приказ всем выйти из своих домов. После построения женщинам с детьми сказали идти в сарай, а мужчинам – в пустое здание начальной школы. В другом конце Лесок уже была выкопана огромная яма» [4]. Александра Карповна отмечала, что выводили и расстреливали по 8–10 человек. С гордо поднятыми головами люди шли на смерть, никто не стал перед фашистами на колени. Только детки цеплялись ручонками за своих матерей. Рядом с детьми в яму падали пожилые, мужчины, женщины.

До следующего дня фашисты не покидали Лески, боясь, чтобы кто-нибудь не вышел из огня, не поднялся бы из ямы, чтоб раскрыть варварство, подлое лицо фашизма.

Деревня так и не смогла в полной мере возродиться. В 1960-м для увековечения памяти жертв нацизма на месте расстрела мирных жителей установили обелиск, а в 1985 году – новый памятник. Зголич, Козел, Петручик, Тарасевич, Жук – все эти фамилии принадлежат лишь маленькой части пострадавших тогда людей. Бетонная плита с изображением лиц стариков, женщин и детей – воспоминание той страшной майской трагедии. Сегодня в Лесках осталось всего 4 дома, в которые приезжают наследники коренных сельчан. Последняя местная жительница Александра Степановна Гарпинич, она же – единственная(!), кто выжил тогда, ушла из жизни в 2009 году... Говорят, что в живых малышку оставили потому, что за нее попросила родственница, которая сказала, что девочка из другой деревни.

Примечательна история о Рожковке – деревне на Каменетчине, где случилось чудо. История и правда захватывает дух. 28 сентября 1942 года всех взрослых жителей деревни фашисты согнали к выкопанной на краю деревни яме, а карательный отряд уже был готов начать расстрел. Умирать местным жителям, безусловно, не хотелось, и люди непрерывно молились, под прицелом автоматов. В прямом смысле слова помощь пришла – с неба. Недалеко от ямы неожиданно приземлился самолет и из него вышел немецкий майор. Он приказал подождать 2 часа, а если его не будет приказ можно смело выполнять. Прошло 45 минут, и он вернулся с приказом о помиловании [2]. На следующий год местные жители соорудили церковь в честь Казанской Божьей Матери. На первое богослужение приехал тот самый майор и привез с собой лик Девы Марии в голубом одеянии, поведав людям, что именно Она является их заступницей.

Сегодня точно известно, что в тот день случилось чудо: немецкому офицеру, летевшему в самолете над Рожковкой, явилась в небе Божья Матерь, попросив его остановить казнь и спасти невинных. И послушаться офицер не смог. Об этом месте знает каждый житель Каменетчины. Учащиеся одной из школ района в сентябре 2023 года побывали в исследовательской экспедиции «Почему не повторилась Хатынская трагедия в д. Рожковка в сентябре 1942 года?!». На месте, где случилось чудесное спасение, школь-

ников встретил настоятель Рожковского храма иереей Игорь Перковский. Он предоставил архивные фото, рапорт немецкого офицера Хербста, которому явился образ Богородицы с младенцем на руках, после чего офицер остановил казнь, и приказал помиловать невинных. Также Игорь Перковский рассказал, что каждый год в храме совершается Богослужение и крестный ход ко Христу, который находится на том месте, где чудом не остались лежать в могиле 263 человека.

Летом 2023 года Оливер Шнееман, заместитель председателя немецкой партии «Дойче Митте», приехал в Рожковку, чтобы принять участие в мероприятиях, приуроченных к годовщине начала Великой Отечественной войны. Но этот раз вместе с Оливером приехали 14 единомышленников, которым интересна Рожковка и, в целом, Беларусь.

Ранее в своем интервью Оливер Шнееман рассказывал о случае в Рожковке: «История о майоре Хербсте очень и очень интересна. Известно столько случаев смертей невинных белорусов по вине фашистов, а это единственный случай, когда немецкий офицер остановил бессмысленную казнь. Однако есть документы в архивах в Германии, где майор Хербст выглядит как отрицательный персонаж. Есть реальные доказательства, что образ офицера не так чист. Так как мнения не совпадают, то хочется докопаться до правды» [5].

Делегация посетила исторические места, чтобы понять и увидеть, сколько горя и бед приносит людям война и рассказать об этом другим.

Сейчас Оливер Шнееман вместе со своим единомышленником Дирком Польманном, немецким журналистом, публицистом, историком, режиссером-документалистом работает над созданием документального фильма-расследования о Рожковке. К сожалению, уже нет живых свидетелей, но сохранились воспоминания некоторых детей, чьи родители стояли в тот день у расстрельной ямы.

Проходят годы, и мы не должны забывать о событиях Великой Отечественной войны. Это была тяжелая и кровопролитная борьба за нашу жизнь и нашу нацию. Сегодня мы ходим по тем местам, где происходили сражения и где героически погибали наши предки. По последним данным в результате геноцида в Каменецком районе погибло более 6,5 тыс. человек, уничтожено свыше 70 населенных пунктов, 11 из которых так и не были восстановлены [3]. По решению Каменецкого райисполкома в 2022–2023 годах на всех воинских захоронениях района установили памятные таблички с QR-кодами, любой желающий сможет отсканировать код и прочитать актуальную информацию о том, что происходило в конкретном месте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геноцид белорусского народа = Genocide of the belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – С. 3.

2. Служба прокуратуры Брестской области: «Прокуратура Каменецкого района: обнаружен населенный пункт, уничтоженный фашистами в августе 1941 года на территории Беловежской пуши». – URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/zashchita-sotsialnykh-prav-grazhdan/v-inykh-sferakh/prokuratura-kamenets25/q> (дата обращения: 12.02.2024).

3. Трагедию деревни Лески 80-летней давности почтили в Каменецком районе. – URL: <https://brest-region.gov.by/ru/news-ru/view/tragediju-derevni-leski-80-letnej-davnosti-pochtili-v-kamenetskom-rajone-2000010326-2023> (дата обращения: 12.02.2024).

4. Сохраним историю : Братская могила жертв фашизма, д. Лески, Каменецкий район, Брестская область. – URL: <https://savehistory.by/karta/bratskaya-mogila-zhertv-fashizma-leski/> (дата обращения: 07.02.2024).

5. *Ковпанько, Н. А.* «Немец: “Мы хотим докопаться до истины и показать миру настоящее лицо немецкого офицера”». – URL: <https://www.kamenec.by/немец-мы-хотим-докопаться-до-истины-и/> (дата обращения: 12.02.2024).

Л. С. Скрыбина

ОЗАРИЧСКАЯ ТРАГЕДИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

К 79-й годовщине освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков в центральной библиотеке имени А. И. Герцена прошла презентация сборника документов «Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область» [1]. Материалы разделены на две части. Первая в хронологической последовательности рассказывает о преступлениях оккупантов, вторая – о расследовании злодеяний на основании показаний свидетелей. Для объективности составители включили данные и документы двух воевавших сторон – немецкой и советской.

Многочисленные оригинальные архивные документальные материалы, сконцентрированные в сборнике, а также другие источники дают возможность показать всю настоящую суть установленного «нового порядка» на захваченной территории Гомельщины.

Рамки статьи не позволяют проанализировать общую картину итогов господства оккупантов, поэтому сконцентрируем внимание на подлинных материалах, являющихся документальной основой для разоблачения бесprecedентных бесчеловечности и жестокости злодеяний нацистов и их пособников концлагеря «Озаричи».

Олицетворением скорби, страдания, боли и слез в свое время назвал Я. Колас концентрационный лагерь «Озаричи». Впервые мир услышал это название 14 февраля 1946 года, когда на Нюрнбергском процессе по-

мощник главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов представил суду документы, свидетельствующие о злодеяниях фашистов на белорусской земле. Один из них гласил: «19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае обороны немецкой армии три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков» [1, с. 104]. Другие документы доказывали преднамеренное использование нацистами бактериологического оружия: стариков, женщин и детей умышленно заражали сыпным тифом.

История этого лагеря смерти – одно из самых зверских преступлений фашистских захватчиков, совершенных в годы войны на белорусских землях. Чтобы сдержать наступление Красной армии военное фашистское командование приняло решение создать на переднем крае обороны живой заслон из гражданского населения – лагеря, которые стали бы прикрытием при их отступлении и надолго затормозили бы наступление советских войск. По приказу командующего 9-й немецкой армией генерала Харпе в начале марта 1944 года вблизи населенных пунктов Озаричи, Дерть и Подосинники Домановичского района Полесской области были созданы 3 концлагеря, получившие впоследствии общее название «Озаричские лагеря» или «Лагерь смерти Озаричи».

Как следует из военной сводки 9-й немецкой армии об отводе войск от 8 марта 1944 г. высшее командование планировало провести при отступлении особую операцию, которой был запланирован вывод нетрудоспособного населения из прифронтовой зоны в специальную зону. При этом «население должно остаться на той же территории, особенно больные тифом, которые до этого времени были размещены по деревням...» [1, с. 57–58]. Следует отметить, что все детали этой преступной акции изложены в отчете командования 9-й немецкой армии высшему командованию группы армий «Центр» о депортации населения в лагерь от 28 марта 1944 г. Анализ этого документа показывает, что для депортации гражданского населения в специально отведенную зону были созданы лагеря временного пребывания и лагеря постоянного пребывания. В целях совершенной секретности проводимой операции для ее подготовки привлекался ограниченный круг людей, а окончательная цель операции держалась в строжайшем секрете. В документе предписывалось осуществлять захват населения на рассвете. По приказу штабов корпусов захваченные граждане доставлялись в лагеря пребывания с предусмотренных погрузочных станций. Так, только из Жлобина, Красного Берега и Телуши 12.03.1944 было отправлено 4 поезда, 13.03.1944 – соответственно 4 поезда, а 14.03.1944 – 1 поезд. В один поезд помещалось в среднем 2 600 человек [1, с. 59].

Согласно отчету «транспортировка людей из лагерей промежуточного пребывания началась 13.03.1944. Ввиду того, что было недостаточно места для транспортировки людей, с 14.03.1944 большая часть гражданского населения стала направляться пешком в специально возведенные лагеря времен-

ного пребывания. 16.03.1944 в середине дня был завершён перевод людей в 3 лагерь окончательного пребывания. По донесениям штабов корпусов в целом было перевезено 32 663 человека. По данным службы безопасности в лагерь окончательного пребывания поступило 46 003 человека» [Там же, с. 59–60].

Фашисты сгоняли всё мирное население в пересылочные лагеря под видом эвакуации населения из прифронтовых районов. В городе Жлобин немецкая комендатура объявила по радио следующее воззвание к населению «Граждане города Жлобин, германское командование направляет вас в глубокий тыл, так как красноармейцы вас будут обстреливать из артиллерии и минометов. Желая спасти вас от большевистских зверств, мы эвакуируем вас в глубокий тыл...» [Там же, с. 81]. Затем отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей старше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию. Остальных нетрудоспособных взрослых и детей направляли в лагерь смерти у переднего края обороны.

За колючую проволоку были согнаны мирные жители Бобруйска, Мозыря, Жлобина, Рогачевского, Быховского, Паричского и других районов Полесской и Гомельской областей, большинства из близлежащих к Озаричам деревень и поселков, а также жителей из Смоленской, Орловской, Брянской областей, которых еще с 1943 г. фашисты гнали перед собой как живой щит.

Освобожденная из лагеря Л. Пякорская описывает долгий путь до лагеря: «12 марта 1944 г. под вечер нас, жителей г. Жлобина, заставили собираться в течение получаса на станции Жлобин-Южный. Здесь немцы отобрали молодых и повели их. Немцы загнали нас в теплушки и наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали. Но предчувствовали нехорошее. Как потом оказалось, нас везли по рудобельской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. С этого лагеря нас перегнали в другой. В дороге немцы били нас, оставших расстреливали. Вот идёт женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда мать и двое её детей оборачиваются, солдаты-звери по очереди стреляют в них. Мать поднимает истошный крик и этот крик обрывается выстрелом в упор» [Там же, с. 81, 104].

О жутких событиях тех дней свидетельствует Е. Маз: «12 марта 1944 года на рассвете нас, жителей города Жлобин, немцы согнали за линию железной дороги, к зданию школы. Здесь они отобрали всех трудоспособных, а оставшихся стариков, детей и женщин погрузили в эшелон по 60–70 человек в холодные, не отапливаемые вагоны. В исключительно тяжелых антисанитарных условиях, в холоде и грязи нас довезли до станции Рабкор и погнали в лагерь, расположенный в 3 километрах от станции. От холода и голода много детей замерзло и умерло в вагонах, много погибло стариков, женщин и детей по дороге в лагерь» [1, с. 81].

Особых различий в обустройстве трех лагерей смерти не было. Каждый из них представлял собой расположенную в болотистой местности открытую площадку, обнесенную колючей проволокой. Никаких построек, даже лег-

кого типа, кроме установленных по периметру наблюдательных вышек не было. Подходы к ним были заминированы. Узники находились под открытым небом, размещались прямо на земле. Между тем, как следует из выступления Л. Н. Смирнова, «за время пребывания в этих лагерях в Беларуси были очень большие морозы» [1, с. 104]. В акте обследования комиссией представителей воинской части и Крюковичского сельсовета Домановичского района лагеря у д. Озаричи от 19 марта 1944 г. отмечается: «в ночь на 15 марта наступило резкое похолодание, и выпал глубокий снег. Многие, не имея сил согреться путем движений, остались неподвижными и замерзли. В особенности замерзли дети, оставшиеся без родителей и больные. Замерзли Валя Гарбарь полутора лет, Старовойтова Анна, жительница Хомичского сельсовета Домановичского района, Гарбарь Анна с трехлетним мальчиком Брониславом... и другие» [Там же, с. 67].

Охрана лагеря запрещала даже днем разжигать костры, собирать хворост для подстилки. «На моих глазах, – вспоминает житель совхоза «Авангард» М. П. Буслов, – была убита в лагере немцами гражданка Крек из деревни Михайловская – мать троих детей, за то, что вышла на несколько шагов за колючую проволоку, чтобы собрать сучья для костра» [Там же, с. 81–82]. Постоянный холод и отсутствие еды стали одним из главных испытаний для заключенных. На территории лагерей не было отхожих мест. Все нечистоты при оттепели стекали в болотистые части лагерей, откуда узники вынуждены были черпать воду, чтобы промочить горло, размешать мучную похлебку для детей. Голод и холод убивал их.

О нечеловеческих условиях существования узников Озаричских лагерей свидетельствуют следующие документы: акт военно-медицинской комиссии представителей 354-й Калинковичской стрелковой дивизии и гражданского населения о преступлениях вермахта, совершенных в Озаричских лагерях от 18 марта 1944 г.; акт обследования комиссией воинской части 30 637 гражданского лагеря у поселка Дерьт от 18 марта 1944 г.; акт военно-медицинской комиссии о санитарном состоянии лагерей у деревни Озаричи и поселка Дерьт от 18 марта 1944 г.; акт обследования комиссии представителей воинской части и Крюковичского сельсовета Домановичского района лагеря у деревни Озаричи от 19 марта 1944 г. [Там же, с. 62–67]. Приведем только некоторые выводы, указанные в этих документах: «Люди, находившиеся [там], где нельзя вырыть землянки, лишённые всякого продовольствия, были обречены на постепенное вымирание. Лагерь находился под усиленной немецкой охраной, при малейшей попытке к бегству люди расстреливались или избивались до полусмерти. В зимних условиях, в пургу и в дождь, женщины, старики и дети находились под открытым небом. Гитлеровцы даже запретили разводить костры. В лагерях имелось много фактов эпидемических заболеваний и обморожений. Больным никакой помощи не оказывалось. Истощённые голодом, продрогшие от холода, промокшие в болотах, люди ежедневно умирали... В лагере № 1 ежедневно умирало до 60 человек, в лагере № 2 до 100 человек» [Там же, с. 63].

Более того, фашисты решили испытать в Озаричах свои последние разработки бактериологического оружия. Они пошли на невиданное в истории войн злодеяние: здоровых узников немецкие врачи заражали сыпным тифом. Для усиления эффекта немцы свозили больных тифом в лагеря из окрестных больниц и деревень. В условиях большого скопления больных людей сотни узников заболевали за очень короткий период. Цель этой преступной акции была предельно проста – вызвать эпидемию практически не изученной в то время болезни среди бойцов и командиров наступающих частей, уничтожить как можно больше мирных советских людей, оставить больных тифом на территориях, освобождаемых Красной армией. Впервые в годы Второй мировой войны жертв использовали в качестве биологического оружия.

Подтверждением тому является многочисленные показания советских граждан, которые были принудительно отправлены немецкими властями в концентрационные лагеря. Так, Г. С. Широков, житель города Жлобин, показал: «12 марта из Жлобинской больницы вывезли 200 человек, больных сыпным тифом. Все больные были посланы в лагерь» [Там же, с. 83].

А вот что сообщила жительница местечка Новогрудок З. П. Гаврильчик: «В течение 3 суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые заключённые в лагере заболели. В ночь с 15 по 16 марта умерло от сыпного тифа очень много заключённых» [Там же, с. 82].

Ярким свидетельством ужасов, которые пережили узники Озаричских лагерей, являются воспоминания Юлии Барабановой, которая на всю жизнь запомнила страшные дни, проведенные там вместе с четырехлетним сыном. «... немцы привезли сыпнотифозных 6 машин, которых было более 100 человек. Многие из них находились в бессознательном состоянии, оставались лежать на снегу, и утром следующего дня я видела, что человек 50–55 уже были мёртвыми, а остальные расплзлись по лагерю и умирали. Многие были раздеты и разуты... С этими сыпнотифозными были привезены 3 девочки в возрасте 3–5 лет и тоже раздетыми были выброшены на снег. Они часа через 4–5 умерли, вернее замерзли... Сыпнотифозными наводнили весь лагерь, они лежали всюду, и многие умирали. Немцы заставляли закапывать их. В ямы складывали по 5–10–13 трупов. За 3 дня только поблизости от того места, где я находилась, умерло 200–250 человек, а всего трупов я видела более 300. По всему лагерю за 3 дня моего пребывания в нём умерло не менее 500 человек» [Там же, с. 75–76].

Люди умирали целыми семьями и по одному. В первые дни пребывания в «месте смерти» рабочая группа под надзором охранников еще вывозила с территории лагеря трупы. Затем немцы под угрозой расстрела заставляли узников собирать тела умерших и бросать их в специально выкопанные траншеи. Позднее мерзлые тела умерших женщин, стариков и детей никто не убирал, их просто складывали в штабеля в промежутках, где размещались

трупы людей. Средняя продолжительность жизни людей в лагере составляла трое суток. Выжили в основном те, кто пробыл за колючей проволокой лишь несколько дней.

В ночь с 18 на 19 марта советские войска освободили узников. Остались в живых 33 296 человек: из них – 15 990 детей в возрасте до 13 лет, 12 659 женщины и 4 647 мужчин [1, с. 65]. По приказу командующего I Белорусским фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского для спасения узников было развернуто 25 военно-полевых госпиталей. Тысячи человек были спасены от неминуемой гибели.

В материалах Международного военного трибунала (Нюрнбергского процесса) суд народов признал лагерь в районе Озаричи Полесской области специальными концентрационными лагерями на переднем крае обороны. В выступлении Л. Н. Смирнова, помощника Главного обвинителя от СССР прозвучало: «В этих лагерях не было крематориев и газовых камер, но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществлении плана истребления народов» [Там же, с. 104].

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область : сб. архивных документов и материалов. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

В. Ф. Сосонкина

ЛАГЕРЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг.: СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ МЕДИКОВ

После выхода Закона Республики Беларусь от 05.01.2022 № 146-З «О геноциде белорусского народа» в обществе наблюдается повышенный интерес к деятельности лагерей для советских военнопленных на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (ВОВ).

Для содержания солдат и офицеров Красной армии, оказавшихся в плену, предназначались специальные учреждения – дулаги – пересыльные лагерь, шталаги – лагеря для рядовых и сержантов, офлаги – лагеря для офицеров; и сеть армейских сборно-пересыльных пунктов, принимавших пленных непосредственно от воинских частей [1, с. 5].

В Беларуси за годы оккупации в разное время функционировали 12 армейских сборно-пересыльных пунктов, 23 дулага, 16 шталагов, 2 офлага, 121 лагерь с неустановленными классификационными признаками, 86 вспомогательных лагерей Главной железнодорожной дирекции «Центр» [Там же, с. 6].

Имена всех прошедших через лагеря военнопленных и умерших до сих пор не известны.

Целью исследования является поиск сведений о советских военнопленных медицинских и фармацевтических работников, установление их дальнейшей судьбы.

В качестве источников использовались архивные документы, другая литература, в том числе интернет-ресурсы.

В управлении лагерей создавались отделы, в том числе санитарный (контролировал деятельность лазаретов и следил за предотвращением эпидемий) [1, с. 17].

В ноябре 1941 г. число попавших в плен красноармейцев составило почти до 4 млн человек [Там же, с. 97].

Основная масса военнопленных умерла в период осени – зимы 1941/42 г. Главные причины смерти – голод, холод, отсутствие медикаментов, инфекционные заболевания (дизентерия, тиф) [Там же, с. 22].

В Бресте первый лагерь появился 10.07.1941 г. на территории Южного военного городка. В этот день сюда из фронтшталага 307 (г. Бяла-Подляска) была переведена группа больных и раненых военнопленных (около 100 чел.), а также содержащиеся в этом же лагере советские военнопленные медики.

Главным врачом лагеря стал С. В. Козловский (вскоре умер от сыпного тифа), затем на эту должность был назначен военврач 3-го ранга Ю. В. Петров (старший ординатор корпусного госпиталя 28 СК). В лагере оказались врачи – Б. А. Маслов (начальник Брестского военного госпиталя), В. Т. Объедков, Х. Я. Симин (начальник зубоучастка кабинета Брестского военного госпиталя, умер в плену, по другим данным пропавший без вести), В. С. Цирульников (начальник терапевтического отделения этого же госпиталя), В. В. Щеглов (начальник санчасти 455 СП), Н. Кокорев, Прокопенко (умер от сыпного тифа), Н. И. Воронович, Максимова, В. А. Лекомцев, И. К. Маховенко, В. И. Медведев, Тимофеева, Ф. П. Косенков, Вахрушев, Нигай, Ушаков, Сергеев, В. Занин, А. А. Четверухина-Кокорева, Ермолаев; фельдшеры – А. Куренов, Терехов, Н. А. Шумская, А. Пилипенко; медсестры – А. Каменева, М. Приходько, А. А. Львова-Слукина.

Одних только врачей было около 30.

Ревир (лазарет) в Южном военном городке Бреста действовал по май 1942 г. В госпиталь поступали раненые из Белостока, Бея-Поляски, Ружан, Кобрин и других населенных пунктов. Через лазарет прошли около 16 тыс. раненых военнопленных, 6 тыс. из них были похоронены в Южном городке [2].

Большинство указанных выше медицинских работников совершили побег и продолжили борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в партизанских формированиях.

После войны трагически сложилась судьба Б. А. Маслова (1904–1952). С 3.06.1943 г. он служил в партизанском отряде им. Б. Хмельницкого соединения N 28 Ровенской области, после соединения отряда с частями Красной

армии (с февраля 1944 г.) возглавлял полевой госпиталь 1-го Украинского фронта. Потом работал в г. Станислав (ныне Ивано-Франковск) начальником военного госпиталя и в 1948 г. был демобилизован из армии по болезни. Арестован в июле 1948 г, в октябре 1948 г. приговором Военного трибунала осужден на 20 лет лишения свободы, с конфискацией имущества, лишением воинского звания и боевых наград. Умер в лагере № 1 Черногорскстроя МВД СССР Красноярского края 07.03.1952 г. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР 16.04.1964 г. приговор Военного трибунала был отменен. Реабилитирован посмертно [3].

Много военнопленных было и в Барановичской области. Пока установлены сведения только о шести военнопленных медиков шталага № 337, станция Лесная (Барановичский район), действовал с 09.1941 г. по 19.04.1944 г. Имел отделения в центральной тюрьме г. Барановичи и в г. Слуцке, содержалось более 55 тыс. человек, в г. Барановичи – до 20 тыс. военнопленных [1, с. 154].

В первые месяцы войны раненые советские военнопленные находились в городской больнице г. Барановичи. За период с 29 июня по 24 июля 1941 г. прошли 380 человек [4].

В лагере на станции Лесная работал врачом С. С. Скрипчук (1942–04.1944). Из протокола допроса (24.03.1948 г.) С. С. Скрипчука: ... *Для больных никакого перевязочного материала и медикаментов не отпускалось. Бараки кишели паразитами, в них было грязно, а зимой было холодно, как на улице, периодически находившимся варилося мясо из полуразложившихся павших трупов животных. Это по существу был сознательно подготовленный яд, так как сразу после принятия такой пищи, приготовленного из такого мяса, у заключенных вызывалась страшная болезнь наподобие холеры, от которой умирали сотни людей. Для изучения этой болезни в 1942 г. из Германии специально в лагерь приезжали немецкие врачи...* [1, с. 156].

Есть предположение, что врач Я. Т. Щур тоже был в этом лагере (до войны служил в 56-м артиллерийском полку на станции Лесная) [5], а с 10.1942 г. по 10.08.1944 г. воевал в отряде им. Я. М. Свердлова партизанской бригады им. Ф. Э. Дзержинского Барановичской области [6].

Около двух лет провел в барановичской тюрьме плененный в июне 1941 г. фельдшер П. А. Смирнов, выполнял обязанности врача. За период своего заключения только от инфекционных болезней здесь умерли 17 тыс. военнопленных. Он был связным с разведкой бригады им. Г. К. Жукова Барановичской области, с 03.1943 г. передавал туда разведданные, лекарственные препараты (ЛП) и перевязочный материал [7].

Здесь же находилась медсестра Л. И. Журавель-Чекулаева, работала медсестрой в лазарете до осени 1943 г. [8].

Через шталаг № 337 и его филиал прошла фельдшер Л. П. Серенькая с 20.07.1942 г. по 14.10.1943 г. [9].

Они совершили побег и воевали в партизанских отрядах Барановичской области.

Благодаря историку, доктору М. Конрой (США) стало известна трагическая судьба еще одного врача – Владимира Москалева (уроженца г. Витебска), бывшего военнопленного шталага № 337. Его сын издал книгу, в которой отражено пребывание и внутреннее состояние отца в лагере г. Барановичи в годы ВОВ.

В. Москалев окончил Витебский медицинский институт до войны и работал отоларингологом. В июне 1941 г. призван в ряды Красной армии в звании капитана медицинской службы.

Вскоре попал в плен со многими другими бойцами и находился в городской тюрьме г. Барановичи более года. За этот период его ни разу не вызывали на допрос.

В октябре 1942 г. его забрали из казармы два охранника и привели в здание штаб-квартиры. Увидев в комнате трех немецких офицеров, зубы врача сжались от беспокойства, руки и ноги дрожали, сердце бешено колотилось. Мысли в голове были разные, главная из них – попросить лекарства, которых не было в казармах. Он только открыл рот, чтобы попросить лекарства для пленных, но услышал вопросы: где он получил высшее медицинское образование, по какой конкретной специальности. Потом врача вывели из комнаты в коридор, где он услышал дискуссии офицеров. Владимир понял, что он им почему-то нужен в качестве врача «ухо-горло-нос». Его снова пригласили в комнату, один из офицеров сказал, что офицер Третьего рейха, герой нуждается в срочной операции. Для доставки квалифицированного врача из г. Минска понадобится несколько дней, поэтому надо немедленно провести операцию. При этом сказал: «...Это приказ. Знайте, это будет Ваша жизнь или его. Если он умрет, умрете и Вы!...». Владимир поинтересовался, как долго болеет и как проявляются признаки его болезни. Врача сначала отвели в душевую, потом к больному офицеру, постоянно напоминая «Ты должен сделать так, чтобы ему стало лучше или будем иметь удовольствие пристрелить тебя!». Врач подумал, что у немецких офицеров, должно быть, засела в голове мысль, что вражеский доктор работает на них, но они в отчаянии. Владимир теперь сам подумал: насколько офицер болен, чтобы он мог его спасти? Его отвели в одну из кабин душевой для немецких солдат, велели раздеться и сесть на табуретку. Охранник взял большой металлический газовый баллончик из кладовки и поставил под одну из насадок для душа. Владимир обрадовался, наконец-то он избавится от своих вшей. Затем охранник вылил на его голову керосин, который обжигал кожу головы, но врач энергично растирал волосы. Хотел с закрытыми глазами под краном обдать волосы теплой водой, но под крики охранника получил от него кусок мыла. Он принимал душ впервые с момента своего задержания. Ему дали чистую советскую форму, немецкие нижнее белье и носки. Душ для Владимира стал вторым рождением! Охранники отвели его обратно по коридору, примыкающему к комнате, где он ранее встречался с офицерами.

По пути в немецкий лазарет, врач подумал: «Кто знает, даже если я спасу их друга, они все равно могут казнить меня». Но выбора не было, он следовал за двумя офицерами, а двое охранников сопровождали его. Больной

офицер лежал в отдельной палате лазарета, был белый как полотно и весь в поту. Он был в полусознательном состоянии. С помощью переводчика Владимир стал задавать вопросы немецкой медсестре о наличии необходимых медицинских инструментов для проведения операции. Врач осмотрел больного офицера с помощью инструментов и увидел гной за барабанной перепонкой в части среднего уха, полость была заполнена гноем. Зрачок был расширен, что указывало на чрезмерное давление на зрительный нерв из-за инфекции.

Офицеры по-прежнему думали, как поступить. Они впервые спросили его мнения, как у врача. Он ответил, что у больного чрезвычайно высокое внутричерепное давление. Любая задержка на данном этапе нецелесообразна. Возможно, уже есть проникновение инфекции в мозг, которая продолжает распространяться. Поскольку область воспаляется, ткани в этой области начинают отмирать, и он может умереть. Услышав совет врача, они дали согласие на операцию, напоминая об угрозе в случае его смерти.

Хирургический кабинет располагался здесь же, в лазарете, им не пользовались, он находился в антисанитарном состоянии (стены, потолок, пол были покрыты слоем пыли, на хирургическом столе громоздились коробки с инструментами, лампочка над столом погасла). Пока проводили уборку кабинета, Владимир осмотрел имеющиеся инструменты для операции. Они тоже были грязными, на многих была даже ржавчина. Он назвал медсестре через переводчика нужные ему инструменты, лекарственные средства – сульфаниламид (порошок и таблетки) и эфир (при отсутствии последнего потребуется немного водки или коньяка). Также попросил принести спирт, мыло, тряпки и воду для освобождения инструментов от ржавчины. Но даже и после очистки пятна ржавчины все равно остались, пришлось соскребать их с помощью ножа. Переводчик стоял рядом с Владимиром, наблюдая за каждым его движением. Медсестра прокипятила инструменты не менее 5 минут по просьбе врача, с разрешения офицеров дали выпить больному спирт для облегчения боли, поскольку не было эфира.

Даже перед операцией врач не мог забыть, что находится в волчьем логове, и на карту поставлена его жизнь. Владимир и до войны оперировал абсцессы головного мозга, но теперь эта сложнейшая операция проводилась в совершенно других условиях. Лица охранников и угрожающее присутствие нацистских офицеров перестали существовать, а главное, исчез страх за свою жизнь. Борьба с болезнью и временем теперь была исключительно между пациентом и врачом. Владимир успешно провел операцию.

Немецкое командование в знак благодарности за спасенного офицера освободило врача Москалева из плена и разрешило ему заниматься частной врачебной практикой в г. Слониме. Вскоре к нему приехала молодая супруга из г. Витебска. В г. Слониме в 1944 г. родился Виктор – автор книги. Врач Москалев прекрасно понимал, что ждет его семья после окончания войны. Поэтому семья вначале уехала в Германию, а позже – в США. Там он работал психологом, умер в 1983 г. [10].

Уже в начале июля 1941 г. действовали три лагеря в г. Лиде. Например, в дулаге № 130 содержались более 2 600 военнопленных и был только один молодой ассистент врача [1, с. 33]. В дулаге № 155 находилось почти такое же количество военнопленных, из них 300 раненых лежали в лазарете. В лазарете работали 4 русских врача, 5 врачей евреев, приглашенных из города и 7 санитаров [Там же, с. 37–38]. Есть предположение, что среди врачей из г. Лида были А. М. Альперт и А. Г. Вольф [11].

Известно, что в лагерях г. Лида находились: военный фельдшер В. А. Дударев [12, л. 41], медсестры – А. С. Терещенко [13], С. В. Денисова, В. А. Епашникова, З. И. Тукай [14].

Возможно, что через другие лагеря нынешней Брестской и Гродненской областей прошли военнопленные врачи В. С. Трусевич [15] и А. Т. Сазонов [12, л. 28], фельдшеры Н. В. Канашиков, Е. П. Рыбаков, Черепенников [11], И. И. Воловиков [15].

Все они впоследствии прибыли в партизанские отряды Барановичского соединения, о чем свидетельствуют документы, размещенные на сайте «Партизаны Беларуси».

Одним из длительно существовавших лагерей (с 07.1941 г. по 07.1944 г.) является шталаг № 352. Через него прошли около 80 тыс. военнопленных, были уничтожены более 33 тыс. человек. Шталаг имел 23 филиала в г. Минске (авиазавод, аэродром и др.) и более 90 отделений на белорусских станциях в распоряжении Главной железнодорожной дирекции «Центр». Шталаг № 342 состоял из двух частей: «Лесного лагеря» около д. Масюковщина и «Городского лагеря», размещавшегося в бывших «Пушкинских казармах» (сейчас ул. Коласа). Огромное количество военнопленных нуждалось в оказании медицинской помощи. В каждом лагере был лазарет. Например, лазарет «Городского лагеря» размещался в 2-х–3-хэтажных казармах, в одном – терапевтическое отделение, в другом – хирургическое [16].

По результатам исследования установлено, что на 01.07.1942 г. общая численность работников лазарета «Городского лагеря» (главный врач И. Д. Тарасевич) составляла не менее 234 человек, 94 из них – санитары, 54 – фельдшеры, 51 – врачи, 34 – медицинские сестры и один провизор. В списке указаны фамилии всех военнопленных.

В структуру лазарета входило 8 отделений, анатомо-патологический кабинет, две амбулатории, санитарная группа, кухня, канцелярия и аптека.

Штат аптеки составлял три человека: провизор И. Я. Пересниченко, военный фельдшер Н. И. Оленичук и фасовщица О. Ларионова (специальность – педагог) [17].

Провизор И. Я. Пересниченко и О. Ларионова умерли летом 1944 г. [18]. Еще 18.03.1942 г. от сыпного тифа умер фельдшер А. Б. Жигалов.

В сентябре 1942 г. лазарет «Городского лагеря» вместе с медперсоналом и больными переместился в лазарет «Лесного лагеря».

Одной из причин такого перемещения явилось раскрытие подготовки массового восстания в декабре 1942 г. – начале января 1943 г., в котором участвовал медицинский персонал лазарета «Городской лагерь». В лагере

действовала подпольная группа, в состав которой входили старший врач Корнеев (или Корнейчук), его жена (медработник), фельдшер Василий Вазиров и др., которые были расстреляны на территории шталага [16].

В ходе исследования материалов, размещенных на сайте «Партизаны Беларуси», установлено, что некоторым медицинским работникам шталага удалось бежать в партизанские отряды и оказывать медицинскую помощь бойцам. Среди них врачи – Д. А. Ануфриев, Ф. А. Поршневу, С. Т. Максимшин, С. Я. Мосин (погиб 14.03.1944 г.); фельдшеры – А. М. Винник, П. С. Долгих и И. П. Короткевич; медсестра А. М. Соколова.

В связи с острым недостатком врачей для работы в гражданских учреждениях здравоохранения практиковалось освобождение из плена военнопленных врачей с согласия вышестоящего германского руководства. Безусловно, при условии наблюдения за ними со стороны полиции. В числе освобожденных лиц была врач София Греч-Татур, которая работала в лазарете шталага № 342 с 05.10 1941 г. по 05.10.1942 г., потом была направлена на работу в Несвижский район. До войны трудилась в женской консультации им. Профессора Остроумова в г. Москве врачом акушером-гинекологом. В освобождении из плена, возможно, сыграл факт ареста и высылки в концлагерь Соловки ее мужа, профессора филологии по искусству архитектуры А. Г. Греч [19].

Также были освобождены врачи для работы в городской больнице г. Минска – Н. А. Лосев и Б. А. Гузаревич. Последний был постоянно под влиянием катастрофических переживаний первых недель ВОВ, имел связь с партизанами, в 1943 г. арестован гестапо, умер добровольно, приняв яд во избежание мучений и пыток [20].

Судьба большинства медиков этого шталага до сих пор неизвестна, в том числе главного врача лазарета Д. И. Тарасевича.

Были медики и в других лагерях на территории нынешней Минской области. Например, фельдшеру В. Х. Коровянскому 09.11.1942 г. удалось убежать из лагеря в Столбцах [21], а врачу Н. К. Иванову – из лагеря в Дзержинске [22]. Оба ушли в отряд им. А. В. Суворова бригады им. И. В. Сталина Барановичской области.

Узники шталага № 342 в г. Молодечно, медсестры М. Д. Бандревкова, А. М. Кажекима и Н. И. Тороповская, были освобождены и направлены на работу в молодечненскую больницу. Они проработали там около 5 месяцев и 8 мая 1943 г. не вышли на работу [23], последняя ушла в партизаны [24], судьба двух остальных неизвестна.

Выявлены не менее важные сведения о медиках-узниках в двух крупных лагерях Могилёвской области.

В г. Могилёве в районе аэродрома Луполова располагалось несколько лагерей: сначала дулаг № 185, потом шталаг № 341 (до осени 1943 г.), а позже – дулаг № 203.

Шталаг № 341 занимал территорию длиной 1 квадратный км, где с начала войны содержалось до 70 тыс. военнопленных. Они находились в деревянных бараках, было еще пять 4-хэтажных кирпичных зданий, в одном из

них находились лазарет и амбулатория. Штат медперсонала лагеря: главный врач (К. Дицман, 17.01.1942 по 08.03.1942 г.), 60–80 русских врачей, фельдшеров и санитаров – 500 человек [1, с. 282]. Лагерь был разделен на 3 зоны: для украинцев, белорусов и русских. В них была большая скученность, из-за чего возникали эпидемии сыпного тифа. Здания зимой не отапливались. За январь – февраль 1942 г. умерли 6 тыс. человек. Никакой медицинской помощи не оказывалось [Там же, с. 252]. Узники ели траву под ногами, даже уголь [1, с. 290]. Вследствие жестокого, нечеловеческого обращения фашистов к началу 1942 г. погибли до 40 тыс. военнопленных [Там же, с. 142].

Среди военнопленных был врач А. Е. Бургарт, он совершил побег, работал в городской амбулатории г. Могилёва (03.–12.1942 г.), был арестован и направлен на работу в немецкий военный госпиталь г. Могилёва (12.1942 г.–09.1943 г.). Врач поддерживал связь с партизанами Могилёвской области и через связную передавал лекарственные препараты и перевязочные материалы. При эвакуации госпиталя в г. Минск ушел в партизаны [25].

Из протокола допроса (18.09.1948 г.) бывшего военнопленного фармацевта Р. К. Каримова о пребывании в шталаге № 341 в г. Могилёве: *...Я был призван в Красную Армию 19.07.1941 г. и принимал участие в боях под г. Новгородом и был пленен 21.10.1941 г. в составе группы 13 человек. Нас сначала пригнали в г. Рославль, затем в г. Кричев, где пробыли 2 дня и были отправлены в лагерь военнопленных в Могилеве, что находился на аэродроме Луполово. В лагерь прибыл 10.11.1941 г. и находился в нем по 21.04.1943 г. и 21.04.1943 я с группой военнопленных был выведен одной учительницей из лагеря. Содержалось в лагере очень большое количество в/пленных. Кормили очень плохо, в сутки на одного человека давали 200 г хлеба с соломой и гнилой картофель. Медицинской помощи со стороны немецких врачей совершенно не оказывалось. Люди тощали, болели тифом, так как профилактических мероприятий не проводилось, и поэтому в лагере ежедневно умирали сотни людей. Их вывозили на тачках и зарывали в 300 м за лагерем. Немцы вывозили ежедневно 150–200 трупов, и среди трупов были случаи, когда немцы и медицинский персонал немецкий вместе с трупами вывозили и закапывали полуживых людей. Однажды я шел мимо трупов и увидел, как среди этих трупов, что подготовили к закрытию в яму, шевелился военнопленный. Я побежал к русскому врачу (фамилия его Попов) и сказал об этом. Мы взяли его, делали ему искусственное дыхание, после спасли ему жизнь. Немецкие врачи мер никаких не принимали и даже медикаментов не давали. Мы, врачи и медработники, оказывали помощь, т. е. вся помощь состояла в самообслуживании, и какую мы помощь оказывали, так и немецкие врачи об этом не знали [26].*

Р. К. Каримов (1907–1983), выпускник фармотделения Ташкентского техникума (1930). До ВОВ руководил аптеками и аптечным складом в Хорезмской области (1930–07.1941). После мобилизации в ряды Красной армии был начальником аптеки 1079 стрелкового полка (16.07.1941–21.10.1941). Находясь в шталаге, работал в лазарете. Установил связь с группой медрес-

ботников во главе с врачом Терлецким, с которым ушел в партизанский отряд Османа Касаева. После войны заведовал аптекой в Бельничках (13.08.1944–1960). Имеет боевые награды [27].

Оказался в плену в г. Могилёве врач А. Ф. Николаев, совершил побег из плена 15.08.1941 г. В октябре 1941 г. стал главным врачом больницы м. Городок Радошковичского района Вилейской области, а в ноябре 1942 г. – начальником санслужбы бригады им В. П. Чкалова Барановичского соединения. На заседании бюро Воложинского райкома партии 05.07.1943 г. А. Ф. Николаеву предъявлены обвинения в причастности к гибели двух советских летчиков в декабре 1941 г., в отказе оказания медицинской помощи советским военнопленным в больнице, за сотрудничество с немецкими органами, а в качестве начальника санслужбы – за неправильные методы лечения бойцов в госпитале бригады, грубое обращение с больными и медицинским персоналом. При наступлении карательной экспедиции на Налибокскую пушу, располагая достаточными материалами, изобличающими его в государственной измене, А. Ф. Николаев был расстрелян 31.07.1943 г. [28].

После оккупации г. Бобруйска в числе первых появился пересылочный лагерь – дулаг № 131, где на 18.08.1941 г. было 18 тыс. военнопленных. В конце августа был подготовлен еще один дулаг № 314 на 40 тыс. человек. В середине сентября 1941 г. в двух шталагах уже было более 30 тыс. военнопленных. В конце сентября дулаг № 314 был ликвидирован, и дулаг № 131 имел теперь два отделения: первое располагалось на станции Березина, а второе – в Бобруйской крепости. В каждом отделении были лазареты: на 3–7 кроватей в Березино (размещалось 30 человек) и чуть больше – в крепости (находилось 90 больных) [1, с. 219]. К 11.1941 г. в дулаге скопилось 60 тыс. военнопленных, т. к. не было эшелонов для их отправки в другие лагеря [1, с. 200]. Среди военнопленных находились много русских врачей, фельдшеров, медсестер [1, с. 88].

С 8.11.1941 на 9.11.1941 г. прошло массовое убийство пленных в крепости. Сожжение до 22 тыс. военнопленных было приурочено к Октябрьским праздникам 1941 г. [Там же, с. 166].

До этой трагедии более 200 узникам удалось покинуть крепость благодаря бобруйским подпольщикам и партизанам, среди них был военнопленный фельдшер В. Фестов [29].

В гражданских учреждениях здравоохранения Бобруйска тоже работали освобожденные из лагеря беспартийные и квалифицированные специалисты. В частности, в городской больнице главным врачом в октябре 1941 г. стал В. И. Тычина [30, л. 113], причем он был возвращен из лагеря в Могилёве [31, л. 50].

В городскую аптеку в октябре 1941 г. были направлены фармацевты из отделения № 1 лазарета П. И. Шеин и Е. Ф. Черкасова [32, л. 53], врач-хирург К. К. Пучков (первоначально у него было фармацевтическое образование) [30, л. 114].

В бобруйскую городскую амбулаторию с 18.11.1941 г. были назначены врачами В. И. Бочкарев, П. В. Володкевич, А. И. Сугробов, С. П. Устинович и в зубную амбулаторию – И. С. Луста и В. И. Макашин [31, л. 99].

С 18.11.1941 г. был выпущен из лагеря врач-инвалид Е. Н. Арбузов, где работал старшим врачом в лазарете. В декабре 1942 г. Е. Н. Арбузов приступил к работе по специальности в пос. Глуша Бобруйского района по направлению областного отдела здравоохранения [33].

С 04.04.1942 г. врач К. Т. Матузов принял управление бобруйской городской амбулаторией. Весной 1942 г. в санэпидотделе городского отдела здравоохранения г. Бобруйска работали врачи: О. В. Василевская, А. Ф. Саранцев, а в распоряжение городского отдела здоровья прибыл еще один врач – Е. А. Гнидо [30, л. 61].

Заведующая аптекой в пос. Глуша Бобруйского района А. М. Адамович в своих воспоминаниях упоминает военнопленных врачей Сорокина, Мышкина и Цветкова в качестве работников аптечного склада в г. Бобруйске в годы ВОВ [34].

В архивных документах есть несколько заявлений-прошений от других специалистов об освобождении из плена и предоставления им работы в учреждениях здравоохранения. Например, от врача И. И. Счастливого (стаж работы 16 лет в качестве терапевта, в лазарете работал в отделении № 5, терапевтическом) [32, л. 47, 47 об.], врача В. М. Темкина и фельдшера П. С. Самсонова (работали в отделении № 1, в перевязочной) лазарета [Там же, л. 51], провизора Н. Д. Красникова (стаж работы 33 года, начальник аптечного отделения ГАПУ СССР, г. Москва) [32, л. 54], фармацевта Н. П. Соловьева (стаж работы 14 лет, до мобилизации работал в Омске) [Там же, л. 57].

К сожалению, их фамилии не фигурируют в качестве работающих в изученных документах. Возможно, что их просьба не была удовлетворена.

В ходе исследования также установлено, что среди военнопленных в Бобруйске были два врача-хирурга – А. И. Сорокоумов и И. Е. Мышкин, которые состояли в Русской освободительной армии под руководством А. А. Власова. Но потом они перешли к партизанам и по их заданию доставили в отряд ЛП, хирургические инструменты и прочие нужные вещи.

Кроме них, с помощью связных тоже ушли в партизанские отряды врачи – О. В. Василевская, В. И. Бочкарев, И. С. Луста, А. Ф. Саранцев, Ю. В. Фалилеев и др. Вскоре они были назначены на должности старшего врача, начальника санслужбы отрядов партизанских бригад. На сайте «Партизаны Беларуси» размещены документы об их участии в партизанском движении и боевых наградах. Но судьба большинства медицинских работников дулагов в Бобруйске до сих пор неизвестна.

Много лагерей было в Гомельской области. Например, в лазарете дулага № 121 г. Гомеля работали врачи В. И. Бабухадий [1, с. 231], Н. М. Смирнов [Там же, с. 236], Ситников [Там же, с. 237], Н. А. Преображенский [Там же, с. 242], фельдшер М. М. Камшилов [Там же, с. 239]. В 1946–1947 гг. все они после войны давали показания об условиях нахождения военнопленных. По данным Н. А. Преображенского, в лагере за время его существования истреблено более 100 тыс. военнопленных и командиров Красной армии [Там же, с. 180].

В этом дулаге расстреляны врачи-евреи Триггер, Аксельрод, Рубанов [Там же, с. 237].

Наибольшее количество лагерей находилось на нынешней территории Витебской области. При крупном шталаге № 354 в Боровухе (Полоцкий район) был лазарет, где работали врачи В. Кудинов [35, с. 33], С. В. Беляев [35, с. 21], К. С. Шадурский [Там же, с. 31], М. А. Симанский [Там же, с. 30], Ермаков, В. Шатилов, Шумилов [Там же, с. 48], С. Мельник [Там же, с. 26], С. М. Молодцов [Там же, с. 29]. Благодаря последнему совершен удачный побег 13-ти работников санчасти летом 1943 г.

Врач А. И. Еперин из шталага № 354 в Боровухе отправлен для работы в лазарет образованного шталага № 313 г. Витебска (02.1942) [Там же, с. 30].

За территорией шталага № 354 была захоронена медсестра А. П. Гусева, студентка Свердловского мединститута, которая была смертельно ранена при попытке покинуть с медсестрой Ниной Аленкиной эшелон в Германию [Там же, с. 5].

Удалось убежать в партизанский отряд М. Г. Скворцову (студенту 3-го курса), до этого побывавшего в плену в 4 лагерях, в том числе Витебске и Орше (28.10.1941 – 07.10.1943) [36], и фельдшеру П. И. Пашко из лагеря в Полоцке, где он находился с 13.10.1941 г. по 02.02.1942 г. [37].

Следует обратить внимание на тот факт, что с 1943 г. резко увеличилось количество партизанских отрядов, объединенных в бригады. Для обеспечения медицинского обслуживания не только партизан, но и местного населения требовалось много медицинских кадров. Главным источником таких специалистов были гетто и лагеря для советских военнопленных. Поэтому командование партизанских бригад и отрядов активно проводило работу по организации побегов, в том числе медицинских работников.

Оставшиеся в живых после войны бойцы скрывали свое нахождение в лагерях, несмотря на то, что имели правительственные награды за участие в партизанском движении и на фронтах в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Для многих это были годы забвения.

По результатам проведенного исследования пока установлены фамилии 266 военнопленных медиков, среди которых 127 врачей, 133 фельдшеров и медицинских сестер, 6 фармацевтов. Большинство военнопленных медиков по национальности – русские. Из числа общего числа военнопленных – 49 женщин. Погибли в лагерях 13 медицинских работников. Выявлено также наличие не менее 12 лазаретов при лагерях военнопленных. Таким образом данный вопрос требует продолжения исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селеменев, В. Д. Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944: документы и материалы / В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск, 2022. – 327 с.
2. Лагерь для советских военнопленных в Южном военном городке г. Бреста. – URL: fortication.ru/forum/index.php?topic=4523 (дата обращения: 21.11.2020).

3. Трагедия и подвиг военврача Маслова. Его именем названа одна из улиц города Бреста. – URL: <https://www.realbrest.by/novosti/istorija-bresta/tragedija-i-podvig-voenvracha-maslova-ego-imenem-nazvana-odna-iz-ulic-goroda-bresta.html>. (дата обращения: 20.03.2024).
4. Государственный архив Брестской области. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1. – 35.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1399. – Оп. 1. – Д. 220. – Л. 220.
6. Щур Яков Трофимович. – URL: <https://partizany.by/partisans/76735> (дата обращения: 27.03.2024).
7. Смирнов Петр Афанасьевич. – URL: <https://partizany.by/partisans/238079> (дата обращения: 25.03.2024).
8. Чекулаева-Журавель Любовь Ивановна. – URL: <https://www.moy-polk.ru/soldier/chekulaeva-zhuravel-lyubov-ivanovna> (дата обращения: 20.03.2024).
9. Серенькая Любовь Павловна. – URL: <https://partizany.by/partisans/48060> (дата обращения 20.03.2024).
10. Moss, V. Beware the Wolwes / V. Moss. – United States of America, 2015. – P. 332–348.
11. НАРБ. – Ф. 1399. Оп. 1. Д. 671. Л. 93.
12. НАРБ. – Ф. 1399. Оп. 1. Д. 392.
13. Терещенко Анна Семеновна. – URL: <https://partizany.by/partisans/213684> (дата обращения: 24.03.2024).
14. Командиры и бойцы отряда «Балтиец». – URL: https://213sp56sd.ucoz.ru/load/partizanskoe_dvizhenie/brigada_im_s_m_kirova/komandiry_i_bojcy_ot_rjada_quot_baltiec_quot/43-1-0-74 (дата обращения: 24.03.2024).
15. НАРБ. – Ф. 1399. – Оп. 1. – Д. 249. – Л. 199.
16. Мох, Е. Лазарет «Городского лагеря» шталага № 352 / Е. Мох, А. Швед // Беларус. думка. – № 6. – 2020. – С. 88–95.
17. Список медицинского персонала по городскому лагерю. – URL: <https://obd-memotial.ru/html/info.htm?id=84314950&p=81> (дата обращения: 01.04.2024).
18. Центральный архив Министерства обороны России. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1474. Л. 44, 7595.
19. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1549. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
20. НАРБ. – Ф. 1346. Оп. 1. Д. 7. Л. 24, 25.
21. Коровянский Василий Харитонович. – URL: <https://partizany.by/partisans/66993> (дата обращения: 12.03.2024).
22. Иванов Николай Константинович. – URL: <https://partizany.by/partisans/72102> (дата обращения: 12.03.2024).
23. ГАМО. – Ф. 1039. Оп. 1. Д. 28. Л. 141–142.
24. Тороповская Надежда Ивановна. – URL: <https://partizany.by/partisans/131029> (дата обращения: 12.03.2024).

25. Бургарт Александр Ефимович. – URL: <https://partizany.by/partisans/210128> (дата обращения: 27.03.2024).
26. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 996. Л. 30–31 об.
27. Гудкова, Е. П. Могилевское РУП «Фармация. 100 лет истории: традиции, качество, безопасность» / Е. П. Гудкова [и др.]. – Минск, 2018. – С. 194.
28. НАРБ. – Ф. 1399. Оп. 1. Д. 49. Л. 2. 98.
29. Памяць. Гістарычныя дакументы. Хроніка Бабруйска. – Мінск, 1995. – С. 396.
30. Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 858. Оп. 33. Д. 93.
31. Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 409.
32. Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 392. Л. 53.
33. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 265. Л. 110.
34. Адамович-Шувагина, Н. Так было каждый день / Н. Адамович-Шувагина // Неман, 1999. – № 10. – С. 143–174.
35. Корсак, А. И. Шталаг № 354: история и память / А. И. Корсак, С. А. Каминский. – Минск, 2023. – 104 с.
36. Скворцов Михаил Григорьевич. – URL: <https://partizany.by/partisans/48118> (дата обращения: 20.03.2024).
37. Пашко Павел Ильич. – URL: <https://partizany.by/partisans/212720> (дата обращения: 20.03.2024).

С. Н. Тукало

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРОЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ ИМЕНИ ЛЕОНИДА ЛЕВИНА

Извлекать уроки из истории – послание, которое люди, пережившие национал-социалистический террор, хотели бы передать новому поколению. Для Исторической мастерской им. Л. Левина эта цель стала центральной в реализации программ исторического образования и цифровых проектов, которые направлены на развитие общеевропейской культуры памяти и включение темы геноцида и Холокоста в содержание педагогической работы в Беларуси на постоянной основе. Используя наработки Исторической мастерской им. Л. Левина, участники образовательных мероприятий, в особенности педагогические работники, а также сотрудники музеев, архивов и центров гуманитарных наук имеют возможность глубже изучить проявления и особенности немецко-фашистской оккупации Минска и Беларуси.

В течение нескольких лет сотрудниками Исторической мастерской им. Л. Левина в кооперации с партнерскими организациями были разработаны и представлены широкой аудитории разноплановые образовательные проекты (в том числе в оцифрованном варианте). Наиболее важные из них:

По месту памяти Малый Тростенец

Выставка «Лагерь смерти Тростенец: история и память»

13 марта 2017 года в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны состоялось открытие белорусско-немецкой передвижной выставки «Лагерь смерти Тростенец. История и память». *Выставка «Лагерь смерти Тростенец. История и память»* – немецко-белорусский пилотный проект, отдающий дань памяти жертвам и одновременно показывающий, какими способами и в каких местах в Беларуси, Германии, Австрии и Чехии чтят память убитых. В нем также рассматриваются топография убийств и мотивация преступников. Его цель – закрепить Малый Тростенец в общественном восприятии как европейское место преступления и памяти. Инициаторами выставки выступили Международный образовательный центр в Дортмунде и Минский международный образовательный центр им. Й. Рау. Значительную роль в его создании сыграли Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и берлинский фонд «Памятник убитым евреям Европы». Проект финансировался Министерством иностранных дел Германии.

Выставка создавалась в 2014–2016 гг. и на протяжении 2016–2020 гг. экспонировалась в свыше 20 городах Беларуси, Германии, Австрии, Чехии и Швейцарии.

Каталог выставки был издан при поддержке фонда «Память, ответственность и будущее». IBV Dortmund / IBV Minsk / Stiftung Denkmal für die ermordeten Juden Europas (изд.): Лагерь смерти Тростенец. История и память, Берлин: 2016.

Оцифрованный вариант выставки доступен на четырех языках:

белорусском <https://trostenez.org/by/ausstellung/>;

русском <https://trostenez.org/ru/ausstellung/>;

немецком <https://trostenez.org/ausstellung/>;

английском <https://trostenez.org/en/ausstellung/>.

«Виртуальный тур для мультиперспективного изучения Тростенецкого мемориала»:

3 сентября 2022 года сотрудники Исторической мастерской им. Л. Левина протестировали приложение *«Виртуальная экскурсия в Малом Тростенце»*. Тестирование проходило на историческом месте в Малом Тростенце – на территории бывшего лагеря смерти и места уничтожения в урочище Благовщина.

С января 2021 г. студенты из Беларуси, Австрии и Германии работали в рамках программы «Молодежь помнит» (Jugend Erinnert) над возможностями представления лагеря смерти Тростенец в транснациональном контексте с помощью цифровых технологий. Проект «Виртуальная экскурсия для мультиперспективного изучения места памяти в Малом Тростенце» был поддержан фондом «Память, ответственность и будущее».

Студенты из Минска, Вены и Оснабрюка под руководством Александра Долговского (Историческая мастерская им. Л. Левина, Минск), профессора, доктора Кристофа Расса (Университет Оснабрюка), профессора, доктора Керстин фон Линген и профессора, доктора Клаудии Тойне (обе – Венский университет) разработали на учебных занятиях и интерактивных семинарах в течение двух лет совместную транснациональную перспективу на лагерь смерти Тростенец и культуру памяти о нем. В результате были созданы шесть виртуальных выставок, и на их основе представлены две виртуальные экскурсии по мемориальному комплексу «Тростенец» на белорусском, русском, немецком и английском языках, которые можно загрузить для бесплатного пользования в мобильное приложение DigiWalk по следующим ссылкам:

Малый Тростенец: трагедия и место

Беларускі варыянт: <https://www.digiwalk.de/walks/mt-belarusisch/be>

Русский: <https://www.digiwalk.de/walks/gqdqgdguqkx/ru>

German: <https://www.digiwalk.de/walks/geschichte-von-maly-trascjanec/de>

English: <https://www.digiwalk.de/walks/the-history-of-maly-trascjanec/en>

Малый Тростенец: культура памяти

Беларускі варыянт: <https://www.digiwalk.de/walks/mt-ek-belarusisch>

Русский: <https://www.digiwalk.de/walks/ffhhh/ru>

German: <https://www.digiwalk.de/walks/die-erinnerungskultur-zu-maly-trascjanec>

English: <https://www.digiwalk.de/walks/the-history-of-maly-trascjanec>

Виртуальные экскурсии также доступны в приложении izi.TRAVEL на белорусском и русском языках:

Малый Тростенец: трагедия и место

Беларускі варыянт: <https://izi.travel/ru/cd94-maly-trascyanec-tragedyya-i-y-ae-mesca/be>

Русский: <https://izi.travel/ru/cd94-malyy-trostenec-tragediya-i-ee-mesto/ru>

Малый Тростенец: культура памяти

Беларускі варыянт: <https://izi.travel/ru/4f73-maly-trascyanec-kultura-pamyaci/be?passcode=jlsaut>

Русский: <https://izi.travel/ru/4f73-malyy-trostenec-kultura-pamyati/ru?passcode=jlsaut>

По Минскому гетто:

Дидактическое пособие «Минское гетто»

19 июня 2018 года дидактическое пособие «Минское гетто», созданное в Исторической мастерской им. Л. Левина совместно с Белорусским архивом устной истории, было представлено в электронном виде на Национальном образовательном портале (дополнительные материалы по учебному предмету «История Беларуси»).

Уникальность этого пособия заключается в его антропологичности: здесь мало дат, зато очень много историй людей, переживших Холокост. Это попытка уйти от общих штампов, пересказа хронологии к самому важному в истории – к конкретным судьбам. Ведь именно из трагедии каждого отдельного человека и сложилась трагедия всего народа. Причем истории эти непосредственно рассказаны самими людьми.

Дидактическое пособие состоит из 16 карточек, каждая из которых посвящена определенному вопросу, но при этом они взаимно дополняют друг друга: «Минские евреи: жизнь до войны», «Создание гетто», «Жизнь в гетто», «Депортация: дорога в один конец», «Тростенец – место массового уничтожения» и т.д. В карточках находятся отрывки исторических документов, цитаты из воспоминаний свидетелей и другие источники, к которым разработаны задания и вопросы по теме. Учитель может использовать их по отдельности, в нужной ему последовательности, на разных типах уроков.

В отдельной брошюре собран информационный блок для учителя: исторический контекст, словарь терминов и понятий, список использованных источников и рекомендуемой литературы. На диске размещены цифровые копии карточек, а также дополнительные материалы.

В 2021 году пособие прошло переиздание на белорусском языке. Оба варианта (русский и белорусский) можно скачать на сайте Исторической мастерской им. Л. Левина в разделе «В помощь учителю»: <http://gwminsk.com/v-pomoshch-uchitelyu>.

Аудиогид по Минскому гетто и онлайн-выставка «Жизнь евреев Беларуси»

27 апреля 2022 года в рамках онлайн-семинара «Цифровой сторителлинг и еврейские семейные истории: приобщение учеников к еврейской истории XX века и к их соседям с помощью мультимедийных средств» были представлены виртуальный путеводитель – аудиогид «**Минское гетто**», а также онлайн-выставка «**Жизнь евреев в Беларуси**». Аудиогид «Минское гетто» – новый цифровой совместный продукт Исторической мастерской им. Л. Левина и еврейского исторического института «Centropa», записанный на основе интервью с пожилыми евреями, пережившими Холокост и проживающими в Минске, также с использованием архивных материалов. Данный проект рассказывает о бывшем еврейском гетто и о некоторых исторически значимых местах, сохранившихся до наших дней и связанных с минской еврейской общиной. Более подробная информация по ссылкам:

<https://audiowalks.centropa.org/by/minsk-by/>

<https://pamjat.centropa.org/ru/vystavka/>

Также на сайте Исторической мастерской им. Л. Левина в разделе «В помощь учителю» (<http://gwminsk.com/v-pomoshch-uchitelyu>) можно ознакомиться и с другими образовательными проектами:

Дидактическое пособие «Незабытые жертвы войны»; Методические материалы к фильму «Елена Драпкина: еврейская партизанка»;

Информационные материалы «Геноцид рома в Беларуси в 1941–1944 годах».

**ДЕТИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ФАШИСТСКУЮ ОККУПАЦИЮ:
ИХ ЖИЗНЬ И СУДЬБА**

(Юрий Гагарин, Виктор Порохня, Василий Лановой)

Судьба детей, переживших фашистскую оккупацию, сложилась по-разному после окончания Великой Отечественной войны, многие из них достигли таких высот в своей жизни, о которых мечтает в детские и юношеские годы основное большинство подростков: кто-то стал космонавтом как Юрий Алексеевич Гагарин, первый земной человек, побывавший в космосе; кто-то стал Народным артистом Советского Союза, как Василий Степанович Лановой; кто-то известным футболистом, заслуженным тренером, доктором исторических наук, профессором, как Виктор Сидорович Порохня.

Они все родились в 1934 году: 16 января Василий Лановой в г. Москве, в семье выходцев из села (семья переехала тремя годами ранее из Украины), 9 марта в с. Клушино Гжатского (ныне Гагаринского) района Смоленской области Юрий Гагарин в крестьянской семье, 13 июня Виктор Порохня в крестьянской семье, которая из-за тяжелого продовольственного положения в начале 1930-х годов переехала из Полтавщины в поисках лучшей доли в Донбасс, на станцию Ломоватка Луганской области [1, с. 29].

Пройдя в детстве через лихолетья войны и восстановление разоренной страны, они не понаслышке знали, что такое лишения и тяжелый труд, однако это лишь закалило их и сформировало бойцовский характер, превратило трудолюбие в привычку.

В судьбе всех этих людей одинаковое детство: жизнь под оккупацией. «У меня детства как такового не было. Его поглотила война. На её полях сражений остались два моих деда, отец, три его родных брата. Шесть человек потеряли семьи Порохней-Хоменко. Во время почти двухлетней оккупации моей малой Родины Донбасса мы с мамой и братиком Женей в полной мере ощутили, что такое голод, унижения и оскорбления со стороны немцев, румын и полицаев. И когда в начале сентября 1943 г. Красная Армия нас освободила, мы на наших воинов смотрели с величайшим благоговением», – вспоминал В. С. Порохня [2, с. 7].

По воспоминаниям Народного артиста СССР Василия Ланового, он вместе с двумя братьями на лето из Москвы был отправлен к дедушке с бабушкой на Украину, в село Стрымба, и там попал в оккупацию. 22 июня, когда дед встречал их на вокзале, над Одессой летели немецкие самолеты. Почти 3 года он жил под оккупацией. Его родители не знали судьбы своих детей. «Я хорошо помню, как немцы наступали – они катились лавиной, заполняя все пространство до горизонта. Помню, впрочем, и как они отступали потом в 1944-м – кто на машинах, кто бегом. Апрель, грязь, машины завязли, так немцы их не бросили – подожгли... Я отлично помню ту апрельскую ночь – пылающие космогонические пожары на фоне черного украинского неба...» [3].

Виктор Сидорович пишет: «1 сентября 1941 г. Юра, я и наши одноклассники пошли в первый класс». Но недолго длилось их обучение. Наступила тягостная оккупация, которая в Гжатске, где жила семья Гагарина, длилась около 17 месяцев (с 8 октября 1941 по 6 марта 1943 г.), в Ломоватке, родине Порохня, на 3 месяца меньше: с 12 июля 1942 г. по 3 сентября 1943 г.

«В Юриной школе немцы закрыли школу, занятия прервались на целых два года. В Люберецкое ремесленное училище № 10 в 1949 г., где он изучал литейное дело, он пришел с шестью классами, поэтому для дальнейшей учебы в техникуме Гагарин поступил в седьмой класс вечерней школы и в 1951 г. с отличием окончил сразу два учебных заведения». Порохня пишет, что окончил первый класс без потрясений. Когда началось обучение во втором, учительница Раиса Дмитриевна Полякова из наших книг изъясла страницы с изображением В. И. Ленина, И. В. Сталина и других руководителей страны и, кстати, сохранила до освобождения Ломоватки, и это в немалой степени помогло тому, что немцы школу не закрыли. Однако последующие активные боевые действия (Ломоватка из захолустной глубинки, в которой не было ни радио, ни газеты, в одночасье превратилась в передовую) мешали занятиям. Мы потеряли один учебный год. Виктор Порохня пишет: «Не до школы было. Выжить бы» [1, с. 27]. А выживать приходилось все труднее. Семью Гагарина оккупанты выгнали из дома, пришлось соорудить землянку. Благо имелась мужская опора: Алексея Ивановича по состоянию здоровья в армию не призвали. Порохню жилища никто не лишал, оккупанты, охранявшие стратегическую железнодорожную колею Донбасс-Москва, разместились в привокзальных казармах, но из-за того, что их дом стоял недалеко от колеи, набег немцев, румын и итальянцев были постоянными, увели и корову [Там же, с. 27].

Отсутствие работы на оккупированной территории усугублялось также и тем, что сохранившиеся у людей советские деньги не имели хождения. Спасали подсобное хозяйство, собирание колосков с опаской получить нагайкой от объездчика и натуральный обмен. Как пишет Виктор Сидорович, «мама, как и другие женщины Ломоватки, как и Анна Тимофеевна Гагарина, носила в села, обойденные и не разграбленные немцами, отрезки ткани, одежду, столовые и другие изделия и за них получали хлеб, муку, масло, соль, сахар, спички и т.д. Правда, обмен не всегда был адекватным стоимости промышленных товаров, так как женщинам не раз встречались в селах недобрые люди, коих именовали куркулями и спекулянтами».

Видя, как трудно все это доставалась мамам, мальчишки начали самостоятельно, без подсказки старших, проявлять своеобразную активность: с тяжело груженных железнодорожных составов, идущих в сторону Германии с малой скоростью, стали исчезать мешки и ящики с продовольственной продукцией, а также уголь и дрова.

Как он вспоминал, один раз такой передел собственности для него и братьев Виктора и Павлика Гребинюченковых мог закончиться трагически. Но направленный на нас молодым немцем автомат был отведен в сторону

находящегося рядом с ним охранника постарше. Подобное имело место и в семье Гагариных. Немец, живший в их клушинском доме, как-то ради забавы взял да и повесил на яблоне младшего брата Юры Бориса. Если бы вовремя не подросла Анна Тимофеевна – беда не прошла бы мимо... [1, с. 29].

Василий Лановой, отвечая на вопрос о заикании, в своем интервью в 2013 г. рассказал один случай из оккупационной жизни: «Один немец, который был на постое в нашей деревне, подарил мне ремень с бляхой. А спустя какое-то время другой немец захотел этот ремень у меня отобрать. Я не отдавал, пытался объяснить, что это подарок. И тогда он выпустил из автомата очередь у меня над головой. Кажется, в шутку, потому что смеялся при этом. Мне было семь лет. И с тех пор я стал заикаться». Когда мама забрала их в Москву, повела его к врачу, который посоветовал сыну петь мелодичные украинские песни. Его мама пела вместе с ним и вылечила его от заикания. Угроза физической расправы над населением ушла вместе с изгнанием фашистских захватчиков.

Василий Лановой рассказывал о том, что «немцы отдали нашу местность румынам, а сами ушли. Тут мне подошло время идти в школу, а местную школу перевели на румынский язык. Так я и учился первые три года – по-румынски. В результате по-русски писать почти не умел». Когда мама забрала их домой, он пошел в московскую школу, в проверочном диктанте сделал три ошибки в слове *хлеб*, и его снова отправили к первоклассникам. «Мне пришлось потом несколько раз “перепрыгивать” из класса в класс, чтобы догнать свое поколение. Но я окончил школу с золотой медалью...» [3].

Детям, пережившим оккупацию, пришлось много над собой работать и приложить максимум усилий, чтобы догнать свое поколение по учебе.

Воспоминания детей, переживших войну на оккупированной территории, сохранили в их памяти роль советского учителя. Когда еще в студенческие годы Василий Лановой сыграл в кино первую главную роль в фильме «Павел Корчагин», он вспоминал, как он ещё школьником познакомился с персонажем своей будущей первой великой роли в кино, Павкой Корчагиным из произведения Николая Островского «Как закалялась сталь» во время фашистской оккупации. Тогда он не знал, что станет актёром. Но Павка Корчагин появился в его жизни благодаря преподавателю Николаю Ивановичу, который во время войны, невзирая на запреты румынских солдат, союзников фашистов, следивших за порядком в Васиной школе, прочитал мальчуганам эту удивительную книгу о подвиге молодого советского человека. Сколько гражданского мужества имел советский учитель, который прекрасно понимал, чем может закончиться это чтение, если румыны узнают об этом!

Семья Виктора Порохни потеряла его младшего брата, не нашлось лекарств, чтобы вылечить мальчика от простуды. После освобождения Ломоватки заработали шахты. Его мама, как и другие женщины, пошла на погрузку угля в железнодорожные вагоны, где главными инструментами были лопата и носилки [1, с. 31].

Рос Виктор Сидорович шаловливым мальчиком. Он привел интересный факт своей жизни, когда побаловался итальянской лимонкой. Граната разорвалась не там, куда он ее бросал. В результате оказалась раненной чужая корова, и его маме пришлось восполнять убыток. Однажды мама вместе с соседкой отправила его на базар в Кадиевку (ныне Стаханов), что примерно в 20 км от Ломоватки, чтобы он купил поросенка, дала 120 руб. Когда же первый раз в жизни побывал в магазине культтоваров, о поросенке забыл, вместе него купил мандолину и принес 11 руб. сдачи. Нагоняй был, но вместе с тем вскоре к мандолине мама, как он вспоминает, прибавила гитару и балалайку, на которых Виктор самостоятельно научился играть [Там же, с. 31–32].

Как пишет В. С. Порохня, «появилось осознанное стремление помочь маме». 12 февраля 1947 г. он вместо школы пошел работать на Сабовскую шахту № 47. Двенадцатилетнего мальчишку приняли с трудом без оформления трудовой книжки. Поставили на выборку породы, которой были заняты в основном молодые пленные немцы. После расконвоирования один из них, Ганс Юрген Штайн, организовал взрослую, юношескую и детскую футбольные команды. Как пишет Порохня: «Ганс Штайн стал для меня первым тренером по футболу, которому я как игрок, наставник команд мастеров, а затем и член Президиума Федерации футбола СССР (СНГ) посвятил многие десятилетия» [Там же, с. 34]. В ноябре 1990 г. во время полумесячной деловой поездки по ФРГ Виктора опекал некий Ганс Штайн, который оказался его первым тренером. Об их встрече один из телеканалов Германии сделал несколько передач. Порохня пишет, что у Ганса Штайна события этого времени отложились лучше, чем у него. Ему было неизвестно, что оказывается группа «стариков», в том числе и Ганс, ходили к начальнику шахты генералу Резнику с просьбой переговорить с директором школы о том, чтобы Виктору разрешили экзамены за пятый класс сдавать экстерном. Так было и позже, когда работал на шахте, а затем в литейном цехе Дебальцевского завода горношахтного оборудования, экзамены за шестой и седьмой классы сдавались подобным образом. В 1948 г. был принят в комсомол, в этом же году поехал поступать в Москву в Суворовское военное училище, оказался переростком. В 1949 г. попытался поступить в Ворошиловградскую спецшколу ВВС, но не прошел медкомиссию. В октябре того же 1949 г. был объявлен набор в группу литейщиков Дебальцевского ремесленного училища № 39 Сталинской области, куда он прошел по конкурсу.

Виктор Сидорович пишет, что анализируя все написанное и переосмысленное за прожитые годы, приходит к следующему выводу: для Гагарина, его и Стешина (он и его семья пережили всю Сталинградскую битву, находясь в городе), дороги военного детства были в чем-то сходными, в чем-то различными. Но каждый из них ужасы войны запомнил на всю жизнь [1, с. 35].

Как отмечает Виктор Порохня, в ремесленных училищах в конце 1940-х годов занятия чередовались: один день отводился для изучения теоретических дисциплин, другой – для практики. На практике Юра был связан с чер-

ной металлургией, он – с цветной. Гагарин проходил ее на Люберецком заводе сельхозмашин им. Ухтомского, он – на Дебальцевском машиностроительном заводе. На этих заводах они ковали рабочий характер, готовились к участию в завтрашнем созидании [1, с. 9].

В 1951 г. Виктор поступил в Саратовский индустриальный техникум трудовых резервов, в котором было литейное отделение, где судьба свела его с первым космонавтом планеты, началась их дружба, которая продолжалась до смерти Юрия Алексеевича, а потом была поддержка семьи друга. Он с благодарностью пишет в своей книге, какую роль сыграли в их становлении преподаватели данного техникума, которые привили им навыки мастерства в своей профессии, научили отличать добро от зла, вложили в них потребность становиться лучше [Там же, с. 53]. С момента поступления в техникум и до его окончания все 15 студентов жили в одной комнате общежития. У них сложилась хорошая группа, несмотря на разный возраст. Гагарин, Порохня и Стешин оказались самыми молодыми – каждому по семнадцать лет. С ними учились те, кто прошел войну, некоторые были женаты, имели детей. Жили в одной комнате, в которой не обходилось без шалостей. Те, кто поздно возвращались домой, никогда не включали свет и тут же могли в постели ощутить под собой металлические «блины» от штанги. Любители поспать могли быть разрисованы тушью, зашиты в постель, вынесены с кроватью в коридор, а то и покрутить «велосипед», когда горячая бумага, вставленная меж пальцев, давала о себе знать. Но наряду с такими эпизодами они вместе готовились к занятиям, вместе ходили в кино, парки, музеи, театры, на стадионы [4, с. 123, 126, 132].

«В ходе разговора о будущем Юра не раз возвращался к авиации. Ему нравилась летная форма, но еще больше привлекали скорость и высота полета. Узнав о моей неудачной попытке поступить в Ворошиловградскую спецшколу ВВС, он убежденно сказал, что наше время еще впереди. И действительно, в конце 1952 года мы с ним стали слушателями отделения пилотов Актарского учебного центра ДОСААФ» [1, с. 55].

Виктор Порохня приводит для подтверждения своих мыслей отрывки из книги Ю. Гагарина «Дорога в космос» [Там же, с. 57]. Говоря о литературном кружке, членами которого были все три друга, Виктор писал о том, что занятия в этом кружке оставили заметный след. Они обогатили их, научили более правильно выражать свои мысли, дали возможность познать прошлое во имя будущего [Там же, с. 61]. Как отмечает ученый, большое место в их жизни занимал спорт... Каждый увлекался любимым видом. Юрий Гагарин все свободное время отдавал естественно, баскетболу. Несмотря на свой невысокий рост, он был отличным игроком. Кроме того, он занимался лыжами, легкой атлетикой, гимнастикой, волейболом, плаванием... Женя Стешин был первым помощником Юрия по баскетболу. Футбол оставался за Виктором. Спорт еще больше сблизил его с Гагариным [1, с. 62, 63].

«Продолжались будни, в ходе которых естественный процесс человеческих размежеваний, одинаковый возраст, много общих интересов стали немаловажной причиной того, что обычное общение между Юрой, Женей и мной постепенно переросло в дружбу» [Там же, с. 64]. Он отмечает, что, наверное, наибольшее сближение произошло в дни смерти И. В. Сталина. «С его именем в наших молодых умах увязывались величайшие достижения советского народа в мирные дни и в годы Великой Отечественной войны. Как раз в это время мы изучали материалы XIX съезда КПСС и очень краткую речь, произнесенную на нем Сталиным. В ней он остро затронул проблему мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем, чему мы, пережившие войну, в надежде на безоблачное завтра несказанно обрадовались. Поэтому его смерть, казалось, вырвала у каждого из нас кусочек сердца. Когда с первым утренним боем Кремлевских курантов ворвалось в нашу комнату общежития известие о том, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался И. В. Сталин, Евгений Стешин зарыдал так, что все мгновенно оказались на ногах». Узнав день похорон, они хотели втроем выехать в Москву, но группа их отговорила. «Но сам факт порыва еще больше скрепил нашу дружбу». Три друга стали мечтать о будущем, об авиации, часто ездили на спортивные соревнования, которые еще больше их будоражили. Этим возбудителем был находящийся недалеко от спортивного комплекса «Нефтяник» аэродром с тяжелыми вертолетами и шустрыми МИГами [Там же, с. 65].

Они хотели поступить в Краснокутское училище гражданского воздушного флота, но из-за отсутствия среднего образования их не приняли. Виктор Порохня пишет: это может быть и хорошо, что судьба отвела Гагарина от училища гражданского воздушного флота, потому что в отряд космонавтов брали только военных летчиков. И чтобы им стать, надо было дальше учиться» [Там же, с. 70]. Они охотно участвовали в художественной самодеятельности техникума и областного Дома культуры трудовых резервов. Несколько ребят в группе, в том числе Юрий, занимались фотографией [Там же, с. 76, 77].

Очень интересны зарисовки их послевоенной повседневной жизни. Виктор Порохня пишет, что они получали стипендию, которая была достаточна, но со временем запросы росли. Иногда мы отправлялись на пристань разгружать цемент с барж. Работали ночью, а утром шли на занятия. Платили там неплохо. На заработанные деньги мы покупали вещи первой необходимости. И когда кому-либо из нас надо было «выйти в люди», группа одевала молодца так, что все любовались его видом. Кое-кому помогали родители. Но большинство ребят могли надеяться только на себя, т. к. их отцы, а то и вся семья или погибли в годы войны, или умерли, или пропали без вести, или просто жили бедно [Там же, с. 80]. Летом подрабатывали физруками в пионерских лагерях.

По мнению Виктора Сидоровича, просто надо понять поколение Гагарина. На их детских глазах прошла война. Тяжелая, изнурительная, голодная, лишившая многих из них отцов, матерей, близких и родных людей. Суровый отпечаток наложила на них и оккупация. Поэтому они смотрели на каждого

солдата и офицера, как на самого дорого человека, избавителя от всех бед. А перед формой воина Советской Армии они просто преклонялись. Помнится, когда дело доходило до фотоателье, первой просьбой было надеть китель авиатора или морскую робу и сфотографироваться в них. Ничего удивительного нет в том, что юношество тянулось к армейской службе, особенно авиационной [1, с. 81].

В октябре 1954 г. три друга стали курсантами отделения пилотов Саратовского аэроклуба ДОСААФ. Нагрузка была большая: учеба, спортивные тренировки, вечерние занятия в аэроклубе. «Да и дорога в небо оказалась куда длиннее, чем мы себе представляли» [Там же, с. 84]. После сдачи экзаменов за первый семестр последнего, четвертого курса их группу в феврале 1955 г. отправили в Ленинград на полуторамесячную преддипломную педагогическую практику [Там же, с. 85]. Поездка в Ленинград надолго оторвала их от занятий в аэроклубе, и некоторые ребята его оставили. Как пишет В. С. Порохня: «Юрий из аэроклуба не ушел. И прежде мы его называли двухжилым, целеустремленность победила в нем опять» [Там же, с. 95].

Получив 29 июня дипломы, ребята уехали на месячный отпуск домой, после которого каждого ждала работа по месту назначения. Гагарин же остался в Саратове для завершения учебы в аэроклубе. Группы Л-41 не стало. Но о ней помнят. Она вошла в историю потому, что в ней учился, закалялся, сделал первые шаги в авиацию первый космонавт мира [Там же, с. 97]. В разгар подготовки диплома к защите Порохню вызвал райвоенком и в категоричной форме потребовал срочно подготовить документ для поступления в Киевское военно-инженерное радиотехническое училище ПВО-КВИРТУ. Никакие оговорки, аргументы и ходатайства не помогли. Его лишили возможности принять участие в последнем общетехникумовском мероприятии 29 июня, посвященном вручению дипломов, т. к. «в этот день он должен был предстать пред очами начальника КВИРТУ». 27 июня ребята проводили его на вокзал. Документы были сданы, но он пошел на игру футболистов киевского «Динамо», где встретился со старшим тренером О. А. Ошенковым, который смог убедить директора училища вернуть документы Порохне. Он отслужил в воздушно-десантных войсках ЛенВО. Виктор – участник VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходил с 28 июля по 14 августа 1957 г. в Москве. «Фестиваль свел меня со многими людьми из разных стран. С некоторыми из них связи не прерываются до сих пор. Подарком судьбы стала встреча с танцором Махмудом Эсамбаевым. Более чем со-рокалетняя дружба с ним постоянно обогащала мою семью зарядом мудрости, бодрости, политической прозорливости и веры в светлое будущее человечества, коими был богат блестящий исполнитель танцев народов мира народный артист СССР, Герой Социалистического Труда [1, с. 105]. Он пишет, что «все перипетии фестиваля мною были описаны Юре. И кто тогда знал, что в 1962 г. Гагарин станет почетным гостем VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки» [1, с. 105–106].

Как вспоминает В. С. Порохня, первые его выходы на футбольном поле были замечены и отмечены армейским руководством. Во многом благодаря им ему была предоставлена возможность участвовать в гражданских и армейских соревнованиях разного уровня и заочно учиться в Ленинградском техникуме физкультуры трудовых резервов.

Снова замелькали города. Летом 1956 г. одним из них стал г. Чкалов (Оренбург). Из письма Юры Виктор уже знал, что тот в сентябре 1955 г. успешно завершил учебу в аэроклубе и был направлен в первое Чкаловское военно-авиационное училище летчиков (ЧВАУЛ) [1, с. 106].

«Я быстро нашел Юру. Его начальство отпустило, и мы вместе провели 5–6 часов. Ладно сидел на нем техникумовский мундир, но армейская форма делала его еще подтянутее, стройнее. Он оставался таким же веселым, жизнерадостным, великим оптимистом, но и более задумчивым, строгим, повзрослевшим, кому оказались не чужды сомнения и раздумья. Многое поведали мы друг другу. “А помнишь...” не сходило у нас с уст», – так описывает В. С. Порохня свою встречу с другом в Оренбурге [Там же, с. 107].

26 октября 1957 г. решением Государственной квалификационной комиссии Ю. А. Гагарину была присвоена квалификация пилота-техника. Ему было представлено право остаться в Оренбурге, но он выбрал суровый Север. За 2 года службы на Севере Юрий зарекомендовал себя как опытный летчик, способный осваивать самую новейшую технику. И когда ему предложили заняться этой работой, он немедленно согласился. А пройдя тяжелейшее сито отбора, сорокадневную медицинскую комиссию, в которых первоначально принимало участие 250 человек, Гагарин 9 марта 1960 г. уехал из своей войсковой части в Москву и через пять дней в группе молодых летчиков-истребителей начал подготовку к первому полету человека в космос [1, с. 134].

В части книги «Семь лет как одно мгновение» он считает, что для Юры это мгновение началось в конце отборочного периода – 17–18 января 1961 г. В эти дни весьма авторитетная комиссия впервые приняла выпускные экзамены у шести слушателей-космонавтов. С учетом данных личных дел, медицинских показаний, практических навыков и оценки знаний комиссия определила следующую очередность полета слушателей курсов в космос, где Гагарин стоял первым» [Там же, с. 168]. Виктор Порохня приводит полностью доклад Юрия Гагарина о первом рабочем дне Государственной комиссии [1, с. 170–181] и пишет о том, что не все доложил Юрий Алексеевич, например, то, как на заключительной стадии полета его корабль, сходявший после витка с орбиты, после выключения тормозной двигательной установки основательно закувыркало, и это беспорядочное вращение, судя по бортовым часам в кабине «Востока», длилось примерно 10 минут. По этому случаю на землю он передал одну-единственную фразу, сигнализирующую о нештатной ситуации, но понятно, скорее всего, технарям, а не руководителям полета. Сразу после полета в Куйбышев, Юра сообщил Сергею Королеву о ЧП на борту и заявил о своем намерении отразить этот неприятный момент в своем

будущем отчете. В ответ Сергей Павлович сказал ему следующее: «Это правильное решение! На твоём месте я бы поступил точно так же. И как космонавт, и как коммунист, и как честный человек». «Но, добавил Королев, пристально глядя ему в глаза, – с исключением в одном единственном случае, который имеет место именно сейчас, после завершения первого в мире космического полета: если о ЧП объявить именно сейчас, предать его гласности, – это с неизбежностью нанесет непоправимый ущерб великому делу освоения космоса, делу, в которое руководство страны поверило далеко не сразу, а лишь после многих титанических усилий миллионов. Подорвет с таким трудом завоеванное доверие правительства в нашу космическую технику и в нашу с тобой, Юра, способность решать столь ответственные задачи». По словам Гагарина, это был самый драматический момент в том памятном и откровенном разговоре преданного делу ученика со своим верным учителем и наставником. «Что я должен делать?» – спросил я у Королева тогда. И тот мне ответил: «Поступай, Юра, как знаешь! Я же обещаю тебе только одно: даю слово коммуниста, что любой ценой, обязательно выясню причину этого сбоя и о принятых нами мерах сообщу тебе лично немедленно!» Ни на секунду не сомневаясь в том, что Сергей Павлович сдержит свое слово, Гагарин упустил это место в своем отчете и официальном докладе о выполнении полетного задания... [1, с. 182].

Порохня пишет, что после полета в космос Юрий Гагарин стал чрезвычайно популярен. «Повторюсь: всех его товарищей, как и учителей, волновал вопрос, не возгордится ли? Время показало, что эти волнения были напрасны. Юрий оставался все таким же простым и душевным, каким был в студенческие годы. Он находил нужным встречаться с товарищами, поздравлять их с днем рождения, с теми или иными успехами, что-то посоветовать, подсказать, рассказать об увиденном и услышанном. Он был доступен каждому и востребован каждым, кто с ним общался или желал общаться». После переезда из Казахстана в Днепропетровск Виктору довольно часто приходилось бывать в Москве. И каждый раз, если Юра был дома, он встречался с ним. Эти встречи еще и еще раз давали возможность убедиться в простоте и величии Гагарина [Там же, с. 225]. «Юра – это человек огромного, бурлящего энтузиазма, энтузиазма искрящегося и передающего другим... [5, с. 211].

Виктор Сидорович пишет, что в феврале 1968 г. он приехал на несколько дней в Москву. Юрий Алексеевич в те дни готовился к защите дипломного проекта в Академии имени Жуковского. Невзирая на его занятость, они около четырех часов провели вместе. Потом он отвез Виктора Порохню на Курский вокзал, к днепропетровскому поезду. «Это была наша последняя встреча» [5, с. 228]. Рассказывая о похоронах Ю. А. Гагарина, на которые он смог с большими трудностями прилететь из Феодосии, где проходили соревнования по футболу, он пишет: «Любила Родина Гагарина, любила материнской любовью. Скорбь и слезы залили Москву, всю страну, весь мир. Бесчисленный поток писем и телеграмм соболезнования продолжал идти со всех уголков мира» [1, с. 229]. «С тех пор, кто не приходит на Красную площадь

столицы, отдает свой поклон человеку, который за свою короткую жизнь вознес свое Отечество на гребень научно-технической революции и сам шагнул в бессмертие» [1, с. 230].

Вторая серьезная книга В. С. Порохни о своем друге «Шесть земных и космических десятилетий: Размышления о Гагарине, его и нашем времени» вышла в 2011 г. [5], посвященная 50-летию полета Ю. А. Гагарина в космос. В книге истоком этого полета назван Саратов, в котором, как он пишет, Юра впервые стал на крыло и сюда же вернулся из космоса. Получилось так, что дорога в космос и обратно пролегла через Волгу [5, с. 254]. В основу книги положены его воспоминания, размышления, суждения, исторические факты, зарисовки, сравнения и параллели о прожитом, различные документы, речи, высказывания и публикации по рассматриваемой проблеме, совместные фотографии с Юрием Алексеевичем Гагариным, когда учились в Саратове и жили в одной комнате, и более поздние фотографии. Он пишет о том, что истекшие шестьдесят лет после Саратова и пятьдесят – после полета Гагарина в космос показали, что жизнь Юрия Алексеевича и его поколения давала и дает богатейший материал для сохранения в памяти народа героики наших свершений и воспитания у молодежи душевной красоты, благородства, чувства потребности служить светлым идеалам человечества, патриотических, духовных и нравственных устоев, которые сегодня так необходимы России [Там же, с. 355].

В этой же книге в главе «Московский авиационный институт – главный источник моей гагарианы» [5, с. 309–354] он отмечает, что учеба в аспирантуре, докторантуре МАИ, защита кандидатской и докторской диссертаций, работа на кафедре истории института, а затем и заведование этой кафедрой были сопряжены и с успехами, и с трудностями, прежде всего, связанными с распадом СССР. «В то же время за более чем 42-летний период профессиональной работы на историческом поприще, я получил колоссальную возможность через структуры МАИ, всевозможные организации, связанные с космосом, исследовать гагаринскую тематику во всех её проявлениях. И через выступления и публикации (а их по гагариане набралось около шестидесяти) доводить её до самых различных аудиторий в СССР, Российской Федерации, в зарубежных государствах. И за то, что я оказался причастен к такой обширной гагариане, моя безмерная благодарность судьбе, приведшей меня в феврале 1969 года в авиационный институт» [Там же, с. 309].

В научном наследии В. С. Порохни прослеживается три направления: «гагариана», которой посвящены более одной трети его научных работ; цветная металлургия, по данной проблеме были защищены кандидатская и докторская диссертации, успешному решению этой проблемы способствовало его техническое и историческое образование; третье направление его научных изысканий – исследование проблем Великой Отечественной войны, по которым он организовал и провел несколько международных научных конференций, и сам принимал активное участие в конференциях по военной тематике, проходивших в других городах.

Долго и настойчиво о достойном преподавании истории России в технических вузах РФ говорил доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Московского авиационного института (МАИ) Виктор Сидорович Порохня, он боролся за сохранение исторической дисциплины после развала Советского Союза не только в МАИ, а во всех технических вузах России. Виктор создал на базе МАИ Межвузовский центр по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации «За высокий уровень и качество исторического образования в вузах России», Общероссийскую общественную организацию «Объединение преподавателей истории в вузах России» и региональные отделения, добивался долгие годы, чтобы увеличили количество часов на историю России в технических вузах для ее достойного преподавания. Под руководством В. С. Порохни Межвузовский центр по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации при поддержке Министерства образования и науки РФ провел на базе Московского авиационного института (национального исследовательского университета) Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России 16–17 ноября 2017 г. в Москве, где обсуждались проблемы состояния исторического образования в различных вузах и регионах страны, но в первую очередь в технических вузах.

В работе Съезда участвовали около 900 человек, 452 из них – делегаты Съезда, представляющие все регионы Российской Федерации. С основным докладом выступил В. С. Порохня, в котором был поднят широкий круг вопросов современного состояния и болевых точек исторического образования в вузах России. В конце своего выступления он заявил: «Мы историю отстаивали, наша задача – добиваться её стабильного преподавания во всех вузах России» [6, с. 140].

Делегаты съезда в своей резолюции предлагали Комитету Совета Федерации по науке, образованию и культуре, Комитету по образованию и науке Государственной Думы следующее: при проведении парламентских слушаний и иных мероприятий, связанных с состоянием и перспективой развития высшего образования в Российской Федерации, в перечень проблемных вопросов обязательно включать гуманитарную составляющую вузовского образования, особенно это касается исторического образования студентов. Министерству образования и науки Российской Федерации предлагалось ввести с 01 сентября 2018 г. преподавание во всех государственных и частных вузах страны базовой дисциплины «История России»; обязать Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки взять под неослабный контроль состояние исторического образования студентов в негуманитарных вузах, а также негуманитарную подготовку в классических и педагогических вузах и ряд других предложений [6, с. 140].

Юрий Алексеевич Гагарин, Виктор Сидорович Порохня, Василий Степанович Лановой прожили достойную жизнь во всех отношениях. Юрий Гагарин прожил короткую, но яркую жизнь (9 марта 1934 г. – 27 марта 1968 г.), прославил свою страну на века, став первым космонавтом Земли. Его друг

Виктор Порохня прожил долгую жизнь (13 июня 1934 – 12 января 2024 г.), состоялся как спортсмен международного уровня, как ученый-историк, который оставил научное наследие о цветной металлургии Советского Союза, о своем друге Юрии Алексеевиче Гагарине, о Великой Отечественной войне. Обладал потрясающими организаторскими способностями, которые направлял на благо Отечества. Благодаря усилиям В. С. Порохни удалось сохранить в технических вузах преподавание истории России.

Народный артист Советского Союза Василий Лановой (16 января 1934 г. – 28 января 2021 г.) создал такие образы в советском кино как Павка Корчагин, Иван Варавва в фильме «Офицеры» с налетом романтизма. Сыграл главные роли в фильмах «Алые паруса», «Иду на грозу», «Анна Каренина» и т. д. В 2015 г. стал соучредителем общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк». Человек кипучей энергии, который очень много сделал для патриотического воспитания российской молодежи.

Их уважали и любили, продолжают любить и восхищаться. Они золотыми буквами вписали свои имена в историю нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Порохня, В. С.* Гагарин и его время. Автобиографическая повесть о своем поколении. – Смоленск : Смолен. обл. книж. изд-во «Смядынь», 2000. – 312 с. + 12 пл. вкл.

2. *Порохня, В. С.* Ветераны – золотой фонд кафедры истории МАИ // Наше Отечество. Страницы истории: Сборник научных трудов. Выпуск четырнадцатый / под общ. ред. профессора В. С. Порохни. – М., 2018. – С. 5–32.

3. Интервью Василия Ланового. – 26 сентября 2013 года.

4. *Порохня, В. С.* Воспоминания о былых советско-российских временах. – М., 2024. – 428 с.

5. *Порохня, В. С.* Шесть земных и космических десятилетий: Размышления о Гагарине, его и нашем времени. – М. : МАИ, 2011. – 424 с.

6. *Голдин, В. И.* Первый съезд преподавателей истории вузов России // Вестн. Север. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. Гуманит. и социал. науки. – 2018. – № 2. – С. 139–141.

А. А. Швед

ВИЗИТ РЕЙХСФЮРЕРА СС ГЕНРИХА ГИММЛЕРА В Г. МИНСК 14.08.1941–16.08.1941

Еще накануне войны с Советским Союзом руководство нацистской Германии провело ряд совещаний с участием высших представителей вермахта и СС, войсковые формирования которых во время войны находились в оперативном подчинении Верховного командования Вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht, OKW*).

Так, **13 марта 1941 года** состоялось межведомственное совещание между шефом Главного управления имперской безопасности (РСХА) (*Reichssicherheitshauptamt, RSHA*) группенфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом (*Reinhard Heydrich*) и генерал-квартирмейстером Генштаба сухопутных войск ОКХ (*Oberkommando des Heeres, сокр. ОКН*) генерал-майором Эдуардом Вагнером (*Eduard Wagner*), результаты которого нашли свое отражение в «Инструкции об особых областях к директиве № 21» (План «Барбаросса»). В ней было зафиксировано, что на оккупированной территории СССР командует Главнокомандующий сухопутными войсками через командующих армиями и группами армий. А политическое управление в районе боевых действий сухопутных войск по специальному заданию осуществляет рейхсфюрер СС [1, с. 20–24].

Итогом совещания 13.03.1941 г. стало создание так называемых оперативных групп (*Einsatzgruppe*) Службы безопасности (СД) (*Sicherheitsdienst, SD*). Айнзацгруппы должны были действовать в тыловых районах групп армий, одной из их главных задач было обнаруживать и уничтожать враждебные элементы (обычно под это определение подпадали коммунисты, евреи, партизаны и др.), а также предотвращать враждебную деятельность со стороны местного населения. [2, с. 99–100]

А **26 марта 1941 г.** шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА) группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих и генерал-квартирмейстер ОКХ генерал-майор Эдуард Вагнер заключили соглашение о разграничении полномочий между армией и оперативными группами полиции безопасности и СД. При этом вермахт должен был предоставлять эсэсовским айнзацкомандам материально-техническое обеспечение.

Это соглашение было подтверждено «Приказом главнокомандующего сухопутными войсками о взаимодействии с охранной полицией и СД в связи с предстоящей войной против СССР» за подписью генерала Вальтера фон Браухича (*Walther von Brauchitsch*) от **28 апреля 1941 г.**, посвященным различным аспектам взаимодействия зондеркоманд СС и командования тыловых районов вермахта [3].

В мае–июне 1941 г. для действий на оккупированной территории СССР было создано четыре айнзацгруппы («А», «В», «С» и «D»), каждая из которых была придана соответствующей группе армий. В тыловом районе группы армий «Центр» действовала оперативная группа «В» (*Einsatzgruppe B*), штаб которой на 14.08.1941 г. располагался в г. Минске. Первым начальником группы был генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС Артур Небе (*Arthur Nebe*).

На основании «Указа Гитлера о полицейской охране оккупированных восточных областей» от **17 июля 1941 г.** полицейская охрана вновь оккупированных восточных областей была возложена на рейхсфюрера СС и начальника полиции Германии [1, с. 54–55].

По указу Гитлера от 17.07.1941 г. Генрих Гиммлер (*Reichsführer SS Heinrich Himmler*) назначал главных фюреров СС и полиции (*Höhere SS- und Polizeiführer – HSSPf*), которые являлись высшими полицейскими чиновника-

ми в рейхскомиссариатах или, по согласованию с военной администрацией, в тыловых районах групп армий. Хотя фюреры СС и полиции формально подчинялись рейхскомиссарам или находились в оперативном подчинении у командующих тыловыми районами групп армий, реальную власть над ними имел только Гиммлер [4].

С момента вторжения в СССР высшим фюрером СС и полиции «Россия-Центр» был обергруппенфюрер СС и генерал полиции фон дем Бах-Зелевски (*HSSPF Rußland-Mitte v.d. Bach-Zelewski*), который отвечал за борьбу с врагами Рейха на территории Беларуси и центральной России.

Согласно **«Приказу об обращении с политическими комиссарами» от 06.06.1941 г.** Верховного командования вермахта (ОКВ), попавшие в плен политические комиссары Красной Армии не признавались военнопленными, их было необходимо отделять на поле боя от других военнопленных и расстреливать. Комиссары, схваченные в расположении тыла сухопутных войск, передавались айнзацкомандам службы безопасности (СД) для ликвидации [5, с. 105–106].

В дополнении «Приказа о комиссарах» **8 июня 1941 г.** генерал Вальтер фон Браухич издал **«Дополнение Главнокомандующего сухопутными войсками Вермахта»**, в котором уточнил обращение с политическими комиссарами [Там же, с. 106–107].

2 июля 1941 г. принимается специальная директива Главного управления безопасности рейха, подписанная Гейдрихом, адресованная фюрерам СС и полиции на оккупированных территориях СССР. В четвертом разделе директивы, который называется «Экзекуции», перечисляются все категории, которые подлежат экзекуции: «...коммунистические деятели; комиссары; евреи – члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т. п.) ...» [5].

«Оперативный приказ № 8» от 17.07.1941 г. шефа Главного управления имперской безопасности Гейдриха предоставил оперативным группам возможность выявлять в дулагах и шталагах политработников и советских комиссаров, которые до этого не были выявлены и расстреляны на поле боя. В задачу айнзацкоманд входила политическая проверка всех содержащихся в лагере, фильтрация военнопленных и решение их дальнейшей судьбы. Приказ определял евреев как целевую группу в лагерях военнопленных, предназначенную для ликвидации [6].

Таким образом, еще до войны и в первые месяцы после ее начала руководством нацистской Германии были изданы приказы и распоряжения по карательным мероприятиям к определенным группам граждан на оккупированных территориях СССР.

Общеизвестно, что с **14.08.1941 г. по 16.08.1941 г.** оккупированную территорию Беларуси, а точнее г. Барановичи и г. Минск, с инспекционной целью посетил рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В ходе визита им самим

и группой его сопровождения были проработаны многие задачи, которые стояли перед СС и полицией СД во взаимодействии с вермахтом на оккупированной территории СССР в целом и Беларуси в частности.

Согласно немецкой схеме по состоянию на 19.08.1941 г. тыловой район группы армий «Центр» под командованием генерала пехоты Максимилиана фон Шенкендорфа ((*Befehlshaber des rückwärtigen Heeresgebietes Mitte, General Max v. Schenckendorff*)) занимали 221-я, 286-я, 403-я охранные дивизии и 87-я, 252-я пехотные дивизии. 221-й дивизии на эту дату, в свою очередь, подчинялись 126-й и 130-й Дулаги в г. Минске [7].

Структура СС и полиции, находившихся в оперативном подчинении командующего тылового района группы армий «Центр» генерала пехоты Шенкендорфа на 1 августа 1941 г. представлена ниже. В таком же виде она сохранилась и на 15 августа 1941 г. к моменту визита Гиммлера.

Возглавлял карательные органы Высший фюрер СС и полиции «Россия-Центр», генерал-лейтенант, группенфюрер СС фон дем Бах (*Höheren SS- und Polizeiführers Rußland-Mitte, Gen. Lt., SS-Gruppenführer v.d. Bach*).

Под его командованием были:

1. Полицейский полк «Центр» (307-й, 316-й, 322-й полицейские батальоны), командир – подполковник Монтуа (*Obstlt. Montua*).

2. 1-я кавалерийская бригада СС, командир – штандартенфюрер СС Фегеляйн (*1 SS-Kavallerie Brigade, SS – Staf. Fegelein*).

3. Уполномоченный шефа Зипо и СД при командующем тыловым районом группы армий «Центр» генерал майор и бригаденфюрер СС Небе. (*Beauftragter des Chefs der Sipo u SD beim Bef. Ruckw. Heeresgebiet Mitte Gen. Maj. u. SS-Brig. F. Chef der Einsatzgruppe B, Arthur Nebe*).

4. Передовая команда «Москва», штандартенфюрер СС д-р Зикс. (*Voraus Kdo. Moscow, SS – Staf. Dr.Six*).

5. Айнзацкоманда 8, штурмбаннфюрер СС д-р Братфиш (*Einsatzkommando 8, SS – Stubaf. Dr. Bratfisch*).

6. Айнзацкоманда 9, оберштурмбаннфюрер СС д-р Филберт (*Einsatzkommando 9, SS – Ostubaf. Dr.Filbert*).

7. Зондеркоманда 7а, при командовании 9-й армией – оберштурмбаннфюрер СС д-р Блюм (*Sonderkommando 7a, SS – Ostubaf. Dr. Blume*).

8. Зондеркоманда 7б, при командовании 2-й армией – штурмбаннфюрер СС Рауш (*Sonderkommando 7b, SS – Stubaf. Rausch*) [8].

Имеется ряд научных статей и публикаций в прессе, в которых подробно описаны места, посещенные Гиммером. Но версии исторической науки в отношении лагеря, который он посетил, отличаются. Одна из них такая: «рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер посещает лагерь в Минске. Есть версии, что это лагерь для военнопленных на улице Широкой (Куйбышева) или в районе улиц Якуба Коласа, Белинского» [9]. Точного ответа на вопрос, какой именно лагерь посетил Гиммлер, в доступной для изучения литературе автор не нашел, и поэтому в данной статье дается ответ на этот вопрос.

Сохранились многочисленные документы визита, черно-белые и цветные фотографии, а также кинохроника.

Среди документов сохранился и «Служебный дневник Генриха Гиммлера за 1941/42 гг.» на основании записей его личного адъютанта гауптштурмфюрера СС Вернера Гротманна. В 1999 г. дневник был отредактирован, аннотирован и представлен в виде книги авторской группой под руководством Петера Витте. Записи о визите рейхсфюрера СС Гиммлера в г. Барановичи и г. Минск из дневника даны на с. 193–195 книги. Там же даны пояснения авторов со ссылками на архивные реквизиты документов [10].

Из дневника:

«Четверг, 14 августа 1941

11.30 Взлет с аэродрома Лётцен на Барановичи

Участники: рейхсфюрер СС (*Reichsfuhrer-SS*), группенфюрер СС Вольфф (*Wolff*), группенфюрер СС Прютцманн (*Prützmann*), оберфюрер СС Бенно фон Арент (*Benno von Arent*), штурмбаннфюрер СС Дёрнер (*Dörner*), гауптштурмфюрер СС Гротманн (*Grothmann*), оберштурмфюрер СС доктор Тулл (*Dr.Thull*), оберштурмфюрер СС Кирмайер (*Kiermaier*), лейтенант Френтц (*Frentz*), фоторепортер, обершарфюрер СС Гайк (*Gayk*) (фоторепортер), шарфюрер СС Кох (*Koch*).

13.50 Прибытие в Барановичи

Прием у группенфюрера СС фон дем Баха (*von dem Bach*) и штандартенфюрера СС Фегеляйна (*Fegelein*). Обед и беседа в офисе Высшего фюрера СС и полиции «Россия-Центр».

16.00 Переезд на автомобиле через Слуцк в Минск. Ужин и размещение в Доме Ленина в Минске.

Пятница, 15 августа 1941 г.

Утром был свидетелем казни партизан и евреев под Минском

Посещение транзитного лагеря для военнопленных (*Gefangenen-Durchgangslager*).

14.00 Обед в Доме Ленина

15.00 Поездка по Минскому гетто.

Посещение психбольницы.

Затем поездка в совхоз (*sic*) (управляемый СС),

возвращение в Минск вечером. Ужин и ночлег в Доме Ленина.

Суббота, 16 августа 1941 года.

9.30 Посещение музея в Минске

11.00 Взлет с минского аэродрома

Полет над Припятью, через Пинск в Растенбург» [10, с. 193–195].

По информации, полученной от Ханнса-Петера Френтца, сына Вальтера Френтца, оригиналы календарей его отца, к сожалению, пропали во время съемок фильма о нем режиссером Юргеном Штрumpfхаусом. По его словам теперь их невозможно найти, но Юрген Штрumpfхаус переписал из готического шрифта в машинопись значительные части дневников Вальтера Френтца за 1929–1943 г. Записи за 14.08.1941–16.08.1941 г.:

«Четверг 14 августа: Перелет вместе с рейхсфюрером СС в Барановичи и на машине в Минск.

Пятница 15 августа: Вместе с рейхсфюрером СС завтрак у военного коменданта Минска, лагерь военнопленных (*Gefangenenlager*), казнь, обед в доме Ленина, психбольница – колхоз СС (2 фермы). Рейхсфюрер СС выбрал 2 русских мальчика для Берлина. Группенфюрером Вольфом принят в СС в звании оберштурмфюрера» [11].

Таким образом, по записям адъютанта видно, что Гиммлер посетил пересыльный лагерь пленных (*Gefangenen-Durchgangslager*), сокращенно Дулаг (*Dulag*), который на немецкой карте г. Минска за июль 1941 г. обозначен как объект № 42 – Дулагказармы по Нордштрассе (*Dulagkaserne, Nordstrasse*), он же – Дулаг 126, Пушкинские казармы, по Логойскому тракту [12].

На немецкой карте за январь 1942 г. этот же объект под № 60 называется Пушкинские казармы, лагерь военнопленных Шталаг 352 (*Puschinkaserne (Gefang-lager) Stalag 352*) [13].

Отсюда мы видим, что слово *Gefangenen* (пленный) часто использовалось в отношении военнопленных вместо более точного термина *Kriegsgefangenen* (военнопленный).

Но это же позволяет нам заметить, что если в дневнике адъютанта Гиммлера написано *Gefangenen-Durchgangslager*, а в записях фоторепортера – *Gefangenenlager*, то это однозначно указывает на дулаг вермахта, а не на концлагерь ведомства СС.

Следует отметить и следующий момент. В записях 2 офицеров СС колхоз в д. Новинки ими указан как принадлежащий ведомству СС. Но при этом в отношении лагеря, который посетил Гиммлер, про СС они ничего не писали, потому как к СС он не относился.

В книге «Дневник Гиммлера» имеются также ссылки на ряд документов, которые позволяют уточнить и другую информацию о его визите в Беларусь.

14.08.1941 г. «В присутствии Вольфа Гиммлер провел совещание с Высшим фюрером СС и полиции «Россия-центр» Бах-Зелевски (*HSSPF Rußland-Mitte, Bach-Zelewski*), командующим тыловым армейским районом “Центр” генералом Максом фон Шенкендорфом (*Befehlshaber des rückwärtigen Heeresgebietes Mitte, General Max v. Schenckendorff*), командирами 1-го и 2-го кавалерийских полков СС Фегеляйном и Ломбардом (*Kommandeuren der SS-Kavallerie-Regimenter 1 und 2, Fegelein und Lombard*) (дневник Бах-Зелевски (копия) под неверной датой 15 августа 1941 г., ВА, R 20/45b, лист 9). Фегеляйн и Бах-Зелевски доложили о первой части “операции по очистке”, проведенной кавалерийскими полками СС в Полесье (Припятские болота). В письменном отчете, составленном Фегеляйном накануне, “общий результат” был указан так: “Общее число расстрелянных мародеров [условное обозначение евреев]: 13 788”, 714 пленных, собственные потери: двое убитых и 15 раненых (Донесение 1-ой кавалерийской бригады СС, адресованное ВФССП “Россия-центр”, имеющее отношение: К итоговому донесению для рейхсфюрера СС от 13.8.1941.; Наша честь означает верность)» [14, с. 224–226].

Таким образом, Гиммлер, Бах-Зелевски, Вольф, Фегелейн со стороны СС и полиции, а также фон Шенкендорф со стороны вермахта обсудили вопросы борьбы с партизанами. А с Шенкендорфом Гиммлер обсудил взаимодействие войск СС и полиции с вермахтом, а также согласовал посещение лагеря военнопленных вермахта – Дулага 126 по Нордштрассе (Логойскому тракту) в Минске.

«Вечером Гиммлер провел совещание с Вольфом, Бах-Зелевски, главой айнзацгруппы “Б” Артуром Небе, Гротманном и Кирмайером. Согласно некоторым заявлениям, на совещании также присутствовал Высший фюрер СС и полиции “Россия – центр” Прютцманн. Согласно некоторым последующим заявлениям, Гиммлер выразил желание или ему было предложено проинспектировать массовую казнь на следующий день (там же). В тот же день множество мужчин были арестованы и депортированы из Минского гетто» [14, с. 238].

15.08.1941 Согласно не сохранившемуся отчету комендатуры полиции безопасности Минска, массовый расстрел был произведен либо в Смолевичах, либо в Смиловичах (два неидентичных небольших городка в 30 км к востоку от Минска) (Допр. Георга Хойзера от 28.2.1964, прокуратура Гамбурга, 141 уголовное дело 204/60, лист. 5 404, и те же от 1./2.3.1966, прокуратура Гамбурга. 147 уголовное дело 31/67, лист. 4289)».

О казни, которую посетил Гиммлер, в разных источниках имеется разная информация, в том числе в показаниях на суде Карла Вольфа, начальника его личного штаба. А вот о месте казни информация ранее не встречалась. Книга частично восполнила этот пробел.

Из кинохроники видно, что Гиммлер выехал из Дома Правительства, направился на северо-восток в направлении развилки Логойский тракт – Московский тракт и на (01:38) минуте проехал мимо дорожного указателя «R2 – Moskau», что означает R2 – Rollbahn № 2, т. е. военная автотрасса № 2 Минск – Москва. Становится понятно, что ехал он в сторону г. Смолевичи, где и была казнь. (На схеме автодорог тылового района группы армий «Центр»: R1 Вильно – Молодечно – Плещеницы; R2 Барановичи – Минск – Москва; R3 Брест – Слуцк – Бобруйск) [15].

Организовал казнь и руководил ею оберштурмбаннфюрер СС Отто Брадфиш, командир айнцацкоманды 8, входившей в состав айнзацгруппы В.

«Речь идет о трудовой больнице в Новинках (6 км к северо-западу от Минска), которая располагалась на территории имения СС, посещенного впоследствии. В Новинках, согласно показаниям Баха-Зелевски, Гиммлер приказал Небе убить пациентов приюта, используя способ убийства, который считался менее жестоким, чем расстрел (показания Баха-Зелевски в: Aufbau (New York) от 23.8.1946; отчет о проверке штаб-лекаря д-ра Эллингхауса от 16.9.1941, ZStA Minsk, 370-1-141a, лист 139). 18.9.1941 г. в Новинках немецким химиком в сопровождении полицейских было убито 120 хронически больных пациентов с помощью газа (показания главного врача Новинки Н. Н. Акимовой, от 18.11.1946, в: Ebbinghaus/Preisler, Убийство психически больных людей в Советском Союзе, с. 88 и следующие)».

Таким образом, Гиммлер проинспектировал психиатрическую больницу в деревне Новинки под Минском. Там он обсудил вопросы уничтожения больных психиатрического профиля. В качестве варианта был предложен выхлопной газ. Впоследствии выхлопным газом в сентябре и были убиты пациенты психбольницы. А «душегубки» («газвагены», нем. *gaswagen*) позже стали выполнять свою черную миссию по перевозке советских и европейских евреев из Минского гетто в концлагерь Малый Тростенец.

16.08.1941 Гиммлер поручил находившемуся с ним в командировке художнику-декоратору рейха ф. Аренду привезти из минских музеев в Германию картины и предметы искусства, которые он считал ценными. (ретроспективная записка ф. Арендта от 27 августа 1944 г., BDC, SSO file Benno v. Arent; ср. письмо Pers. Stab RF-SS Бах-Зелевски и в. Аренду от 19 августа и ф. Аренду от 21 октября 1941 г. в дневнике писем Pers. Stab RF-SS, BA, NS 19/4027, pp. 6 и 13).

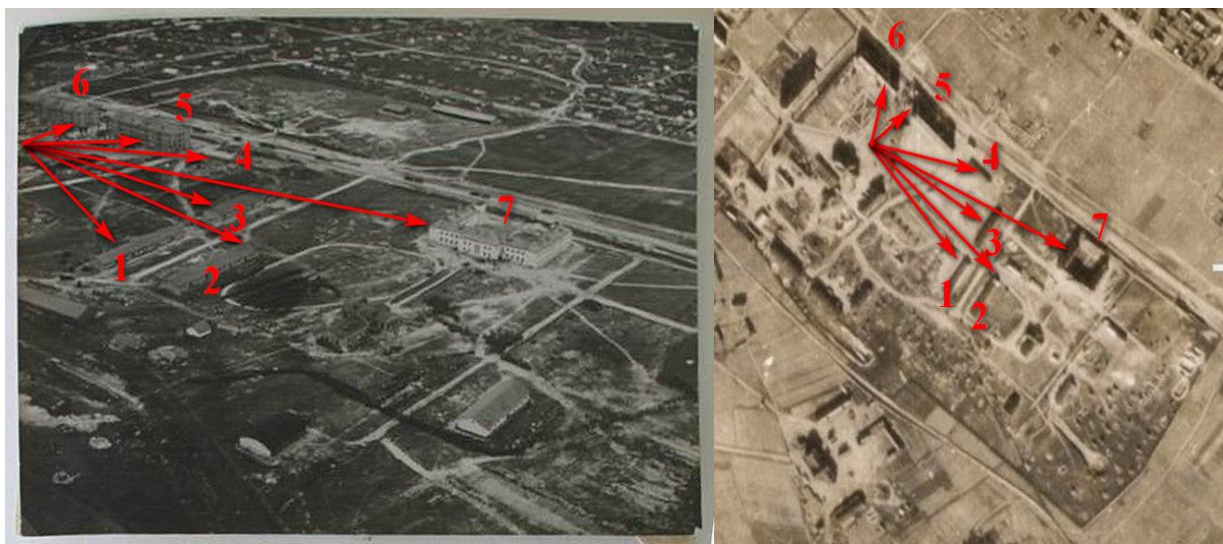

Рис. 1. Территория воинской части («Пушкинские казармы») по Логойскому тракту на аэрофотосъемке 1941 г. (слева) и 1944 г. (справа).

На аэрофотосъемках г. Минска от 1941 г. (слева) и 1944 г. (справа) (рис. 1) и на кадрах кинохроники одинаковыми цифрами обозначены одни и те же здания. № 5 и № 6 – это 3-этажные кирпичные Пушкинские казармы, а № 7 – П-образное 3-этажное кирпичное строение. Все три – по Логойскому тракту (ныне по ул. Я. Коласа) (Номера зданий присвоены автором произвольно для облегчения понимания) [16].

Стрелки исходят примерно из той же точки, из которой 15.08.1941 г. фоторепортером Вальтером Френтцем велась киносъемка рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. При просмотре кинохроники с Гиммлером видны те же самые одноэтажные здания № 1, 2, 3, 4-этажные и 3-этажные кирпичные № 5 и № 6, а также крышу 3-этажного П-образного здания № 7, которая просматривается выше крыши здания № 3.

Рис. 2. Рейхсфюрер Гиммлер в лагере военнопленных Дулаг 126 (Пушкинские казармы) по Логойскому тракту. На заднем фоне – кирпичные 3-этажные здания № 5, № 6, № 7 по Логойскому тракту (ул. Я. Коласа).

В архивах сохранилась кинохроника продолжительностью 2 минуты 20 секунд, на которой кинооператором Вальтером Френтцем сняты отдельные моменты визита рейхсфюрера Гиммлера (рис. 2):

«Визит в лагерь под Минском (A Visit to a Camp Near Minsk)»

14.08.1941 Барановичи – Минск

00:05 Рейхсфюрер СС Гиммлер, начальник его личного штаба группенфюрер СС Вольф с группой сопровождения выходят из штаба высшего руководителя СС и полиции «Россия-Центр» группенфюрера СС фон дем Бах-Зелевски в г. Барановичи.

00:17 Вольф, Бах-Зелевски, Гиммлер (слева направо), командир 1-й кавалерийской СС бригады штандартенфюрер СС Фегеляйн (в кадре стоит спиной).

00:29 Кавалеристы СС (шпоры на сапогах), Гиммлер, Фегеляйн (слева направо).

00:32 Гиммлер, Вольф, Бах-Зелевски, Фегеляйн (слева направо).

00:42 Гиммлер уезжает в Минск, Фегеляйн и СС-кавалеристы провожают его.

15.08.1941 Минск

01:21 Гиммлер с сопровождающими выходит из левого крыла Минского Дома Правительства, штаба главы айнзацгруппы В оберфюрера СС Небе.

01:24 Гиммлер с сопровождающими отъезжает от Дома Правительства.

01:34 Флаг СС на Доме правительства.

01:36 Гиммлер с сопровождающими на 2 машинах движется на северо-восток по ул. Советской.

01:38 Дорожный указатель «R2 Moskau» («Ролльбан 2 Москва» – военная автодорога № 2 через Минск на Москву).

01:40 Разрушенный Минск вдоль дороги «R2 Moskau».

01:43 Гиммлер на проходной Дулага 126 по Логойскому тракту в г. Минск. Вольф, Гиммлер, генерал вермахта на переднем плане (слева направо).

01:50 На проходной Дулага 126 по Логойскому тракту генерал и группа офицеров вермахта встречают Гиммлера и офицеров СС.

01:52 Гиммлер и генерал-лейтенант Йоханн Пфлугбайль (*Johann Pflugbeil*), командир 221-й охранной дивизии, в подчинении которого на 15.08.1941 г. находился Дулаг 126. По кинохронике Вальтера Френтца именно он в тот день встречал и сопровождал рейхсфюрера СС при посещении им лагеря.

01:55 Гиммлер беседует с пленными Дулага 126.

02:07 Гиммлер, его сопровождающие и военнопленные. На заднем фоне – одноэтажное здание № 4 и 3-этажная казарма № 5.

02:09 На заднем фоне – 3-этажные казармы № 6 и № 5.

02:11 Гиммлер с сопровождающими. На заднем фоне – одноэтажные бараки № 1, № 2, № 3. Над бараксом № 3 видна крыша 3-х этажного кирпичного здания № 7.

02:18 Гиммлер, генерал вермахта, командир айнзацкоманды 8 Брандфюрер, военнопленные. На заднем фоне – 3-этажная казарма № 5 [17].

Во время записи кинохроники Вальтером Френтцем 15.08.1941 г. фоторепортером Францем Гайком были сделаны и фотографии. Среди них и известное фото «Солдат и Гиммлер» [18].

Среди офицеров вермахта, встречающих и сопровождающих Гиммлера в лагере, в кинохронике также видны окружной комендант военнопленных полковник Маршалл (*Marschall*), комендант Дулага 126 в г. Минске майор Зиверс (*Sievers*), вероятно, и комендант Дулага 130 в Минске (точнее, в Мясоедовщине) майор Глаунинг (*Glauning*) [19].

«На схеме от 9 августа 1941 года, находясь в зоне ответственности 87-й пехотной дивизии в Минске, Дулаг 126 числится в штате 221-й охранной дивизии вермахта. Далее по документам лагерь фигурирует в сводках и картах 221-й охранной дивизии...» [20, с. 23].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что 15.08.1941 г. рейхсфюрер Гиммлер посетил Дулаг 126 по Логойскому тракту с целью проверки выполнения айнзацкомандами «Оперативного приказа № 8» шефа РСХА от 17 июля 1941 г. по отношению к советским военнопленным и для усиления фильтрационных мероприятий в лагерях вермахта.

Существует мнение, что Гиммлер посетил лагерь СС на Широкой.

Нет сомнений, что в этом случае речь идет о рабочем лагере СС на ул. Широкой, который отмечен на немецком плане г. Минска от 1941 г. как SS-Arbeitslager. Довоенная улица Широкая на этом плане начинается от Опереплац и идет на северо-восток под названием Гродноштрассе. В конце улицы по левой стороне и располагался SS-Arbeitslager [21].

Этот же лагерь виден на аэрофотосъемке Минска 1944 г.; в виде правильного квадрата с постройками внутри [17]. Расположение зданий на аэрофотосъемке не совпадает с кинохроникой. Из этого можно сделать вывод, что кинохроника снималась не на территории лагеря по ул. Широкой.

Уточнить название лагеря СС по ул. Широкой можно и из заявления техника-интенданта 2-го ранга А. А. Печерского председателю ЧГК Н. М. Швернику о пребывании в лагере Собибор и организации восстания и побега из лагеря от 23 октября 1944 года. В заявлении говорится: «Будучи в фашистском плену, я 18 сентября 1943 года был вывезен из Минского “СС” Арбецлагеря*, который находился на Широкой улице, в Польский лагерь Сабибур, где немцами организовано уничтожалось мирное население Европы». В заявлении А. Печерский пояснил, что Арбецлагерь происходит от немецкого слова *Arbeitslager*, где *Arbeit* – это труд [22].

Как известно из заключения ЧГК, «30/VI.1941 после оккупации г. Минска немецко-фашистскими захватчиками был создан «СД» (немецкий полицейский орган), который сразу же организовал концентрационный лагерь СС. Названный лагерь был организован по Широкой улице в г. Минске (быв. кавдивизии), площадью в 60500 кв. метров, обнесенный забором, и поверх колючей проволокой. Из бывших 2-х конюшен были приспособлены два барака, в которых вмещалось до 1000 человек, но фактически в этих бараках было согнано и содержалось до 4000 человек мирных советских граждан, большинство которых были старики, женщины, дети» [23].

Строения в заключении описаны точно – это 2 конюшни, переделанные под жилые бараки и еще несколько одноэтажных зданий различного назначения. Т.е. 3-этажных кирпичных зданий, которые видны в кинохронике с Гиммлером, в данном лагере СС по ул. Широкой не было. И, следовательно, кинохроника точно снята не в лагере СС по ул. Широкой.

Сохранились и немецкие документы с упоминанием рабочего лагеря СС в Минске без указания улицы. В одном из них фюрер СС и полиции Белорутении, г. Минск, 22 сентября 1942 г., направляет из трудового лагеря СС (*SS-Arbeitslager Minsk*) в Минский лазарет военнопленных еврея-военнопленного Михаила Пономарева, 1911 г. р., уроженца Саратова с диагнозом гангрены стопы. После выздоровления пленного просит сообщить, когда его можно будет забрать в трудовой лагерь СС [24].

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что Гиммлер не посещал лагерь СС на ул. Широкой (*SS-Arbeitslager, Minsk*).

Таким образом, во время визита Гиммлера в Минск 14.08.–16.08.1941 г. были согласованы следующие вопросы.

1. Уничтожение партизан (комиссаров, политработников, коммунистов, евреев, советских активистов, военнопленных, местного населения).
2. Уничтожение советских евреев из Минского гетто.
3. Депортация евреев из Европы в Минское гетто и последующее их уничтожение в концлагере Малый Тростенец.
4. Филтрация и уничтожение опасных для Рейха советских военнопленных (евреев, комиссаров, участников антинемецкого сопротивления, беглецов, саботажников).
5. Уничтожение больных психиатрического профиля.

6. Использование «душегубок» («газвагенов», *gaswagen*) для оптимизации процесса убийств.

7. Депортация рабочей силы и расовоценных детей для онемечивания из оккупированных территорий в Германию.

8. Вывоз материальных ценностей, предметов искусства и культуры из оккупированных территорий в Германию.

9. Решение вопросов продовольственного обеспечения вермахта, войск СС и полиции СД на оккупированных территориях СССР.

Подводя итог визита рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в г. Минск 14.08.1941–16.08.1941 г. можно отметить, что геноцид советского народа на оккупированных территориях СССР в целом и в Беларуси в частности после визита получил новый импульс и приобрел максимальные размеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г. Ф. Заставенко [и др.]. – М. : Экономика, 1985. – 328 с.

2. *Krausnick, H.* Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938–1942 / H. Krausnick. – Frankfurt-am-Main – 1985. – S. 99–100, 135.

3. *Жуков, Д.* Германские оккупационные органы на территории СССР: Структура и юрисдикция / Д. Жуков // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2010. – № 2/3. – С. 38–44.

4. *Романько, О. В.* Крым в период немецкой оккупации (1941–1944). Органы управления, их структуры и функции // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – М., 2017. – № 4 (11). – С. 54–68.

5. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / сост.: А. Орлов, В. Зимонин, Г. Иваницкий [и др.]. – М. : Воениздат, 1987. – 302 с.

6. Оперативный приказ начальника полиции безопасности и СД от 17.07.1941 г. № 8 «Об основных направлениях работы опер-команд в постоянных и пересыльных лагерях // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 148. Д. 101 (б). Л. 10–12; 13–15; 21–24.

7. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH_22_227K.

8. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH_22_224_0401.

9. *Мох, Е.* Концентрационный лагерь на ул. Широкой – символ трагедии Великой Отечественной войны / Е. Мох // Беларуская думка: штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс / заснавальнік Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. – 2021. – № 5. – С. 85–89.

10. *Witte, P.* Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42 / P. Witte. – Hamburger, 1999. – 789 S.

11. Из личной коллекции Ханнса-Петера Френтца, сына фоторепортера Вальтера Френтца.

12. *Швед, А. А.* Лазарет «Пушкинские казармы» лагеря военнопленных Ролльбан Шталага 352 / А. А. Швед, Е. Н. Мох // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 7 крас. 2023 г. / Мінскі дзярж. лінгвіст. ун-т. – Мінск, 2024. – Вып. 22. – С. 159–168.

13. План г. Минска 1942 г. / Интернет-ресурс каталог карт, схем и планов Республики Беларусь – URL: <https://karty.by/1939-1945/minsk-2ww>) (дата обращения: 25.03.2024).

14. Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – М. : АСТ : CORPUS, 2015. – 768 с.

15. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH_22_224_0326.

16. Оцифрованные копии аэрофотоснимков населенных пунктов Республики Беларусь, сделанных в период Второй мировой войны, с геопривязкой к современным спутниковым снимкам. – URL: <https://luftbild.1871.by/overlay/minsk/#lat=53.8991&lng=27.5927&zoom=12> (дата обращения: 25.03.2024).

17. Himmler & Bach-Zelewski visit camp in Minsk; Film | Digitized | Accession Number: 1991.257.1 | RG Number: RG-60.0423 | Film ID: 233, United States Holocaust Memorial Museum. – URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn1000642> (date of access: 25.03.2024).

18. Himmler besichtigt die Gefangenenlager in Russland. Heinrich Himmler inspects a prisoner of war camp in Russia, circa 1940-1941. Heinrich Hoffman Collection [3 Images] // The U.S. National Archives and Records Administration. – URL: <https://catalog.archives.gov/id/540164> (date of access: 01.05.2024).

19. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH_22_251_0296.

20. *Ульяненко, А. П.* Помнить вечно! Лесная и Городская трагедии «Шталаг 352» / А. П. Ульяненко. – Минск : Четыре четверти, 2020. – 424 с.

21. Bericht über die Besichtigungsfahrt vom 26–29.07.1941 durch Oberst Marschall // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH_22_251_0228.

22. Центральный архив Министерства обороны. – Ф. 500. Оп. 12480. Дело 332.

23. ГА РФ. – Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 8. Л. 157–159 об. Автограф.

24. ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 21. Стр. 2.

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ, КУЛЬТУРЫ І НАВУКІ

Н. П. Баранов

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР – СТУПЕНЬ К ВЕЧНОМУ МИРУ МЕЖДУ НАРОДАМИ

2024 г. – год 300-летия со дня рождения всемирно известного выдающегося мыслителя человечества Иммануила Канта. Центр празднования юбилея Канта – российский город Калининград, в годы жизни ученого – Кёнигсберг, в пригороде которого он родился 22 апреля 1724 года. Здесь он и прожил всю свою плодотворную творческую жизнь гениального мыслителя, творца целого ряда фундаментальных философских произведений непреходящей научной значимости для развития духовности человечества. Тут же, в Кафедральном соборе, расположен музей философского наследия Канта, а возле собора находится его могила. В знак почитания мыслителя организаторами юбилея подготовлена IT-инсталляция виртуального философа Канта, который может беседовать с посетителями.

Основные юбилейные мероприятия пройдут с 22 по 24 апреля в рамках XIV Международного кантовского конгресса (впервые проводится в России), подготовкой которого по указу Президента России занимается Балтийский федеральный университет (БФУ) имени Канта. В конгрессе принимают участие более 600 ученых из разных стран мира, именуя данный форум Олимпийскими играми философов мирового сообщества. Продлятся юбилейные мероприятия в течение всего текущего года.

Следует заметить, что предыдущие международные кантовские конгрессы всегда проводились в тесном взаимодействии с Кантовским обществом Германии, а вот нынешний, калининградский конгресс, ФРГ решила «отменить» в знак политического «наказания» России за СВО на Украине (операции, реально направленной на пресечение активного продвижения НАТО и Коллективного Запада на территорию Украины и далее на Восток). Вместо Калининграда проведение мероприятий по чествованию Канта запланировано ими на 8–13 сентября в Бонне. Совершенно очевидно, что Запад намерен сорвать таким образом празднование юбилея Канта.

Активно используемым аргументом в обосновании принятого ФРГ решения об изменении места и сроков проведения юбилея Канта определяется вопрос о том, чей Кант – российский или немецкий философ? Однако в наше время возобновления дискуссии по данному политически мотивированному вопросу уже не произойдет. В науке мыслители такого масштаба, как Кант, оцениваются по иным, глубинным критериям своего творчества и деяний: Кант – великий философ, общечеловеческий. Да, он – немец по этническому происхождению, но развитие Канта в науке, в философии, в служении идей человечеству наделило его статусом более высоким, статусом человека мира –

общечеловеческого деятеля. Равно как так же неправомерно было бы относить Канта, присягнувшего на верность российской короне во время Семилетней войны, когда Кёнигсберг вошел в состав Российской империи, собственно, к русским мыслителям.

Неоспоримо также, что Кант является основоположником именно немецкой классической философии, но назвать его немецким философом можно только по происхождению: истоком и основой развития его философского гения является философская мысль человечества, служению которой он и посвятил всю свою жизнь.

Вследствие этого отмечаемый юбилей Канта – событие, которое призвано объединить философов и просвещенную интеллигенцию во всем мире, стать новым импульсом возобновления духовного сотрудничества во имя продвижения народов к *вечному миру* и осуществлению такового в уже обозримом будущем человечества. Этому посвящен один из заключительных трактатов философии Иммануила Канта – «К вечному миру» (нем. *Zum ewigen Frieden*), опубликованный в 1795 году. Данное событие по вине вышеотмеченных западных недоброжелателей обрело, к сожалению, антагонистический характер, замедляющий воплощение в жизнь одной из величественных идей философии Канта.

Иммануил Кант (1724–1804) является создателем уникальной всеобъемлющей классической философии, ставшей вершиной развития немецкой философии XIX в. и одной из поворотных точек развития европейской философии в целом.

Его философское творчество гениально и обширно. Оно простирается в глубины чистого и практического разума человека, в глубины человеческой нравственности, в которых он осуществил поистине гносеологическую и нравственную революции. Оно погружается в глубины вселенского мира, «вечные тайны» которого предстоит раскрывать неутомимо пытливому разуму человечества.

«Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790), «Основы метафизики нравственности» (1785), «Об изначально злом в человеческой природе» (1792), «Религия в пределах только разума» (1793), «Метафизика нравов» (1797), «К вечному миру» (1795) – широко известные основные труды Иммануила Канта.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [1, с. 562–563]. Эти строки Канта из его «Критики практического разума» стали на века для всего человечества вдохновляющим мотиватором к познанию и мудрости.

Кант формулирует небулярную космогоническую гипотезу происхождения Солнечной системы из туманностей благодаря действию сил притяжения. Исследует границы и возможности человеческого познания в постижении безграничного мира «вещей в себе», рассудок и разум, трансцендентальное

(эмпирически доступное) и трансцендентное (понятийно оформляемое) в познавательной деятельности человека, антиномии познания, аналитику и диалектику как определяющие методы научного познания, априорное и апостериорное знания. В этической области, Кант ставит своей целью возратить «чистоту» морали, освободив ее от всех «загрязнивших» ее уникальную сущность наслоений. Критически рассматривая постулаты свободы воли, Кант обосновывает категорический императив как нравственный регулятив человеческих взаимоотношений равный общественному закону.

Безусловно, для Канта основным предметом интереса и центральной темой философской мысли всегда был человек, его природа, сущность, свобода, предназначение и цель его существования. Высшая цель, главный смысл философских исканий, писал Кант, – помочь человеку занять подобающее место в мире, *«научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком»* [2, с. 206].

Трактат «К вечному миру» стал не только актуальным откликом философа на разразившуюся в тогдашней Европе Семилетнюю войну (1756–1763) – крупный военный конфликт XVIII в., один из самых масштабных конфликтов Нового времени. Семилетняя война шла как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии, на Филиппинах. В этой межкоалиционной войне приняли участие все европейские великие державы того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена. Уинстоном Черчиллем война даже была названа «первой мировой войной». Трактат явился органичным и закономерным развитием философии великого мыслителя по ключевой проблематике жизни человека и человеческого общества: обеспечения мира как объективно необходимого условия их существования и развития, сущности войны как продолжения государственной политики, возможностей прекращения народами безумных по своей жестокости и жертвенности военных кровопролитий и установления «вечного мира».

Именовани^{ем} произведения стала однажды замеченная Кантом сатирическая надпись «К вечному миру – с изображением кладбища» на вывеске у входа в трактир.

К кому обращена эта сатирическая надпись на вывеске трактирщика? Вообще ли к людям или в частности к главам государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон? Вопрос остается открытым, – констатирует Кант, предлагая и нам, живущим в XXI в., продолжить философствование по данной обретающей возрастающую актуальность проблеме.

Войны исторически сопровождают противоречиво сложную, особенно в межэтнических отношениях, жизнь народов, формируя известное (социалдарвинизм) ложное (с точки зрения современной науки) представление об их природной естественности или врожденной органичной присущности человеческому бытию, то есть их вечности и неустраимости из жизни человечества.

Весьма точно эту якобы «органичную врожденность» войн истории человечества охарактеризовал в свое время выдающийся русский поэт Серебряного века, участник Первой мировой войны человечества (1914 – 1918 гг.) Александр Черный (Гликберг) в одном из своих известных стихотворений «В детской»:

«Серёжа! Я прочёл в папшином труде,
Что плавает земля в воде,
Как клёцка в миске супа...
Так в древности учил Фалес Милетский...»
«И глупо! – Уверенно в ответ раздался голос детский.
– Учёностью своей, Павлушка, не диви,
Не смыслит твой Фалес, как видно, ни бельмеса,
Мой дядя говорил, – а он умней Фалеса,
Что плавает земля... семь тысяч лет в крови!»

Военные столкновения в истории человечества действительно наблюдаемы в течение 7 тыс. лет. По подсчетам историков, на земле было более 15 тыс. войн. Известна статистика войн за последние столетия. В XVI в. было 106 войн, в XVII в. – 231, в XVIII в. – 703, в XIX в. – 730 войн. В XX в. – две мировые, после Второй мировой – более 300 военных конфликтов. За 5 тыс. лет человеческой истории только 292 года на Земле не было войн.

Во Второй мировой войне, в которую было втянуто 80 % населения планеты (в вооруженные силы были мобилизованы более 110 млн человек; боевые действия, так же как и в Семилетней войне времен Канта, шли на территории трех континентов – Европы, Азии и Африки, на морях и океанах), на фронтах было убито 27 млн человек. А общие людские потери составили, по разным оценкам, от 55 до 80 млн человек.

Наш XXI в. по прогнозу отнюдь не пессимистичных мыслителей может стать не менее кровопролитным, чем пережитые предшествующие века. Современные войны с использованием оружия массового поражения, в том числе ядерного, представляют особую опасность для человечества.

Философскую концепцию достижения «вечного мира» Кант представляет в форме проекта договора о вечном мире между государствами. В ключевых положениях проекта обосновывается закономерность этого неизбежного исторического перехода человечества от естественного «права» к международному праву, основанному на федерализме свободных государств.

«Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено. Ведь прекращение военных действий не есть еще гарантия от них, и если соседи не дают друг другу такой гарантии (что может иметь место лишь в правовом состоянии), то тот из них, кто требовал этого у другого, может обойтись с ним как с врагом» [3, с. 7].

«Мирное состояние, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой. Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира (*foedus pacificum*)

и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам, и навсегда» [3, с. 14].

«Все люди, которые имеют возможность влиять друг на друга, должны принадлежать к какому-либо гражданскому устройству. Правовое устройство в отношении лиц, к нему причастных, таково: 1) устройство по праву государственного гражданства людей в составе народа (*ius civitatis*); 2) устройство по международному праву государств в их отношении друг к другу (*ius gentium*); 3) устройство по праву всемирного гражданства (*ius cosmopoliticum*), поскольку люди и государства, находясь между собой во внешних взаимовлияющих отношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства. Это деление не произвольно, напротив, оно необходимо с точки зрения идеи о вечном мире. Ведь если бы хоть один из них, физически воздействуя на другого, все же находился бы в естественном состоянии, то с этим было бы связано состояние войны, освобождение от которого и составляет цель в данном случае. Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [Там же, с. 8].

«Постоянные армии (*miles perpetuus*) должны со временем полностью исчезнуть» [Там же, с. 3].

«Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств» [Там же, с. 4].

«Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла (*percussores*), отравителей (*venefici*), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (*perduellio*) в государстве неприятеля и т. д.» [Там же, с. 4].

«И во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum infernecinum*)... Карательная война (*bellum punitivum*) между государствами немыслима (поскольку между ними нет отношения высшего к низшему). – Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены» [Там же, с. 5].

«С ростом культуры и при постепенном приближении людей к большому согласию в принципах вызывает общее стремление жить в мире, который осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет место при деспотизме (на кладбище свободы), а их равновесием, их активнейшим соревнованием» [Там же, с. 25–26].

«Истинная политика, следовательно, не может сделать шага, заранее не отдав должного морали, <...> Всей политике следует преклонить колени перед правом, но она может надеяться, что достигнет, хотя и медленно, ступени, где она будет непрестанно блистать» [Там же, с. 39].

«Тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписаного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру. И только при этом условии можно надеяться, что мы постоянно приближаемся к нему» [3, с. 18].

«Если осуществление состояния публичного права, хотя бы только в бесконечном приближении, есть долг и вместе с тем обоснованная надежда, то вечный мир, который следует за мирными договорами (до сих пор их называли неправильно; собственно говоря, это были только перемирия), есть не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и (так как промежуток времени, необходимый для одинаковых успехов, будет, видимо, становиться все короче) становится все ближе к осуществлению» [Там же, с. 44].

История – это арена противостояния диалектически взаимосвязанных созидательных и разрушительных сил. Усвоив уроки истории и учение великого мыслителя Иммануила Канта «о вечном мире», человечество активно стремится к построению нового мира, с устранением навсегда войн и насилия из жизни человечества.

На рубеже XX–XXI в. философское осмысление перспектив развития глобализирующегося мира обрело свое новое конкретизированное воплощение в активно реализуемой прогрессивной частью человечества модели многополярного мира. Формирование многополярного мира закономерно становится ступенью к «вечному миру между народами» как необходимой форме их современного цивилизационного развития. «Вечность мира» становится актуальной целью социального развития глобализирующегося планетарного человечества.

Основываясь на осмыслении международно-политических реалий и закономерностей развития международных отношений на современном этапе, концепция многополярного мира выступает в качестве ориентированного на практику политического проекта по деконструкции, критике и изменению существующего миропорядка.

Многополярный мир (*многополюсный, мультиполярный мир, плюриверсум*) – политическая модель социального мироустройства, предполагающая наличие многих центров силы (политических, военных, экономических и культурных), сравнимых по своим возможностям и не стремящихся распространить свое влияние друг на друга путем насилия или обмана, в противоположность модели биполярного мира (два мировых центра, находящихся в жестком противостоянии) или однополярного мира (один мировой гегемон).

Многополярный мир представляет собой более справедливую и гармоничную концепцию мироустройства, международных отношений в мировом сообществе, по сравнению с однополярным или биполярным: исключается доминирование одной-двух держав над всем миром, снижается опасность

глобальной войны или локальных войн за удержание мировой гегемонии, сохраняется в определенной степени возможность внешнеполитического выбора и здоровой конкуренции между цивилизациями.

Глава КНР Си Цзиньпин, одной из лидирующих цивилизаций современности, характеризует многополярный мир как формируемое «Сообщество единой судьбы человечества», представляющее собой переплетение интересов и развития всего человечества.

По словам Си Цзиньпина, в настоящее время человечество живет в мире, который собрал в себе разные культуры, расы, людей с разным цветом кожи, с разной религией и страны с различным общественным строем. Народы всех стран сформировали «Сообщество единой судьбы человечества», где «у тебя есть я, а у меня есть ты».

Во время Боаоского Азиатского форума в 2015 г. Си Цзиньпин заявил, что для построения сообщества единой судьбы необходимо: убедиться, что все страны уважают друг друга и относятся друг к другу одинаково; создать взаимовыгодное сотрудничество и пути для общего развития; стремиться к созданию общего, всеобъемлющего, стабильного пространства для безопасности; обеспечить всеобщее участие и взаимный обмен опытом между различными цивилизациями.

Многополярный мир – это новый мир макрорегионов – политических, военных, экономических союзов суверенных государств, которые объединяются друг с другом для того, чтобы создать собственный рынок, обеспечить единую оборонную политику, а по большому счету, чтобы пройти этот тяжелый период новейшего этапа мирового цивилизационного процесса и сохранить свои шансы на развитие и на благополучное будущее. Те макрорегионы или те государства, которые вокруг себя сумеют сплотить достаточное количество стран и обеспечивать эти параметры, станут новыми основными игроками на международной арене.

С позиций реализма многополярность может рассматриваться как объективное отражение тенденций мирового развития. Фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных держав и ослабление позиций США как глобального лидера. Неореализм рассматривает многополярность как свойство международной системы, оказывающее новое мощное влияние на поведение государств.

Цивилизационный подход фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене. На наших глазах формируется новая история, поступательно (не без противоречий) идет становление многополярного мира человечества. Новыми его полюсами становятся Китай, Индия, Евразэс, БРИКС, ШОС, к статусу коллективного «полюса» за последнее десятилетие существенно приблизились Африка, Ближний Восток и Латинская Америка (союз УНАСУР). Латинская Америка имеет шанс сформировать свой макрорегион. Теряют свои позиции США и ЕС.

К числу успешно развивающихся стран на нынешнем постиндустриальном цивилизационном этапе относится и Республика Беларусь – полноправный субъект мирового сообщества, акцентирующий свое внимание и усилия

на реализации в социальных преобразованиях принципиально новых привлекательных цивилизационных идеалов и довольно динамично активизирующий цивилизационные процессы в своем государственном и геополитическом пространстве.

ЛИТАРАТУРА

1. *Кант, И.* Критика практического разума / И. Кант. // Собр. соч. : в 8 т. : юбил. изд. 1794–1994 / под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. – Т. 4. – М. : Чоро, 1994. – С. 562–563.
2. *Кант, И.* Соч. : в 6 т. / И. Кант. – М., 1964. – Т. 2. – С. 206.
3. *Кант, И.* К вечному миру. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 17.05.2024).

И. С. Благущ

ФАКТОРЫ И РИСКИ РЕЛОКАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА: УРОКИ ГЕРМАНИИ

Релокация бизнеса, полная (когда деловая активность на экономической территории одной страны прекращается, перемещаясь в другую) или частичная (перенос части производства или отдельных направлений деловой активности), является, согласно либеральной доктрине, естественным элементом открытой экономики и движущей силой глобализации. Она позволяет компаниям увеличить клиентскую базу, получить доступ к новым технологиям и квалифицированным кадрам, снизить операционные затраты и привлечь инвестиции, в том числе за счет более развитой инфраструктуры венчурного финансирования, снизить налоговую нагрузку, оптимизировать логистику, повышая тем самым эффективность и конкурентоспособность бизнеса. При этом страна-донор получает целый ряд преимуществ, связанных с расширением и качественным улучшением ресурсного потенциала, ростом валового национального дохода, созданием дополнительных рабочих мест, оптимизацией отраслевой и технологической структуры экономики за счет вывода энергоемких, трудоемких, экологически опасных производств. Тем не менее масштабное перемещение промышленных предприятий за рубеж, как показывает мировая практика, несет с собой не только возможности, но и существенные стратегические риски, в первую очередь, связанные с деиндустриализацией экономики.

Сокращение доли промышленности в ВВП США, вызванное осуществляемыми с 1960-х гг. сервисной трансформацией и транснационализацией экономики, в долгосрочной перспективе привело к ухудшению показателей объемов, динамики и структуры внутреннего спроса. Сжатие промышленности сопровождалось стагнацией или снижением реальной заработной платы, так как в сфере услуг ее величина в среднем оказалась почти в полтора раза

ниже, чем в реальном секторе. Внутренний спрос в результате мог расти за счет все более доступных кредитов, что привело к ипотечному и финансовому кризису 2007–2008 гг. и экономической рецессии 2009 г., снижению долгосрочных темпов роста. Валовой экспорт все очевиднее отставал от импорта, формируя отрицательное сальдо торговли. Торговый баланс США, сводившийся с дефицитом с 1976 г. и в 1997 г. оцениваемый на уровне 100 млрд долл., к 2000 г. приблизился к значению 400 млрд, в 2022 г. достиг 1,1 трлн [1]. Отрицательный торговый баланс породил отрицательный платежный, покрываемый за счет внешних кредитов и эмиссии доллара.

Экономика Соединенного Королевства за десятилетия постиндустриальной трансформации стала мировым центром банковских, страховых, финансовых, деловых, торговых услуг, при этом британская промышленность сократилась на две трети. По оценкам экспертов, в индустриальном секторе страны осталось только несколько крупных производителей, не имеющих существенного значения [2]. Основными темами дебатов в британских экономических кругах стали резкое увеличение дифференциации доходов, беспрецедентный долгосрочный, а не конъюнктурный рост безработицы, глубина и продолжительность экономического спада. Представления о том, что времена тяжелой промышленности и физического труда ушли навсегда, что задача правительства – не мешать рынку устанавливать отраслевые пропорции и открыть его для глобальных игроков, создавая режим свободной конкуренции, подвергаются все более острой и аргументированной критике.

Осознание долгосрочных рисков деиндустриализации экономики побудило деловые и научные круги Германии инициировать проект «Индустрия 4.0» (четвертая индустриальная революция), предложенный федеральному правительству в 2012 году. Реализуемый в рамках «Хай-тек стратегии 2020» план модернизации предусматривал достижение прорыва в области использования информационных технологий для обеспечения нового качества индустриального развития. В отличие от США, где IT-технологии применялись для расширения возможностей третичного сектора, в ФРГ поставили задачу подключения к сети комплексов промышленного оборудования и целых производств. Это позволило бы добиться соединения традиционно сильных позиций национальной экономики в области индустрии с новейшими достижениями в области информатизации на основе «интернета вещей» (Internet of things) и «киберфизических систем» (Cyber-Physical Systems) с использованием технологий искусственного интеллекта, что способствовало бы повышению гибкости и индивидуализации продукции, реализовав идею массового производства по индивидуальным заказам при сохранении ценовой конкурентоспособности.

Таким образом, вопреки десятилетиями тиражировавшемуся в наиболее развитых экономиках мира представлению о том, что магистральный путь экономической модернизации лежит исключительно через стимулирование наиболее перспективных секторов в сфере услуг и поэтапное свертывание и перемещение за рубеж материального производства, Германия не только сохраняла на своей экономической территории индустриальный промышлен-

ный сектор, но и обеспечивала его конкурентоспособность, интегрируя в производственные системы новейшие технологии. Вместо стихийной рыночной деиндустриализации Германия предложила долгосрочную стратегию реиндустриализации национальной экономики, доказав ее преимущества значениями ключевых макроэкономических индикаторов.

В 2016 г. немецкая экономика впервые опередила британскую по темпам роста, войдя в первую пятерку наиболее развитых стран мира с устойчивой положительной динамикой ВВП. По данным World Bank Group, Германия была единственной развитой страной, за период с 2010 по 2018 г. увеличившей долю не только индустрии в целом (с 27 до 28 %), но и обрабатывающих отраслей промышленности в ВВП (с 20 до 21 %), сократив долю сферы услуг в валовой добавленной стоимости с 62,2 до 61,5 % [3].

В то время как наиболее развитые экономики мира группы G-7 (США, Франция, Великобритания, Канада), на протяжении десятилетий осуществлявшие демонтаж и вывоз индустриальных производств, оказались не способными обеспечить импортные закупки доходами от товарного экспорта, Германия, оставаясь третьим товарным экспортером в мире после Китая и США (в 2022 г. – 1,658 трлн долл), с 1952 г. сохраняла положительное сальдо торговли, достигшее наибольшего в группе G-7 значения в 2019 г. (+ 250,164 млрд долл) [4]. В 2023 г. доля ФРГ в мировом товарном экспорте составляла 7,3 %. Это уступает только значениям индикатора для США (14,5 %) и КНР (8,7 %), а по абсолютной величине стоимостного объема внешних поставок на товарные рынки соответствует 1,7 трлн долл. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Германия в рейтинге крупнейших мировых экспортеров товаров в 2023 г.

№ п/п в топ- 10	Страна- экспортер	Стоимост- ной объем экспорта в 2023 г., млрд. долл.	Баланс торговли в 2023 г., млрд. долл.	Доля в миро- вом экспорте в 2023 г., %	Средне- годовой прирост экспорта в 2019– 2023 гг., %	Дина- мика экспорта в 2022– 2023 гг., %
1	Китай	3 388,716	829,396	14,5	10	-6
2	США	2 019,159	-1 153,373	8,7	8	-2
3	Германия	1 702,362	232,627	7,3	5	2
4	Нидерланды	741,804	77,672	3,2	9	-3
5	Япония	719,844	-66,521	3,1	2	-4
6	Италия	677,095	37,166	2,9	8	3
7	Франция	634,524	-140,603	2,7	5	4
8	Республика Корея	632,225	-10,345	2,7	6	-8
9	Мексика	592,997	-5,478	2,5	9	3
10	Гонконг, КНР	576,144	-79,395	2,5	3	-6

Источник: составлено автором на основе [4].

В результате санкционных ограничений 2022–2023 гг., вызвавших в Западной Европе ценовой энергетический шок, и эффектов так называемого «энергетического перехода» в публикациях и экспертных оценках все чаще звучат пессимистичные прогнозы относительно будущего «супериндустриализированной экономики» Германии и перспектив ЕС в целом.

По оценкам аналитиков Bloomberg, привлекательность Германии как места для создания новых компаний находится на рекордно низком уровне [5]. В 2023 г. ВВП страны сократился на 0,3 %, по результатам оценок среднегодовых темпов роста в группе G20 за пять лет (с 2019 по 2024 г.) ФРГ с показателем 0,4 % оказалась на последнем месте, уступая не только Аргентине (1,4 %), ЮАР (1,5 %), Мексике (5,7 %), России (6,1 %), Бразилии (8,0 %), Саудовской Аравии (13,2 %), Индии (23,5 %), но и партнерам по ЕС (в среднем 4,5 %) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Экономический рост в странах G20 в 2019–2024 гг., % ВВП

№ п/п	Страна	Прирост реального ВВП в 2019–2024 гг., %	№ п/п	Страна	Прирост реального ВВП в 2019–2024 гг., %
1	Турция	25,8	11	Мексика	5,7
2	Китай	25,4	12	ЕС	4,5
3	Индия	23,5	13	Канада	4,1
4	Индонезия	17,3	14	Италия	3,6
5	Саудовская Аравия	13,2	15	Соединенное Королевство	2,7
6	Австралия	10,6	16	Франция	2,1
7	США	9,3	17	ЮАР	1,5
8	Республика Корея	9,0	18	Аргентина	1,4
9	Бразилия	8,0	19	Япония	1,2
10	Россия	6,1	20	Германия	0,4

Источник: составлено автором на основе [6].

На фоне роста потребительских цен снизилась покупательная способность населения, сокращая внутренний рынок, при том, что экспортные возможности не компенсируют этот спад. В 2023 г. наблюдалось падение экспорта (–1,5 %), а в 2024 ожидается его стагнация, что, по оценкам Федерального союза немецкой промышленности (BDI), приведет к сокращению индустриального производства на 1,5 % [7]. Согласно прогнозам Handelsblatt, ценовой энергетический шок способен вызвать не только циклический спад и продолжительную рецессию, но и глубокий структурный кризис, который существенно ухудшит позиции немецкой экономики в Европе и в долгосрочной перспективе – на мировом рынке в целом [8].

Расходы на противодействие инфляции, энергетическому и продовольственному кризисам, спровоцированным санкционными ограничениями, существенно снизили конкурентоспособность экономики ФРГ по сравнению с другими странами ЕС: в первой половине 2023 г. она уступала своим конкурентам практически по всем основным показателям экономической активности. Рекордной оказалась энергетическая инфляция, взлетевшая до 200,6 % (по ЕС в целом индекс внутренних цен производителей на энергоносители формировался на уровне 193,1 %, в Италии – 166,4 %, Испании – 185,4 %, Франции – 192 %), что сделало Германию наиболее дорогой площадкой для размещения производства, усиливая риски релокации промышленных предприятий и деиндустриализации [9].

Индекс производства в обрабатывающей промышленности для Германии в июне 2023 г. по отношению к базовому 2015 г. формировался на уровне 96,2 % (падение), что хуже, чем по ЕС в среднем, где наблюдался рост (113,4 %) и меньше значений индикатора для Франции (100,3 %), Италии (104,7 %) и Испании (107,2 %). Индекс производства в энергетике, демонстрируя падение в ЕС в целом (87,6 %), для Германии также был самым низким – 69,1 % (для Франции – 89,2 %, Италии – 89,4 %, Испании – 93 %). Индекс деловой активности, для ЕС в целом составивший 133,9 %, для Франции – 180,4 %, Испании – 118,5 %, в Германии добрался всего лишь до 108,3 %, свидетельствуя об ухудшении делового климата в стране (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Индикаторы экономической активности
в странах ЕС в июне 2023 г. (2015=100 %)

Индикаторы	ЕС-27	Германия	Франция	Италия	Испания
Индекс производства в обрабатывающей промышленности	113,4	96,2	100,3	104,7	107,2
Индекс производства в энергетике	87,6	69,1	89,2	89,4	93
Индекс внутренних цен производителей на энергоносители	193,1	200,6	192	166,4	185,4
Индекс деловой активности	133,9	108,3	180,4	–	118,5

Примечание – Источник [9].

Эксперты прогнозируют дальнейшее сокращение предложения рабочей силы, резкое повышение потребительских цен, банкротство компаний, в первую очередь, – в энергоемких отраслях. В 2023 г. в обрабатывающей промышленности о прекращении деятельности заявили 1 380 компаний (на 30,2 % больше, чем в 2022 г.), в строительной индустрии – 2 900 (+20,8 %), торговле – 3 490 (на 26 % больше, чем год назад), сфере услуг – 10 330 (+22,5 %) (табл. 4).

Динамика банкротств
в ключевых секторах экономики Германии в 2022–2023 гг.

Сектор экономики	Число банкротств в 2022 г.	Число банкротств в 2023 г.	Прирост числа банкротств в 2022–2023 гг., %
Обрабатывающая промышленность	1 060	1 380	+30,2
Строительство	2 400	2 900	+20,8
Торговля	2 770	3 490	+26,0
Сфера услуг	8 430	10 330	+22,5

Примечание – Источник: [6].

Среди утраченных брендов Германии – широко известные Agfa, Polaroid, Praktiker, Hertie, Karstadt, Kaufhof, KaDeWe, Woolwort, Dresdner Bank, основанный 150 лет назад и переживший две мировые войны, Varta (компания с 130-летней историей, штатом сотрудников в 4,5 тыс. человек и годовым оборотом в 800 млн евро). Главным образом пострадала химическая промышленность: за два года (с момента, когда в 2022 г. произошел отказ от российских энергоносителей в пользу поставок из США) Германия потеряла около четверти объема производства отечественных компаний в этой отрасли.

В условиях нарастающего системного кризиса полная или частичная внешняя релокация становится единственно возможным решением для все большего числа производителей: по данным Торгово-промышленной палаты ФРГ (*German Chamber of Commerce and Industry – DIHK*), планируют переместиться за рубеж 51 % энергоемких производств и крупных компаний с числом сотрудников более 500 человек (из 3 283 принявших участие в опросе *DIHK*) [10]. Возможность перевода части своих производственных мощностей в другие локации, в первую очередь в США, рассматривают предприятия стекольной, керамической, химической, металлургической и нефтехимической промышленности, где нет возможности заменить органическое топливо на возобновляемые источники энергии.

В 2023 г. в проекты на территории США немецкие компании вложили 15,7 млрд долл., что на 91,5 % превышает показатель 2022 г. в 8,2 млрд долл. (в КНР – 5,9 млрд долл.). Инвестиции в американские проекты достигли 15 % от всех внешних капиталовложений немецкого бизнеса (годом ранее – 6 %). В целом в 2023 г. было заявлено о 185 инвестиционных проектах немецких компаний на территории США, 73 из которых относятся к промышленному сектору [11].

Крупнейший 2-миллиардный проект по производству электромобилей осуществляет Scout Motors, принадлежащая Volkswagen. BASF, свернувший производство аммиака на одном из двух заводов в немецком Людвигсхафене

из-за роста цен на газ (до конца 2025 г. планируется уволить 2 600 человек), в 2023–2027 гг. планирует вложить в американский бизнес 3,7 млрд евро, расширяя уже действующие в Гейзмаре (штат Луизиана) и Цинциннати (штат Огайо) производства. О планах построить в Шарлотте (Северная Каролина) завод по производству трансформаторов стоимостью 150 млн долл. объявила Siemens Energy. Концерн BMW расширяет и модернизирует завод в Южной Каролине, вложив в него не менее 1,84 млрд долл. Планирует открытие первого производства в США Audi. По данным опросов, из 224 немецких компаний, подразделения которых уже переместились в США, 96 % планируют увеличивать здесь инвестиции и в 2026 году [11].

Привлекательность США как основного направления релокации немецкого бизнеса обеспечили принятые в августе 2022 г. Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act) и Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act – IRA), призванные содействовать возрождению американской промышленности и восстановлению американского производственного сектора на основе новых технологий и перехода к чистой энергетике. Только этими законодательными актами предусматривается предоставление иностранным компаниям налоговых льгот, кредитов и субсидий на сумму, превышающую 400 млрд долл. Представители BASF и Siemens Energy считают, что инвестиции в Соединённые Штаты стимулирует сочетание прагматичной промышленной политики правительства, долгосрочные перспективы роста рынка и растущее внимание к цепочкам поставок. По оценкам экспертов DINK, США к 2025 г. потеснят Китай как направление релокации немецких компаний, став главным торговым и инвестиционным партнером Германии.

Тем не менее прямые инвестиции немецких компаний в КНР в первом полугодии 2024 г. (7,3 млрд евро) превысили их объем за 2023 г. в целом (6,5 млрд евро), демонстрируя привлекательность этого направления для релокаций [12]. Крупным инвестором в Китае остается BASF, планирующий до 2027 г. вложить в экономику КНР почти половину запланированных иностранных инвестиций. Одним из крупнейших проектов компании является создаваемый в Гуандуне крупный нефтехимический комбинат стоимостью 10 млрд евро. Несмотря на остракизм, которому за «сотрудничество с авторитарным Китаем» подвергаются деловые круги Германии у себя стране, многие производители, реалистично оценивая промышленный, технологический и научно-инновационный потенциал и глобальную конкурентоспособность КНР, стремятся расширить свое присутствие на этом рынке. Так, в июне 2023 г. компания Siemens объявила о расширении производственных мощностей в Чэнду за счет дополнительных инвестиций в объеме 140 млн евро, осуществив годом ранее капиталовложения в инновационный научно-исследовательский центр в Шэньчжэне для ускорения разработки систем управления движением с использованием цифровых технологий и силовой электроники. Компания Henkel инвестировала 120 млн евро в создание новой «умной фабрики» по производству химической продукции в провинции Шаньдун [12].

Ряд крупных немецких корпораций в качестве перспективного направления релокации рассматривают Восточную Европу. Отдельные промышленные гиганты перемещаются в Польшу, которую европейская пресса уже позиционирует в качестве нового промышленного локомотива ЕС в ближайшем будущем [13]. Решение о переносе производства из Баварии в Польшу приняли производители автомобильных запчастей Valeo и аккумуляторных батарей Umicore; в особой экономической зоне на западе Польши строит завод по производству электрогрузовиков компания Mercedes. В качестве основных причин смены юрисдикции представители деловых кругов ФРГ называют высокие цены на энергоносители, снижающийся спрос, высокие налоги, бюрократию и недостаточность инфраструктуры.

Растущее число банкротств и масштабная релокация бизнеса, по оценкам экспертов, запустили процесс деиндустриализации экономики Германии, который при отсутствии реакции со стороны правительства, поддерживающего интенсивный энергетический переход, может создать существенные риски утраты конкурентных преимуществ и статуса промышленной сверхдержавы. Падение производства вызвало формирование и усиление целого ряда структурных диспропорций внутри экономики ФРГ, способных изменить ее международную специализацию и лишить позиции лидера в региональной и мировой системах хозяйства на фоне абсолютного и относительного замедления темпов экономического роста, ухудшения делового климата и снижения конкурентоспособности и инновационной активности, драйвером которых в течение десятилетий являлось развитое промышленное производство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Country statistical profile: United States 2023 / Country Statistical Profiles: Key Tables from OECD. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/af5-29b97-en.pdf> (date of access: 14.04.2024).
2. Западная Европа: деиндустриальная революция. – URL: <http://www.sd.net.ua/2011/11/24/zapadnaya-evropa-deindustrialnaya-revolyucia.html> (date of access: 15.04.2024).
3. World Development Indicators: Structure of output / The World Bank Database. – URL: <https://www.wdi.worldbank.org/table/4.2> (date of access: 20.04.2024).
4. ITC Trade Maps: List of exporters for the selected product in 2023 / UN COMTRADE, 2024. – URL: https://www.trademap.org/Country_SelProduct.aspx (date of access: 20.04.2024).
5. Germany Sees Record-Low Interest in Finding New Businesses / Bloomberg, 2024. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-08-21/germany-sees-record-low-interest-in-founding-new-businesses?srnd=undefined> (date of access: 14.05.2024).

6. German Economic Outlook 2024 / Roland Berger Institute, 2024. – URL: <https://www.rolandberger.com/en/Insights/Publications/German-economic-outlook-in-2024.html> (date of access: 10.08.2023).

7. BDI: в 2024 г. промышленное производство Германии сократится на 1,5%, а экспорт стагнирует / Expert.ru, 2024. – URL: <https://expert.ru/news/bdi-v-2024-g-promproizvodstvo-germanii-sokratitsya-na-1-i-5-protsenta-a-eksport-stagniruet/> (дата обращения: 12.05.2024).

8. Deutschland kauft zwar weniger Öl aus Russland – zahlt aber mehr. – URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/519338/Deutschland-kauft-zwar-weniger-OEL-aus-Russland-zahlt-aber-mehr/> (date of access: 22.05.2024).

9. Eurostatistics: Data for short-term economic analysis. Statistics explained / Eurostat, 2023. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (date of access: 14.05.2024).

10. Energiewende-Barometer 2024 der IHK-Organisation / DIHK, 2019. – URL: <https://www.dihk.de/resource/blob/120386/1681c61b9a91ad07af50f85f0ff-77bcb/auswertung-energiewende-barometer-2024-data.pdf> (date of access: 24.06.2024).

11. Немецкие компании ринулись в США / Monocle.ru, 2024. – URL: <https://monocle.ru/2024/02/19/nemetskiye-kompanii-rinulis-v-ssha/> (дата обращения: 17.05.2024).

12. China-Germany Bilateral Direct Investment: Trends and Outlook / China-briefing.com, 2024. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/germany-china-investment-trends-and-outlook> (date of access: 18.05.2024).

13. Крупные промышленные корпорации массово бегут из Германии в Польшу / Topcor.ru, 2024. – URL: <https://topcor.ru/46479-kрупnye-promyshlennye-korporacii-massovo-begut-iz-germanii-v-polshu.html> (дата обращения: 17.05.2024).

I. В. Грабянчук

ПАЧАТАК АДНАЎЛЕННЯ МІНСКА Ў АСВЯТЛЕННІ РЭСПУБЛІКАНСКАГА ДРУКУ (ЛІПЕНЬ 1944 – ТРАВЕНЬ 1945)

У працэсе вызвалення тэрыторыі Беларусі Чырвонай арміяй з верасня 1943 г. па ліпень 1944 г. ад нацысцкай акупацыі адразу ж пачыналіся аднаўленчыя работы. Асаблівае значэнне для гэтай справы мела адраджэнне з руін і попелу сталіцы рэспублікі – г. Мінска. У дадзеным даследаванні неабходна прааналізаваць змест публікацый на гэтую тэму некалькіх рэспубліканскіх газет – “Звязда”, “Советская Белоруссия”, “Чырвоная змена” і “Сталинская молодежь” (пазней вядомая пад назвай “Знамя юности”). Зразумела, што тут немагчыма падрабязна разгледзець усе публікацыі аб аднаўленні Мінска, неабходна толькі вызначыць асноўныя накірункі гэтай тэмы і ацаніць іх грамадска-палітычнае значэнне.

Цэнтральнае месца ў рэспубліканскай прэсе займалі публікацыі, звязаныя з дзейнасцю партыйных і дзяржаўных органаў улады. Сярод іх можна вылучыць паведамленні пра дзейнасць Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных [2; 3; 4; 5], артыкулы партыйных і камсамольскіх функцыянераў аб ролі камуністаў і камсамольцаў у справе аднаўлення беларускай сталіцы [6; 7], аналітычныя матэрыялы, якія адлюстроўвалі ў цэлым ход гэтай справы [8; 9; 10], агітацыйныя адозвы работнікаў канкрэтных прадпрыемстваў [11; 12; 13]. Дадзены інфармацыйны блок рэспубліканскага друку дазваляе чытачу скласці агульнае ўяўленне пра тыя задачы, якія стаялі перад уладамі і жыхарамі Мінска, а таксама пра падыходы і метады, пры дапамозе якіх яны вырашаліся.

Як наладжвалася жыццё вызваленай ад акупацыі сталіцы Беларусі распавядаецца ў кароткім запісе гутаркі карэспандэнта БЕЛТА з кіраўніком Мінскага гарадскога Савета працоўных К. І. Бударыным, якая адбылася 11 ліпеня 1944 года. За першы тыдзень пасля выгнання акупантаў праводзілася актыўная праца па ўборцы і вывазу смецця, рамонту памяшканняў, якія захаваліся. Пачалі працу больш за 100 вулічных камітэтаў. Значную праблему для горада стварылі нямецкія акупанты, падарваўшы пры адступленні ўсе электрастанцыі. Але гэта акалічнасць не перашкодзіла пачатку працы некалькіх найважнейшых прадпрыемстваў, у тым ліку хлебазавода, тытунёвай фабрыкі, дражджавога завода, бровара і інш. Акрамя таго, на працягу першага тыдня пасля вызвалення Мінска ўдалося цалкам аднавіць гарадскую вадаправодную гаспадарку, хуткімі тэмпамі аднаўляліся чыгунка, разбураныя масты, тэлеграфная і тэлефонная сувязь, запрацавала гарадская друкарня. К. І. Бударын адзначаў высокую актыўнасць мінчан у аднаўленні свайго горада: “Во всей проводимой работе огромную помощь советским органам оказывают жители Минска. В горсовет, горком партии и другие учреждения приходят женщины, старики и молодежь, предлагающие услуги по восстановлению родного Минска” [1].

На працягу першых 3 месяцаў пасля вызвалення гарадскія ўлады імкнуліся як мага хутчэй аднавіць крытычна важныя для гарадской інфраструктуры аб’екты. Вялікае значэнне для гэтай справы мелі масавыя нядзельнікі. Напрыклад, у нядзелю 30 ліпеня 1944 г. “у Варашылаўскім раёне... ўдзельнічала ў работах 6 тысяч чалавек, у Сталінскім раёне – 8 тысяч чалавек. Многа людзей выйшла на работу ў Кагановіцкім раёне” [14]. Як можна зразумець з тэксту рэпартажа аб гэтым нядзельніку, такія мерапрыемствы рэгулярна праводзіліся ў розных раёнах Мінска адразу ж пасля яго вызвалення ад акупацыі.

Да сярэдзіны кастрычніка 1944 г. праца па аднаўленні Мінска выйшла на якасна больш высокі арганізацыйны ўзровень. 3 кастрычніка 1944 г. адбылася першая пасля вызвалення сталіцы сесія Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных з удзелам прадстаўнікоў партыйных, прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый, воінскіх часцей і грамадскіх арганізацый горада.

Даклад зрабіў дэпутат Мінскага гарадскога Савета, старшыня Савета Народных Камісараў Беларускай ССР П. К. Панамарэнка. У ім тагачасны кіраўнік БССР адзначыў, што гаспадарка беларускай сталіцы была разбурана на 80 % [2].

Сесія Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных прыняла разгорнутую пастанову, у якой пачатак масавага аднаўлення Мінска быў прымеркаваны да 8 кастрычніка 1944 г. і былі прадугледжаны канкрэтныя мерапрыемствы па аднаўленню сталіцы Беларусі. У яе рэзалютыўнай частцы ўсталёўвалася, што ўсё працаздольнае насельніцтва г. Мінска прыцягваецца да ўдзелу ў разборцы разбураных будынкаў, якія не падлягаюць аднаўленню, расчыстцы будаўнічых пляцовак, атрымання і аднаўленні будаўнічых матэрыялаў. Прыцягненне насельніцтва да ўдзелу ў аднаўленчых работах ускладалася на выканкамы раённых Саветаў дэпутатаў працоўных (пры актыўным удзеле прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый і вулічных камітэтаў).

Пастанова Мінскага гарсавета вызначыла наступныя нормы рабочага часу для жыхароў г. Мінска, якія ўдзельнічалі ў яго аднаўленні:

а) для рабочых і служачых з 8-гадзінным рабочым днём і вольнанаёмнага састава воінскіх часцей – 30 гадзін у месяц;

б) для рабочых і служачых з падоўжаным рабочым днём, для студэнтаў і вучняў – 15 гадзін у месяц;

в) для грамадзян, якія не працуюць на прадпрыемствах, ва ўстановах і арганізацыях – 60 гадзін у месяц.

Тым грамадзянам, якія працавалі над аднаўленнем сваімі сіламі разбураных кватэр, пакояў і на будаўніцтве новых дамоў для сябе, залічваўся час, затрачаны на гэтыя работы, як на работы па аднаўленню гарадской гаспадаркі г. Мінска.

Аднаўленчыя работы, якія выконваліся насельніцтвам на карысць прадпрыемстваў, устаноў і арганізацый, аплачваліся імі па існуючых здзельных расцэнках. Аплата неабходна было праводзіць за кошт сродкаў, асігнуемых для правядзення дадзеных работ, пасля складання актаў і прыёмкі выкананых работ адмысловымі камісіямі ў складзе тэхнічнага кіраўніка або прараба аднаўляемага або разбіраемага аб'екта, прадстаўніка гаспадарчага органа, для якога праводзяцца работы, і прадстаўніка калектыва, які праводзіў работы [3].

Рэспубліканская прэса асвятляла першы масавы нядзельнік па аднаўленню Мінска, які адбыўся 8 кастрычніка 1944 г. [15]. Пры гэтым неабходна адзначыць: прыметнік “масавы” не азначае, што такая з’ява ўпершыню мела месца менавіта ў гэты дзень. Газетныя публікацыі лета 1944 г. пераканаўча сведчаць, што ўжо тады тысячы жыхароў сталіцы актыўна працавалі на яе аднаўленне. Увосень таго ж года дзяржаўныя і партыйныя органы больш дакладна рэгламентавалі парадак прыцягнення людзей да гэтай надзвычайна важнай справы, распрацаваўшы адпаведныя нарматыўныя дакументы. У ста-

тыстычных адносінах вынік быў дастаткова маштабным: на нядзельніках па аднаўленні Мінска 8 кастрычніка працавалі 30 000 чалавек, 15 кастрычніка – 29 519, 22 кастрычніка – 10 880, 12 лістапада – 17 200 чалавек [16, с. 296].

Газетныя публікацыі не толькі падрабязна распавядалі пра тое, якія прадпрыемствы і ўстановы адраджаліся, тых канкрэтных людзей, якія паказалі выдатныя вынікі ў працы, прыводзілі шмат статыстычных звестак. Прэса выконвала мабілізацыйную функцыю, апелюючы да пачуццяў і настраў людзей. Напрыклад, газета “Звязда” у нумары ад 15 кастрычніка 1944 г. паведамляла: “У рэспубліканскай літаграфіі надрукаваны першыя тры красачныя плакаты, прысвечаныя аднаўленню сталіцы нашай рэспублікі – горада Мінска. На першым плакаце надпіс: «Ці ўносіш ты сваю долю працы ў аднаўленне Мінска?» Другі з іх звяртаецца да моладзі: «Маладыя мінчане! Ададзім усе сілы на аднаўленне роднага горада!» Рэпрадукцыя трэцяга плаката змешчана на трэцяй паласе ўзгаданага нумара «Звязды». На ім маладая работніца трымае над галавой дакумент, а надпіс побач паведамляе: «Ты атрымаў «Асабовую кніжку ўдзельніка аднаўлення горада Мінска». Зрабі ўсё, каб хутчэй адрадзіць нашу родную сталіцу!»

У загаловах матэрыялаў, якія былі прысвечаны тэме пасляваеннага аднаўлення Мінска, актыўна выкарыстоўваўся прыём персаніфікацыі аб’екта прыкладання сваіх высілкаў: “Залечым твае раны, родны Мінск!”. Так пісала “Чырвоная змена” 16 верасня 1944 года. У нумары за 10 кастрычніка зварот быў сфармуляваны крыху інакш: “Мы залечым твае раны, родная сталіца”. Для ўзмацнення псіхалагічнага эфекту ўздзеяння на чытача ва ўзгаданым вышэй вераснёўскім нумары надрукаваны верш беларускага паэта Анатоля Астрэйкі, які пачынаецца пранізлівымі радкамі:

Я тры гады тут не бываў,
Цябе я кожнай ноччу сніў,
Я зараз вуліц не пазнаў.
Дзе я з маленства рос і жыў.

Хаджу, пытаюся ў людзей,
З журбай блуджу сярод руін,
А вецер стогне і гудзе
Паміж абпаленых цаглін [17].

Але не боль і смутак складаюць асноўны змест гэтага верша. Паэт кажа пра тое, што раны, нанесеныя вайной, будуць залечаны, і спакойнае мірнае жыццё вернецца на родную зямлю:

Збяром мы па цаглінцы зноў
І адбудуем горад свой.
Пастаўнуць клёны між муроў
І з новай зацвітуць вясной.

Акрамя Анатоля Астрэйкі, свае вершы аднаўленню Мінска прысвяцілі Пятрусь Броўка, Антон Бялевіч і іншыя беларускія паэты. Іх творы таксама былі апублікаваны на старонках рэспубліканскага друку.

Яшчэ адзін цікавы аспект у тэме пасляваеннага адраджэння беларускай сталіцы – праектная дзейнасць, скіраваная на вырашэнне гэтай складанай задачы [18; 19]. Газета “Звязда” змясціла групавы фотаздымак тых архітэктараў, якія працавалі ў Мінску. Пад ім змешчаны наступны каментарый: “На здымку (справа налева): архітэктар Воінаў, акадэмік Коллі, акадэмік Мардзвінаў, акадэмік Шчусеў, архітэктар Рубаненка, акадэмік Сямёнаў, прафесар Лангбард; стаяць – архітэктар Сяргееў і архітэктар Трахтэнберг за разглядам планаў рэканструкцыі гарадоў Беларусі” [18].

Газетныя публікацыі даюць добрую магчымасць убачыць, што планавалася па аднаўленні Мінска і што з гэтых планаў было рэалізавана, а што не. У гэтым плане найбольш паказальная наступная цытата (тут і далей пры цытаванні захавана арфаграфія тэксту арыгінала): “Якім-жа павінен быць Мінск? Два кварталы паміж вуліцамі Энгельса і Ленінскай, пачынаючы ад плошчы Свабоды, не будуць забудоўвацца і на месцы іх утварыцца зялёны парк з помнікамі героям Айчыннай вайны, вадаёмамі, фантанамі. На плошчы Свабоды мяркуецца пабудаваць манумент героям Айчыннай вайны. Для складання праекта гэтага манумента будзе аб’яўлен спецыяльны конкурс. Па баках зялёнага парка мы мякуем размясціць будынак Соўнаркома БССР, Вярхоўнага Савета БССР, Наркамата замежных спраў, музея Айчыннай вайны і пантэон героям-партызанам. Зялёны парк у цэнтры горада сумесна з вялікім скверам перад памяшканнем Дома Чырвонай Арміі створаць ансамбль плошчаў і вялікі рэзервуар паветра і зелені...” [18].

Калі паглядзець на сучасную карту Мінска, то ўбачым, што ў большай частцы гэты праект не быў рэалізаваны. Два кварталы паміж вуліцамі Энгельса і Леніна забудаваны, урад і парламент рэспублікі размясціліся ў іншым будынку, манумент героям Вялікай Айчыннай вайны на плошчы Свабоды не ўзведзены, пантэон героям-партызанам не створаны. У частцы рэалізаванага – музей Вялікай Айчыннай вайны, які першапачаткова размяшчаўся ў Доме прафсаюзаў на плошчы Свабоды, будынак Наркамата замежных спраў, дзе і сёння месціцца Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, замест вялікага зялёнага парка ў цэнтры – невялікія скверы ў пазначанай лакацыі Мінска. А “вялікі сквер перад памяшканнем Дома Чырвонай Арміі” – гэта Аляксандраўскі сквер, заснаваны яшчэ ў XIX стагоддзі.

Звяртае на сябе ўвагу і такая ідэя: “Некаторыя вуліцы мяркуецца забудаваць віламі для знатных людзей рэспублікі – пісьменнікаў, мастакоў, архітэктараў, кампазітараў, артыстаў, Герояў Савецкага Саюза” [18]. Відавочна, што такая прапанова не дужа стасавалася з ідэалагічнымі стандартамі сацыяльнай роўнасці і сціпласці савецкага чалавека...

Сярод велічных і пампезных планаў у рэчышчы камуністычнай ідэалогіі часам нясмела праглядаюцца спробы зрабіць нешта на карысць беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці: “Каля гістарычнага музея мяркуецца пабудаваць

помнік вядомаму беларускаму культурнаму дзеячу першадрукару Беларусі доктару Грыгорыю Скарыне” [18]. Вядома, помнікі вялікаму беларускаму асветніку ў нашай краіне з’явіліся значна пазней. У разглядаемы час для дзяржаўнага афіцыёзу гэта пытанне мела другараднае, а, магчыма, яшчэ і меншае значэнне. Як бачым, у адной з цэнтральных рэспубліканскіх газет нават імя Скарыны было пададзена ў скажоным выглядзе: у той час замест Францыск часцей выкарыстоўвалі Георгій.

Зіма 1944–1945 гг. часова запаволіла працу па аднаўленні Мінска, але не спыніла яе. Выканкам гарсавета і гаркам КП(б)Б абавязалі ўсіх кіраўнікоў раёнаў сталіцы паўсямесна арганізаваць навучанне будаўнічым прафесіянам. Была пастаўлена задача да вясны 1945 г. падрыхтаваць не менш 20 тыс. кваліфікаваных будаўнікоў [20]. Істотныя праблемы меліся з забеспячэннем горада электраэнергіяй. Мінскі гарадскі Савет дэпутатаў працоўных зацвердзіў прымусовы графік электранагрузкі для прамысловых прадпрыемстваў, увёў спажывецкія ліміты для выкарыстання электраэнергіі для асвятлення. Было забаронена выкарыстанне электрычнага асвятлення у дзённы час з 8 гадзін 30 хвілін да 18 гадзін. Тых, хто парушаў правілы эканоміі электраэнергіі, чакала пакаранне ў выглядзе штрафа да 100 рублёў або прымусовыя работы тэрмінам на два тыдні [4].

На сесіі гарадскога Савета дэпутатаў працоўных, якая адбылася ў сакавіку 1945 г., былі названы 4 важнейшыя пытанні, ад вырашэння якіх залежаў поспех працы па аднаўленні Мінска: “гэта пытанні энергетыкі, жыллёвага фонда, паліва і дабрабыту горада” [5]. На гэтай сесіі былі прааналізаваны прычыны шматлікіх недахопаў, якія меліся ў аднаўленчай працы, а таксама было прынята рашэнне, што “з 1 красавіка... аднаўляюцца масавыя работы з удзелам усяго насельніцтва Мінска, па адбудове горада” [4].

Такім чынам, прааналізаваныя матэрыялы рэспубліканскага друку даюць падставу сцвярджаць, што галоўную стаўку ў справе пасляваеннага аднаўлення Мінска (ды і ўсёй краіны ў цэлым) савецкая дзяржава і камуністычная партыя рабілі на працоўны энтузіязм народа. У цяжкіх умовах адразу пасля вызвалення ад нацысцкай акупацыі гэты рэсурс выкарыстоўваўся пераважна стихійна, а ўвосень 1944 г. былі вызначаны прававыя і арганізацыйныя прынцыпы масавага ўдзелу жыхароў сталіцы ў яе аднаўленні. Гэта было няпроста зрабіць ва ўмовах вайны, якая працягвалася. Важнае значэнне меў ідэалагічны кампанент, калі выкарыстанне розных агітацыйных і мабілізацыйных падыходаў дазваляла сфармаваць прывабную карціну будучыні, якая натхняла людзей на самаадданую працу ў цяжкіх і суровых рэаліях. Важным сродкам вырашэння гэтай задачы была праца па аднаўленні сферы культуры, адукацыі і навукі.

ЛІТАРАТУРА

1. Минск сегодня (беседа с председателем Минского горсовета т. К. И. Будариным) // Советская Белоруссия. – 1944. – 12 июля. – С. 2.

2. Сесія Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных // Чырвоная змена. – 1944. – 5 кастрычніка. – С. 1.
3. Рашэнне сесіі Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных аб аднаўленні горада Мінска і працоўным удзеле насельніцтва ў аднаўленні горада // Чырвоная змена. – 1944. – 5 кастрычніка. – С. 2.
4. Решение № 9 Минского городского Совета депутатов трудящихся «Об экономии электроэнергии и упорядочении электроснабжения города Минска» от 10 января 1945 г. // Советская Белоруссия. – 1945. – 21 января. – С. 2.
5. Сесія Мінскага гарадскога Савета // Чырвоная змена. – 1945. – 24 сакавіка. – С. 1.
6. *Савіцкая, Я.* Камуністы ў барацьбе за аднаўленне прамысловасці / Я. Савіцкая // Звязда. – 1944. – 12 верасня. – С. 3.
7. *Бучнев, И.* Минск зовет (слово ворошиловцев) / И. Бучнев // Сталинская молодежь. – 1944. – 8 октября. – С. 1.
8. Сход партыйнага актыва горада Мінска // Звязда. – 1944. – 13 кастрычніка. – С. 2.
9. К новым успехам в 1945 году // Советская Белоруссия. – 1945. – 5 января. – С. 2.
10. Восстановление столицы – всенародное дело // Советская Белоруссия. – 1945. – 1 апреля. – С. 3.
11. Да ўсіх рабочых, работніц, служачых, інтэлігенцыі, да ўсіх грамадзян горада Мінска // Чырвоная змена. – 1944. – 3 жніўня. – С. 2.
12. Выходите на фронтовой декадник! Письмо комсомольцев и молодежи завода № 453 к комсомольцам и молодежи города Минска // Сталинская молодежь. – 1944. – 20 октября. – С. 1.
13. Шырока разгорнем сацыялістычнае спаборніцтва! Зварот калектыва рабочых, інжынерна-тэхнічных работнікаў і служачых Мінскага мясакамбіната да ўсіх рабочых, інжынерна-тэхнічных работнікаў і служачых, да ўсіх працоўных горада Мінска // Звязда. – 1944. – 13 кастрычніка. – С. 3.
14. *Яфімаў, С.* Мы адродзім цябе, наш родны Мінск. Масавы нядзельнік працоўных сталіцы / С. Яфімаў // Звязда. – 1944. – 2 жніўня. – С. 3.
15. Працоўныя Мінска выйшлі на адбудову сталіцы. З вялікім уздымам прайшоў масавы нядзельнік 8 кастрычніка // Звязда. – 1944. – 10 кастрычніка. – С. 3.
16. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – Кн. 4-я. – 912 с.
17. *Астрэйка, А.* Мінску / А. Астрэйка // Чырвоная змена. – 1944. – 16 верасня 1944. – С. 2.
18. *Шчарбатаў, Г.* Якім будзе сталічны Мінск / Г. Шчарбатаў, Е. Садоўскі // Звязда. – 30 жніўня 1944. – С. 3.
19. Выстаўка праектаў адбудовы Мінска // Чырвоная змена. – 1945. – 6 красавіка. – С. 3.
20. *Шчарбатаў, Г.* Кліч горада / Г. Шчарбатаў // Звязда. – 1945. – 6 лютага. – С. 2.

ГІСТОРЫЯ СПАДЧЫНЫ НЯСВІЖСКАГА ЗАМКА І ЯГО ЗЯМЕЛЬ: РОД РАДЗІВІЛАЎ І ВІТГЕНШТЭЙНАЎ

У артыкуле разгледжана сістэматызацыя спадчыны Радзівілаў на аснове калекцый мастацкіх партрэтаў іх нашчадкаў, што захаваліся ў сядзібах еўрапейскіх краін і пазначаны ў перапісах. Удакладняецца катэгорыя спадчыны для вызначэння каштоўнасці рэчаў паўсядзённага побыту арыстакратаў і іх саслоўнай культуры. На працягу некалькіх пакаленняў нашчадкаў роду Радзівілаў захоўваліся традыцыі стварэння асабістых партрэтаў, напісаных у розных манерах, – радавыя партрэты, пагрудныя, урачыстыя, пахавальныя. Асаблівая ўвага ў культуры арыстакратаў XIX стагоддзя надавалася стварэнню копіі старадаўніх партрэтаў сваякоў і блізкіх. Да складу паўсядзённай культуры арыстакратаў неабходна далучыць мастацкі жывапіс, традыцыі пахавальнай культуры, узбраенне (дэманстрацыю зброі і рыцарскіх даспехаў), раскошныя інтэр’еры замка ці сядзібы, старажытную мэблю.

Спадчына Нясвіжскага замка і прылеглых зямель звязана з удакладненнем гісторыі ардынацый Радзівілаў, жыццяпісу прадстаўнікоў роду Радзівілаў і Вітгенштэйнаў. Актуальнасць і цікавасць да даследавання азначанай тэмы вынікае з паглыбленага вывучэння арыстакратычнай культуры і асаблівасцей яе праяўлення на беларускіх землях. У межах апісання паўсядзённасці Нясвіжскага замка вылучаецца шмат лакун, якія неабходна напоўніць факталагічнымі наратывамі, дзе былі б дакладныя звесткі і спасылкі на крыніцы вывучэння. Жыццяпіс Радзівілаў магчыма ўзнавіць на аснове гістарычных фактаў, мемуараў, занатаваных успамінаў сведкаў і сучаснікаў, інтэрпрэтацыі гістарычных дакументаў сучаснымі даследчыкамі. Сістэматызацыя вынікаў даследавання дапаможа выкарыстоўваць інфармацыю ў экскурсійных тэкстах, якія ўзбагацяцца новымі звесткамі. Зварот да мінулага нагадае пра значнасць сучаснага чалавека, будзе садзейнічаць атаясамленню асобы з жыццём продкаў, асэнсаванню лёсу папярэдніх пакаленняў. Разуменне гістарычнага мінулага ўзбагачае сучаснасць аповедамі пра былыя абставіны паўсядзённасці розных сацыяльных саслоўяў і паказвае каштоўнасць культуры беларускіх зямель. Далучэнне да разгляду спадчыны Радзівілаў дапаможа асэнсаваць арыстакратычную культуру і параўнаць яе з нормамі і каштоўнасцямі сучаснага грамадства.

Мэта артыкула – рэканструкцыя нематэрыяльнай спадчыны Нясвіжскага замка і яго зямель для вызначэння спецыфікі арыстакратычнай культуры, неабходнай для разумення духу культурна-гістарычных эпох і магчымасці семіятычнага аналізу.

Радзівілы становяцца шырокавядомымі з эпохі Вялікага Княства Літоўскага. Нясвіж у XV стагоддзі пераходзіць ва ўладанне Кішак – прадстаўнікоў аднаго з самых вядомых магнацкіх родаў на беларускіх землях. Горад быў перададзены Радзівілам у спадчыну па жаночай лініі каля 1533 г.

Знакамітыя асобы роду Радзівілаў праславілі Нясвіж і яго наваколле далёка за межамі беларускіх зямель. Землеўладанне падчас жыцця Мікалая Радзівіла Чорнага дасягнула неабсяжных памераў, таму князь падзяліў землі на тры ардынацыі (Нясвіжскую, Клецкую і Алыцкую) паміж сынамі. Ардынацыя (маярат) – «непадзельная і неадчужальная ўласнасць пэўнага магнацкага роду ў Рэчы Паспалітай» [1], якая перадавала права спадчыны па мужчынскай лініі з мэтай захавання зямель. Міхаіл Радзівіл Сіротка садзейнічаў наданню Нясвіжу магдэбургскага права і заклаў каменны падмурак для Нясвіжскага замка. Візіт польскага караля Аўгуста Панятоўскага ў Нясвіжскі замак, які адбыўся падчас уладарання Караля Станіслава Радзівіла (пане Каханку), меўся стаць намёкам польскаму каралю аб бязмежных магчымасцях магната і ўладальніка Нясвіжа.

Кожная з трох ардынацый мела асабістых уладароў з роду Радзівілаў. Нясвіжская ардынацыя захоўвала ўладальнікаў на працягу шматлікіх стагоддзяў, астатнія ардынацыі страцілі ўладароў на пачатку XVII стагоддзя. Землі ардынацый перайшлі да іншых уласнікаў, з якімі нясвіжскія Радзівілы ўступалі ў судовыя спрэчкі за права карыстання імі. Да прыкладу, землі Клецкай ардынацыі часова пераходзілі да Мінскай епархіі Рускай Праваслаўнай Царквы ў 1623 г., былі захоплены нашчадкамі роду Радзівілаў у 1618 і 1696 гг.. Пераказ гісторыі зямель узгадваецца ў крыніцы 1878 г.: «1618 г. – Крыжа-Уздзвіжанскі манастыр у мястэчку Цапра захапіў літоўскі князь Ян-Альбрэхт Радзівіл у сваё ўладаранне. Па скарзе віленскіх праваслаўных манахаў і брацтва галоўны трыбунальны суд дэкрэтам 1623 года жніўня 17 манастыр перадаў у валоданне Віленскага Свята-Духаўскага манастыра і брацтва. Князь Дамінік Радзівіл, карыстаючыся каптурным часам, 1696 г. лістапада 10 дня гвалтоўна захапіў і незаконна прысвоіў зямельныя надзелы манастыра і змяніў праваслаўны манастыр на унію. У манастыры знаходзіліся ўніяты-місіянеры да 1828 года, пакуль дзейнасць манастыра не была забаронена. Пабудовы манастыра былі спалены ў 1835 г.» [4, с. 261–262]. Прыведзены ўрывак нагадаў аб праблеме спадчыннай зямлі, якая была актуальнай у сутыкненні інтарэсаў розных сааслоўных груп.

Узгадаем апісанне замка ў Нясвіжы, якое адносіцца да апошняй чвэрці XIX ст. (1878). Яго невядомы аўтар надаў Нясвіжскаму замку заселены статус, дзе пражывалі яго ўладальнікі ў асяроддзі наймітаў і слуг: «На паўночным баку горада, каля возера і сажалкі, якія падзяляюць Нясвіж на дзве часткі – усходнюю і заходнюю, на ўзвышшы стаіць вялікі, старажытны замак князёў Радзівілаў, пабудаваны як абарончая крэпасць, акружаны вакол чатырма высокімі бастыёнамі, у добрым стане і цяпер яшчэ заселены ў поўным складзе» [4, с. 179].

Найбольш паказальны элемент шляхецкай культуры – партрэтны жывапіс. Ён занатаваны ў перапісах маёмасці Радзівілаў і ўяўляў сабой партрэты прадстаўнікоў гэтага магнацкага роду, адлюстроўваў асяроддзе на палотнах. «Партрэтысты пішуць карціны ў традыцыі нямецкага і італьянскага позняга рэнесансу. Яго рысы моцныя ў партрэце Ежы Радзівіла. Мастакі арыентуюцца на ранняе барока Італіі, Фландрыі, Германіі, Польшчы. Гэта бачна ў партрэтах Барталамея Стробеля (1591 – пасля 1650) “Партрэт Януша Радзівіла”.

Мастак з кола Пітэра Данкерса дэ Рэя (1596–1661) “Партрэт Альбрэхта Станістава Радзівіла”, у якім бачны рысы іспанізму. Асабліва каштоўныя помнікі, якія стварылі мясцовыя мастакі. Іаган Шрэтэр (пам. 1685) працаваў у Вільні, Гродне, Нясвіжы. У нясвіжскай калекцыі “Партрэт Крыстыны Яўхіміі Радзівіл” (1635–1646) і “Партрэт жонак Януша IX Радзівіла Марыі і Катажыны” (1646), апошні датаваны і падпісаны гэтым мастаком» [2, с. 7].

Гісторыя калекцыі Радзівілаў была аб’яднана з гісторыяй калекцыі князёў Вітгенштэйнаў, калі быў заключаны шлюб паміж Львом Пятровічам Вітгенштэйнам (18 чэрвеня 1799, Езна – 20 чэрвеня 1866, Канны) з княжной Каралінай Луізаі Валерыяй Стэфаніей Радзівіл (9 снежня 1809, Парыж – 26 ліпеня 1832, Бад-Эмс) у 1828 г.

Княжна Караліна Эмілія Луіза Валерыя Стэфанія Радзівіл, у замужжы графіня Вітгенштэйн, была адзінай дачкой князя Дамініка Іераніма Радзівіла, апошняга з нясвіжскіх Радзівілаў. Стэфанія Радзівіл атрымала ў спадчыну багатыя ўладанні на літоўскіх і беларускіх зямлях.

Маладая пара ў 1828–1830 гг. жыла ў Пецярубурзе. Салон графіні Стэфаніі наведвалі такія мастакі, як А. А. Арлоўскі, А. І. Ладзюёнер, Я. К. Канеўскі, які стаў сябрам сям’і. Леў Пятровіч набывае ў асабістую калекцыю сучасныя творы мастакоў. У палотнах прасочваліся тэндэнцыі рамантызму і сентыменталізму. Вынікам «італьянскага» перыяду ў гісторыі стварэння калекцыі князёў Вітгенштэйнаў стаў збор у сядзібе Паўліна, які згодна з перапісам налічваў 89 карцін.

Падзея заўчаснай смерці Стэфаніі ў 1832 г. дала падставу для аб’яднання спадчыны нясвіжскіх Радзівілаў і роду Вітгенштэйнаў.

Сядзіба Вяркі, якую граф Л. П. Вітгенштэйн робіць радавой сядзібай (1839), адзначыла новы перыяд збору твораў калекцыі, у якую ўвайшлі партрэты Радзівілаў, рыцарскія даспехі і зброя, што былі вывезены з замка Радзівілаў у Нясвіжы. На працягу некалькіх год Леў Вітгенштэйн вёў судовы працэс з Радзівіламі. «У 1847 годзе князь Радзівіл падпісаў разам з князем Вітгенштэйнам канчатковы дакумент аб паздзеле спадчыны князя Дамініка» [5, с. 99]. У гэты ж час Л. П. Вітгенштэйн клапаціўся аб рэстаўрацыі саркафагаў у крыпце Фарнага касцёла (касцёла Божага цела) Радзівілаў.

З выбраных партрэтаў калекцыі Радзівілаў былі зроблены копіі ў 1830–1840-х гг. Копіі не падпісваліся, таму існуе складанасць іх вызначэння і аўтарства.

Зыход з жыцця ўласніка калекцыі, вывезенай з Нясвіжскага замка Радзівілаў, Л. П. Вітгенштэйна (1866) і продаж сядзібы Вяркі сталі падставай для вяртання калекцыі рыцарскіх даспехаў і зброі ў замак Радзівілаў (1900) [5, с. 489].

Нясвіжская ардынацыя існавала да 13 чэрвеня 1939 года [3], калі сейм Польшчы прыняў закон аб ліквідацыі такой формы землеўладання.

На аснове прыведзеных гістарычных фактаў і працы з навуковымі крыніцамі сістэматызуем прынцыпы складання калекцыі Радзівілаў і Вітгенштэйнаў, састаўныя часткі якой фарміруюць памяць пакаленняў, што грунтуецца на наступнай структуры:

- партрэтны жывапіс – жанры пахавальнага партрэта, урачыстага партрэта (партрэт у поўны рост), дзіцячы партрэт;
- копіі старадаўніх партрэтаў Радзівілаў, створаныя мастакамі XIX стагоддзя для распаўсюджвання сярод прадстаўнікоў знакамітага роду;
- рэканструкцыя саркафагаў і добраўпарадкаванне крыпты Фарнага касцёла Нясвіжа (касцёл Божага цела), якую распачаў граф Л. П. Вітгенштэйн;
- дэманстрацыя ўзбраення і рыцарскіх даспехаў, прыналежных прывілеяваным саслоўям арыстакратаў.

Раскошныя інтэр’еры замка – старажытная мэбля, паркет з інкрустацыяй з розных парод дрэва не лічыліся для прадстаўнікоў роду Радзівілаў асобнай каштоўнасцю ў XIX стагоддзі і не ўваходзілі ў перапіс калекцыі магнатаў. Інтэр’ер выступаў неабходнай часткай паўсядзённай культуры, якая ўспрымалася арыстакратамі як належнае.

ЛІТАРАТУРА

1. Ардынацыя // Асветнікі Беларусі (X – пач. XX ст.) : даведнік. – URL: <https://slounik.org/asvietniki/> (дата звароту: 12.03.2024).
2. Жывапіс барока Беларусі / аўт.-склад. Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : БелЭН ; МФКД, 2003. – 304 с.
3. Несвижские ординаты // История. Музей-заповедник «Несвиж». – URL: https://niasvzh.by/history/nesvizhskie_ordinaty/ (дата обращения: 10.03.2024).
4. Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям (Прилож. к «Минским епархиальным ведомостям» за 1878 год). – Минск : Типо-Литография Ю. И. Соломонова, 1878. – 274 с. – III – Слуцкий уезд / Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. – URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/14637/> (дата обращения: 12.03.2024).
5. Попко, О. Н. Художественные коллекции князей Витгенштейнов в контексте европейского искусства XIX в. : в 2 т. / О. Н. Попко. – Минск : Беларус. навука, 2023. – Т. 1: Живопись. – 558 с.

А. М. Кушнярэвіч, В. В. Навумава

ВІДАВАЯ ГРАВЮРА ПОЛОЦКА Ў НЯМЕЦКІХ “ЛЯТУЧЫХ ЛІСТКАХ”

Сучаснае беларускае крыніцазнаўства па гісторыі ранняга Новага часу шмат зрабіла па ўвядзенні ў навуковы зварот візуальных крыніц, да якіх можна аднесці і нямецкія “лятучыя лісткі”. Гэты тэрмін у’яўляе сабой кальку з нямецкага слова *Flugblatt* (ад *fliegen* ‘лётаць’ і *Blatt* ‘ліст’). Яго змястоўнае

напаўненне перадаецца ў больш разгорнутай форме паняццем *лістоўка*, пад якой маецца на ўвазе дакумент агітацыйнага, палітычнага ці інфармацыйнага зместе. Першыя ілюстрыраваныя лістовак сярод нямецкай публіцыстыкі ранняга Новага часу тлумачыцца, у першую чаргу, іх нагляднасцю. Для рэалізацыі лістовак у XVII ст. нават з’явіліся адмысловыя людзі, якія паставілі іх публікацыю і продаж на прафесійную аснову [1].

У Еўропе яшчэ з сярэдзіны XV ст. пачалі цыркуляваць першыя рукапісныя лісткі з апошнімі навінамі-паведамленнямі пра важнейшыя бітвы і аблогі, стыхійныя бедствы і надзвычайныя прыродныя з’явы, пра першыя геаграфічныя адкрыцці. Па меры рэзкага павелічэння колькасці адукаваных людзей і попыту на такія аператыўныя навіны іх пачынаюць распаўсюджваць у друкаваным выглядзе. Першае вядомае выданне 1502 г. ужо называлася *Zeitung* (‘звестка’ ці ‘паведамленне’). Гэта слова пазней замацуецца ў нямецкай мове для абазначэння газеты [2, с. 213]. Аднак спачатку ў Германіі эпохі Адраджэння вялікае распаўсюджванне мелі менавіта рукапісныя інфармацыйныя лісткі, названыя Лютэрам *лятучымі лісткамі*. Найбольш цікавыя з іх уладальнікі друкарняў перадрукоўвалі на станках і распаўсюджвалі на ярмарках [3].

У XVI–XVII стст. “лятучы лісток” меў вялікае значэнне і шырокую папулярнасць як моцны сродак прапаганды. Паступова яго выраб аформіўся ў асобны від друкаванага мастацтва. У тэхнічным плане гэтаму садзейнічала сумяшчэнне меднай пласціны гравюры і наборнага шрыфта на адным лісце. У выніку такая лістоўка са сродка рэлігійнай прапаганды пераўтвараецца ў асобны від масавага мастацтва, які ахоплівае палітыку, рэлігію, літаратуру, часткова навуку і культуру. Неабходна падкрэсліць і прадуманы падзел працы ў выдавецтвах: гравюрамі займаўся адзін майстр, для напісання тэксту часам запрашалі каго-небудзь з таленавітых паэтаў і г.д. Бачна, што такая лістоўка – сінтэтычны прадукт, які аб’ядноўвае вобраз і тэкст. У ёй змест, назва, агульная тэма і мастацкае выкананне накіраваны на тое, каб зацікавіць гледача, быць даступным і прыцягальным твораў. Нельга не заўважыць і тое, што тэкст лістоўкі часцей за ўсё набліжаны да актуальных падзей, да гістарычнай сітуацыі, застаўляючы ўзаемадзеянне з сабой чалавека таго часу. Такія асаблівасці ставяць “лятучы лісток” на адзін узровень з твораў каталіцкага мастацтва як у Германіі, так і ў астатняй частцы Еўропы. Таму неабходнасць аналізу з мастацтвазнаўчых пазіцый у лістоўцы выявы і тэксту пацвярджае яе сінтэтычны характар і структурную асаблівасць як твора мастацтва. Яна заўжды мела гучную назву, якая выклікала цікавасць “Праўдзівая выява”, “Праўдзівы вобраз” і г. д. Асабліва варта заўважыць, што “аўтар”, звяртаючыся да “гледача”, імкнецца стварыць уражанне рэальнасці выявы [4, с. 135–136].

Асабліва шмат звестак, якія тычыцца беларускай гісторыі, сустракаецца ў газетах часоў Лівонскай (Інфлянскай) вайны (1558–1583 гг.) Яе падзеі кранае каля 50 нямецкіх “лятучых лістоў”, якія былі выдадзены ў перыяд з 1561 па 1582 год. Цікава, што не выклікаў іх з’яўлення пачатак Інфлянцкай

кампаніі. Таму першыя “лятучыя лісткі”, інфармаваўшыя пра падзеі ў Усходняй Прыбалтыцы, выйшлі толькі ў 1561 г., але ў цэлым у грамадска-палітычным жыцці Святой Рымскай імперыі рэакцыя на разгром Інфлянтаў была даволі стрыманай. Звесткі ж пра захоп Полацка па-сапраўднаму ажывілі нямецкую публіцыстыку. Трагедыі найстарэйшага беларускага горада прысвечана агулам 10 асобных інфармацыйных лісткоў, выдадзеных у тым жа 1563 г. у Нюрнбергу, Аўгсбургу, Любеку ды іншых гарадах [5, с. 264; 6, с. 4]. “Лісткі” пісалі і перакладалі на нямецкую мову і латынь ў Польшы, затым друкавалі ў Германіі, адкуль яны разыходзіліся па ўсёй Еўропе. Да іх падрыхтоўкі, напэўна, былі далучаны нямецкія аўтары з Лівоніі і ўласна нямецкіх гарадоў, якія мелі інфарматараў з ліку эпістальярных карэспандэндаў у Рызе, Польшы, ВКЛ [3]. Цэнтрам па падрыхтоўцы і выданню “лятучых лісткоў” быў Нюрнберг, але гэту выдавецкую справу падхопліваюць і іншыя нямецкія гарады, а таксама чэскія, французскія і г.д. У выніку лісткі выходзяць ужо на некалькіх мовах. Пры ўсім захаванні атрыбутаў інфармацыйнасці ўзровень праўдзівасці “лятучых лісткоў” невялікі. Падзеі часам мадэліруюцца і падганяюцца пад шаблоны (вялікія арміі, маскоўскія войны ў еўрапейскіх даспехах штурмуюць сцены еўрапейскага горада), скажаюцца і сачыняюцца ў адпаведнасці з аўтарскай задумай і прапагандысцкімі мэтамі [7, с. 67]. Выяўленчае напаўненне “лятучых лісткоў”, звязаных з гісторыяй узяцця Іванам Грозным Полацка ў 1563 г., дастакова беднае і банальнае. Так, у выдадзенай ў Аўгсбургу ў 1563 г. лістоўцы распаўядаецца пра штурм маскавітамі ў еўрапейскіх даспехах мураванай крэпасці, хаця полацкія замкі былі драўлянымі. Пры чым варыянты гравюры з крэпасцю прапаўноўваліся розныя. У нюрнбергскім “лістку” 1563 г. “Кароткі дакумент і апісанне вялікага і магутнага пахода Маскавіта на Полацк у Літве 31 студзеня дадзенага 63 года” паказана войска, якое ўваходзіць праз гарадскую браму ў нерэальны Полацк, што мае еўрапейскі гатычны архітэктурны воблік. Гэтай гравюры ўласцівы ўмоўны характар [5, с. 267; 7, с. 68]. “Гэтая выява больш нагадвае падзеі нядаўняй Шмалькадэнскай вайны ў Германіі паміж пратэстантамі і каталікамі, чым сапраўдную трагедыю, якая напаткала Падзвінне ў лютым 1563 годзе. Хутчэй за ўсё, нямецкі мастак намаляваў у’яўны Полацк такім, якім, на яго думку, мусіў выглядаць еўрапейскі горад увогуле, – з зубчатымі мурамі, вежамі, гатычнымі святынямі і камяніцамі, зусім як родны Аўгсбург, Прага або Ёроцлаў. Наяве калыска беларускай дзяржаўнасці выглядала інакш. І сцены былі драўляныя, і ўвогуле архітэктурна была крыху іншая, чым на Захадзе Еўропы” [2, с. 215–216].

Асада Полацка ў 1579 г. каралём Рэчы Паспалітай Стэфанам Баторыям таксама мела свой візуальны рад і была шырока прадстаўлена ў еўрапейскай гравюры. Выявы былі складзены сведкамі тых падзей, якія былі разам з каралём пад сценамі горада. Гэта славуць замалёўкі С. Пахалавіцкага рускіх крэпасцяў (Сокал, Туроўля, Краснае, Сушы, Касьяна і Сітны), полацкіх прыгарадаў, узятых войскамі Баторыя, яго ж замалёўкі штурма Полацка 29 жніўня 1579 г., карта Полацкага княства, план асады Полацка Стэфанам Баторыям.

Гэтыя выявы неаднойчы друкаваліся. Важным з’яўляецца іх дакументалізм: калі раней назіраецца пэўная ўмоўнасць і стылізацыя ілюстрацый, прысвечаных Лівонскай вайне, то малюнкi і гравюры, прысвечаныя аблозе Полацка 1579 г., дэманструюць высокую ступень сапраўднасці і дэталізацыі. Умацаванні полацкіх прыгарадаў вымяраліся Пахалавіцкім аксанаметрычна разам з нямецкім інжынерам П. Фракусам. Першы з іх зрабіў план аблогі Полацка ў еўрапейскіх традыцыях ваеннай картаграфіі. На сапраўднасць выявы прэтэндуе малюнак, выдадзены ў 1579 г. ў выглядзе “лятучага лістка” у Нюрнберзе Г. Макам (G. Mack), на якім паказаны апошні штурм і здача маскоўскім войскам Полацка 30 жніўня 1579 года. У лістоўцы, акрамя тэксту, актыўна выкарыстоўваліся ілюстрацыі, пры чым не выдуманая, як у пачатку Лівонскай вайны, а з прэтэнзіяй на “карцінку з натуры” [8, с. 8–9]. Таму пэўную каштоўнасць мае расфарбаваная гравюра з гэтага лістка. Аўтар гравюры паспрабаваў злучыць на адной выяве ўсе асноўныя падзеі, якія адбыліся паміж 11 і 31 жніўня, што надае твору крыху ўмоўны характар. У цэлым жа яна праўдзiва перадае рэльеф мясцовасці, размяшчэнне войскаў і не прычыць гравюры С. Пахалавецкага. З левага боку арыентаванай на ўсход гравюры, у сутоках Дзвіны і Палаты, паказаны Полацк [2, с. 216–217]. Яе аўтарам мог быць прыдворны картограф, геаметр і гравёр С. Баторыя Пятро Франк (Peter Frank). 19 верасня 1579 г. ён атрымаў ад караля эксклюзіўны прывілей на гравіраванне, друкаванне і распаўсюджванне планаў Полацка і замка Сокал, а таксама любых картаў, якія выяўлялі вызвольную кампанію 1579 года. Аднак пакуль што канчаткова не высветлена, ці ён толькі апрацоўваў замалёўкі з натуры, зробленыя іншымі каралеўскімі картографамі, у першую чаргу С. Пахалавіцкім, альбо сам быў аўтарам асобных з іх [2, с. 218].

На сённяшні час вядома 12 рукапісных і 7 друкаваных “лятучых лістоў”, прысвечаных пачатай у 1579 г. вызваленчай кампаніі Стэфана Баторыя, але ўжо толькі некаторыя з іх інфармуюць пра Полацк, які пасля 1563 г. больш не трапляў у цэнтр увагі такой колькасці еўрапейскіх выданняў [5, с. 269].

Як бачна, відавая гравюра Полацка з нямецкага “лятучага лістка” 1579 г. змяшчае цікавы графічны матэрыял, які ўтрымлівае пэўную інфармацыю па рэканструкцыі тапаграфіі і абарончых умацаванняў горада. У цэлым жа гравюры 1563 г. і 1579 г. з нямецкіх ілюстраваных лістовак дапамагаюць больш выразна ўбачыць добра вядомыя падзеі айчыннай гісторыі таго часу.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лазарева, А. В.* Символично-аллегорические представления о понятии “союз” в немецких иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648) / А. В. Лазарева // Исторические исследования : Журнал Истор-го фак-та ун-та им. М. В. Ломоносова. – URL : <http://www.historystudies.msu.ru> (дата обращения: 27.01.2024).

2. *Белы, А.* Полацк у нямецкіх “лятучых лістках” XVI ст. Інфлянцкая вайна на старонках першых еўрапейскіх газет / А. Белы // Спадчына. – 1997. – № 6. – С. 213–219.

3. *Филюшкин, А. И.* Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. / А. И. Филюшкин, А. В. Кузьмин. – URL: <https://coollib.net/b> (дата обращения: 15.02. 2024).

4. *Эсоно, А. Ф.* Топографические виды в немецком летучем листке XVII века : «Портрет города» и правдоподобие барокко / А. Ф. Эсоно // Искусство Евразии. – 2020. – № 1 (16). – С. 134–143.

5. *Сагановіч, Г.* Захоп Полацка Іванам IV у нямецкіх «лятучых лістках» 1563 г. / Г. Сагановіч // Матэрыялы III міжнар. канф. «Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі» ; Полацк, 21–23 кастр. 1997 г. / укл. Т. А. Джумантаева. – Полацк : ПДУ, 1998. – С. 263–270.

6. *Сагановіч, Г.* «Жаласны плач горада Полацка» / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд. – 2001. – Т. 8 – Сш. 1–2 (34). – С. 4–24.

7. *Филюшкин, А. И.* Европейская пропаганда о взятии Полоцка в 1567 г. / А. И. Филюшкин // Вестн. СПбГУ. – Сер. 2. – 2012. – Вып. 3 – С. 65–71.

8. *Филюшкин, А. И.* Завоевание Стефаном Баторием Полоцка в 1579 г. в европейском нарative / А. И. Филюшкин // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – 2014. – Сер. 2. – Вып. 1. – С. 5–11.

Д. В. Майборода

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ КАНТА ДЛЯ БЕЛОРУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В 2024 году в связи с трехсотлетием со дня рождения Канта философы всего мира поставили вопрос об актуальности кантовского наследия, а также о том, как именно стоит актуализировать Канта, – то ли обновлять его идеи (создавая нечто вроде второй волны неокантианства), то ли использовать его рефлексии как мотив для собственных творческих разработок. В данной статье попробуем понять, какие границы и возможности есть у Канта для современной белорусской диалогической традиции. Это, разумеется, образ в известной мере лишь субъективный, однако в современной диалогической философии считается, что всякая интерсубъективность возможна лишь как произрастающая из субъективности (хотя в ней и обнаруживается некоторый протосубъективный исток, например, такой, как «коллективное бессознательное» или «общественное сознание»).

Обращение к изучению значения Канта для диалогической философии Беларуси актуально не только потому, что я являюсь ее сторонником (хоть это и помогает мне изнутри увидеть возможности и границы кантовской философии в отношении диалогизма), но и потому, что, по моему мнению, эта традиция – одна из самых сильных и сохраняющих большой потенциал традиций философии в Беларуси. Безусловно, диалогическая философия

в Беларуси никогда не «звучала» так сильно, как схоластика и православное славянофильство, диалектический материализм или философская школа методологии науки. Однако, оставаясь на втором плане и по большей части вне ярких манифестаций, диалогическая философия играла роль несущего основания интеллектуального развития именно потому, что представление о значимости философских дискуссий разделялось большинством философов, даже когда они были вынуждены в силу политических ситуаций декларировать обратное. Конечно, это происходило не потому, что в самой сердцевине белорусской традиции вызревали какие-то особые представления, – философия по сути своей диалогична, и занятия ею даже при ее искажении, тем не менее, приводят к некоторой диалогизации интеллектуального пространства (в сравнении с эффектом, производимым религией). И сегодня, когда ряд продолжателей традиции диалогизма разочарованы в ней или считают ее исчерпанной, идеи о значении дискуссий для развития философии остаются не только практически актуальными, но и разделяемыми большинством философов.

Для того, чтобы говорить об актуальном значении Канта для диалогической философии в Беларуси, стоит вначале прояснить вопрос его важности для истории развития философии в Беларуси вообще. Не рискуя составлять конкуренцию историкам философии, посвятившим данному вопросу свои исследования [1; 2; 3; 4], среди них стоит выделить монографию, в которой образ влияния Канта на белорусскую интеллектуальную традицию представлен системно [5], ограничимся несколькими обобщающими замечаниями, касающимися лишь аспекта диалогической традиции.

Как и во всяком другом интеллектуальном пространстве, в Беларуси отношение к Канту отражало особенности истории культуры и общества. Поскольку первый этап влияния Канта на белорусскую культуру происходил в эпоху господства религиозной философии, то важнейшим аспектом было то, как именно религиозные философы оценивали выражение Кантом идеологии Просвещения и как они вообще относились к этой идеологии. Религиозные философы православия и католичества резко критиковали Просвещение, и вряд ли можно было ожидать от них другого отношения к антиклерикальным идеям, к тому же к идеологии, которая привела к Великой французской революции и наполеоновским войнам со всеми их жертвами и преобразованиями реальных политик в отношении церкви. Конечно, не Кант сказал «раздавите гадину» (то есть церковь) и что «человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника». Однако религиозные философы рассматривали идеи Канта как один из символов Просвещения, чреватого революционным радикализмом. К тому же религиозная философия католичества и православия в то время была радикально против вывода Канта о том, что знание о существовании или несуществовании Бога принципиально невозможно. Рассуждения же Канта в его работе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» о возможностях и границах свободомыслия священников прямо

воспринимались как провокация ересей. В протестантских странах (даже в родной для Канта Пруссии) философия религии Канта оказалась под запретом, и более строгие запреты на кантианство имели место во влиятельном в Беларуси католичестве («Критика чистого разума» была внесена в «индекс запрещенных книг»).

Конечно, и на территории Беларуси некоторые интеллектуалы пытались доказать, что кантовская философия отрицает не Бога, а лишь то, что теология представляет собой науку, тем самым освобождая религию от претензии на знание, что позволяет сконцентрироваться на вере. Однако такое ограничение религии в сфере знания не было приемлемым ни для католичества, ни для православия. И в той, и в другой конфессии считалось и считается, что истинное знание – в религии, теология же – высшая из наук, которой все прочие должны подчиняться, поскольку знание в них носит лишь частичный и проблематический характер.

Что же касается философии, то она воспринималась как относительно полезная лишь в случае, если подтверждала авторитет церкви. Относительность тут связана как с образом самодостаточности религии (ее самодержавие не требует поддержки ни от каких других форм культуры), так и с недоверием к рациональности вообще (доверие к разуму, подтверждающему веру сегодня, может вылиться в доверие ему завтра, когда он ее опровергнет). Католичество и православие с еще большим подозрением смотрят на философию как возможного конкурента теологии в руководстве науками и доминирующим мировоззрением общества.

Русское православие отличалось и отличается крайне жестким отношением к философии, причиной чего является память о том, что она использовалась для обоснования репрессий в отношении христианства в античности, а затем и в советский период. Некоторое ослабление жесткости отношения происходило лишь в начале XX века в ходе распространения так называемого «богоискательства», не потому, что это явление рассматривалось как перспективное с точки зрения модернизации Русской православной церкви, а поскольку оно предопределяло церковную социализацию интеллигенции, которая в противном случае вставала на антиклерикальные позиции. Православное славянофильство еще более отрицательно относилось к Канту и немецкой философии в целом, поскольку тут добавлялось еще и негативное отношение к иноземным культурным влияниям.

В католичестве более мягкое отношение к философии восходит к средневековой концепции двух путей к истине (для нее утвердилось не вполне удачное название – «двойственная истина»). Согласно этой концепции считается, что науки и философия истинны в той мере, в какой они представляют окольный путь к Богу. Они познают творение Бога, а это подтверждает истинность прямого пути к Богу – откровения, то есть религии. В том же, в чем философия противоречит религии, она нивелируется.

Кажется, что Кант идет именно этим путем, разграничивая пути религии и науки, там самым создавая возможность для преодоления многочисленных проблем, связанных с их взаимодействием. Например, коллизия «церковь

против гелиоцентрической модели» у него оказывается легко решаемой (поскольку религия не наука, она не может утверждать истинность или ложность какого бы то ни было описания устройства вещественного мира). Однако в то же время следует вспомнить, что во времена Канта католичество все еще запрещало гелиоцентрическую модель (вернее, она допускалась лишь как формализм для расчета движения небесных тел, который не имеет отношения к действительному положению вещей). И тем более католичество не собиралось ограничивать свое доминирующее влияние на научную жизнь (разумеется, в тех странах, в которых оно сохранялось).

Это обосновывалось тем, что отказ религии подчинять себе науку вылился бы в усиление влияния науки на общественное мировоззрение в условиях, когда это влияние и так быстро росло в ходе Просвещения и успехов индустриальной революции. В определенной мере эффект этого разделения функций науки и религии можно увидеть в современных западных обществах, где широко распространено мнение, что наука решает проблемы, а религия – нечто вроде хобби или бюджетного замещения профессиональных психологов.

К тому же принятие господствовавших тогда научных описаний мира делало неприемлемыми многие догмы христианства. Например, христианский образ сотворения мира, в котором свет был создан раньше звезд, сегодня прямо соответствует теории Большого взрыва. Однако в XIX в. этот религиозный образ казался совершенно абсурдным, исходя из небулярной концепции происхождения мира, которую, кстати говоря, предложил сам Кант (первоначальное скопление частиц по законам небесной механики образовывало вихри, наиболее плотные из которых (звезды) порождали свет). Следует также учитывать влияние нашедшей самое широкое распространение ярко антиклерикальной истории о развивавшем небулярную концепцию Пьере-Симоне Лапласе, – он на вопрос Наполеона, какое место занимает Бог в этой концепции, ответил «В этой гипотезе я не нуждался».

Фактически, ограничивая свое влияние на науку, церковь должна была бы постоянно переписывать религиозные догмы в соответствии с новейшими научными открытиями. Практически такую ситуацию мы также наблюдаем в современных западных обществах, где, например, церковь должна объяснять, что идея «сотворения человека из земли» не противоречит концепции возникновения человека от обезьяноподобного предка, поскольку в широком значении слово *земля* обозначает всех живых существ вообще. Ясно, что накопление такого рода периферийных концепций рано или поздно заставляет задуматься о том, не стоит ли отказаться также и от концептуального ядра.

Наконец, стоит отметить и то, что в католическом мире Кант воспринимался несколько враждебно вследствие того, что он был представителем протестантской культуры. В то же время ориентация схоластики на диспуты для более полного уяснения истины содержала в себе явно диалогическую интенцию, способствовавшую знакомству церковных интеллектуалов со все-

ми распространенными философскими концепциями, включая кантовскую. Именно это и сформировало первоначальную основу белорусской рецепции идей Канта.

Совершенно иное отношение к Канту стало доминирующим на белорусских землях после установления советской власти. Если до революции Кант рассматривался в основном как чрезмерный вольнодумец, то после нее – как недостаточно передовой мыслитель даже для своего времени. И в Беларуси, и во всем СССР доминировало мнение, что идеи Кант значимы потому, что он «пробудил» Гегеля, а Гегель – Маркса и Энгельса, которые в свою очередь «разбудили» Ленина. Но при этом считалось, что Канта следует подвергать жесткой критике потому, что его философия дает основания для всех, кто всерьез обращается к его наследию (прежде всего для неокантианцев), реабилитировать религию, спекулятивность и придерживаться идеологии социального реформизма, которому в советской философии противопоставлялся идеал социальной революции. Справедливости ради следует отметить, что основания такого отношения к Канту лежат не только в марксизме, но и в традиции эмпиризма, – такого рода критика проявилась еще в XIX в у Яна Снядецкого и Анёла Довгирда [2]).

Подобно ситуации со схоластикой, в советские времена считалось, что изучение философии Канта полезно для умения опровергнуть позицию противоположного идеологического лагеря. Такая ситуация – в значительной степени результат того, что философия Канта благодаря своей взвешенности оказалась как бы «золотой серединой» между экстремальными идеологиями теизма и атеизма, консерватизма и радикального прогрессизма, рационализма и сенсуализма.

Ясно, что, критикуя кантовские концепции, советские философы, как, вероятно, прежде религиозные критики Канта, не могли не отметить удачности этой диалектической по сути позиции философа. Именно поэтому в позднесоветской и постсоветской белорусской философии труды Канта начинают восприниматься как продуктивная альтернатива всякой крайней идеологии, в связи с чем появились исследования, ставившие целью адекватное понимание концепций Канта [6; 7; 8; 9; 10]. Отдельного упоминания заслуживает Татьяна Герардовна Румянцева, которая своими исследованиями [11; 12; 13; 14; 15; 16] завоевала статус главного кантоведа страны, ее многолетние усилия по преподаванию и популяризации философии Канта сформировали целую плеяду оригинальных исследователей его творчества [17; 18; 19; 20]. Некоторые из этих исследователей касаются также тем диалогической философии, однако не в контексте изучения наследия Канта.

В белорусской диалогической философии Канта принято рассматривать как одного из самых монологических философов, и в этом особенной специфики в отношении диалогической философии в целом нет. Белорусские диалогисты чаще пытаются найти возможности диалогизации философии Канта, в чем можно увидеть прежде всего отголосок марксистской традиции (видевшей кантовскую концепцию началом немецкой классической филосо-

фии, а Людвиг Фейербаха с его отчетливо диалогическими прозрениями – концом и непосредственным предтечей философии Маркса). Однако сами по себе концепции Канта не оставляют больших возможностей для диалогической интерпретации, поскольку общий дух кантовской философии состоит в попытке найти однозначно истинную точку зрения в отношении каждого рассматриваемого вопроса (в этом, кажется, проявилась особенность культуры и образовательной системы периода Просвещения).

Значит ли это, что идеи Канта неактуальны для современной диалогической философии? Прежде всего стоит отметить, что концепции Канта, несмотря на их претензии на однозначную достоверность, не были приняты философским сообществом в таком статусе, но провоцировали и все еще провоцируют значимые в интеллектуальной сфере дискуссии, что делает обращение к его философским концепциям актуальным для диалогической философии как минимум в дидактическом плане (для освоения и создания практик ведения диалога). Также следует признать дидактическую важность для диалогической философии самого факта того, что кантовская претензия на однозначную истинность не была принята его последователями. Это, конечно, отнюдь не доказывает полной непродуктивности всякой такого рода попытки вообще, о чем свидетельствует то, что от этой претензии философы после Канта отнюдь не отказались. Но поскольку даже оригинальный и очень интересный по затее проект динамически-синтетической философии продолжателя Канта Георга Гегеля не был принят философским сообществом как действительно однозначно достоверная теория философии, данные факты должны приниматься как подтверждающие неправомочность этой претензии, что значимо для формирования габитуса диалогического философа.

Однако все это – только формальная значимость, а существуют ли содержательно значимые для диалогизма аспекты концепций Канта? При разборе различных его концепций сталкиваемся с тем, что чрезвычайно сложно усмотреть в них что-либо диалогически актуальное по причине фактического отрицания Кантом того понятия личности, на котором строится диалогизм.

В своей работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» Кант прямо заявляет, что различие «моего» и «твоего» базируется на «очень странной логике», по которой «от нашей *воли* зависит, чтобы известное положение было истинно или ложно» [21]. Тем самым получается, что один человек от другого отличается не уникальной полнотой личности, включающей в себя многочисленные элементы биологического и культурного порядков, а лишь каким-то особым проявлением воли.

Трансцендентальные идеалисты действительно видят в человеке некоторый идеальный тип познающей и направляющей деятельности (волящей) машины. Если кто-то не способен освоить ту или иную операцию (или совокупность операций) рационального субъекта, то именно в этом смысле он оказывается лишенным собственно человеческого, тем самым оказываясь в нужде особого попечения, которого требуют, например, дети, люди с труд-

ностями развития, варвары и другие группы индивидов. С этой точки зрения попытка понять ход мыслей такой особи – бесполезная трата ресурсов, которые куда полезнее могут быть направлены на уяснение наилучшего способа заботы о преодолении ее немощи.

Разумеется, сегодня такое понимание человека рассматривается скорее как пережиток идеологии Просвещения, чем как некоторый ориентир. Соответственно, и концепции Канта представляются как локально значимые (обычно из них берется нечто подходящее к конкретному случаю и используется чисто инструментально). Однако некоторый потенциал для диалогизма в философии Канта все же можно увидеть. Дело в том, что нельзя однозначно утверждать, что образ человека у Канта – лишь только трансцендентально-идеалистический. В своих работах он признает двойственность человека, который также представляет собой существо эмпирическое. Эмпирический человек – не просто особый объект среди других объектов в мире. Человек, как он познается в реальном опыте, содержит в себе потенциал реализации трансцендентального субъекта.

Однако трансцендентальный субъект – это только один из аспектов мышления человека эмпирического. В человеке есть и двойственность, и взаимная дополнительность двух сторон существования. Более того – другой человек открывается познанию не только в его чисто феноменальном, но и в сущностном планах (хотя и следует признать, что сущность раскрывается лишь в контексте явления). Диалог – фактически и есть открытие в другом человеке той его инаковости, которая относится к его проявляющейся сути. Стоит отметить и то, что лишь в диалоге мной обнаруживается и собственная подлинная суть в той мере, в какой она проявляется для другого человека. Вне моего проявления для другого моя суть есть лишь проект, который может быть и не реализован.

А если все это действительно так, то следует ограничить притязания Канта на определение сути знания и долженствования только самим субъектом. Скорее само это притязание должно быть осмыслено как проявление конкретно-исторической культуры и связанной с ней экзистенциальной ситуации. В случае этой интерпретации концепции Канта могут быть востребованы как проясняющие важный аспект человеческого существования в современных условиях.

Здесь следует отметить, что последующая история философии развивалась именно в направлении такой коррекции образа философии, – тут можно отметить и шеллинго-гегелевскую диалектику, и иррационалистическую реабилитацию жизни и существования в трудах Артура Шопенгауэра, Серена Кьеркегора, Фридриха Ницше, Вильгельма Дильтея, Анри Бергсона и многих других философов, не исключая и социально-культурологическое ангажирование мысли в марксизме. Фактически диалогизм опирался на все эти пункты устранения монологической иллюзии, которую развивал Кант и начало которой следует, очевидно, искать в рационализме Рене Декарта. Однако сегодня важнее уже не критика монологизма, а понимание того, что в нем

было продуктивного, поскольку вне понимания этого диалогизм вполне может оказаться апологией неопределенности и пассивности. И это чрезвычайно важно для современной белорусской диалогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Румянцева, Т. Г.* И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2021. – Т. 40, № 3. – С. 127–149.

2. *Клевченя, А. С.* Философские идеи Канта в Белоруссии (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума») / А. С. Клевченя // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. – 1981. – № 1. – С. 25–28.

3. *Легчилин, А. А.* Рецепция идей И. Канта в контексте минского интеллектуального пространства (вторая половина XIX в.) / А. А. Легчилин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2024. – № 2. – С. 12–19.

4. *Шалькевич, В. Ф.* Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В. Ф. Шалькевич, А. А. Легчилин // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта : труды междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – Ч. I. – С. 87–98.

5. Иммануил Кант и Беларусь (к 300-летию со дня рождения). – Минск : РИВШ, 2024. – 212 с.

6. *Грудницкий, Г. Д.* Проблема активности субъекта познания в немецкой философии второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. Д. Грудницкий. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1986.

7. *Грудніцкі, Р.* Нямецкая асвета і Кант (праблемы гнасеалогіі) / Р. Грудніцкі. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2006.

8. *Казарян, Э. Л.* Проблема активности чистых форм чувственного созерцания в гносеологии И. Канта : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Э. Л. Казарян. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1990.

9. *Семенов, Н. С.* Учение об идее и ее логическом содержании у Канта и Гегеля : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. С. Семенов – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1987.

10. Философия И. Канта и современность : материалы Междунар. науч. конф., 19–20 ноября 2004 г. / ред. А. И. Зеленков, Т. Г. Румянцева, А. А. Легчилин, В. Т. Новиков. – Минск : Технопринт, 2005.

11. *Румянцева, Т. Г.* Философия И. Канта (глоссарий) / Т. Г. Румянцева Минск : Белорус. гос. ун-т, 2004.

12. *Румянцева, Т. Г.* Немецкая трансцендентальная философия (середина XVIII – первая треть XIX в.) / Т. Г. Румянцева – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2008.

13. *Румянцева, Т. Г.* Трансформация Кантом стиля философского письма и ее влияние на последующее развитие западноевропейской философии / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2008. – № 2 (28). – С. 59–66.

14. Румянцева, Т. Г. М. Мендельсон в эпистолярном наследии И. Канта / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2010. – № 1 (31). – С. 41–49.
15. Румянцева, Т. Г. Э. Сведенборг и метафизика сверхчувственного // Кантовский сборник / Т. Г. Румянцева – 2011. – № 4 (38). – С. 7–17.
16. Румянцева, Т. Г. Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля : учеб. пособие / Т. Г. Румянцева – Минск : Выш. Шк., 2015.
17. Бархатков, А. И. Критика кантовского понятия вещи в себе в философии С. Маймона / А. Ц. Бархатков // Философия и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 27–31.
18. Познякова, О. Л. Философия истории И. Канта : антропологические и социально-политические аспекты / О. Л. Познякова. – Минск : РИВШ, 2015.
19. Ровбо, М. В. Проблема трансцендентального субъекта и ее обоснование в критической философии И. Канта / М. В. Ровбо // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. – 2019. – № 2. – С. 9–14.
20. Шуман, А. Н. Трансцендентальная философия / А. Н. Шуман. – Минск : Экономпресс, 2002.
21. Кант, И. О мнимом праве лгать из человеколюбия / И. Кант. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/kant.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Л. Н. Манцевич

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ВО ФРАНЦИИ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Политика памяти играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности, оказывая значительное влияние на политические, социальные и культурные процессы. Во Франции это понятие приобрело особое значение в контексте геополитических трансформаций и внутривнутриполитических изменений. Исторически французская политика памяти была направлена на конструирование национальных нарративов, где центральное место занимали героические события и личности, которые создавали величие Франции и обуславливали ее цивилизационную миссию (*mission civilisatrice*). Однако с конца XX в. эта стратегия претерпела серьезные изменения, акцентировав внимание на признании исторических травм и возмещении ущерба жертвам насилия и преступлений, ответственность за которые возлагается на государство.

В работе рассматривается эволюция французской политики памяти от классической модели, основанной на героизации и мифологизации прошлого, к современному подходу, основанному на признании исторической ответственности. Также исследуются геополитические и внутривнутриполитические факторы, оказавшие влияние на трансформацию этого явления¹.

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

Историческая политика во Франции: концепции и реализация

Необходимо определить особенности того, как формируются и транслируются концепции, связанные с исторической политикой. Так, одно из определений трактует ее как политику государства, связанную со структурами и содержанием коллективных воспоминаний о прошлом. Особенность определения указанного понятия заключается в акценте на действиях и практиках конкретных субъектов, связанных с государством и действующих от его имени, в его интересах. Историческая политика в этом контексте в большей степени связана с «официальной мемориальной нормой или нормами, направленными на гомогенизацию представлений», чем с распределенной «социальной памятью» [5, р. 75–76].

Представители академического сообщества и общественно-политических кругов во Франции, в свою очередь, чаще используют понятие «политика памяти» (*politiques memorielles* или *politiques publiques de la mémoire*). Оно рассматривается как синоним термина «историческая политика» (*politiques historiques*), так как в равной степени касается «политического использования прошлого» [6, р. 22]. Принципиальную роль играет указание на то, что политика памяти относится к сфере публичной (то есть государственной) политики.

Французский философ И. Мишель определил политику памяти как «совокупность действий государственных субъектов, направленных на производство и навязывание обществу общей памяти» [9]. Неотъемлемой частью этого способа общественного воздействия является конструирование органами государственной власти коллективных нарративов. Предполагается, что они должны объединять граждан вокруг общей истории. И. Мишель отмечает, что подобные нарративы могут в большей степени свидетельствовать о том, как властные институты позиционируют себя и свою ценность, чем о реальном состоянии коллективной памяти [9].

Со временем политика памяти приобрела превентивный, воспитательный аспект. Печальные фрагменты истории должны быть доведены до сведения всего общества, чтобы предотвратить их повторение. Но если ранее в центре политики памяти находилась идея цивилизационной миссии Франции, то обновленный подход предполагает инструментализацию исторических травм для регулирования социальных отношений.

Рассматривая понятие «культуры памяти», французские авторы зачастую придерживаются наиболее широкого определения, охватывающего все возможные формы общественной памяти об исторических событиях, личностях или процессах, которыми обладают отдельные люди, социальные группы или даже государства. Подобное определение близко к достаточно размытой концепции «культуры памяти» (*Erinnerungskultur*), которая распространена в немецкой академической среде и может интерпретироваться как «уникальное наследие текстов, образов и ритуалов, специфичных для каждого общества и эпохи» [4, р. 108; 3].

Влияние геополитических трансформаций и внутривполитических процессов на формирование концептуальных представлений и практическую реализацию исторической политики во Франции.

Как было отмечено выше, подходы к определению политики памяти во французской историографии тесно связаны с геополитическими трансформациями и внутривполитическими процессами. Так, начиная с конца XVIII в. конструировались и поддерживались представления, в центре которых находились государствообразующие события (14 июля 1789 г., 11 ноября 1918 г.) и героические личности (солдаты, борцы сопротивления, политики, деятели искусства). Национальные герои создавали величие Франции (*grandeur de la France*), призванием которой было достижение всеобщего человеческого прогресса (*mission civilisatrice*) [12, p. 118]. Стремление к культурной унификации многонационального населения путем распространения единых нарративов о славном прошлом Франции определяло политику памяти вплоть до 1980-х гг., кульминацией которой в какой-то мере стало празднование двухсотлетия Французской революции в 1989 г. [7, p. 113].

С 1990-х гг. в практиках политики памяти появился принципиально новый элемент, а именно публичное признание и возмещение ущерба группам, ставшим жертвами насилия или преступлений, особенно преступлений, ответственность за которые возлагалась на государство (работорговля и рабовладельческие практики XVII–XIX вв., депортация и преследование евреев при режиме Виши, война в Алжире 1954–1962 гг.) [11, p. 85-86].

В исследованиях политики памяти во Франции этот элемент трактуется как «долг памяти» (*devoir de mémoire*) [5; 13, p. 223]. Он предполагает, что государство несет моральные обязательства перед жертвами насилия и преступлений и не имеет права использовать «политику забвения» (*politique d'oubli*), замалчивая трагедии прошлого для скорейшего национального примирения. Напротив, такие обязательства требуют «мемориализации» (*mémorialisation*), то есть публичного признания эпизодов несправедливости и притеснения. Таким образом, в понятие политики памяти были включены практики по объяснению и инструментализации воспоминаний о травматических событиях в истории нации.

В результате указанных изменений политика памяти приобрела превентивный, воспитательный аспект. Печальные фрагменты истории должны быть доведены до сведения всего общества, чтобы предотвратить их повторение. Но если ранее в центре политики памяти находилась идея цивилизационной миссии Франции, то обновленный подход предполагает инструментализацию исторических травм для регулирования социальных отношений.

Образовательная цель новой трактовки политики памяти сходна с той, которая поддерживала прежний подход. Тем не менее прежняя стратегия была преимущественно окружена идеей «прогресса» и привязана к идеализированной нации. В то время как новая политика памяти нацелена на предотвращение крайней жестокости путем регулирования индивидуального поведения в рамках межкультурной терпимости. Так, если политика памяти

с XIX в. выполняла функцию социализации всех индивидов в контексте общего прошлого, обеспечивая продолжение коллективности как нации, то с 1990-х гг. эта социализация эволюционировала в направлении предотвращения социальной враждебности.

До начала 1980-х гг. практики политики памяти были преимущественно активны во время памятных событий. В 1980-х гг. они постепенно переходят в статус официальных практик публичной политики (*politiques publiques*), имеющих собственный административный отдел. Сначала они находились под ведомством Министерства ветеранов и жертв войны (*ministère des Anciens Combattants et Victimes de guerre*) под различными названиями: Национальная комиссия по исторической информации для мира (*Commission nationale de l'information historique pour la paix*) в 1982 г., замененная в 1987 г. Постоянной миссией по памятникам и исторической информации (*Mission permanente aux commémorations et à l'information historique*), затем Делегацией по памяти и исторической информации (*Délégation à la mémoire et à l'information historique*) в 1992 г. Служба перешла в Министерство обороны с 1999 г. в составе Дирекции памятников, памяти и архивов (*Direction des patrimoines, de la mémoire et des archives, DPMA*) и с 2022 г. в составе Дирекции памяти, культуры и архивов (*Direction de la mémoire, de la culture et des archives, DMCA*).

Помимо этих служб, другие политические деятели вмешивались в указанную сферу. Главы государств играли важную роль в проведении политики памяти, являясь «ведущими рассказчиками национальной истории Франции» [8, р. 212]. Эта президентская функция, усиленная институтами Пятой Республики, была подтверждена при президенте Ж. Шираке (1995–2007). Ключевым эпизодом в этом отношении было его выступление о роли французского народа в преступлениях режима Виши и событиях «Облавы Вель д'Ив», которое Ж.Ширак произнес 16 июля 1995 г. Он впервые признал ответственность Франции за депортацию евреев, живущих на ее территории во время Второй мировой войны. Позже президент Э. Макрон сделал мемориализацию войны в Алжире одним из основных сюжетов своих выступлений на тему политики памяти. В частности, была введена должность «советника по памяти» (*conseiller mémoire*) в Елисейском дворце.

Этим изменениям способствовала общая геополитическая ситуация и трансформация представлений об институтах и практиках политической памяти в Европейском регионе. Так, в начале XXI в. увеличение количества участников происходило в контексте двух основных трендов. На европейском пространстве происходило активное институциональное переосмысление прошлого, результатами которого стало голосование по таким документам, как резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. «Европейская совесть и тоталитаризм», резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481, призывающая к осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов от 25 января 2006 г.

В 2000 г. в результате встречи 45 государств в Стокгольме был учрежден День международной памяти жертв Холокоста (27 января), последовательно принятый в 2003 г. министрами образования Совета Европы, а затем в 2005 г. – ООН, Резолюция от 23 октября 2008 г. квалифицировала голод в Украине (1932–1933 гг.) как «преступление против человечности». Понятие «системы управления памятью» (*gouvernance mémorielle*) отражает эту ситуацию вовлеченности различных масштабов и участников, в пределах которой теперь реализуются практики политики памяти [8, р. 33].

Изменения в политике памяти во Франции произошли по ряду геополитических и внутривластных причин. С геополитической точки зрения процессы европейской интеграции и мировой глобализации, включая активность институтов Европейского союза, оказали влияние на формирование общеевропейских подходов к памятным событиям, таким как Холокост и событийное, идеологическое наследие СССР. Это привело к растущему вниманию к различным аспектам прошлого, требующим признания и рассмотрения национальными государствами.

Внутривластные факторы также сыграли ключевую роль. Расширение политики памяти стало ответом на социокультурные и общественные тенденции, такие как усиление требований об уважении прав человека, включая раскрытие преступлений прошлого и реабилитацию жертв. Внутри страны возрос интерес к темам, ранее остающимся в тени, таким как роль Франции в колониальных конфликтах, война в Алжире и другие аспекты национальной истории. Политики мемориализации также стали инструментом внутренней политики, используемым для формирования национальной идентичности и поддержания легитимности власти, в том числе с учетом ожиданий различных социокультурных групп.

Эти изменения отражают современный поиск всестороннего и более ответственного взгляда на историю, а также стремление к поддержанию общенационального единства в условиях разнообразия и множественности интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berger, S. German History Politics and the National Socialist Past / S. Berger // The Convolutions of Historical Politics / ed.: A. Miller, M. Lipman. – Budapest : [s. n.], 2012. – P. 21–44.
2. Candau, J. Anthropologie de la mémoire / J. Candau. – Paris : Armand Colin, 2005. – 202 p.
3. Cornelißen, C. Was heißt Erinnerungskultur? Begriff, Methoden, Perspektiven / C. Cornelißen // Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945. – Frankfurt : [s. n.], 2003. – S. 548–563.
4. Cornelissen, C. Histoire du temps présent et culture mémorielle en Europe / C. Cornelissen // Histoire, économie & société. – 2016. – Vol. 35, № 2. – P. 107–123.

5. *Gensburger, S.* Entre «devoir de mémoire» et «abus de mémoire» : la sociologie de la mémoire comme tierce position / S. Gensburger, M.-C. Lavabre // *L'Histoire entre mémoire et épistémologie* / ed.: B. Müller. – Lausanne : [s. n.], 2005. – P. 75–96.
6. *Hartog, R.* Les usages politiques du passé / R. Hartog, J. Revel. – Paris : [s. n.], 2001. – 306 p.
7. *Ledoux, S.* La Nation en récit / S. Ledoux. – Paris ; Belin, 2021. – 348 p.
8. *Michel, J.* Gouverner les mémoires. Les politiques mémorielles en France / J. Michel. – Paris, 2010. – 224 p.
9. *Michel, J.* Un Lavis 2009 / J. Michel // *La vie des idées*. – URL: <http://www.laviedesidees.fr/Un-Lavis-2009.html> (дата обращения: 13.08.2023).
10. *Novick, P.* L'Holocauste dans la vie américaine / P. Novick. – Paris, Gallimard, 2001. – 444 p.
11. *Pervillé, G.* Une politique de l'oubli. La mémoire de la guerre en France et en Algérie / G. Pervillé // *Le Sociographe*. – 2014. – № 2, Vol. 46. – P. 85–95.
12. *Røge, P.* L'économie politique en France et les origines intellectuelles de « La Mission Civilisatrice » en Afrique / P. Røge // *Dix-huitième siècle*. – 2012. – № 1, Vol. 44. – P. 117–130.
13. *Stora, B.* Guerre d'Algérie : les instruments de la mémoire / B. Stora // *La guerre d'Algérie dans la mémoire et l'imaginaire* / A. D. Rosenman (éd.). – Paris, 2004. – P. 215–224.

М. М. Смольянинов

76-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перед Первой мировой войной белорусские земли так же, как и земли Малороссии, Царства Польского, Лифляндии и Курляндии являлись форпостом Российской империи на Западе и в первые же дни по объявлении Германией войны России находились на военном положении. В мобилизации, сосредоточении и развертывании войск для начала военных действий большую роль играл временной фактор. Особенно актуально это было для Российской империи с ее огромным территориальным пространством и слабо развитой сетью железных дорог. Поэтому первейшая роль в сосредоточении и развертывании войск для начала военных действий отводилась соединениям и частям, дислоцировавшимся на территориях, сопредельных территориям враждебных государств – Германии и Австро-Венгрии. На территории белорусских губерний таковыми являлись дислоцировавшиеся тут четыре корпуса со своими дивизиями и полками. Кроме того, здесь формировались две второочередные дивизии – 75-я и 76-я пехотные.

В данной статье речь будет идти о боевом пути и участии в сражениях 76-й пехотной дивизии, в состав которой входили 301-й Бобруйский, 302-й Суражский и 303-й Сенненский пехотные полки, сформированные из мобилизованных чинов запаса Витебской, Могилёвской и Минской губерний [1, с. 73].

Формирование полков производилось в соответствии с мобилизационным расписанием с 18 июля 1914 г.: 301-го Бобруйского и 302-го Суражского – в Бобруйске, 303-го Сенненского – в Могилёве. Для их организации выделялись «кадры» из офицеров и нижних чинов, квартировавшихся в Бобруйске, 157-го Имеретинского и 158-го Кутаисского, в Могилёве – 159-го Гурийского пехотных полков. Командирами полков были назначены соответственно полковники Глаголев, Буйвид и Шушеров.

Комплектование полков личным составом, обмундированием, снаряжением и перевозочными средствами (конями и повозками) производилось одновременно по предварительно составленным расписаниям и было завершено 26–27 июля, об этом и о готовности к выступлению в поход командирами полков было доложено начальнику 76-й пехотной дивизии генералу Я. Д. Юзефовичу. В то же время с личным составом проводились занятия по строевой, огневой и тактической подготовке [2, л. 12].

С 1 по 6 августа полки железнодорожными эшелонами были отправлены в Гродно. По прибытии батальоны 301-го Бобруйского и 303-го Сенненского полков несли гарнизонно-караульную службу в городе, на фортах и опорных пунктах крепости, выполняли работы по усовершенствованию позиций. 302-й Суражский полк 11 августа был командирован для сопровождения 76-й артиллерийской бригады в Восточную Пруссию, где в районе крепости Летцен принимал участие в сражении с германскими войсками, понес потери до половины личного состава убитыми и ранеными – 1 800 человек. Затем вместе с другими частями 1-й армии Северо-Западного фронта полк под давлением и ударами противника отступил в пределы российской территории и был направлен в крепость Гродно [1, с. 78–79].

303-й Сенненский полк был отправлен из Гродно в Августов Царства Польского в середине октября 1914 г., где поступил в распоряжение командира 22-го армейского корпуса, по приказу которого неоднократно направлялся на поддержку частей 1-й и 2-й финляндских бригад и 4-го финляндского полка, сражавшихся в Восточной Пруссии, несли потери в личном составе убитыми и ранеными [3, л. 30–35].

В последних числах ноября 1914 г. 303-й Сенненский полк был назначен в распоряжение командира 26-го армейского корпуса. Батальоны полка были сменены на позициях финляндскими частями и передислоцированы в новый район вдали от передовых позиций. 6 декабря приказом командира корпуса полк был передан в распоряжение начальника 84-й пехотной дивизии. Батальоны полка сменили на позиции части этой дивизии, попеременно занимали боевую линию, занимались укреплением позиции, разведкой неприятельского расположения [4, л. 43].

301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии были отправлены из Гродно 8 и 9 ноября 1914 г. в район г. Сохачёв (западнее Варшавы), принимали участие в сражениях в районе Ловича. Подразделения полков неоднократно выделялись командованием на поддержку частей 2-го, 6-го и 22-го армейских корпусов, несли потери [5, л. 13–59].

Принимая участие в сражениях 1914 г. разрозненно, части 76-й пехотной дивизии по прибытии 303-го Сенненского полка из Восточной Пруссии воссоединились в январе 1915 г. и почти ежедневно продолжали борьбу с противником на территории Царства Польского до «великого отступления» русских войск вглубь территории своей страны [6, л. 1–64]. В ходе отвода с июня по сентябрь 1915 г. личный состав частей 76-й пехотной дивизии вместе с другими мужественно и самотверженно сдерживал натиск противника, принял деятельное участие в ликвидации Свенцянского прорыва германских войск [1, с. 112–118].

Со стабилизацией линии фронта в конце сентября 1915 г. по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск 76-я пехотная дивизия заняла позиции в промежутке озер Нарочь и Вишневское по линии деревень Тарасовичи, Спягло, Иваньки, Островляны, Лыцевичи. С наступлением зимнего времени крупных наступательных операций противоборствующие стороны не предпринимали. Главным стало удержание занятых позиций и их укрепление, строительство и оборудование землянок, блиндажей и оборонительных сооружений, несение боевой и сторожевой службы.

Во второй половине февраля – по 6 марта части 76-й пехотной дивизии распоряжениями командования перемещались в район расположения Северной группы войск генерала М. М. Плешкова, приступивших к осуществлению Нарочской наступательной операции соединениями русской 2-й армии. 7 марта начальник 76-й дивизии своим приказом поставил в известность части о поставленной им задаче сменить части 22-й пехотной и 1-й Сибирской стрелковой дивизий на участке фронта Микулишки – Бучелишки, уже принимавших участие в наступлении и понесших большие потери, занять их позиции как исходное положение для общей атаки, подготовленной артиллерийским огнем.

8 марта в 4 часа 301-й Бобруйский полк и часом позже 302-й Суражский полк перешли в наступление. Батальоны полков заняли окопы противника, но перекрестным обстрелом не подавленных огневых точек противника были выбиты и отошли в исходное положение с огромными потерями: 18 офицеров и 1 100 нижних чинов [6, л. 3–10]. В последующие дни, 10–12 марта, наступление полков 76-й пехотной дивизии дважды намечалось и отменялось. Тем временем немцы предпринимали попытки наступления, подтянув резервы. 13 марта батальоны 301-го Бобруйского полка при поддержке роты 303-го Сенненского полка снова перешли в наступление и частично заняли неприятельские окопы, но, как и в первом случае, были «сметены» артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем неприятеля. В этом бою 301-й Бобруйский полк потерял убитыми и ранеными 9 офицеров и около 600 нижних чинов. В 302-м Суражском полку за все время боев с 8 по 13 марта из строя выбыли убитыми и ранеными 16 офицеров и 995 нижних чинов. Кроме того, 215 солдат пропали без вести [6, л. 20; 7, л. 22]. Всего в ходе Нарочской наступательной операции части 76-й пехотной дивизии по неполным данным потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 50 офицеров

и 3 060 нижних чинов. Причинами неудач в наступательной операции частей 76-й пехотной дивизии, несмотря на упорство, мужество и самоотверженность личного состава, являлись слабость артиллерийских средств, не сумевших подавить огневые точки противника, и плохое управление войсками командованием, направлявшим части на один и тот же укрепленный участок неприятельской позиции, а также отсутствие своевременной поддержки наступавших резервами.

После предпринятых наступлений части 76-й пехотной дивизии на несколько дней были отведены с линии фронта в тыловой район, где они приводились в порядок и пополнялись поступавшими маршевыми ротами. А 22 марта по приказу начальника дивизии 302-й Суражский и 303-й Сенненский полки выступили из мест стоянки и заняли позиции в боевой линии в районе Постава от д. Можейки до д. Авласы.

301-й Бобруйский полк до середины мая оставался в корпусном резерве. За участие в сражении 8 и 13 марта 112 нижних чинов полка были награждены Георгиевскими Крестами [6, л. 24]. Батальоны полка пополнялись прибывшими из тыла маршевыми ротами. В полку имели место заболевания личного состава сыпным тифом. В связи с этим отдельные подразделения полка до выздоровления солдат находились в «изоляционном лагере». Только в ночь на 15 мая, в соответствии с приказом по штабу 76-й дивизии, батальоны полка заняли позиции по линии деревень Можейки – Хотилы – Лесные Муляры, сменив батальоны 302-го Суражского и 179-го Усть-Двинского пехотных полков.

До середины августа части 76-й пехотной дивизии оставались на прежних позициях, попеременно занимая боевую линию. Находившиеся в резерве подразделения занимались укреплением позиций, ремонтом дорог. Особенно активно действовала разведка, по приказаниям штаба дивизии стремившаяся захватить в плен солдат, выявить систему укреплений, определить наличие формирований и плотность войск противника. Архивные документы свидетельствуют, что разведывательные действия были связаны с большим риском. Из-за осторожности и бдительности противника они, как правило, сопровождались обнаружением и обстрелами разведывательных партий, нередко несли потери убитыми и ранеными.

В то же время неприятельская пешая разведка наблюдалась значительно реже. Она, как правило, подменялась авиационной разведкой позиций частей 76-й пехотной дивизии, нередко сопровождавшейся бомбардировкой и обстрелами находившихся в боевой линии и мест расположения резервов. Почти во всех случаях авиационная разведка противника прекращалась артиллерийскими обстрелами с позиций 76-й пехотной дивизии, однако аэропланы удалялись без повреждений.

Наступательных действий противоборствующие стороны с апреля по август 1916 г. не предпринимали. Хотя опасность таковых со стороны немцев для защитников позиций 76-й дивизии с повестки дня не снималась. Штабом дивизии в свою очередь были предприняты две попытки (26 июня и 8 июля)

подразделениями 301-го Бобруйского полка атаковать позиции противника с целью захвата пленных и разрушения окопов в районе д. Можейки, окончившихся неудачей, с большими потерями в личном составе атакующих: в первом случае 6 нижних чинов убитыми и 46 ранеными, во втором – 4 человека убитыми и 58 ранеными [9, л. 17; 10, л. 2].

Большие потери в личном составе части 76-й пехотной дивизии понесли в этот период (с конца марта до середины августа 1916 г.) в результате ежедневных ружейно-пулеметных перестрелок и артиллерийских, минометных и бомбометных обстрелов противником боевой линии, мест расположения резервов, разведывательных групп и работавших на укреплении позиций. По нашим подсчетам, в журналах военных действий 301-го, 302-го и 303-го полков числится 26 человек убитых, 154 раненых, 9 контуженых и 3 без вести пропавших. Всего – 189 нижних чинов и 3 офицера.

В середине августа 1916 г. части 76-й пехотной дивизии были сменены на занимаемой позиции частями 45-й пехотной дивизии и передвинуты на север в район местечка Козяны на позиции по линии «от реки Дисны у Концыполе» – д. Смильгинишки – д. Декся. По прибытии подразделения разместились: 303-го Сенненского полка – в деревнях Пивовары, Дисна, Пупяны, Васевичи; 301-го Бобруйского полка – в деревнях к югу от оз. Богинское – Петришки, Николаево, Карчеватка, Озерявы; 302-го Суражского полка – в деревнях Воятино, Василино, Подосинники, Боровые [10, л. 4; 11, л. 58; 12, л. 44].

В ночь на 15 августа батальоны 303-го Сенненского полка заступили на позицию, заняв боевую линию от р. Дисна до д. Смильгинишки. Находившиеся в резерве подразделения занимались разведкой, изучая подступы к противнику, систему его укреплений и расположения постов, а также с целью захвата пленных.

302-й Суражский полк до 6 сентября находился в армейском резерве. С личным составом проводились занятия. Кроме того, солдаты работали на обустроивали землянки и ремонтировали дороги. 7 сентября батальоны полка сменили на позиции подразделения 303-го Сенненского полка. Находясь на позиции, личный состав, по приказанию начальника 76-й дивизии, занимался разведкой мест расположения противника, его действий, была цель захватить пленных. Действия разведчиков были неудачны, они несли потери [13, л. 3–17].

В 301-м Бобруйском полку до 11 сентября проводились занятия с личным составом. 1 сентября командующим 1-й армией в полку был произведен смотр, а 2 сентября командиром полка – инспекторский смотр. 11 сентября батальоны полка сменили на позиции 304-й Новгород-Северский полк, заняв участок от д. Дисна до р. Дисна. Находившиеся в резерве подразделения занимались укреплением позиции, разведкой противника.

На занятой позиции части 76-й пехотной дивизии, попеременно сменяясь, находились до середины декабря 1916 г. Задачами, поставленными штабом дивизии 303-му Сенненскому полку (приказом от 4 сентября), предписывалось, «сохраняя настоящее положение, [быть готовыми] дать реше-

тельный отпор противнику на занимаемой позиции, вести усиленную разведку и строгое наблюдение за противником, продолжать усиление... проволочных заграждений, постройку тяжёлых блиндажей и фланкирующих построек, а также исправление дорог и мостов... Ускорить работы по постройке и приспособлению помещений для защиты от холода...» [14, л. 39].

Архивные документы свидетельствуют, что части дивизии этим и занимались. Особое внимание уделялось разведке с целью установления мест расположения постов противника и захвата пленных. Кроме того, продолжались перестрелки противоборствующих сторон, частые артиллерийские, бомбометные и минометные обстрелы противником позиций 76-й пехотной дивизии, во время которых части несли потери: со второй половины августа до конца декабря 1916 г. были убиты 26 человек, в том числе 8 офицеров; ранены – 81 нижний чин и 1 офицер.

Таким образом, 1916 г. для частей 76-й пехотной дивизии был самым кровопролитным. В ходе Нарочской наступательной операции русской армии, в повседневных перестрелках и обстрелах противником позиций, занимаемых частями дивизии, только в полках, сформированных в белорусских губерниях (301-м, 302-м и 303-м), по нашим подсчетам, были убиты и ранены около 3 500 человек.

В начале января 1917 г. 76-я пехотная дивизия в составе 27-го армейского корпуса была передислоцирована с Западного фронта в состав 12-й армии Северного фронта и заняла отведенные ей места в районе Риги. Расквартировавшись, части дивизии были направлены в распоряжение командиров 6-го Сибирского и 43-го армейских корпусов, которыми выделялись на поддержку своих частей. Уже в пути следования в пункты назначения части дивизии подвергались артиллерийским обстрелам противника химическими снарядами. Заняв позиции 20 января, 302-й Суражский полк оборонял и укреплял их до 30 января [15, л. 3–7].

303-й Сенненский полк 17 января по приказанию начальника 76-й дивизии был направлен в распоряжение командира бригады Сибирской дивизии, который приказал выделить два батальона в распоряжение командира 12-го Сибирского стрелкового полка. Последним было приказано одним 4-м батальоном Сенненцев атаковать и выбить немцев из занятых ими окопов Сибиряков. Под ружейно-пулеметным и артиллерийским обстрелом немцев Сенненцы стремительным штыковым ударом выбили противника из занятых окопов, преследуя отступавших немцев, ворвались в их основные окопы и освободили из плена 2 офицеров и 30 нижних чинов 11-го Сибирского полка и взяли в плен 27 немцев и трофеи: 4 пулемета, бомбомет, 180 винтовок и большое количество патронов. Однако в бою сами понесли потери убитыми, ранеными и без вести пропавшими 3 офицера и 172 нижних чина [16, л. 11–12].

В последующие дни 303-й Сенненский полк по приказанию начальника 3-й Сибирской стрелковой дивизии дважды (19 и 20 января) направлялся на поддержку частей 38-й дивизии и тут же возвращался им обратно на прежнее

место за неимением надобности в поддержке. Только 22 января батальоны полка заняли позицию, сменив подразделения 38-й и 45-й дивизий. Охраняя боевую линию, личный состав занимался ее укреплением: возводил искусственные препятствия, блиндажи, окопы и ходы сообщения, находясь в 100–300 шагах от позиций немцев, которые обстреливали работавших ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, нанесли потери убитыми и ранеными до 40 человек [16, л. 15–16].

По прибытии частей 76-й пехотной дивизии в район Риги командование 27-м армейским корпусом стремилось оградить личный состав от общения с населением города, предписывало расположить подразделения в квартируемом районе более сосредоточенно, офицерам на тактических занятиях следовало «настойчиво учить людей наступлению, преодолению препятствий, захвату и закреплению за собой окопов, стрельбе, бросанию гранат, работе штыком, дозорной и сторожевой службе». Кроме обучения солдат боевым приемам, огневой подготовке, большое внимание уделялось укреплению позиций, строительству блиндажей, усовершенствованию окопов и ходов сообщения и т. д.

Командование пыталось оградить войска от проникновения сведений о свершившейся Февральской революции в стране. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский распорядился не выдавать почту в частях до особого распоряжения, пресекать всякие разговоры о событиях в Петрограде, не допускать общения солдат с гражданским населением, офицерам постоянно находиться в окопах и казармах [17, с. 17]. Командир 27-го армейского корпуса, в составе которого была 76-я пехотная дивизия, в приказе войскам от 6 марта 1917 г. предписывал офицерам: «Размещение своё... сделать возможно ближе к казарменному... этим облегчим себе задачу и священный долг наш беречь от тлетворных влияний нашего солдата...» Образно выражаясь, рекомендовал: «Не пускайте волков на овчарню и не подвергать их (солдат – М. С.) соблазну большого рядом лежащего города. Строгое соблюдение правил о посетителях, уединение от Риги» [18, л. 19].

Однако сведения о государственном перевороте в частях 76-й дивизии стали известны из прессы 3–4 марта. В документах штабов отмечено, что солдаты были «воодушевлены» свершившейся революцией, «настроение превосходное. Все ждут чего-то лучшего». Командование внимательно следило за настроением солдат. Начальник 76-й пехотной дивизии приказом от 7 марта предписал командирам частей «ежедневно доносить об этом, проводить беседы с солдатами о текущих событиях». Солдатам был объявлен манифест об отречении императора от престола, о провозглашении взявшим власть в стране Временным правительством политических свобод, и солдаты и офицеры призывались к единению.

До середины апреля в частях 76-й пехотной дивизии было относительно спокойно, если не считать случаев ареста солдатами бывшего командира бригады генерала Гальберга за то, что в день похорон погибших в дни февральской революции он приказал проводить учебные занятия; и конфликты

солдат пулеметной команды со своим начальником в 302-м Суражском полку и солдат роты 303-го Сенненского полка со своим командиром, которые улаживали полковые солдатские комитеты. Однако, как отмечалось в документах штабов, на почве требований командиров производить работы по укреплению позиций во второй половине апреля ежедневно были эксцессы из-за нежелания солдат работать. В связи с этим командование частей 76-й пехотной дивизии начало отмечать упадок дисциплины среди личного состава, рост напряженности во взаимоотношениях солдат с командным составом, снижение деятельности и проявление антивоенных настроений.

В мае части 76-й пехотной дивизии посетили делегаты из Кронштадта и Петроградского Совета, которые в своих выступлениях призывали солдат с доверием относиться к офицерам, исполнять их приказы и распоряжения, так как они исходят от Временного правительства, контролируемого Советом рабочих и солдатских депутатов, призывали к наступлению как «скорейшему способу окончания войны» [19, л. 4].

В начале июня, как отмечено в архивном документе, в подразделениях 302-го Суражского полка начали носиться «упорные слухи о передвижении 27-го корпуса». 6 июня «слухи» подтвердились приказанием командира корпуса о смене 76-й пехотной дивизии на занимаемой позиции частями 6-го Сибирского корпуса, а 9 июня приказом Верховного главнокомандующего корпус был отведен в его резерв с перемещением «в район Режица – Рушоны» и влит в состав 5-й армии Северного фронта. Передислокация частей 76-й пехотной дивизии производилась с 21 июня до 1 июля 1917 г. в район Двинска. По состоянию на 7 июля части 76-й пехотной дивизии продолжали составлять резерв Верховного главнокомандующего, а 9 июля 27-й армейский корпус был передан в распоряжение командующего 5-й армией [20, л. 1].

8 июля в части 76-й дивизии поступил приказ по 5-й армии с сообщением «о предстоящем ударе на Западном фронте в районе Крево» в направлении Вильно. Войскам 5-й армии ставилась следующая задача: «нанесение удара на фронте озеро Медум – озеро Скирна с целью захватить укрепленную полосу» противника. Затем, взаимодействуя с войсками 10-й армии Западного фронта, «развить удар в направлении железной дороги Двинск – Вильно». Нанесение главного удара по противнику было возложено на ударную группу 1-го, 13-го и 7-го корпусов. 27-й армейский корпус составлял резерв 5-й армии. Действия частей 76-й дивизии заключались в поддержке наступающих. Однако, «в связи с осложнением в дивизии (нежелание солдат наступать – М. С.) выступление было отложено». И только 13 июля 302-й Суражский и 303-й Сенненский полки по приказу выступили на смену в боевой линии 21-го Капорского и 2-го Софийского пехотных полков 1-й дивизии, «пострадавшего» в ходе наступления 13-го корпуса [Там же, л. 1].

Тем временем неудавшееся наступление русских войск и последовавшие затем июльская демонстрация протеста рабочих и солдат Петрограда и ее расстрел Временным правительством, введение смертной казни на фронте,

попытка установления военной диктатуры в стране и армии и ее провал еще более усложнили военно-политическую обстановку. В частности, в частях 76-й пехотной дивизии в сентябре боевое противостояние с противником заметно снизилось. При этом этому способствовали немцы, подбрасывая занимавшим позиции частям газеты и прокламации, призывая к братанию, прекращению стрельбы.

Социальные потрясения в российском обществе – свершение Февральской и Октябрьской революций вкупе с падением морально-боевого духа солдат из-за неудач в сражениях – в частях 76-й пехотной дивизии проявились в тех же формах, как и во всей русской армии, и привели к одним и тем же негативным последствиям: выходу солдат из повиновения командному составу, требованиям прекращения войны, отказам от несения боевой службы. Большой фактический архивный материал свидетельствует, как это использовали немцы, стремившиеся к прекращению военных действий на Восточном германском фронте, чего в конечном счете они и достигли путем заключения перемирия, а затем и мира и выхода Советской России из Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смольянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне / М. М. Смольянинов. – Минск : Беларус. навука. – 2020. – 3-е изд. – 493 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21.
3. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 24.
4. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 25.
5. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 35.
6. РГВИА. – Ф. 2406. Оп.1. Д. 9.
7. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 43.
8. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 23.
9. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 44.
10. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 45.
11. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 35.
12. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 25.
13. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 26.
14. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 13.
15. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 16.
16. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 39.
17. *Базанов, С. Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия / С. Н. Базанов – М. : Наука, 1985. – 160 с.
18. РГВИА. – Ф. 2406. Оп.1. Д. 34.
19. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 50.
20. РГВИА. – Ф. 2232. Оп.1. Д. 212.

**ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1914 ГОДА:
КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

17 августа 2024 г. исполнилось 110 лет со дня начала наступательной операции Русской армии, известной как Восточно-Прусская операция 1914 года. Это была первая крупная операция Русской императорской армии (РИА) в годы Первой мировой войны. До ее начала подданные германского кайзера Вильгельма Второго стремились продемонстрировать свою способность к блицкригу, нацелившись на молниеносный разгром союзника Российской империи – республиканской Франции.

Верная союзническим обязательствам, РИА оперативно готовилась к нанесению главного удара против Германии. Его направление было прописано в соответствующих приказах четко и ясно: от Нарева на Алленштейн. Субъектом нанесения главного удара выступал Северо-Западный фронт, которым командовал генерал Я. Г. Жилинский. Это оперативно-стратегическое объединение состояло из 1-й и 2-й армий. Первую армию возглавлял генерал П. К. Ренненкампф, вторую – генерал А. В. Самсонов. Ренненкампф собирался вторгаться в Восточную Пруссию с востока, Самсонов – с юга. За 1-й армией прочно закрепилось название «Неманская», за 2-й – «Наревская» [1].

Основополагающее значение для Северо-Западного фронта имела директива, скрепленная подписью Верховного главнокомандующего РИА великого князя Николая Николаевича. Она датирована 13 августа. Для армий был установлен трехдневный промежуток между выступлением и переходом границы, то есть между двумя контрольными точками. И 1-я, и 2-я армии должны были после второй контрольной точки обходить Мазурские озёра. Только вот Ренненкампфу предписывалось обходить их с севера, а Самсонову – с запада. Доводя подобный отход до логического завершения, вверенные этим генералам войска отрезали подданных Вильгельма Второго от Кёнигсберга, ставили крест на их отходе за Вислу.

В Восточной Пруссии Неманской и Наревской армиям противостояла 8-я германская армия. Ею командовал генерал М. Притвиц. Начальником штаба являлся генерал Вальдерзее.

Для Ренненкампфа второй контрольной точкой был день 17 августа, когда Неманская армия впервые оказалась на территории Германской империи. После пересечения границы от дислокации вверенных ему войск было рукой подать до города Шталлупёнена. С этим городом у Северо-Западного фронта связано первое сражение на территории Германии. В тот же день город покорился Ренненкампфу. Потерпевшие поражение германцы стали отступать к Гумбинену.

18 августа Неманская армия вновь наступала. На острие наступательных действий армии был конный корпус генерала Хана Нахичеванского. Именно ему был поручен обход Гумбинена с севера. На следующий день подчинен-

ные Хану Нахичеванскому бойцы стали объектом артиллерийского обстрела со стороны германцев. Это произошло у Каушена, расположенного к северу от Гумбинена. Конный корпус понес потери. Дело дошло до отступления и германцев, и подопечных Хана Нахичеванского.

День 20 августа был отмечен второй контрольной точкой для Самсонова. Оказавшись на территории Германской империи, он без проблем обогнул Мазурские озера с юго-запада.

20 августа имела место битва при Гумбинене. Здесь схлестнулись Притвиц и Ренненкампф. Удачной получилась атака германцами севернее Гумбинена 28-ой дивизии 20-го корпуса Неманской армии. Она обернулась для 28-й дивизии и большими потерями, и значительным по расстоянию отступлением. В то же время кончилась провалом атака 29-ой дивизии 20-го корпуса, которая так же была севернее Гумбинена. Обе атаки предпринимались на рассвете.

Атака центра Неманской армии последовала через четыре часа после того, как были атакованы 28-я и 29-я дивизии. Она происходила южнее Гумбинена. Здесь германцев ожидал новый провал. Пришлось отступить на расстояние, не меньшее, чем в свое время 28-я дивизия.

В полдень германцы пытались атаковать под Гольдапом. Но как только командир тамошнего германского корпуса узнал о поражении двух германских дивизий южнее Гумбинена, он тут же посчитал лучшим решением отойти.

Можно однозначно утверждать, что в битве при Гумбинене победила российская сторона. Угроза окружения 8-й германской армии была реальной. Германская Ставка решает ослабить войска на Западном фронте, перебросив оттуда на восточно-пруссский театр военных действий (ТВД) 2 корпуса и конную дивизию. Разумеется, такая помощь 8-й германской армии существенно повлияла на соотношение сил. Она реально пришла, когда у 8-й германской армии уже были новый командующий и новый начальник штаба. С 21 августа первую из перечисленных должностей занимал генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, вторую – генерал Эрих фон Людендорф. Уже через два дня после назначения этих видных военачальников можно было видеть в штабе армии. Генерал-фельдмаршал и генерал сразу же вникли во все детали плана отражения наступления Северо-Западного фронта. Они четко нацелились на его главное звено: недопущение соединения Самсонова с Ренненкампфом. Объектом главного удара должны были стать подчиненные Самсонова. Был, конечно, риск в том, что для противодействия Ренненкампфу Ставка посчитала достаточным ограничиться 2,5 дивизиями. Остальные войска 8-й армии были предназначены для главного удара. Они стремительно перебрасывались по рокадной железной дороге через Кёнигсберг. Потом предполагалось нанести по Самсонову удар ниже пояса, чтобы отпала материальная основа для его возможного соединения с Ренненкампфом. При этом штабом 8-й армии расчет делался на то, что Неманская армия будет передвигаться на запад черепашими темпами [2, с. 378–379].

Беда командования Северо-Западным фронтом была в том, что оно рано стало праздновать триумф. Да, действительно, германцы стремительно отступали перед фронтом возглавляемой Ренненкампом армии. От Жилинского требовалось только одно: определить, куда они отступали. Жилинский утверждался в мысли о том, что речь идет об отходе за Вислу и, естественно, ставится точка в победной для него операции. Отныне командующий Северо-Западным фронтом уже не видел смысла в соединении Ренненкампа с Самсоновым. Что же он стал требовать от Ренненкампа? Во-первых, отсечь Кёнигсберг. Жилинский был уверен, что от главного восточно-прусского города было рукой подать до некоторых частей 8-й армии. Во-вторых, преследовать тех подопечных Гинденбурга, которые «отступали к Висле». Далее театр абсурда продолжался. Самсонов захотел снискать себе лавры успешного преследователя «отступавших к Висле» германцев. Жилинский полагал, что будет даже лучше, если Самсонов их перехватит. И вот тут дело дошло до авантюры, за которую российской стороне пришлось заплатить колоссальнейшую цену. Меняется направление главного удара для Самсонова. Раньше это направление было северным, а сейчас стало северо-западным. Обратим свои взоры на карту. Ренненкампф и Самсонов наступают по направлениям, которые никак не стыкуются. Между субъектами наступательных действий появилась брешь в 125 км.

Гинденбург и Людендорф капитально использовали наличие этой бреши, нанеся Самсонову поражение в битве при Танненберге. Эта битва датирована 26–30 августа 1914 года. В последний день сражения Самсонов застрелился. После поражения последовало отступление 2-й армии за реку Нарев.

С наступлением осени 1914 года командование 8-й армии было сконцентрировано на снятии угрозы Кёнигсбергу со стороны армии, возглавляемой Ренненкампом.

Надо отдать должное германской разведке. Она своевременно проинформировала командование о наиболее уязвимом месте Ренненкампа. Таким являлся южный фланг 1-й армии. Чем располагал здесь Ренненкампф? 2-м корпусом, конницей. Вот, пожалуй, и все. Поэтому представлялось вполне логичным намерение германской стороны прорвать фронт именно в данном месте. Это был первый шаг. Не менее логичным выглядел второй шаг: выход в тыл Ренненкампу. Предпринимая третий шаг, германцы отесняли 1-ю армию к морю и болотам Нижнего Немана. Четвертый шаг вытекал из трёх предыдущих и имел в качестве своего содержания уничтожение Неманской армии. Людендорф решил задействовать в начале операции девять боевых единиц: семь корпусов и две дивизии. На обход южного фланга 1-й русской армии были сориентированы три корпуса, две кавалерийские дивизии. Они двигались на Летцен. Было запланировано также продвижение четырех корпусов севернее озер.

Принципиально важно обратить внимание проницательного читателя на то, что 2-я армия не была уничтожена. А потому есть смысл сказать о том, что тогда происходило на Нареве. Во 2-ю армию влились два новых корпуса. Весьма кстати было появление 10-й армии юго-восточнее Мазурских озер в полосе между 2-й и 1-й армиями.

А сейчас расскажем, как действовала обходная колонна 8-й германской армии. За три дня, то есть за 7–9 сентября, удалось выйти в тыл Ренненкампу. Здесь опытный военачальник не растерялся. Он никак не мог забыть, что у его армии есть еще центр и север. Конечно, частей и подразделений для усиления южного фланга было достаточно. Их переброска на южный фланг прошла легко. Если исходить из простой арифметики, то из центра минусовались две пехотные и три кавалерийские дивизии и с севера – 20-й корпус. Но ведь соответствующее прибавление на южном фланге привело к тому, что наступление подданных Вильгельма Второго было остановлено, стартовал процесс отвода Неманской армии на восток. При этом не было ни одной части, ни одного подразделения армии, которые не были бы охвачены этим процессом. Все делалось в духе классика, который говорил: «Промедление смерти подобно». Промедления как раз и не было. Ренненкампу отошел так далеко, что его уже невозможно было окружить. 10 сентября обходная колонна 8-й германской армии вновь выступает в качестве субъекта наступательных действий и снова держит курс на север. При возобновлении наступления Людендорф отдает себе отчет в том, что стремление окружить Ренненкампу сродни маниловскому проекту. К тому же 9 сентября 8-я германская армия стала объектом удара со стороны 2-й русской армии. Удар наносился с юга Восточной Пруссии. На него надо было отвечать, привлекая подданных Вильгельма Второго, служивших в рядах 8-й армии. В ходе отступления 1-й русской армии отлично себя зарекомендовали ее арьергардные корпуса. Ими было обеспечено надежное прикрытие этого отхода. На 14 сентября имел место отход Ренненкампу к Среднему Нёману. Максимум, чего добились германцы касательно Ренненкампу, – его выдавливания из Восточной Пруссии [3, с. 739–740].

Последним днем Восточно-прусской операции считается 15 сентября 1914 года. Чтобы понять, почему этот день рубежный, надо внимательно прочитать директиву Северо-Западного фронта от 16 сентября 1914 года и вспомнить, где дислоцировались 1-я и 2-я русские армии до начала операции. Местами дислокации были соответственно Нёман и Нарев. Именно там эти армии заняли оборону согласно указанной директиве.

Потерпев поражение в Восточно-Прусской операции, российская сторона была вынуждена на определенный период отказаться от наступления из Варшавского выступа через Познань на Берлин [4, с. 5–9]. Это, конечно, минус. Но есть и плюсы. Смоделируем два сценария, связанные с боевыми действиями в Восточной Пруссии. Они предстанут перед нами в иных ракурсах.

Первый сценарий. Россия не вторгается в Восточную Пруссию, не начинает Восточно-прусскую операцию. В таком случае обязательно имел бы место удар 8-ой германской армии по северному фасу Варшавского вы-

ступа. Напомним, что с 18 августа по 26 сентября на южном фланге Варшавского выступа кипела Галицийская битва. Удар противника России по северному флангу предрешил бы победу подданных императора Австрии, короля Венгрии Франца Первого. Однако получилось с точностью до наоборот. Побеждала Россия [5, р. 545–589].

Второй сценарий. Переброска двух германских корпусов и конной дивизии с Западного фронта в Восточную Пруссию не предпринимается. Вряд ли бы французы одолели германцев в битве на Марне. В этой связи послушаем маршала Фоша: «Если Франция не была стёрта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России, поскольку русская армия своим активным вмешательством отвлекла на себя часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне»[1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточно-Прусская операция 1914. – URL: ru.wikipedia.org Восточно-Прусская операция (1914) (дата обращения: 20.06.2024).
2. Восточно-Прусская операция 1914 // Советская Военная Энциклопедия (в 8 томах) / А. А. Гречко (пред. гл. ред. комиссии). – М. : Воениздат, 1976. – Т. 2. – 640 с.
3. Восточно-Прусская операция 1914 // Советская историческая энциклопедия / Е. М. Жуков (гл. ред.), Б. А. Введенский (предс. Научного совета изд-ва). – М. : Сов. энциклопедия, 1963. – Т. III. – 976 с.
4. Олейников, А. В. Кампания 1914 года на Русском фронте / А. В. Олейников // Военно-истор. журн. – 2014. – № 8. – С. 5–9.
5. Zuber, T. *Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning 1871–1914* / T. Zuber. – New York : Oxford University Press, 2002. – 746 p.

Д. Р. Хисамутдинов

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ВЫПУСКНИКОВ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЮЖНОГО УРАЛА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одним из основных механизмов пополнения рабочего класса квалифицированными кадрами в послевоенный период являлась система государственных трудовых резервов. Согласно п. 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах», все, окончившие учебные заведения государственных трудовых резервов, считались мобилизованными и обязывались проработать 4 года подряд на государственных предприятиях, с обеспечением им заработной платы по месту работы на общих основаниях [1].

После распределения молодых рабочих – выпускников училищ и школ ФЗО местные управления трудовых резервов осуществляли контроль за соблюдением трудового законодательства в отношении молодых рабочих, их жилищно-бытовыми условиями и текучестью своих выпускников. В этой связи необходимо обратить внимание на проблему материально-бытовых условий жизни молодых рабочих, поскольку в послевоенный период они оставались на крайне низком уровне, что порождало уменьшение производительности труда и самовольные уходы с предприятий.

Так, проведенной Чкаловской областной прокуратурой проверкой Станкозавода г. Чкалова в марте 1946 г. было установлено, что специально оборудованных общежитий при заводе не имелось. Молодые рабочие проживали на частных квартирах по 3–6 человек, за что с них ежемесячно удерживалось дирекцией завода по 50 рублей, а два человека оказались не обеспечены даже частными квартирами и проживали в литейном цеху. Общежития располагались в разных районах г. Чкалова и от завода находились на расстоянии около 3 км. Общежития содержались в антисанитарном состоянии, в помещениях было грязно, скученно. В среднем жилая площадь на человека составляла 1,4 кв. м, а санитарный врач состояние общежитий не проверял [2, л. 74–75].

Не все молодые рабочие были обеспечены постельными принадлежностями, а выданные комплекты оказывались ветхими и грязными, поскольку мыло не выдавалось и белье (нательное и постельное) не стиралось. Полотенец совершенно не имелось.

Из имеющихся 18 общежитий светом были обеспечены всего 11 и для их освещения не доставало керосина, в результате чего молодые рабочие пользовались коптилками. Кроме того, из-за недостатка топлива в январе 1946 г. общежитие, находящееся по адресу ул. Чичерина, д. 70 в течение 8 дней не отапливалось [Там же, л. 75].

В других областях Южного Урала проблема жилищно-бытовых условий молодых рабочих оставалась такой же острой, как и в Чкаловской области. Так, в докладной записке о результатах проверки работы по закреплению рабочих на Златоустовском металлургическом комбинате им. Сталина Челябинской области от 16 июля 1946 г. указывалось, что на заводе не были созданы нормальные бытовые условия для молодых рабочих, проживающих в общежитиях. Почти половина из живущих имела лишь одну простыню, не имелось набивного материала для матрацев, сохранялись перебои с подвозкой воды, 2/3 общежития имело двурусную систему коек [3, л. 7].

Согласно акту проверки Орского треста Южуралтяжстроя, подписанному государственным инспектором по контролю за использованием рабочей силы управления Министерства государственных трудовых резервов СССР, старшим инспектором по кадрам, инспектором Горкома ВКП(б) и другими должностными лицами в январе 1947 г., при обследовании треста обнаружались следующие нарушения и недостатки: помещения общежитий были одноэтажными, каркасными, засыпного типа; отопление печное; сами помеще-

ния были сырыми, закопченными и в паутине; штукатурка отваливалась; не хватало вешалок для верхней одежды и лампочек, однако света вполне хватало.

Из-за отсутствия достаточного количества табуреток рабочие сидели на кроватях в верхней одежде, постельное белье менялось нерегулярно, трест не имел запасных простыней и подушечных наволочек для замены, в результате чего во время стирок рабочие оставались без постельного белья. В большинстве комнат температура не превышала +8–10 градусов. Мыло рабочим не выдавалось, смены нательного белья не было, баню посещали нерегулярно, в результате чего у некоторых выпускников обнаруживалась вшивость. Спецодеждой и обувью молодые рабочие обеспечивались недостаточно, имели место случаи полного отсутствия обуви, вследствие чего выпускники на работу не выходили [4, л. 6].

При проверке Орского комбината Южуралникель в феврале 1947 г. было выявлено, что выпускники РУ № 1 проживали в молодежном общежитии № 78. Само помещение общежития было чистым, сухим и светлым. В общежитии имелись столовая и кухня, однако продукты отпускались не качественные (мерзлый картофель и капуста) с подсобного хозяйства пониженной стоимости. Столовая обеспечивала молодых рабочих завтраками и ужином стоимостью рациона в 2–3 рубля [Там же, л. 28].

Соответственно, в первые послевоенные годы недостаточным было внимание руководителей предприятий к организации жилищного устройства и питания учащихся, обеспечения их одеждой и постельными принадлежностями. Даже в столичных учебных заведениях было множество нерешенных вопросов. Так, в молодежных общежитиях Московского автомобильного завода не было электричества, кроватей, а в осеннее и зимнее время общежития плохо отапливались [5, с. 152].

Общая характеристика материально-бытовых условий жизни молодых рабочих на предприятиях Чкаловской области за 1947 г. была дана в годовом отчете о работе Чкаловского областного управления Министерства трудовых резервов. Согласно отчету, за второй послевоенный год Областным управлением Министерства трудовых резервов была проведена тщательная проверка в 8 предприятиях и частичное обследование в 12 предприятиях Чкаловской области. По результатам указывалось, что в общежитиях неуютно, постельные принадлежности грязные, застиранные, а многие рабочие не имели нательного белья [6, л. 22].

Отмечалась плохая организация питания в столовых, их антисанитарное состояние, невкусная, однообразная пища, маленькие порции. Молодые рабочие были вынуждены прибегать к закупкам продуктов питания на рынке, для чего продавалась одежда, обувь и получаемые промтовары [Там же, л. 22–23]. На заводах «Коммунар», № 314 и других рабочие задолжали за питание и коммунальные услуги; на Южно-Уральском Машиностроительном заводе молодые рабочие задолжали заводуправлению за питание и коммунальные услуги 195 000 рублей. Указанные факты вызывали недовольство, нарекания и жалобы со стороны молодых рабочих [6, л. 23].

Таким образом, материально-бытовые условия жизни молодых рабочих – выпускников учебных заведений государственных трудовых резервов в первые послевоенные годы оставались на невысоком уровне. Указанная проблема была вызвана, как объективными факторами – тяжелейшее восстановление страны после Великой Отечественной войны, недостаток ресурсов и ориентация народного хозяйства на решение государственных задач, так и субъективными – недостаток внимания к потребностям молодых рабочих со стороны руководства предприятий и строек. Указанные проблемы непосредственно сказывались на качестве и объемах выполняемой работы, отношении молодых рабочих к государственным трудовым резервам и текучести рабочих кадров, выраженной в дезертирстве с производства. Следует указать, что эти проблемы постепенно решались как на государственном уровне, так и на местном.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственных трудовых резервах СССР: [указ принят Президиумом Верховного Совета СССР 02 октября 1940 г.] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 37.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). – ОГАОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 478.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. Оп. 10. Д. 216.
4. ОГАОО. – Ф. Р-2458. Оп. 3. Д. 76.
5. История советского рабочего класса : в 6-ти т. / гл. редкол.: С. С. Хромов (гл. ред.) и др. ; [предисл. С. С. Хромова]. Т. 4: Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 гг. / [В. Б. Тельпуховский и др.] ; редкол.: В. Б. Тельпуховский (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – 519 с.
6. ОГАОО. – Ф. Р-2458. Оп. 1. Д. 27.

А. Г. Цымбал

ПАЛІТЫКА ПАМ'ЯЦІ Ў ГЕРМАНІІ Ў 1990–2022 гг.

Палітыка памяці ў Германіі ў 1990–2022 гг. уключае ў сябе складанае ўзаемадзеянне гістарычнай памяці, нацыянальнай ідэнтычнасці і грамадскага дыскурсу, на які ў значнай ступені паўплывалі падзеі падзення Берлінскай сцяны і ўз'яднання Усходняй і Заходняй Германіі. Гэты перыяд адзначаны эвалюцыйным працэсам калектыўнага асэнсавання траўм мінулага, асабліва звязаных з Другой сусветнай вайной, Халакостам і ГДР (Германскай Дэмакратычнай Рэспублікай), у сферы грамадскай памяці. Важнасць гэтага даследавання заключаецца ва ўсведамленні таго, як гэтыя ўспаміны ўплываюць на сучасны палітычны і культурны ландшафт, прапаноўваючы крытычнае

разуменне нацыянальнай ідэнтычнасці Германіі і яе падыходу да гісторыі. Навукоўцы даследавалі розныя аспекты палітыкі захавання памяці, у тым ліку ролю мемарыялаў, музеяў і грамадскіх мерапрыемстваў, якія служаць не толькі месцамі памяці, але і платформамі для больш шырокіх грамадскіх дыскусій па пытаннях віны, ахвярнасці і прымірэння¹.

Ключавыя тэмы, якія вынікаюць з існуючай літаратуры, уключаюць дыхатамію памяці паміж Усходняй і Заходняй Германіяй; працягваюцца дыскусіі аб спадчыне нацысцкага мінулага, а таксама расце актуальнасць іншых маргіналізаваных наратываў, такіх як апавяданні пра бежанцаў і мігрантаў. Вялікая колькасць работ засяроджана на тым, як палітычныя дзеячы мабілізуюць гістарычную памяць для вырашэння сучасных задач, часта падкрэсліваючы супярэчнасць паміж шанаваннем мінулага і барацьбой з актуальнымі сацыяльна-палітычнымі рэаліямі. Акрамя таго, рост правага папулізму ў Германіі прымусіў навукоўцаў перагледзець уплыў калектыўнай памяці на нацыянальнае адзінства і маргіналізацыю іншадумцаў. Вартыя ўвагі вынікі даследавання сведчаць аб тым, што грамадская памяць у Германіі з'яўляецца канструкцыяй, якая стала эвалюцыянуе, у тым ліку пад уплывам змены пакаленняў і глабальных падзей, што ўскладняе разуменне таго, што ўяўляе сабой калектыўны наратыв.

Палітыка памяці, ці гістарычная палітыка ўключае ў сябе метады, якія выкарыстоўваюцца палітычнымі дзеячамі для кіравання калектыўнай памяццю і ўплыву на яе. У Германіі пасля ўз'яднання зварот да гісторыі адыгрывае значную ролю ў фарміраванні адзінай нацыянальнай ідэнтычнасці, дзе пераадоленне наступстваў нацызму і падзелу краіны на ФРГ і ГДР заняло цэнтральнае месца. Палітычныя лідары выкарыстоўвалі памяць, каб прасоўваць наратывы ў падтрымку дэмакратычных ідэалаў, адначасова сутыкаючыся з суровымі рэаліямі мінулага.

Памяць аб камуністычным мінулым у Германіі вельмі важная для фарміравання сучасных грамадскіх нормаў і палітычных дыскусій. Пасля ўз'яднання ў 1990 годзе ўзніклі розныя рамкі памяці, якія дэманструюць адрозненні ў поглядах на Усходзе і Захадзе. Гісторыя сацыялістычнага перыяду з'яўляецца супярэчлівай, паколькі дзве часткі краіны па-рознаму ставяцца да сваёй спадчыны. Спрабуючы стварыць адзіную нацыянальную ідэнтычнасць, заходнія германцы часта падкрэслівалі аўтарытарны характар ГДР, у той час як усходнія немцы мелі справу са сваім уласным вопытам, які ўключаў у сябе як ціск, так і пачуццё агульнасці і сацыяльнай бяспекі. Гэтыя складаныя адносіны прыводзяць да выбіральнасці памяці, якая ўплывае на бягучыя палітычныя дыскусіі, захоўваючы падзел, паколькі абодва бакі хочуць, каб іх унікальныя гісторыі былі захаваныя ў калектыўнай памяці Германіі. Палітыка захавання памяці таксама праяўляецца ў стварэнні і размяшчэнні мемарыялаў і музеяў, прысвечаных як Другой сусветнай вайне, так і перыяду ГДР. Такія музеі, як Мемарыял Берлінскай сцяны і Мемарыял забітым яўрэям Еўропы, служаць прасторай памяці пра мінулае,

¹ Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД у рамках праекта № Г23ИП-021.

пачуцця віны і ўсведамлення гістарычнай несправядлівасці. Аднак калектыўная памяць часта раскрывае актуальную барацьбу за ўладу розных палітычных сіл, а не аб'ектыўныя гістарычныя даныя. Правая папулісцкая партыя AfD, напрыклад, спрабуе выкарыстоўваць гістарычную памяць для стварэння вобраза ахвяры, прадставіўшы простых немцаў ахвярамі гістарычнай пагарды. Падобныя маніпуляцыі паказваюць, як памяць можа быць выкарыстана ў якасці палітычнага інструмента, падмацавання бягучай павесткі, што ў той жа час ускладняе сапраўднае прымірэнне ў грамадстве. Паколькі роля памяці ў посткамуністычнай Германіі працягвае мяняцца, рэалізацыя праектаў па яе захаванні мае жыццёва важнае значэнне для таго, каб быць крыніцай прадуктыўных дыскусій пра мінулае.

У 1990-х гадах змены ў Германіі выклікалі важныя дыскусіі аб нацыянальнай ідэнтычнасці і памяці. Пасля ўз'яднання было шмат спрэчак, што з'яўляецца “новай нормай” для палітыкі і культуры краіны. Дыскусіі былі сканцэнтраваны вакол ідэі “ляйткультуры”, або вядучай культуры, якая накіравана на стварэнне дамінуючага культурнага стандарту, але таксама прызнае разнастайнасць ідэнтычнасцяў, якія кідаюць выклік гэтаму погляду. У публічных дыскусіях удзельнічалі розныя групы, такія як “Оссі” і “Весі”, што паказала, як у сучаснай Германіі канструюецца ідэнтычнасць. Была падкрэслена неабходнасць комплекснага разумення памяці, паколькі гістарычныя сведчанні аб нацыянал-сацыялізме былі перагледжаны з улікам меркаванняў меншасцяў, што дазволіла дэталёва вывучыць пласты калектыўнай памяці ў грамадстве, якое перажыло як падзел, так і адзінства. Акрамя таго, у літаратуры гэтага дзесяцігоддзя відавочна прасочваюцца спробы ўключыць розныя пункты гледжання ў дыскусіі аб нямецкай памяці. У эсэ, апублікаваных у “Дыскурсах меншасцяў” [1], падкрэсліваецца важнасць прызнання чорных немцаў, немцаў-туркаў і яўрэяў, каб кінучь выклік дамінуючай ідэі адзінай нямецкай ідэнтычнасці. Акцэнтуючы ўвагу на гэтых ідэнтычнасцях, удзельнікі дыскусіі ставяць пад пытанне выразныя адрозненні паміж белымі немцамі і тымі, каго лічаць “іншымі”. Гэта прызнанне мультыідэнтычнасці дапамагло змяніць уяўленне аб тым, што значыць быць немцам, выступіўшы супраць эксклюзіўных наратываў, якія былі распаўсюджанымі да ўз'яднання.

Аб'яднаныя намаганні гэтых розных бакоў сведчаць пра значныя змены ў палітыцы памяці, накіраванай на разбурэнне традыцыйных уяўленняў аб адзінстве і стандартызацыі шляхам прасоўвання інклюзіўных і перасякальных поглядаў на мінулае. Развіццё дыскурсу памяці не толькі раскрывае складанасць гістарычных праблем Германіі, але і дае магчымасць зразумець сучасныя практыкі захавання памяці. Гэты дыкурс памяці не толькі падкрэслівае складанасць гістарычных разлікаў Германіі, але і служыць асновай для разумення сучасных практык захавання памяці. Як прадстаўлена ў даследаванні, актуальным для Германіі стала пытанне значэння каланіяльнай гісторыі, якая набыла статус новага этапу прымірэння з мінулым разам з памяццю аб нацыянал-сацыялістычным і ўсходненямецкім мінулым [2, р. 49–53].

Узаемадзеянне розных інфраструктур памяці з’яўляецца прыкладам таго, як гістарычная несправядлівасць сутыкаецца з грамадскай свядомасцю. Паколькі Германія перажывае сваё каланіяльнае мінулае разам са спадчынай нацыстаў, дыкурс 1990-х гг. заклаў фундаментальнае разуменне, якое ляжыць у аснове цяперашніх дэбатаў аб памяці і ідэнтычнасці. У канчатковым выніку імкненне выкарыстаць розныя наратывы адлюстроўвае больш шырокую тэндэнцыю ў нямецкім грамадстве да ўсведамлення сваёй шматграннай ідэнтычнасці, што паказвае глыбокую важнасць палітыкі памяці ў працэсе прымірэння. Пры гэтым інтэграцыя памяці пра Халакост у больш шырокі кантэкст каланіяльнай гісторыі мае вырашальнае значэнне. Акрамя таго, даследаванні паказваюць, што калектыўная памяць Германіі знаходзіцца ў стане трансфармацыі, калі посткаланіяльныя дыялогі мяняюць наратывы ландшафт. Апошнія даследаванні паказваюць, што выкарыстанне розных гістарычных наратываў, уключаючы ўспаміны пра калоніі і Халакост, падкрэсліваюць неабходнасць больш тонкага падыходу да дыскурсу памяці ў Германіі, асабліва ў сувязі з тым, што сацыяльныя змены працягваюць уплываць на калектыўную ідэнтычнасць.

Халакост адыгрывае галоўную ролю ў тым, як Германія памятае сваё мінулае. Ён сфармаваў ідэнтычнасць і каштоўнасці краіны пасля Другой сусветнай вайны. Гэта таксама стварыла для нацыі моцны маральны абавязак адказнасці і за спадчыну гэтых падзей. Ключавой часткай гэтага працэсу з’яўляецца тое, што мы можам назваць “мнеманічным канстытуцыяналізмам”, які паказвае, як памяць пра Халакост звязана з законамі і распрацоўкай палітыкі.

З’яўленне законаў аб абароне памяці паказвае, як дзяржава фармалізавала памяць пра Халакост праз адукацыю, ушанаванне ахвяр і абарону калектыўнай памяці ад рэвізіянізму. Гэтыя прававыя меры не толькі павінны нагадваць людзям аб жахлівых актах таго часу, але і служаць гарантыяй ад будучых парушэнняў правоў чалавека. Яны прыносяць важныя ўрокі гісторыі ў нацыянальныя каштоўнасці, якія фарміруюць сучаснае нямецкае грамадства. Праблемы, звязаныя з памяццю пра Халакост, становяцца яшчэ больш складанымі з-за адрозненняў ва ўспамінах, якія існуюць у розных супольнасцях.

Паколькі Германія сутыкаецца з постмігранцкімі, постсацыялістычнымі і посткаланіяльнымі праблемамі, памяць пра Халакост атрымлівае новыя выклікі. Хоць гэта розная памяць шукае прызнання ў мемаарыяльным асяроддзі, ёй цяжка супрацьстаяць дамінуючаму пункту гледжання, засяроджанаму на Халакосце [3, р. 1316–1329].

Навуковыя даследаванні, прысвечаныя зменам у практыцы захавання памяці ў Германіі, паказалі, што гістарычная памяць – гэта не фіксаваны феномен, а хутчэй пастаянны працэс перамоваў і змен. Гэтыя змены сведчаць аб тым, што ўключэнне мноства наратываў у памяць пра Халакост можа прывесці да больш глыбокага разумення складанага мінулага Германіі.

Аналіз змен ландшафту памяці ў Германіі дазваляе выявіць важныя дыскусіі аб адказнасці і справядлівасці ў сучасным грамадстве. Нядаўнія даследаванні паказваюць, што мемарыяльныя законы, якія дапамагаюць фармаваць калектыўную памяць, адлюстроўваюць не толькі прававое рэгуляванне дзяржавы, але і вопыт і мэты розных супольнасцяў у Германіі. Як адзначаецца даследчыкамі [4, р. 65–80], існуючыя прававыя рамкі ўсё часцей аналізуюцца на прадмет таго, наколькі добра яны ўлічваюць гістарычныя памылкі і іх больш шырокі ўплыў на правы чалавека. Акрамя таго, трансфармацыя, якая абмяркоўваецца ў працы [5, р. 3–23], падкрэслівае, што, хоць памяць пра Халакост мае вырашальнае значэнне, яна ўсё часцей перакрываецца з новымі посткаланіяльнымі і постмігранцкімі пунктамі гледжання і патрабуе пільнай увагі. Узаемасувязь паміж увекавечаннем памяці і прававымі рамкамі мае жыццёва важнае значэнне для разумення таго, як памяць фармуе ідэнтычнасць у разнастайным і зменлівым грамадстве.

У апошнія некалькі гадоў у Германіі ўзрасла важнасць захавання памяці ў кантэксце рэалізацыі адукацыйных праграм. Мерапрыемствы па захаванні памяці пра мінулае з’яўляюцца ключавымі для пераадолення цяжкіх перыядаў у гісторыі краіны, асабліва звязаных з яе імперскім і каланіяльным мінулым. Агляд законаў аб абароне памяці паказвае, што прававыя нормы, якія тычацца захавання гістарычнай памяці, змяніліся, каб уключыць калектыўную памяць у дыскусіі аб правах чалавека. Гэтая сувязь дапамагае людзям датыкацца да мінулага і прыводзіць да мнеманічнага канстытуцыйнага аналізу, дзе гістарычная памяць займае цэнтральнае месца ў нацыянальнай ідэнтычнасці і грамадзянскім абавязку [4, р. 65–80].

Адукацыйныя праграмы ўсё больш і больш ўвязваюцца з каменаратывымі практыкамі, што дае магчымасць маладому пакаленню разважаць пра складанасці мінулага Германіі. Гэтыя праграмы, якія часта распрацоўваюцца з дапамогай грамадскіх груп, неабходныя для тлумачэння гістарычных падзей і заахвочвання да дыскусіі аб спадчыне каланіялізму і дыктатуры. У такіх месцах, як Гамбург, гэтую тэндэнцыю дэманструюць новыя грамадзянскія ініцыятывы, паколькі асобныя супольнасці імкнуцца змяніць грамадскую памяць з дапамогай інклюзіўнай адукацыі. Гэтыя намаганні не толькі ставяць пад сумнеў агульнапрынятыя гістарычныя погляды, але і заахвочваюць да ўдзелу ў каменарацыі, вітаюць розныя пункты гледжання для актывізацыі нацыянальных дыскусій [6, р. 65–80]. Аналізуючы памылкі мінулага і павышэнне дасведчанасці, адукацыйныя праграмы дапамагаюць фармаваць культуру памяці, якая паважае вопыт маргіналізаваных груп.

Помнікі і мемарыялы часоў Другой сусветнай вайны з’яўляюцца важнымі маркерамі калектыўнай памяці. Яны фармуюць грамадскае разуменне падзей мінулага і ўплываюць на тое, як будучыя пакаленні будуць вывучаць гісторыю. Складаная ўзаемасувязь паміж палітыкай памяці і мемарыяламі ў Германіі пасля 1990 г. наглядна дэманструецца на прыкладзе ключавых помнікаў, якія прысвечаны нацыянальнай тэматыцы. Адным з іх з’яўляецца Мемарыял забітым яўрэям Еўропы, які быў адкрыты ў 2005 г. і служыць яр-

кім напамінам пра Халакост. Створаны Пітэрам Эйзенманам, ён выклікае глыбокую эмацыйную рэакцыю сваімі строгімі, абстрактнымі бетоннымі канструкцыямі, прызванымі паказаць страту і замяшанне, з якімі сутыкнуліся ахвяры. Што тычыцца палітыкі памяці, то гэта месца выклікала мноства дыскусій пра тое, як Германія ўспамінае сваё мінулае, спраўляючыся з цяжарам сваёй гісторыі. Мемарыял служыць не толькі месцам смутку, але і ўзнімае важныя пытанні пра сувязь паміж памяццю і ідэнтычнасцю нацыі. У гэтым кантэксце яшчэ адной важнай часткай мемарыяльнага ландшафту Германіі з'яўляецца Германска-Расійскі музей у Берліне-Карлсхорсце. Месца капітуляцыі Германіі ў 1945 г. было пераўтворана ў мемарыял, які падкрэслівае як перамогу, так і паразу ў Другой сусветнай вайне. Яго значэнне выходзіць за рамкі проста ваеннай гісторыі; гэта складаная сумесь нацыянальных гісторый, якія змяніліся пасля ўз'яднання краіны. Даследчыкі адзначаюць, што культурная памяць у пасляваенны час у значнай ступені фармавалася пад уплывам траўмаў і страт [7], аналагічныя пачуцці існуюць і ў Германіі, дзе пласты ўспамінаў часта ўскладняюцца супярэчлівымі апавяданнямі. Такім чынам, музей не толькі прысвечаны гістарычнай падзеі, але і адлюстроўвае дынаміку палітыкі памяці ў грамадстве.

Такія помнікі, як Мемарыял ахвярам Халакосту ў Берліне, сведчаць аб імкненні ўрада выправіць памылкі мінулага. Гэтыя збудаванні – нешта большае, чым проста Месцы памяці; яны выклікаюць дыскусіі, заахвочваюць грамадзян задумацца аб цяжкай гісторыі і грамадскіх каштоўнасцях. Засяродзіўшыся на пэўных аповедах, гэтыя помнікі ўплываюць на калектыўную памяць, ставяць пытанне аб тым, якія ўспаміны маюць найбольшае значэнне. Такім чынам, тое, як гэтыя мемарыялы спраектаваны і выкарыстоўваюцца, спрыяе агульнанацыянальнаму абмеркаванню пытанняў адказнасці, памяці і ідэнтычнасці.

Грамадскія дыскусіі пра помнікі часта становяцца сферай сутыкнення розных поглядаў на гісторыю, ідэнтычнасць і памяць. У Германіі з 1990-х гг. ідзе абмеркаванне, якія фігуры або падзеі варта ўшаноўваць. Крытыкі сцвярджаюць, што традыцыйныя помнікі звычайна падтрымліваюць афіцыйны гістарычны метанаратыў, ігнаруючы альтэрнатыўныя пункты гледжання. Напрыклад, Штолперштайн, або камень спатыкнення, створаны Гюнтэрам Дэмнігам, уяўляе сабой нетрадыцыйны спосаб камемарацыі. Гэтыя невялікія памятныя знакі, устаноўленыя ў грамадскіх месцах, заахвочваюць людзей да сутыкнення з гісторыямі тых, хто пацярпеў падчас Халакосту. Яны ставяць пад сумнеў традыцыйную практыку стварэння помнікаў, акцэнтуючы ўвагу на асабістым вопыце, а не на вялікіх гісторыях, што адлюстроўвае складаную прыроду палітыкі захавання памяці ў сучаснай Германіі [8, р.123–124].

Змены ў тым, як Германія захоўвае памяць пра сваё мінулае, сведчаць аб глабальнай тэндэнцыі выкарыстання мемарыялаў у якасці сродку прымірэння іх пераасэнсавання. Падчас працяглых грамадскіх дыскусій пра расу, каланіялізм і гісторыю такія рухі, як “Дэкаланізаваць Бісмарк”, ставяць пытанне пра статус помнікаў, прысвечаных такім постацям, як Ота фон Бісмарк.

Помнікі, пабудаваныя ў гонар імперскага поспеху, зараз старанна аналізуюцца і могуць змяняцца ў адпаведнасці з больш шырокім гістарычным кантэкстам пад уплывам сучасных сацыяльных рухаў. Попыт на помнікі, якія ўвечваюць як дасягненні, так і пакуты каланіялізму і прыгнёту, паказвае тую важную ролю, якую мемарыялы адыгрываюць у больш глыбокім поглядзе на гісторыю.

Такім чынам, палітыка памяці Германіі ў перыяд 1990–2022 гг. з’яўляецца ўнікальным і шматузроўневым прыкладам складанага ўзаемадзеяння гістарычных наратываў, культурных ідэнтычнасцяў і сацыяльнай справядлівасці, накіраваных на крытычнае асэнсаванне мінулага і ўмацаванне нацыянальнай ідэнтычнасці. Пасля аб’яднання Германія сутыкнулася з неабходнасцю інтэграцыі розных гістарычных успамінаў аб нацысцкім рэжыме і сацыялістычным мінулым ГДР у агульны культурны і палітычны кантэкст. Гэты працэс знайшоў адлюстраванне як ў дзяржаўным стымуляванні памяці аб Халакосце і нацысцкіх злачынствах, так і ў стварэнні новай інфраструктуры памяці, якая ўключае музеі і помнікі.

Ключавыя тэндэнцыі палітыкі памяці ў Германіі ўключаюць інстытуцыяналізацыю памяці пра Халакост, яе інтэграцыю ў адукацыйныя праграмы і заканадаўчыя акты. Такія меры накіраваны не толькі на захаванне памяці аб трагічных падзеях, але і на папярэджанне актаў гвалту і дыскрымінацыі. Памяць аб нацысцкіх злачынствах і сацыялістычным вопыце ГДР сталі сімвалам калектыўнай адказнасці, спрыяючы фармаванню дэмакратычных каштоўнасцяў у нямецкім грамадстве. Аднак палітыку памяці не абмінулі і канфлікты. Супрацьстаянне паміж рознымі сацыяльнымі і палітычнымі групамі прывяло да ўзмацнення дыскусій аб праве кожнага на ўласную інтэрпрэтацыю гісторыі, асабліва на фоне росту правага папулізму і павелічэння колькасці мігрантаў у краіне.

Адной з найбольш значных тэндэнцый з’яўляецца пашырэнне прасторы калектыўнай памяці ў Германіі, якая ўключае як нацыянал-сацыялістычнае мінулае, так і новыя пытанні, звязаныя з каланіяльнай гісторыяй і міграцыяй. Гэты шматузроўневый падыход сведчыць аб тым, што памяць служыць не толькі інструментам для асэнсавання мінулага, але і сродкам падтрымкі інклюзіўных дэмакратычных каштоўнасцяў, што вельмі важна ва ўмовах глабальных выклікаў і сацыяльных пераменаў.

Нямецкая палітыка памяці цягам апошніх трох дзесяцігоддзяў уяўляе сабой дынамічны працэс, накіраваны на захаванне складанай гістарычнай ідэнтычнасці і ўмацаванне нацыянальнага адзінства. Ёй уласціва адкрытае прызнанне гістарычных памылак і імкненне да справядлівасці і разнастайнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Minority Discourses in Germany since 1990* / ed. Ela Gezen, Priscilla Layne, Jonathan Skolnik. – New York : Berghahn Books, 2022. – 286 p.

2. *Bach, J.* Provenance-Centered Reckoning: A Memory Infrastructure for the Colonial Past? / J. Bach // *Berliner Blätter*. – 2024. – № 89. – P. 43–59
3. *Rothberg, M.* Lived multidirectionality: “Historikerstreit 2.0” and the politics of Holocaust memory / M. Rothberg // *Memory Studies*. – 2022. – Vol. 15(6). – P. 1316–1329.
4. *Belavusau, U.* Handbook on the Politics of Memory / U. Belavusau // *Handbook on the Politics of Memory* / ed. M. Mälksoo. – Edward Elgar, 2023. – P. 65–80.
5. *Zavadski, A.* Postsocialist, Postmigrant, and Postcolonial Dynamics in Germany’s Changing Memoryscape. Introduction / A. Zavadski, S. Macdonald, I. Hilden // *Berliner Blätter*. – 2024. – № 89. – P. 3–23.
6. *Prinzleve, J.* A decolonial turn in public memory? Hamburg and Lisbon compared / J. Prinzleve. – Lisbon, 2023. – 227 p.
7. *Tetley, P.* Contested Memories Of The First World War: The Influence Of Trauma And Loss On British Cultural Memory, 1915–1939 / P. Tetley. – Huddersfield, 2023. – 147 p.
8. *Grzeszczuk-Brendel, H.* Private memory in public space / H. Grzeszczuk-Brendel // *Acta Poloniae Historica*. – 2022. – № 126. – P. 123–142.

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Агеенка Таццяна Мікалаеўна – навуковы супрацоўнік Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Барабаш Наталля Віктараўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і славянскіх народаў БДПУ імя Максіма Танка (г. Мінск)

Баранаў Мікалай Паўлавіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Бараноўскі Андрэй Леанідавіч – галоўны бібліёграф навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (г. Мінск)

Благуш Ірына Сяргееўна – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Бурава Іна Яўгенаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі рэлігіі Віцебскай духоўнай семінарыі

Гарматны Віталь Пятровіч – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Грабянчук Ігар Васільевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Грэбенёў Яўген Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Гуцько Вольга Леанідаўна – кандыдат культуралогіі, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Здановіч Уладзімір Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Кіенка Дзмітрый Генадзьевіч – старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кіраўнік навукова-даследчай групы вайскавай гісторыі і археалогіі Беларусі «Рубон» (г. Мінск)

Козак Кузьма Іванавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ (г. Мінск)

Краўчук Вадзім Вячаслававіч – студэнт педыятрычнага факультэта Гродзенскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта

Крыварот Анатоль Аляксеевіч – кандыдат гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кузняцова-Ціманава Аляксандра Уладзіміраўна – вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар, прафесар кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Лапцева Наталля Яўгенаўна – рэктар Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Літвін Аляксей Міхайлавіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Літвіноўская Юлія Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Майбарада Дзмітрый Уладзіміравіч – кандыдат філосафскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Манцэвіч Лілія Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук (г. Брэст)

Мох Алена Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік лабараторыі гісторыка-грамадазнаўчай і сацыякультурнай адукацыі ДзУА «Акадэмія кіравання»; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу гістарычнага факультэта БДУ (г. Мінск)

Навумава Вікторыя Віктараўна – старшы выкладчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Надтачаеў Валерый Мікалаевіч – навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Паўлава Алена Якаўлеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў (г. Мінск)

Сасонкіна Валянціна Фёдораўна – вядучы правізар-інспектар арганізацыйна-фармацэўтычнага аддзела РУП «Белфармацыя», старшыня клуба гісторыі фармацыі пры Рэспубліканскім грамадскім аб’яднанні фармацэўтычных работнікаў “Фармабел”, даследчык (г. Мінск)

Сіткевіч Сяргей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных навук Гродзенскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта

Скрабіна Людміла Сямёнаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры філасофіі, гісторыі і паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту (г. Гомель)

Смальянінаў Міхаіл Мітрафанавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Тукала Сяргей Мікалаевіч – кіраўнік Гістарычнай майстэрні імя Леаніда Левіна Мінскага міжнароднага адукацыйнага цэнтра імя Яхана нэса Раў

Хісамутдзінава Равіля Рахімянаўна – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі, методыкі выкладання гісторыі і грамадазнаўства Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта (Расія)

Хісамутдзінаў Дзінар Рамаліевіч – аспірант кафедры гісторыі Расіі Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта (Расія)

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Швед Аляксандр Анатольевіч – загадчык установы аховы здароўя «Браслаўская ЦРБ», урач, даследчык (г. Браслаў)

З М Е С Т

Приветственное слово ректора университета Натальи Евгеньевны Лаптевой на открытии конференции 5 апреля 2024 г. 3

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

<i>Здановіч У. В.</i> Часопісныя рэцэнзіі на навуковыя працы па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны як гістарыяграфічная крыніца.....	4
<i>Киенко Д. Г.</i> Штурмовики в авиапропаганде выборов в Народное собрание Западной Белоруссии	12
<i>Козак К. И.</i> Военные зарубежные формирования в составе германских оккупационных органов на территории Беларуси в 1944 г.	17
<i>Литвин А. М.</i> Карательные операции против партизан и населения в период «оперативной паузы» на белорусском направлении (апрель – 23 июня 1944 г.)	22
<i>Литвиновская Ю. И., Литвиновский И. А.</i> Переписка премьер-министра Великобритании У. Черчилля с Председателем Совета Министров СССР И. Сталиным в период коренного перелома в Великой Отечественной войне	33
<i>Новікаў С. Я.</i> Вызваленне тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг. у найноўшых даследаваннях	40
<i>Паўлава А. Я.</i> Тэма Вялікай Айчыннай вайны ў творчасці заслужанага архітэктара БССР В. М. Волчака	52
<i>Кузнецова-Тимонова А. В.</i> Сельские населенные пункты, пострадавшие в период нацистской оккупации 1941–1944 гг. (на примере Могилёвской области).....	59
<i>Цымбал А. Г.</i> Напярэдадні вызвалення. Беларусь у нацысцкай акупацыйнай палітыцы ў святле дакументаў НАРБ.....	68

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ЛЮДЗІ – ПАДЗЕІ – ФАКТЫ

<i>Агеенка Т. М.</i> Дакументы БШПР як біяграфічныя крыніцы.....	75
<i>Барабаш Н. В.</i> Немецко-фашистские преступники на открытом судебном процессе в Бобруйске: арест, суд, приговор.....	79
<i>Барановский, А. Л.</i> Огненными вёрстами войны... : судьбы офицеров 16-й механизированной бригады Белорусского военного округа.....	85
<i>Бурова И. Е.</i> Финансово-экономические аспекты церковной жизни на Витебщине в годы германской оккупации (1941–1944 гг.)	96

<i>Гарматный В. П.</i> Деятельность партизанского отряда им. Г. Димитрова на Брестчине в 1942–1944 гг.	102
<i>Гребень Е. А.</i> Влияние половозрастного и территориального факторов на восприятие информантами германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг.	110
<i>Крыварот А. А.</i> Дзейнасць органаў КП(б)Б, партызанскага камандавання па стрымліванні стварэння і функцыянавання структур Арміі Краёвай на тэрыторыі Баранавіцкай і Вілейскай абласцей.	114
<i>Кулинок С. В.</i> Национальные аспекты вербовки агентуры немецкими спецслужбами в Беларуси в годы Великой Отечественной войны	121
<i>Литвиновская Ю. И., Литвиновский И. А.</i> Переписка руководителей СССР и Великобритании на завершающем этапе Великой Отечественной войны.	128
<i>Мох Е. Н.</i> Деятельность разведывательно-диверсионной спецгруппы «Стойкие» в годы Великой Отечественной войны	136
<i>Надточаев В. Н.</i> К вопросу о количестве полевых и местных комендатур на оккупированной территории Беларуси, входившей в состав 102-го тылового района группы армий «Центр» (1941–1944).	141
<i>Ситкевич С. А., Кравчук В. В.</i> Сожженные деревни на территории Каменецкого района Брестской области (1941–1944)	145
<i>Скрябина Л. С.</i> Озаричская трагедия в свете новых архивных документов и материалов.	149
<i>Сосонкина В. Ф.</i> Лагеря на территории Беларуси в 1941–1944 гг.: судьба советских военнопленных-медиков.	154
<i>Тукало С. Н.</i> Образовательные цифровые проекты Исторической мастерской имени Леонида Левина	166
<i>Хисамутдинова Р. Р.</i> Дети, пережившие фашистскую оккупацию: их жизнь и судьба (Юрий Гагарин, Виктор Порохня, Василий Лановой).	170
<i>Швед А. А.</i> Визит рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в г. Минск 14.08.1941–16.08.1941 г.	181

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ, КУЛЬТУРЫ І НАВУКІ

<i>Баранов Н. П.</i> Многополярный мир – ступень к вечному миру между народами.	194
<i>Благуш И. С.</i> Факторы и риски релокации промышленного производства: уроки Германии	201
<i>Грабянчук І. В.</i> Пачатак аднаўлення Мінска ў асвятленні рэспубліканскага друку (ліпень 1944 – травень 1945)	209
<i>Гуцько В. Л.</i> Гісторыя спадчыны Нясвіжскага замка і яго зямель: род Радзівілаў і Вітгенштэйнаў.	216

<i>Кушнярэвіч А. М., Навумава В. В.</i> Відавая гравюра Полацка ў нямецкіх “лятурых лістках”	219
<i>Майборода Д. В.</i> Актуальность идей Канта для белорусской диалогической философии.....	223
<i>Манцевич Л. Н.</i> Эволюция политики памяти во Франции: от национальных мифов к исторической ответственности	231
<i>Смольянинов М. М.</i> 76-я пехотная дивизия Русской императорской армии в годы Первой мировой войны	236
<i>Стрелец М. В.</i> Восточно-прусская операция 1914 года: ключевые аспекты современного осмысления	245
<i>Хисамутдинов Д. Р.</i> Материально-бытовые условия выпускников системы государственных трудовых резервов на предприятиях Южного Урала после окончания Великой Отечественной войны	249
<i>Цымбал А. Г.</i> Палітыка памяці ў Германіі ў 1990–2022 гг.....	252
Аўтары дакладаў і паведамленняў	260

INHALT

Begrüßungsrede der Rektorin der Universität, Natalya Ewgenjewna Laptzeva, zur Eröffnung der Konferenz am 5. April 2024	3
---	---

WEISSRUSSLAND ZU ANFANG DES GROSSENVATERLÄNDISCHEN KRIEGES: DOKUMENTARISCHE NARRATIVE UND FORSCHUNGSANSÄTZE

<i>Zdanowitsch U. W.</i> Journal rezensiert wissenschaftliche Arbeiten zur Geschichte Weißrusslands während des Großen Vaterländischen Krieges als historiographische Quelle	4
<i>Kienko D. G.</i> Luftfahrt und Propaganda: Angriffsflugzeuge in der Luftpropaganda der Wahlen zur Volksversammlung von West-Weißrussland	12
<i>Kozak K. I.</i> Ausländische Militärformationen als Teil der deutschen Besatzungsmacht auf dem Territorium Weißrusslands im Jahr 1944.....	17
<i>Litvin A. M.</i> Strafkolonien gegen Partisanen und die Bevölkerung während der „Einsatzpause“ in weißrussischer Richtung (April – 23. Juni 1944)	22
<i>Litvinovskaya Yu., Litvinovsky I. A.</i> Korrespondenz des Premierministers von Großbritannien W. Churchill mit dem Vorsitzenden des Ministerrats der UdSSR I. Stalin in der Zeit eines radikalen Bruchs im Großen Vaterländischen Krieg	33
<i>Novikau S. Ja.</i> Befreiung des Territoriums Weißrusslands 1943–1944 in der neuesten Forschung.....	40
<i>Paulawa A. Ja.</i> Thema des Großen Vaterländischen Krieges im Werk des geehrten Architekten der BSSR W. M. Woltschak	52
<i>Kuznetsova-Timonova A. V.</i> Ländliche Siedlungen, die während der Nazi-Besatzung 1941–1944 gelitten haben (am Beispiel von Region Mogilev)	59
<i>Tsymbal A. G.</i> Vor der Befreiung. Weißrussland in der Nazi-Besatzungspolitik im Lichte der NARB-Dokumente.....	68

DER GROSSE VATERLÄNDISCHE KRIEG: MENSCHEN – EREIGNISSE – FAKTEN

<i>Ageenko T. M.</i> Dokumente des BSHPR als biografische Quellen.....	75
<i>Barabash N. V.</i> Nazi-Kriegsverbrecher in einem offenen Prozess in Bobrujsk: Festnahme, Anklage, Urteil.....	79
<i>Baranousky A. L.</i> Die feurigen Meilen des Krieges...: das Schicksal der Offiziere der 16. mechanisierten Brigade der BWO.....	85
<i>Burowa I. E.</i> Finanzielle und wirtschaftliche Aspekte des Kirchenlebens in der Region Witebsk während der Jahre der deutschen Besatzung (1941–1944)	96

<i>Garmatny V. P.</i> Die Aktivitäten der Partisanenabteilung von Dimitrow in der Region Brest 1942–1944.....	102
<i>Greben E. A.</i> Der Einfluss von Geschlecht, Alter und territorialen Faktoren auf die Wahrnehmung der Informanten über die deutsche Besetzung Weißrusslands in den Jahren 1941–1944.....	110
<i>Krywarot A. A.</i> Die Aktivitäten der Organe der KP(b)Weißrusslands und des Partisanenkommandos zur Eindämmung der Schaffung und Funktionieren von Strukturen der Heimatarmee auf dem Territorium der Regionen Baranowitschi und Wilejka.....	114
<i>Kulinok S. V.</i> Nationale Aspekte der Agentenrekrutierung durch deutsche Geheimdienste in Weißrussland während des Großen Vaterländischen Krieges	121
<i>Litvinovskaya Yu. I., Litvinovsky I. A.</i> Korrespondenz zwischen den Führern der UdSSR und Großbritannien in der Endphase des Großen Vaterländischen Krieges	128
<i>Mokh E. N.</i> Aktivitäten der Aufklärungs- und Sabotage-Sondergruppe „Stoikie“ während des Großen Vaterländischen Krieges	136
<i>Nadtochaev V. N.</i> Zur Frage der Zahl der Feld- und Ortskommandanten im besetzten Gebiet Weißrusslands, das zum 102. Hinterland der Heeresgruppe „Mitte“ (1941–1944) gehörte	141
<i>Sitkevich S. A., Kravchuk V. V.</i> Verbrannte Dörfer im Bezirk Kamenez in der Region Brest.....	145
<i>Skryabina L. S.</i> Die Tragödie von Ozaritschi im Lichte neuer Archivdokumente und Materialien.....	149
<i>Sosonkina V. F.</i> Lager auf dem Territorium Weißrusslands 1941–1944: das Schicksal sowjetischer medizinischer Kriegsgefangener	154
<i>Tukalo S. N.</i> Pädagogische digitale Projekte der Historischen Werkstatt von Leonid Levin	166
<i>Khisamutdinova R. R.</i> Kinder, die die faschistische Besatzung überlebten: ihr Leben und Schicksal (Yuri Gagarin, Viktor Porokhny, Vasily Lanovoy)	170
<i>Shved A. A.</i> Besuch des SS-Reichsführers Heinrich Himmler in Minsk 14.08.1942–16.08.1942.....	181

WEISSRUSSLAND UND DEUTSCHLAND: JAHRHUNDERTE GESCHICHTE, KULTUR UND WISSENSCHAFT

<i>Baranov N. P.</i> Multipolare Welt – ein Schritt zum ewigen Frieden zwischen den Nationen.....	194
<i>Blagush I. S.</i> Faktoren und Risiken der Verlagerung der Industrieproduktion: Lehren aus Deutschland	201

<i>Grabjantschuk I. V.</i> Der Beginn des Wiederaufbaus von Minsk in der Berichterstattung der republikanischen Presse (Juli 1944 – Mai 1945)	209
<i>Gutko V. L.</i> Geschichte des Erbes des Schlosses Nieswisch und seiner Gelände: Genealogie von Radziwille und Wittgensteins	216
<i>Kushnyarevich A. M., Naumova V. V.</i> Die freundliche Gravur von Polozk in den deutschen „Fliegenden Blättern“	219
<i>Mayboroda D. V.</i> Relevanz von Kants Ideen für die belarussische dialogische Philosophie	223
<i>Manzewitsch L. N.</i> Entwicklung der Erinnerungspolitik in Frankreich: von nationalen Mythen zur historischen Verantwortung	231
<i>Smolyaninov M. M.</i> Die 76. Infanteriedivision der russischen kaiserlichen Armee während des Ersten Weltkriegs	236
<i>Strelets M. V.</i> Ostpreußische Operation von 1914: Schlüsselaspekte des modernen Verständnisses	245
<i>Khisamutdinov D. R.</i> Materielle und Lebensbedingungen von Absolventen des staatlichen Arbeitsreservesystems in Unternehmen des Südurals nach dem Ende des Großen Vaterländischen Krieges	249
<i>Tsymbal A. G.</i> Erinnerungspolitik in Deutschland 1990–2022	252
Verfasser der Beiträge und Berichte	260

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 5 красавіка 2024 г.

В ы п у с к 23

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактары: *В. М. Васілеўская, К. І. Кавалёва*

Ст. карэктар *С. А. Іванова*

Праўка камп'ютарнага набору *Н. А. Шаула*

Камп'ютарная вёрстка *Н. А. Шаула*

Выдавец і паліграфічнае выкананне : установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2014 г. № 1/337.

ЛП № 38200000064344 ад 10.07.2020 г.

Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.